

А. С. ПУШКИНЪ

ПОЛНОЕ

СОБРАНИЕ ЕГО СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАНИЕ В. В. КОМАРОВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

П. А. ЕФРЕМОВА.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова, Фонтанка, д. № 74.
1887.

Бумага фабрики К. П. Печатнича.

I. Почеркъ А. С. Пушкина въ 1830 году.

Къ градоу, къ шуму и
 шуму стона въ паркѣ мажорантъ
 много въ Тагитъ мотки тюркскы
 вѣсѣ густою стеною — Немало
 трепетно въстанъ и въ мѣстѣ мѣстѣ
 ступитъ къ разбору ^{Томасъ} Мисигъ. Ваши
 Вашъ не нудитъ глѣ ваши шавы,
 но бѣда въ нудитъ глѣ Россіи
 въ нудитъ въ оръ арга — Въ
 въ арга у аргіи то въ
 нудитъ глѣ — нудитъ въ нудитъ
 нудитъ — Вильямъ Мисигъ

II. Почеркъ А. С. Пушкина въ 1820 году.

Матъ бои гуаюкъ — маюкъ гуаюкъ
 Отъ аргіи въ нудитъ аргіи
 маюкъ маюкъ аргіи аргіи
 Въ нудитъ аргіи ^{мисигъ} маюкъ ^{мисигъ} маюкъ
 Въ нудитъ аргіи ~~аргіи~~ маюкъ
 Маюкъ маюкъ маюкъ маюкъ
 Маюкъ маюкъ маюкъ маюкъ
 Въ нудитъ аргіи маюкъ аргіи

А. С. ПУШКИНЪ.

Съ гравюры Гейтмана, приложенной къ «Кавказскому
плѣннику».

Доволено цензурою. Спб., 13 января 1887 г.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Приступая къ новому изданію безсмертныхъ произведеній нашего великаго поэта, издатель имѣлъ въ виду, что одновременно съ его изданіемъ, по всей вѣроятности, должно будетъ появиться значительное число другихъ. Поэтому, ему прежде всего надобно было озаботиться, чтобы предпринимаемое имъ изданіе обратило на себя вниманіе читающей публики удовлетворительностью и полною аккуратностью своего исполненія.

Оба эти условія заключаются въ полнотѣ и вѣрности текста и на это именно и было обращено главное вниманіе издателя.

Издатель не дозволилъ себѣ ни малѣйшихъ исключеній изъ всего напечатаннаго доселѣ съ именемъ Пушкина и не сомнѣнно ему принадлежащаго, устранивъ только то, что хотя и появлялось въ печати съ именемъ великаго поэта, но впоследствии оказалось приписаннымъ ему или по недомостру, или по ошибкѣ.

Самый текстъ всѣхъ произведеній, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, тщательно сверенъ съ первоначальнымъ текстомъ, напечатаннымъ при жизни поэта и съ тѣмъ, недавно появившимися въ печати указаніями, которыя поясняютъ: что именно въ этомъ первоначальномъ текстѣ было измѣнено, при его печатаніи, помимо воли автора и въ свое время не могло явиться въ томъ видѣ, какъ самъ онъ желалъ. Для примѣра мы можемъ указать на «Бориса Годунова», котораго рукопись была представлена Пушкинымъ на надлежащее усмотрѣніе въ 1826 г., возвращена ему для исключеній и перемѣнъ, и вновь представлена имъ въ 1830 г. безъ всякихъ исключеній и перемѣнъ, которыя тѣмъ не менѣе были сдѣланы, ибо иначе пьеса не могла бы явиться въ печати. Эти исключенія и перемѣны, указанные г. Сухомлиновымъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1884 года, устранены нами и восстановленъ первоначальный текстъ, напечатанный г. Сухомлиновымъ, такъ что теперь «Борисъ Годуновъ» въ первый разъ является въ томъ именно видѣ, въ какомъ приготовилъ его къ изданію самъ Пушкинъ.

Что же касается до произведеній, явившихся въ печати уже по смерти автора и крайне небрежно, съ пропусками, ошибками и произвольными перемѣнами, напечатанныхъ въ по-

смертномъ изданіи его сочиненій и не поправленныхъ его издателями, имѣвшими доступъ къ рукописямъ Пушкина, то всё онѣ нынѣ являются въ своемъ настоящемъ видѣ, благодаря прекрасному, въ высшей степени аккуратному, осмысленному и добросовѣстному труду Б. Е. Якушкина, надъ сличеніемъ печатавшагося до нынѣ текста съ подлинными рукописями, хранящимися въ Московскомъ Музеѣ. Ни одно изъ указаній г. Якушкина въ его статьяхъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» 1884 и 1885 г., не оставлено нами безъ должнаго вниманія.

Однимъ словомъ мы увѣрены, что въ нашемъ изданіи читатель найдетъ всё доселѣ напечатанныя произведенія Пушкина, отрывки, наброски и даже мельчайшія замѣтки его, и при томъ безъ произвольныхъ измѣненій и сокращеній, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ подъ его пера.

Переписка поэта пополнена письмами, появившимися въ печати по выходѣ послѣдняго изданія его сочиненій, а равно и прежде того напечатанными въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ, но не вошедшими въ указанное изданіе.

Общую редакцію изданія, по нашей просьбѣ, принялъ П. А. Ефремовъ, редактировавшій два послѣднія изданія сочиненій Пушкина, а біографическій очеркъ составленъ П. П. Каратыгинымъ, по его статьямъ, печатавшимся въ «Русской Старинѣ», и по біографическимъ указаніямъ, послѣ того появившимся въ печати.

Къ изданію мы прилагаемъ снимокъ съ почерка и шесть портретовъ Пушкина изъ разныхъ эпохъ его возраста, начиная съ 14-ти-лѣтняго, при чемъ въ первый разъ воспроизводимъ одинъ портретъ, до сихъ поръ еще не появившійся ни въ гравюрѣ, ни въ литографіи.

Къ «Исторіи Пугачевского бунта» мы приложили изображеніе Пугачева, въ вѣрной копіи съ даннаго самимъ Пушкинымъ оригинала при первомъ изданіи этой «Исторіи».

При такой полнотѣ и обстоятельности, наше изданіе будетъ въ то же время и единственнымъ по дешевизнѣ.

В. В. Комаровъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ.

1799—1837.

Знаменитый нашъ поэтъ родился въ Москвѣ, въ день Вознесенья 26 мая 1799 года. Отецъ его, отставной маіоръ Сергѣй Львовичъ и мать—Надежда Осиповна, правнучка знаменитаго арапа Петра Великаго, Абрама Петровича Ганнибала, жили тогда близъ Нѣмецкой слободы у Яузскаго моста; по словамъ самого Пушкина на Молчановкѣ въ приходѣ Николая на Курьихъ Ножекахъ; по записи въ метрическихъ книгахъ Богоявленской церкви на Елиховѣ: въ домѣ Шварца—на углу Нѣмецкой улицы и Аптекарскаго переулка (нынѣ принадлежащемъ купцамъ Щаповымъ и Макаровымъ).

До семи лѣтъ младенецъ находился на попеченіяхъ своей матери, бабушки—Маріи Алексѣевны Ганнибалъ и няни Арины Родіоновны, которую нашъ великій поэтъ впослѣдствіи такъ трогательно воспѣвалъ. Это былъ типъ доброй, русской няни, нынѣ уже вымершій, вмѣстѣ съ типомъ русскаго дядьки. Надежда Осиповна, любившая смолоду свѣтскую жизнь со всѣми ея развлеченіями и мелочами, никогда не отличалась особенно нѣжностью къ дѣтямъ—старшей дочери Ольгѣ и сыновьямъ Александру и Льву. Бабушка выучила Александра русскому чтенію и письму и въ своихъ разсказахъ о старинѣ познакомила будущаго поэта съ эпохою царствованія Петра Великаго. Арина Родіоновна—мастерица разсказывать сказки, приправляя бойкую рѣчь пословицами и прибаутками, много способствовала развитію въ Пушкинѣ любви ко всему родному и заронила въ его умъ и сердце первыя искры поэзіи. Впослѣдствіи (именно въ 1821 году) Пушкинъ олицетворялъ себѣ музу въ обликѣ своей доброй няни:

Наперсница волшебной старины.
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ—
Тебя я зналъ во дни моей весны
Въ дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ:

Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидѣла въ шунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожала!

Впрочемъ, въ семействѣ Пушкиныхъ поэзія всегда пользовалась должнымъ уваженіемъ. Дядя поэта, Василій Львовичъ, былъ въ свое время довольно извѣстный стихотворецъ; отецъ Александра Сергѣевича, превосходно—хотя и на французскій ладъ образованный, писалъ французскіе стихи въ альбомы московскихъ барынь и барышень. Домъ Пушкиныхъ посѣщали въ Москвѣ: В. И. Дмитріевъ, Н. М. Карамзинъ, К. Н. Батюшковъ, Н. М. Сушковъ, когда Александръ вступилъ уже въ отроческій возрастъ.

До семи лѣтъ онъ ничѣмъ не проявлялъ своей африканской крови и пламеннаго темперамента. Это былъ толстый, неповоротливый и молчаливый мальчикъ, предпочитавшій всякимъ играмъ и забавамъ бесѣды съ бабушкой. Въ ребенкѣ обнаруживались только обидчивость при шуткахъ, или насмѣшкахъ надъ нимъ и колкость отвѣтовъ и возраженій по по лѣтамъ. На восьмомъ году, съ рукъ няни и бабушки, родители Пушкина сдали его на попеченія учителей иностранцевъ, безъ которыхъ у насъ, въ барскихъ домахъ, не могло тогда, какъ не можетъ и теперь, обходиться воспитаніе дѣтей. Учителями Пушкина въ отрочествѣ были попеременно: французскій эмигрантъ—графъ Монфоръ—музыкантъ и живописецъ; Руссело—поэтъ; гувернеръ Шедель; г-жа Лермъ—учительница нѣмецкаго языка; миссъ Белли—англійскаго; однофамилецъ великаго поэта Германіи—Шиллеръ—русскаго. Исторію, географію, начала ариѳметики преподавалъ дѣтямъ Пушкиныхъ священникъ Александръ Ивановичъ Бѣликовъ, извѣстный своими проповѣдями, онъ-же былъ и ихъ законоучителемъ. Къ точнымъ наукамъ Пушкинъ, какъ и всѣ поэты и художники, никогда не имѣлъ ни малѣйшаго призванія; къ языкамъ, какъ русскій человекъ, оказывалъ богатѣйшія способности и блестящіе успѣхи. Французскій языкъ изучилъ въ совершенствѣ; освоился съ итальянскимъ (знаніе котораго, впоследствии, облегчило ему изученіе латинскаго), по англійски объяснялся не совсѣмъ свободно; нѣмецкій языкъ зналъ, но не любилъ. Свѣтское образованіе Пушкина, по мнѣнію его родителей, должны были довершить посѣщенія гостиныхъ московскихъ баръ и танцевальныхъ вечеровъ Югеля.

Рано обнаружилась въ немъ страсть къ чтенію, которую онъ удовлетворялъ, пользуясь довольно богатою отцовскою библи-

ліотекою, состоявшею преимущественно изъ французскихъ книгъ. Были тутъ переводы классиковъ; Корнель, Расинъ, Мольеръ, Вольтеръ, Парни. Чтеніе въ отрочествѣ, всѣхъ безъ разбора произведеній французской словесности, было, для будущаго поэта, древомъ познанія добра и зла. Оно развило въ немъ склонность къ стихотворству, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, распалило воображеніе. Отрокъ писалъ французскіе стихи, басни, импровизировалъ цѣлыя комедіи предъ старшею сестрою; будучи десяти лѣтъ написалъ шуточную поэму «Толіада» въ шести пѣсняхъ и когда гувернеръ Шедель, прочитавъ нѣсколько строкъ, расхохотался, Пушкинъ зашалакалъ и бросилъ свою поэму въ огонь. Въ другой разъ старшая его сестра Ольга Сергѣевна освистала его импровизированную комедію «Штукаръ» (ташенпильеръ: Escamoteur), заимствованную изъ Мольера (?); юный поэтъ, не обижаясь, отвѣчалъ ей экспромтомъ:

Dis-moi pourquoi, l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière! (¹)

Съ 1806 года весну и лѣто семейство Пушкиныхъ проводило въ подмосковномъ селѣ Захаровѣ, купленномъ бабушкою Марьею Алексѣвною у генеральши Тиньковой. Въ праздничные дни Пушкины ѣздили къ обѣднѣ въ сосѣднее село князей Голицыныхъ Вязему. Церковь, построенная во времена Бориса Годунова, и заунывный гулъ ея колокола глубоко запали въ память отрока, какъ призракъ и замогильный голосъ далекой старины.

Въ 1811 году семейство Пушкиныхъ изъ Москвы переселилось въ Петербургъ и 19 октября, въ самый день открытія Царскосельскаго Лицея, двѣнадцатилѣтній Пушкинъ, въ числѣ тридцати другихъ сверстниковъ одинаковыхъ лѣтъ съ нимъ, былъ принятъ пансіонеромъ, по ходатайству А. И. Тургенева. Товарищами Пушкина были: князь А. М. Горчаковъ; бароны: А. А. Дельвигъ, М. А. Корфъ; Матюшкинъ, Яковлевъ, Корсаковъ, Данзасъ, Масловъ, В. К. Кюхельбекеръ, И. И. Пущинъ—впослѣдствіи воспитанцы Пушкинымъ въ его Лицейской Годовщинѣ (1825 года). Въ теченіе почти шестилѣтняго пребыванія Пушкина въ Лицеѣ (съ 11 октября 1811 по 10 іюня 1817 года) характеръ юноши сложился окончательно, а дарованіе поэтическое, какъ сказочный богатырь, возрастало не по днямъ, а

(¹) Эпиграмма.

Скажи зачѣмъ «Заимствователь»
Освистанъ зрителями?
Да потому, что бѣдняга авторъ
Заимствовалъ его у Мольера.

по часамъ. Учился Пушкинъ вообще довольно плохо: полагаясь на свою прекрасную память и богатѣйшія способности онъ былъ лѣнивъ, не любилъ «задалбивать» уроковъ и корпѣть надъ ними. Лоскъ первоначальнаго домашняго воспитанія, придававшій молодому Пушкину видъ офранцузившагося барчука стерли съ него насмѣшки товарищей, давшихъ ему прозвище «француза» за его страсть писать французскіе стихи. Отечественная литература была любимѣйшимъ на досугѣ занятіемъ лицеистовъ «перваго призыва»; они издавали рукописные журналы («Лицейскій мудрецъ», «Неопытное перо», «Для удовольствія и Пользы» и др.), Пушкинъ охотно примкнулъ къ этому литературному кружку и писалъ сатиры, эпиграммы, стихотворенія шуточныя: на учителей, жителей и жителейницъ Царскаго села; эротическія и даже не совсѣмъ благопристойныя. Духъ оппозиціи проявлялъ онъ въ Лицеѣ крайне своеобразно; начальства даже въ лицѣ добраго, благороднѣйшаго директора Лицея—Егора Антоновича Энгельгардта, онъ не любилъ и никогда не сходилъ съ нимъ интимно; не посѣщалъ его семейныхъ вечеровъ, не почтилъ его первыми аккордами конопешской своей лиры. Несравненно сердечнѣе относились къ Энгельгардту друзья Пушкина: баронъ Дельвигъ и Кюхельбекеръ. За послѣдніе два года пребыванія въ Лицеѣ, Пушкинъ, уже не дитя, но коноша въ полномъ разцвѣтѣ ума; пылкаго, страстнаго сердца, впечатлительный; способный увлекаться минутою; отзывчивый на всякое событіе въ окружающей средѣ и въ обществѣ, не могъ быть равнодушнымъ свидѣтелемъ крутаго переворота въ характерѣ царствованія Александра Благословеннаго, происшедшаго именно съ 1815 года. Мрачный мистицизмъ въ религіозно-нравственномъ направленіи, репрессивныя мѣры противъ ученыхъ и писателей, суровая «аракчеевщина» въ сферѣ военной, фельдфебельщина—примѣненная къ воспитанію коношества—всему этому не могъ сочувствовать коноша Пушкинъ. Онъ, при поступленіи въ Лицей боготворившій Александра, такъ вѣрно охарактеризовавшій его именемъ «Агамемнона Европы»—разочаровался въ покорителѣ Наполеона и чувства прежней любви замѣнилъ иными—не менѣе пылкими. Таковы были съ 1815 года отношенія большинства интеллигентнаго русскаго общества къ высшей власти. Равнодушная, со своей стороны, къ ропоту людей обыкновенныхъ, не умѣющихъ владѣть перомъ, она — быть можетъ и со справедливою подозрительностью, относилась къ писателямъ, тѣмъ болѣе молодымъ и талантливымъ. Первые стихи Пушкина, написанные имъ въ Лицеѣ: «Къ другу стихотворцу» были напечатаны въ 13 номерѣ «Вѣстника Европы» на 1814 года; въ слѣдующемъ 1815, на публичномъ экзаменѣ Пушкинъ, въ присутствіи Державина читалъ свое «Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ» и маститый бардъ Екатерины преклонился предъ поэтомъ-коношею.

«Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ и въ гробъ сходя благословилъ!»

Карамзинъ и Жуковский, признавая задатки высокаго таланта въ шестнадцати-лѣтнемъ лицеистѣ, радушно поощряли его дарованіе; Жуковский отдавалъ ему на судъ свои стихотворенія; Гнѣдичъ осыпалъ похвалами... По силѣ и мощи дарованія поэтъ-юноша напоминалъ Геркулеса въ колыбели. Такой гениальный писатель могъ со временемъ, конечно, быть вожакомъ, оракуломъ общественнаго мнѣнія, но отнюдь не его отѣнкомъ. Могъ ли этотъ гений воспѣвать Аракчеева, преклоняться предъ Магницкимъ, умиляться благочестіемъ архимандрита Фотія, или увлекаться мистическими бреднями баронессы Крюденеръ? А это были темныя силы, работавшія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ 1815—1825 г.г.

10 іюня 1817 года Пушкинъ окончилъ курсъ въ Лицеѣ и выпущенный изъ него девятнадцатымъ ученикомъ съ чиномъ коллежскаго секретаря, поступилъ на службу въ Иностранную коллегію. Тогда-то, съ 1817 по 1820 годъ, великій поэтъ, со всѣмъ пыломъ юности, всецѣло предался жизни свѣтской, удѣляя досуги отъ всякаго рода развлеченій—своей прелестной музѣ. Именитѣйшіе писатели Александровскаго вѣка приняли молодого человѣка въ свой кружокъ, какъ равную имъ знаменитость, то были: Н. М. Карамзинъ, В. А. Жуковский, И. А. Крыловъ, Н. И. Гнѣдичъ, А. И. Тургеневъ, А. Н. Оленинъ, Ѳ. Н. Глинка, Н. Н. Раевскій. Члены литературнаго общества «Арзамасъ» включили Пушкина въ число своихъ избранныхъ, давъ ему прозвище: «Сверчокъ». Нѣкоторые изъ старыхъ писателей побаивались Пушкина: они знали, что въ колчанѣ юнаго Аполлона есть мѣткія стрѣлы эпиграммъ, которыми онъ можетъ уязвить и больно и глубоко. Высоко и справедливо цѣня прекрасное, Пушкинъ всегда былъ безпощаденъ ко всему безобразному и фальшивому; то, что онъ воспѣвалъ вчера, онъ осмѣивалъ сегодня, если находилъ въ немъ что-либо смѣшное. Большинство поэтовъ всего земнаго шара—были лицемеры; этого упрека нельзя сдѣлать Пушкину, не смотря на кажущееся въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ двуличіе. Онъ всегда: «честно ненавидѣлъ и искренно любилъ». Отъ литературы къ театру—рукой подать. Пушкинъ съ юныхъ лѣтъ былъ страстнымъ театраломъ, хотя въ то время царилъ на сценѣ классицизмъ, котораго онъ вообще не любилъ, однако уважалъ, по традиціямъ старины.

Переходя отъ умственной дѣятельности Пушкина къ его развлеченіямъ, мы, по долгу біографа, не можемъ отрѣшиться отъ грустнаго чувства, при видѣ тѣхъ кружковъ, въ которыхъ онъ вращался. Домъ Н. В. Всеволожскаго былъ любимѣйшимъ пристанищемъ юнаго поэта. Здѣсь главными элементами веселья и разгула были женщины, карты и вино. Всеволожскій слишкомъ любилъ и уважалъ Пушкина, чтобы допустить его играть въ своемъ домѣ роль забавника-прихлебателя; но положеніе Пушкина въ разгульной компаніи Всеволожскаго было

незавидное. Скупость и скарედность Сергѣя Львовича Пушкина заставляли его сына играть некрасивую роль въ домѣ богача барина. Широкой, размашистой натурѣ Пушкина нужны были средства побольше тѣхъ, которыми располагалъ его родитель, хотя и бывшій комиссаріатскій чиновникъ 7-го класса. Да говоря по правдѣ, трудно было и напасть на этого расточителя.

Въ 1818 году Пушкинъ читалъ у Жуковского первыя пѣсни поэмы «Русланъ и Людмила», начатой имъ еще въ Лицеѣ и напечатанной въ 1820 году, когда Пушкинъ былъ уже высланъ изъ Петербурга. Виновиномъ этой высылки былъ самъ Пушкинъ и тѣ отношенія, въ которыя онъ себя поставилъ къ правительству. Въ множествѣ списковъ расходились по городу сатиры и эпиграммы Пушкина на разныхъ «особъ»; между таковыми, по его собственному признанію, были произведенія и неизвѣстныхъ, дрянненькихъ стихоплетовъ, выдававшихъ ихъ за сочиненія Пушкина. Явилась наконецъ во множествѣ копій рукописная поэма, подраженіе Парнѣ — гнуснаго, безбожнаго содержанія. Не произносимъ ея имени изъ уваженія къ памяти безсмертнаго поэта. Въ послѣдствіи онъ горько раскаявался въ ней, какъ въ тяжкомъ грѣхѣ юности. Эта поэмка обратила на Пушкина зоркое вниманіе правительства. 1819—1820 гг. оставили на себѣ недобрую память политическими бурями въ Европѣ: Союзъ Добродѣтели (Tugendbund) въ Германіи, волненіе студентовъ, революціонное движеніе политической партіи «угольщиковъ» (carbonari) въ Италіи; возстанія въ Неаполѣ, Сардиніи, Испаніи, Греціи; убіеніе Августа Коцебу мангейнскимъ студентомъ Георгомъ Зандомъ (23 марта 1819 года); смерть герцога Беррійскаго (2 февраля 1820 года) отъ кинжала Лувеля — всѣ эти событія возбуждали живѣйшій интересъ въ Пушкинѣ. Не одобряя репрессивныхъ правительственныхъ мѣръ, онъ высказывалъ о нихъ свое мнѣніе во всеуслышаніе, при встрѣчномъ и поперечномъ. На масляной, 1820 года, Пушкинъ, будучи въ театрѣ, показывалъ сидѣвшимъ въ креслахъ портретъ Лувеля — убійцы герцога Беррійскаго, громогласно рассказывая подробности убіенія. Подобные комментаріи къ портрету цареубійцы не могли нравиться правительству, особенно проповѣдуемые въ публичномъ мѣстѣ. Біографы указываютъ въ числѣ свидѣтелей школьной выходки Пушкина, на нѣкоего Аркадія Гавриловича Родзянко¹. Какимъ бы то ни

¹ Загадочная и донинѣ не разгаданная личность, о которой біографы Пушкина либо умалчиваютъ, либо при ея имени ставятъ вопросительный знакъ. Не пора ли, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Пушкина, поднимать маск и съ таинственныхъ школьных и съ загадочныхъ звѣздочекъ и заглавныхъ буквъ? О г. Родзянко г-жа Кернъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Русская Ста-

было путемъ, но продѣлка Пушкина была доведена до свѣдѣнія высшей власти. Вскорѣ послѣ того, въ квартиру Пушкина, въ его отсутствіе явился знаменитый въ то время сыщикъ и шпіонъ Фогель и предлагалъ 50 руб. его дядкѣ Никитѣ, съ тѣмъ, чтобы тотъ далъ ему на время рукописныя сочиненія барина. Вѣрный дядька не согласился, а Пушкинъ узнавъ объ этомъ, сжегъ всѣ свои бумаги. Вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ потребованъ къ военному генераль-губернатору графу Милорадовичу. По совѣту Ѳ. Н. Глинка поэтъ отправился къ генераль-губернатору и предложилъ написать своеручно всѣ свои нецензурные стихи, которые навлекли на него гнѣвъ правитель-ства. Тронутый этимъ чистосердечіемъ, графъ отъ высочайшаго имени объявилъ Пушкину прощеніе. «Не рано ли?» возразилъ государь — «но ужъ коли такъ», прибавилъ онъ — «то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина въ дорогу, выдать ему прогоны и съ соотвѣтствующимъ чиномъ и съ соблюденіемъ возможной благовидности отправить его на службу, на югъ!»

Смягченію участи опальнаго поэта много способствовали, кромѣ графа Милорадовича—Е. А. Энгельгардтъ, П. Я. Чаадаевъ, Н. М. Карамзинъ, Н. И. Гнѣдичъ и А. Н. Оленинъ. Первоначальнымъ намѣреніемъ императора Александра было сослать Пушкина, за вредный образъ мыслей, въ Сибирь, или на Соловки, о чемъ государь и сообщилъ Энгельгардту, на что тотъ отвѣчалъ.

— Воля вашего величества; но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшаго моего воспитанника. Въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ уже теперь краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодаго человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше, государь, лучше вразумитъ его.

рина, изд. 1879 г. Томъ XXVI, стр. 318), по институтски восклицаетъ: «милый поэтъ, умный, любезный и весьма симпатичный человѣкъ». Пушкинъ дружилъ съ нимъ, размѣнивался стихами. Онъ же въ своемъ письмѣ къ А. А. Бестужеву (въ 1823 году) писалъ по поводу какой-то сатиры: «я увѣренъ, что тѣ, которые приписываютъ ее Арк. Родзянкѣ, ошибаются: онъ человѣкъ благородныхъ правилъ и не станетъ воскрешать времена слова и дѣла. Доносъ на человѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бышенства и подлости, да и стихи сами по себѣ, недостойны пѣвца сократической любви» (Пушкинъ въ южной Россіи, монографія П. В. Анненкова. Русскій Архивъ 1866 года, стр. 1210). Къ этому сдѣлана выноска: «то, что о немъ здѣсь говорится, требуетъ поясненія, котораго мы дать не можемъ». Придетъ же когда нибудь время и объясненіе будетъ дано потомству.

Карамзинъ взялъ на себя ходатайство о смягченіи участи молодого поэта съ тѣмъ, чтобы онъ въ теченіе хоть бы одного года не писалъ ничего противнаго правительству. Кромѣ Карамзина, Чаадаевъ просилъ о предствательствѣ за Пушкина у государя и князя Васильчикова... Сравнительно съ первоначальнымъ наказаніемъ, которое готовилось Пушкину, его высылка на югъ Россіи могла назваться милостію. До Царскаго Села изгнанника провожали его лицейскіе товарищи баронъ Дельвигъ и М. Л. Яковлевъ. Изъ Петербурга выѣхалъ онъ въ день Вознесенія 6 мая 1820 года и къ 17 числу былъ въ Екатеринославль, куда изъ министерства иностранныхъ дѣлъ былъ переведенъ на службу въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ южнаго края И. Н. Инзова.

Вскорѣ по прибытіи въ Екатеринославль, Пушкинъ заболѣлъ лихорадкою и Богъ вѣсть чѣмъ окончилось бы его леченіе, если бы онъ не встрѣтился съ семействомъ генерала Раевского, принявшаго въ немъ самое родственное, сердечное участіе. Раевскіе пригласили Пушкина ѣхать съ ними на Кавказъ. оттуда на южный берегъ Крыма. Красоты дивной природы этихъ обѣихъ странъ, собесѣдничество съ сыновьями и дочерьми Раевского, доставили поэту много прекрасныхъ, вдохновенныхъ минутъ, ознаменованныхъ нѣсколькими прелестными антологическими стихотвореніями. Въ имѣніи Раевскихъ «Каменка» (Кіевской губерніи) онъ дописалъ свою поэму: «Кавказскій плѣнникъ;» въ Кишиневѣ, куда онъ послѣдовалъ за генераломъ Инзовымъ, были написаны: «Бахчисарайскій фонтанъ» и «Братья разбойники;» тамъ же въ Бессарабіи Пушкинъ началъ «Евгенія Онѣгина.»

Образъ жизни поэта въ Бессарабіи былъ въ высшей степени безтолковъ, разсѣянъ и разгуленъ—до безобразія; онъ велъ себя, предаваясь порывамъ нѣжныхъ своихъ страстей, именно такъ, какъ всего менѣе желало правительство, предполагавшее, что ссылка его укротитъ и образумитъ. Вино, карточная игра, влोकитсво за кокетливыми и весьма уступчивыми молдованками, гречанками, итальянками, еврейками и цыганками; задорныя столкновенія съ шуллерами и бреттерами; кочеванье съ цыганскимъ таборомъ, наконецъ—двѣ дуэли, благополучно, впрочемъ, окончившіяся—таковы были проявленія широкой размашистой натуры молодого изгнанника, доставлявшія не мало хлопотъ ближайшему его начальнику Инзову. Такъ платилъ дань своей молодости гениальный поэтъ, произведеніями котораго уже восхищалась вся Россія! Въ іюлѣ 1823 года Пушкинъ переселился въ Одессу, на службу къ новому своему начальнику графу Михаилу Семеновичу Воронцову. Осенью того-же года Пушкинъ прилежно занялся своимъ «Онѣгинымъ» и написалъ три первыя главы этого романа; но не суждено ему было продолжать служебной своей карьеры при графѣ Воронцовѣ. Поэтъ всего менѣе былъ чиновникъ, особенно такой,

какіе тогда требовались, типъ которыхъ находимъ въ «Молчалинѣ» Грибоѣдова. Подчиненность была невыносима Пушкину, а въ новомъ своемъ начальникъ онъ видѣлъ не сановника и не благодѣтеля Новороссійскаго края, а только человѣка. Подъ вліяніемъ досады Пушкинъ, вообще, по прежнему невоздержный на языкъ, написалъ эпиграмму: «полу-милордъ, полу-купецъ» и т. д. въ которой не трудно было отгадать то лицо, на которое она была написана. Не задолго до того, въ Петербургѣ, Пушкина скомпрометировало письмо къ одному изъ друзей, въ которомъ онъ коношески-хвастливо сознавался въ своемъ атеизмѣ. Графъ Воронцовъ отъ 28 марта 1824 года писалъ графу Нессельроде, что для пользы самого Пушкина его надобно удалить изъ Одессы въ какую нибудь другую губернію, но отнюдь не опять въ Кишиневъ, гдѣ, по словамъ графа, «онъ найдетъ въ молодыхъ боярахъ и молодыхъ грекахъ скверное общество.» По докладѣ графа Нессельроде императору Александру, государь повелѣлъ отослать Пушкина въ родовое имѣніе его родителей село Михайловское (Псковской губерніи), гдѣ и отдать подъ надзоръ губернатора, предводителя дворянства и архимандрита сосѣдняго Святогорскаго монастыря. Самъ графъ Воронцовъ начерталъ маршрутъ Пушкину, выѣхавшему изъ Одессы 30 іюля 1824 года. Его обязали подпискою никуда не заѣзжать, ѣхать чрезъ Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ, Витебскъ. Въ дорогѣ Пушкинъ пробылъ не болѣе десяти дней.

Семейство отца онъ еще засталъ въ Михайловскомъ. Искренно обрадовались его пріѣзду—сестра, братъ и добрая няня Арина Родіонова; мать, послѣ четырехлѣтней разлуки, отнеслась къ возвращенію сына съ обычнымъ равнодушіемъ, отецъ осыпалъ упреками, колкостями и когда выведенный изъ терпѣнія поэтъ захотѣлъ высказаться ему, нѣжный родитель выбѣжалъ изъ комнаты съ крикомъ, что сынъ его бѣтъ!

Александръ Сергѣевичъ въ отчаяніи отписалъ Жуковскому объ этихъ семейныхъ неудовольствіяхъ, прося его укрыть отъ отца хоть бы въ стѣнахъ крѣпости или въ кельѣ Соловецкаго монастыря. За геніальнаго поэта ходатайствовала предъ Жуковскимъ и сосѣдка Пушкиныхъ, владѣтельница села Тригорскаго Прасковья Александровна Осипова.

Семейство этой почтенной дамы состояло изъ сына и двухъ дочерей отъ перваго брака (съ г. Вульфомъ) и трехъ дочерей отъ втораго. Въ Тригорскомъ жили онъ круглый годъ, у нихъ же гашивалъ товарищъ Вульфа по университету молодой поэтъ Н. М. Языковъ. Въ исходѣ октября 1824 года Пушкины уѣхали въ Петербургъ и Александръ Сергѣевичъ остался въ Михайловскомъ, вдвоемъ со своею нянею Ариною Родіоновною. Впрочемъ, дома онъ почти не жилъ, а цѣлые дни проводилъ въ Тригорскомъ. Послѣ кишиневскихъ разгуловъ, веселая жизнь въ Тригорскомъ, не смотря на ухаживанья за барышнями, интригу

съ ихъ кузиной Анной Петровной Кернъ, въ которую Пушкинъ, былъ не шутя, страстно влюбленъ; не смотря на кутежи съ Вульфомъ и Языковымъ—эта жизнь могла назваться скромною. Развлеченіе не отрывало Пушкина отъ работы; напротивъ: сельское уединеніе и печальная осенняя пора, всегда вдохновляли поэта и въ двухъ-лѣтній періодъ времени пребыванія своего въ Михайловскомъ, Пушкинъ написалъ IV, V и VI главы Евгенія Онѣгина, окончательно отдѣлалъ Цыганъ; началъ и окончилъ Бориса Годунова; въ два утра, шутя написалъ «Графа Нулина». Здѣсь, въ Михайловскомъ, Пушкинъ окончательно отрѣшился отъ прежней страсти подражать Байрону и сдѣлался тѣмъ, къ чему былъ призванъ—русскимъ, самобытнымъ поэтомъ. «Знаешь ли мои занятія?» писалъ онъ брату осенью 1824 года. — «До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ; вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма». Въ 1825 году, вскорѣ по окончаніи Бориса Годунова онъ, въ другомъ письмѣ, какъ бы высказалъ всю авторскую исповѣдь... «хотя я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху, или неудачѣ моихъ сочиненій, но, признаюсь, неудача «Бориса Годунова»» будетъ мнѣ чувствительна. Писанная мною въ строгомъ уединеніи вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій постоянного труда—трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія; наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ — мнѣніемъ которыхъ дорожу...» «Я пишу—и, вмѣстѣ, думаю. Большая часть сценъ требовала только обсужденія. Когда приходилъ я къ сценѣ, требовавшей уже вдохновенія, я—или пережидалъ, или, просто пересказывалъ черезъ нее. Этотъ способъ работать для меня совершенно новъ. Я знаю, что силы мои развились совершенно и чувствую, что могу творить!»

Въ первыхъ числахъ января 1825 года Пушкина въ Михайловскомъ посѣтилъ бывший его однокашникъ Иванъ Ивановичъ Пущинъ. До трехъ часовъ ночи бесѣдовали они о литературѣ, читали «Горе отъ ума»; Пушкинъ диктовалъ отрывки изъ своихъ Цыганъ, предназначая ихъ для «Полярной Звѣзды» Рылѣева.... Мѣсяца черезъ два къ Пушкину пріѣхалъ другой его товарищъ, нѣжно имъ любимый баронъ А. А. Дельвигъ.... Лѣто 1825 года промелькнуло для поэта непримѣтно въ ухаживаньи за А. П. Кернъ.... Въ первыхъ числахъ декабря въ Михайловскомъ получена была вѣсть о кончинѣ императора Александра I, къ которой Пушкинъ отнесся безъ всякихъ притворныхъ, напускныхъ сѣтованій: «отъ новаго царствованія (Константина Павловича) «я ожидаю много хорошаго....» писалъ онъ Катенину отъ 4 декабря. «Говорятъ ты написалъ стихи на смерть Александра I (писалъ онъ Жуковскому). «Предметъ богатый!

Но, въ теченіе десяти лѣтъ его царствованія лира твоя молчала: это лучшій упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣлъ права: голосъ лиры—гласъ народа; слѣдственно я не совсѣмъ былъ виноватъ, подсыпывая ему до самаго гроба».

Извѣстіе о мятежѣ 14 декабря привезъ въ Тригорское поваръ г-жи Осиповой, Арсеній, ѣздившій въ Петербургъ за покупками. Пушкинъ, по обыкновенію, былъ у Осиповыхъ. При разсказѣ повара, онъ поблѣднѣлъ; весь вечеръ былъ угрюмъ и задумчивъ. При разговорѣ о возстаніи упомянулъ о какомъ-то тайномъ обществѣ—затѣмъ, поспѣшилъ къ себѣ въ Михайловское. Онъ былъ одинаково близокъ къ обществамъ и «южныхъ» и «сѣверныхъ славянъ.» М. Ѳ. Орловъ, Раевскіе были съ нимъ дружны въ бытность его на югѣ Россіи; онъ гостилъ въ Каменѣ—центральномъ сборномъ пунктѣ партіи Пестеля и Муравьевыхъ. Изъ членовъ сѣвернаго общества друзьями Пушкина и его брата были: К. Ѳ. Рылѣевъ, братья Бестужевы, И. И. Пущинъ, В. К. Кюхельбекеръ.... Опасаясь не замѣшанъ ли въ заговорѣ младшій его братъ, Александръ Сергѣевичъ на слѣдующее же утро, бравирюя присмотръ, подъ которымъ находился, рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ.... Выѣхалъ: но встрѣча со священникомъ и три зайца, перебѣжавшіе ему дорогу, побудили Пушкина вернуться. Суевѣріе спасло великаго поэта!

Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ тому, что атеизмъ Пушкина былъ напускнымъ — служить его суевѣріе. Безбожникъ никогда не можетъ быть суевѣромъ, ибо суевѣріе—тотъ же мистицизмъ, а мистицизмъ—грань вѣры. Какъ игрокъ, Пушкинъ вѣрилъ въ легкую и тяжелую руку, въ таковыя же дни, въ гаданье картами, въ сны; носилъ въ кошелькѣ старинную копѣйку; не разставался съ перстнемъ — талисманомъ. День Вознесенія особенно чтить, сознаваясь, что съ самаго рожденія этотъ праздникъ всегда имѣлъ таинственную связь съ важнѣйшими событіями его жизни. Нѣмка, гадалка въ карты, какая-то г-жа Кирхгофъ, предсказала ему въ 1817 году, что онъ погибнетъ отъ руки «бѣлаго, или бѣлокураго мужчины»—и двадцать лѣтъ Пушкинъ помнилъ это предсказаніе—къ несчастію оправдавшееся.

Весною 1826 года онъ намѣревался формально проситься въ Петербургъ изъ своего заточенія, но разрѣшенія не получить, а въ концѣ лѣта за нимъ въ Михайловское прискакалъ фельдъегерь и, по высочайшему повелѣнію, повезъ его прямо къ Императору Николаю Павловичу. Пушкинъ писалъ П. А. Осиповой о свиданіи своемъ съ государемъ: «императоръ принялъ меня любезнѣйшимъ образомъ»; изустно же онъ самъ (по воспоминаніямъ А. Г. Хомутовой) передавалъ слѣдующія подробности:

— Фельдъегерь подхватилъ меня изъ моего насильственного уединенія и на почтовыхъ привезъ въ Москву, прямо въ

Кремль и, всего покрытаго грязью, меня ввели въ кабинетъ государя, который сказалъ мнѣ:

— Здравствуй, Пушкинъ! Доволенъ ли ты своимъ возвращеніемъ?

— Я отвѣчалъ, какъ слѣдовало. Государь долго говорилъ со мною; потомъ спросилъ:

— Пушкинъ, принялъ ли бы ты участіе въ 14 декабрѣ, если бы былъ въ Петербургѣ?

— Непремѣнно, государь: всѣ друзья мои были въ заговорѣ и я не могъ бы не участвовать въ немъ. Одно лишь отсутствіе мое спасло меня и за это я благодарю Бога.

— Довольно ты подурачился — возразилъ императоръ — надѣюсь, теперь будешь разсудителенъ и мы болѣе ссориться не будемъ. Все, что ты сочинишь, присылай ко мнѣ: отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ.»

Этой чести удостоился изъ нашихъ писателей Пушкинъ. — первый, послѣ Карамзина. Въ тотъ же вечеръ на балу у французскаго посланника, маршала Мармона, государь сказалъ графу Д. Н. Блудову. «Знаешь ли ты, что сегодня я говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи? Съ Пушкинымъ.»

Къ несчастію посредникомъ между великимъ поэтомъ и государемъ, оцѣнившимъ его по достоинству, быть шефъ жандармовъ, генераль-адъютантъ (впослѣдствіи графъ) А. Х. Бенкендорфъ. На первый же случай, этотъ опекунъ, въ письмѣ отъ 22 ноября того же 1826 года, намекнулъ Пушкину (впрочемъ весьма мягко и деликатно), что-бы онъ не читалъ въ кругу знакомыхъ своихъ произведеній, еще не представленныхъ на одобреніе державнаго цензора. Письмо это было слѣдствіемъ чтенія Пушкинымъ «Бориса Годунова» въ тѣсномъ кружкѣ московскихъ литераторовъ. Поэтъ, письмомъ же, почтительнѣйше просилъ извинить его за эту оплошность и препроводилъ рукопись своей трагедіи въ III Отдѣленіе. Увѣдомляя автора о полученіи, Бенкендорфъ, къ слову, просилъ Пушкина присылать и мелкія всѣ стихотворенія. Поэтъ повиновался; но шефъ жандармовъ, какъ видно, вопреки обѣщанію государя, присвоилъ себѣ роль цензора: присланныя ему Пушкинымъ въ 1828 году: «Пѣсни о Сенькѣ Разинѣ» онъ, какъ можно предполагать, уничтожилъ, не повергая ихъ на высочайшее усмотрѣніе. Если Императоръ поступилъ съ Пушкинымъ, какъ отецъ съ сыномъ, то Бенкендорфъ, въ своихъ отношеніяхъ къ поэту всегда напоминалъ злую няньку. «Умнѣйшій человѣкъ въ Россіи» (какъ аттестовалъ Пушкина Императоръ Николай) не могъ не тяготиться тайнымъ (для другихъ, но не для него) надзоромъ, постоянными предостереженіями, намеками и т. п. Это было ему несносно и Пушкинъ до 1829 года, велъ какой-то странный, скитальческій образъ жизни. Въ Москвѣ прожилъ онъ съ исхода декабря 1826 до мая 1827 года, зиму 1827—28 г.г. проводилъ попеременно, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, гдѣ

сошелся съ Мицкевичемъ. Они полюбили другъ друга, какъ братья по оружію; но дружба между русскимъ и полякомъ всегда требуетъ уступокъ, или жертвъ, съ той, или другой стороны. Уступчивость одного другому требуетъ, въ свою очередь, нѣкоторой дозы подлости. Русскій, унижающій русскихъ въ угоду поляку, гнусенъ, точно такъ же, какъ полякъ, позорящій своихъ земляковъ въ угоду русскому. Пушкинъ, лучше чѣмъ кто либо другой, понималъ эти условія. Съ Мицкевичемъ онъ былъ любезенъ, почтителенъ, какъ со старшимъ братомъ, но особеннаго, горячаго сочувствія Польшѣ не выказывалъ. Въ разговорахъ съ великимъ польскимъ поэтомъ избѣгалъ щекотливыхъ вопросовъ о 1772, 1794, 1815 годахъ. Онъ полюбилъ Мицкевича (и тотъ Пушкина также) какъ человѣка, отдѣляя отъ него національность. При сближеніи русскаго съ полякомъ, точно также нелѣпо и безтактно было бы трогать политическіе вопросы, какъ при знакомствѣ съ евреемъ — вопросъ религіозный. Чувства Пушкина къ Мицкевичу чистосердечно высказаны въ стихотвореніи. «Онъ между нами жилъ...»

Въ теченіе осени и зимы 1827—1828 г.г. Пушкинъ, испытывая свои силы въ произведеніяхъ прозаическихъ, написалъ первую часть исторической своей повѣсти: «Арапъ Петра Великаго», потомъ, опять обращаясь къ поэзіи, осенью 1828 года написалъ «Полтаву» и нѣсколько строфъ послѣднихъ главъ «Онѣгина». Въ самомъ началѣ турецкой кампаніи, томимый жаждою сильныхъ и новыхъ ощущеній онъ просилъ командировки къ главной квартирѣ: въ этомъ ему было отказано. Въ началѣ 1829 года снова появился въ Петербургѣ, и хлопоталъ объ изданіи «Бориса Годунова», но въ мартѣ мѣсяцѣ, бросивъ все, отправился на Кавказъ, гдѣ былъ свидѣтелемъ подвиговъ арміи Паскевича и взятія Арзрума. Плодами этого путешествія были путевыя записки и нѣсколько стихотвореній. Въ ноябрѣ онъ возвратился въ нижегородское имѣніе своего отца—Болдино.

Достигнувъ тридцати-лѣтняго возраста Пушкинъ, ни мало не остывая сердцемъ, но волей-неволей приобрѣтая практическій взглядъ на жизнь, отступился отъ многихъ убѣжденій, за которыя такъ горячо стоялъ въ юности. Бывшій тогда врагъ супружества, теперь задумался о прелестяхъ семейной жизни, на которую смотрѣлъ, какъ на тихую пристань отъ тревожащей страстей и волочитствъ, всегда влекущихъ за собою разочарованіе, а весьма часто и омерзѣніе. Мысль о женитьбѣ зашла въ сердце поэта еще въ бытность его въ Москвѣ, въ 1828 году, когда онъ впервые встрѣтилъ на балу шестнадцати-лѣтнюю красавицу Наталью Николаевну Гончарову. Его тогдашнее намѣреніе ѣхать въ дѣйствующую армію, его поѣздку на Кавказъ въ слѣдующемъ 1829 году можно было приписать любовной тоскѣ, ищущей какого бы то ни было утоленія.

Семейство Гончаровыхъ не принадлежало къ стариннымъ,

дворянскимъ родамъ. Отецъ, владѣлецъ имѣнья «Полотнянной заводъ» и обширной писчебумажной фабрики, принадлежалъ къ категоріи помѣщиковъ-промышленниковъ. Супруга его всякой литературной славѣ предпочитала знатность и богатство; старшая ихъ дочь—типъ московской барышни, воспитанной на попеченіяхъ французской мадамъ и приходской просвирни, видѣла въ супружествѣ непрерывный рядъ баловъ, раутовъ и прочихъ свѣтскихъ развлеченій. Пушкинъ сдѣлалъ формальное предложеніе въ первый день Пасхи 1830 года (6 апрѣля), а черезъ шесть недѣль въ Вознесеніе (15 мая) была назначена помолвка, за которою послѣдовали томительные для него переговоры родителей невѣсты о денежныхъ средствахъ жениха. Отецъ Пушкина предоставилъ ему во владѣніе свое родовое село Болдино (Нижегородской губерніи), куда Пушкинъ и отправился для приведенія въ порядокъ домашнихъ своихъ дѣлъ.

Эта разлука съ невѣстою произошла при самыхъ грустныхъ обстоятельствахъ: тогда въ Низовыхъ губерніяхъ свирѣпствовала холера, приближавшаяся къ Москвѣ. Для прегражденія пути страшной эпидеміи учреждены были карантинныя, чрезъ которые обратный путь въ богоспасаемую Бѣлокаменную былъ крайне затруднителенъ. Замкнутый въ Болдинѣ, мечтая о невѣстѣ, занимаясь дѣлами по устройству имѣнія, Пушкинъ, по собственному сознанію, удѣляя время и поэзіи—«писалъ, какъ давно уже не писалъ.» Изъ Болдина онъ привезъ съ собою въ Москву послѣднюю главу Онегина, совсѣмъ готовую для печати; повѣсть написанную октавами: «Домикъ въ Коломнѣ;» драматическія сцены: «Скупой Рыцарь,» «Моцартъ и Сальери,» «Донъ Жуанъ» и «Пиръ во время чумы»—одно изъ прекраснѣйшихъ своихъ произведеній, вдохновеніе для котораго поэтъ почерпнулъ въ самомъ ужасѣ навѣянномъ на него эпидеміею. Сверхъ того, имъ были написаны, около тридцати мелкихъ стихотвореній и пять повѣстей въ прозѣ, подъ псевдонимомъ Бѣлкина.

За мѣсяцъ до свадьбы въ половинѣ января 1831 года, находясь въ Москвѣ, Пушкинъ былъ пораженъ страшною вѣстію, отравившею ему всю сладость первыхъ мѣсяцевъ супружества: умеръ его единственный другъ, его Патроклъ, обожаемый имъ Дельвигъ! Съ нимъ великій поэтъ какъ бы похоронилъ свою юность и прежнюю безпечную веселость.

Свадьба Пушкина, 18 февраля 1831 года, сопровождалась многими примѣтами, не предвѣщавшими, по народному повѣрью, счастья и долгоденствія молодымъ. Во время обряда Пушкинъ, вадѣвъ нечаянно за аналой, сронилъ съ него крестъ; при размѣнѣ колецъ одно изъ нихъ упало и покатилося по полу. «Все дурныя предзнаменованія!» (tous les mauvais augures) шепнулъ Пушкинъ, мѣняясь въ лицѣ, одному изъ присутствовавшихъ.

Новобрачные прожили въ Москвѣ до Осиной недѣли и въ концѣ апрѣля уѣхали въ Петербургъ а, затѣмъ на дачу, въ

Царское Село. Ближайшими соотѣдями Пушкиныхъ были В. А. Жуковскій и очаровательная своею любезностью А. О. Смирнова. Въ Царскомъ, не смотря на холеру, свирѣпствовавшую въ Петербургѣ, и на польскую кампанію, жилось весело, чему много способствовало присутствіе Августѣйшей фамиліи и двора. Мать и отецъ Пушкина жили въ Павловскѣ; сестра его была также замужемъ за г. Павлицевымъ, братъ находился на Кавказѣ. По прежнему Александръ Сергѣевичъ велъ переписку съ П. А. Осиповой, выдавшей дочь свою Евпраксию Николаевну Зюльфу замужъ въ томъ же году. Пушкинъ сообщалъ владѣльщикамъ Тригорскаго о печальныхъ петербургскихъ новостяхъ, о своемъ намѣреніи устроить себѣ укромный пріютъ въ соотѣдной деревнѣ Савкино и проводить тамъ, по старой памяти, лѣтніе мѣсяцы. Въ августѣ пала мятежная Варшава и Пушкинъ, впервые въ жизни, воспѣлъ славу русскаго оружія, припомнивъ и бородинскую годовщину (особенно близкую его сердцу: 26 августа 1812 года, было днемъ рожденія и ангела его жены). На дачѣ въ Царскомъ Пушкины прожили до 22 октября и по переѣздѣ въ Петербургъ заняли квартиру въ Малерной улицѣ въ домѣ Брискорнъ. Осень была всегда самою рабочею порою для Пушкина. Въ Петербургѣ онъ занялся изданіемъ альманаха «Сѣверные цвѣты» въ пользу семейства покойнаго Дельвига и, съ высочайшаго соизволенія, прилежно занимался въ государственныхъ архивахъ собираніемъ матеріаловъ для предполагаемой исторіи Петра Великаго; хлопоталъ о поступленіи своемъ на службу и былъ зачисленъ 14 ноября 1831 года по вѣдомству государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, съ жалованьемъ по пяти тысячъ рублей ассигновать годъ, по особому благоволенію Государя Императора.

Съ этого времени, по самый день несчастнаго своего поединка, Пушкинъ былъ неутомимымъ труженикомъ для жены и дѣтей. Завистники и недоброжелатели обвиняли его въ козыстолюбіи, въ алчности къ наживѣ, даже въ неблагодарности къ Государю, именно въ томъ смыслѣ, что не довольствуясь пожалованнымъ ему окладомъ, Пушкинъ слишкомъ часто прибѣгалъ къ державному своему покровителю съ просьбами о пособіяхъ. Память поэта въ оправданіяхъ не нуждается; но обвинители его не рѣшились бы на порицаніе, если бы безпристрастнѣе отнеслись къ общественному положенію Пушкина. Женитба на Гончаровой породнила его съ нѣсколькими важными фамиліями обѣихъ столицъ; посѣщеніе большого свѣта было какъ бы необходимостью для молодой жены Пушкина, красавицы и именно свѣтски образованной. Эти выѣзды были сопряжены съ немалыми расходами. Хотя простота одежды самого Пушкина нерѣдко доходила до небрежности (иные видѣли въ этомъ оригинальничанье, желаніе подражать Байрону), но онъ, любя страстно жену, не могъ не заботиться о ея нарядахъ. Несомнѣнно, что скромность въ его собственной одеждѣ

была не слѣдствіемъ оригинальничанья, а только самопожертвованіемъ съ его стороны. Замѣтимъ, что люди, для которыхъ покрой фрака, свѣжесть перчатокъ, или изящно повязанный галстухъ служатъ мѣриломъ достоинства человѣческаго, изподтишка глумились надъ Пушкинымъ; но и онъ не оставался въ долгу: пустота, фатство, мишурность свѣтскаго круга всегда вызывали съ его стороны градъ колкостей и въ стихахъ и въ прозѣ. Покойный графъ Соллогубъ въ воспоминаніяхъ своихъ о Пушкинѣ, весьма вѣрно передаетъ положеніе великаго поэта въ свѣтскомъ круту. «Главное несчастье Пушкина» (говоритъ онъ) «заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ свѣтскою жизнію, его убившею. Пушкинъ находился въ средѣ, надъ которою не могъ не чувствовать своего превосходства, а между тѣмъ, въ то же время чувствовалъ себя почти постоянно униженнымъ и по достатку и по значенію въ этой аристократической сферѣ, къ которой онъ имѣлъ какое-то неистощимое пристрастіе. Наше общество такъ устроено, что величайшій художникъ безъ чина становится въ официальномъ мірѣ ниже послѣдняго писаря. Когда при разъѣздахъ кричали: «карету Пушкина!» — Какого Пушкина? «Сочинителя...» Пушкинъ обижался, конечно не за названіе, а за то пренебреженіе, которое оказывалось къ названію. За это и онъ оказывалъ наружное будто бы пренебреженіе къ нѣкоторымъ свѣтскимъ условіямъ: не слѣдовало модѣ и ѣздить на балы въ черномъ галстухѣ, въ двубортномъ жилетѣ, съ откидными непахрашмаленными воротничками и т. п. Прочимъ же условіямъ онъ подчинялся безусловно. Жена его была красавица, украшеніе всѣхъ собраній и, слѣдовательно, предметъ зависти всѣхъ ея сверсницъ и соперницъ. Для того, чтобы приглашать ее на балы, Пушкинъ пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ¹. Пѣвецъ свободы, наряженный въ придворный мундиръ для сопутствованія женѣ красавицѣ, игралъ роль жалкую, едва ли не смѣшную. Пушкинъ былъ не Пушкинъ, а царедворецъ и шутъ. Это онъ чувствовалъ. Къ тому же свѣтская жизнь требовала значительныхъ издержекъ, на которыя у него часто не доставало средствъ. Эти средства онъ хотѣлъ пополнять игрою, но постоянно проигрывалъ, какъ всѣ люди, нуждающіеся въ выигрышѣ.»

Въ томъ же большомъ свѣтѣ Пушкинъ встрѣчалъ разныхъ особъ, кичившихся передъ нимъ знатностью своего происхожденія, хоть родъ Пушкиныхъ принадлежалъ къ одному изъ древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ. Большинство нашей знати и даже чиновныхъ особъ относилось къ Пушкину съ оскорби-

¹ И фраза неправильна и самый фактъ невѣренъ: Пушкинъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры (31 декабря 1833 года) въ награду за составленіе «Исторіи Пугачевского бунта.»

тельнымъ высокомеріемъ, видя въ немъ выскочку (un parvenu). Къ числу этихъ олигарховъ принадлежалъ и графъ С. С. Уваровъ, бывшій товарищъ Пушкина по обществу «Арзамасъ», гдѣ графъ носилъ прозвище «Старушки.»—Чего онъ важничаетъ? сказалъ какъ-то Уваровъ въ кругу приближенныхъ про Пушкина (еще за годъ до его свадьбы): «прадѣда его, арапченка Ганнибала, продали за бутылку рома!» Эту пошлую выдумку подхватилъ Булгаринъ и пустилъ ее въ ходъ... Пушкинъ отвѣчалъ оскорбителямъ стихотвореніемъ: «Моя родословная», въ которомъ указалъ на родоначальниковъ многихъ знатныхъ фамилій, бывшихъ далеко не знатнаго происхожденія.¹⁾ Самому Уварову, какъ увидимъ далѣе онъ отвѣчалъ въ послѣдствіи другими, еще того язвительнѣйшими стихами, бывшими одною изъ многихъ причинъ гибели великаго поэта. Литературные враги и завистники Пушкина радовались, глядя на неловкое его положеніе въ аристократіи. «Ничто ему,» говорили они, «зачѣмъ садится не въ свои сани». Такимъ образомъ поэтъ поставленъ былъ между двухъ огней: презрительное пренебреженіе знати съ одной стороны, ненависть и укоризны пишущей братіи—съ другой. Свѣтская жизнь очень скоро опостылѣла, опротивѣла ему; но для его жены удовольствія большаго свѣта были наущною потребностью. Пустыя, великосвѣтскія развлеченія отрывали его отъ литературныхъ и историческихъ трудовъ, или наоборотъ: послѣдніе отвлекали отъ первыхъ. Мирную тишь рабочаго кабинета часто приходилось ему мѣнять на балъную залу; онъ страдалъ невыносимо и этихъ страданій не замѣчалъ никто, даже избранная имъ подруга жизни....

Въ исходѣ 1831 года, для приведенія въ порядокъ своихъ домашнихъ дѣлъ, Пушкинъ ѣздилъ въ Москву, но къ новому 1832 году возвратился для продолженія своихъ историческихъ занятій, изданія послѣдней главы «Евгенія Онѣгина» и предположеннаго журнала, или газеты. Осенью опять ѣздилъ въ Москву (съ 17 сентября до начала октября); зиму всецѣло посвятилъ своимъ историческимъ трудамъ: готовилъ къ печати «Исторію Пугачевского бунта.» Эти-же самые матеріалы подали ему мысль написать «Капитанскую дочку»; сверхъ того повѣсть «Дубровскій» и драматическія сцены: «Русалка» были имъ написаны въ этоже время. Раннею весною Пушкины съ малолѣтнею дочерью переѣхали на дачу, на Черную рѣчку, и здѣсь жизнь поэта ничѣмъ не отличалась отъ жизни бѣднаго чиновника-труженика. Ежедневно ходилъ онъ пѣшкомъ въ городъ, для занятій въ государственномъ архивѣ и въ бібліотекѣ Эрмитажа. Наталія Николаевна оставалась не одна: въ домѣ Пушкина жили тогда двѣ свояченицы его, и шурины, младшій братъ его жены. Сверхъ того ее развлекали посѣщенія велико-

¹ Стихотвореніе было написано въ Болдинѣ въ 1830 году.

свѣтскихъ барынь и балы на Минеральныхъ водахъ, на которые тогда собиралось самое избранное общество. 12 августа, взявъ формальный отпускъ, Пушкинъ отправился въ путешествіе по юго-восточной Россіи, чтобы ознакомиться съ мѣстами, въ которыхъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ свирѣпствовалъ Пугачевъ. Къ 28 числу ноября онъ возвратился въ Петербургъ. Во всю дорогу, по его собственному признанію, «риемы не давали ему покоя;» на обратномъ пути, заѣхавъ въ Болдино, онъ написалъ сказку: «о Рыбакѣ и Рыбкѣ» и «Петербургскую повѣсть: Мѣдный Всадникъ.» По представленіи имъ на высочайшее благоусмотрѣніе «Исторіи Пугачевского бунта» Государь приказалъ выдать автору на ея напечатаніе 20.000 рублей и 31 декабря 1833 года пожаловалъ ему званіе камер-юнкера. Однако же монаршія щедроты не могли содѣйствовать улучшенію стѣсненныхъ финансовыхъ обстоятельствъ Пушкина: его тяготили долги и залутанныя дѣла по имѣнію. Лѣтомъ 1834 года, ради ихъ устройства, онъ намѣревался выйти въ отставку, но по совѣту графа Бенкендорфа отказался отъ своего намѣренія. Писалъ ему о стѣсненномъ своемъ положеніи и просилъ о монаршей помощи. Эти житейскіе дрязги, хлопоты, заботы отвлекали Пушкина и отъ занятій, и отъ семьи и такъ провелъ онъ весь 1835 годъ; ѣздилъ въ Москву (съ 5 по 24 мая) и въ Михайловское (съ 27 августа по 15 сентября). По ходатайству графа Бенкендорфа Императоръ приказалъ предложить Пушкину 10.000 р. пособія и шестимѣсячный отпускъ. На это предложеніе Пушкинъ отвѣчалъ, что у него изъ 60.000 р. долгу, половина, «долговъ чести» (карточныхъ), для уплаты которыхъ онъ принужденъ прибѣгать къ займамъ подъ проценты, а потому онъ всепокорнѣйше проситъ выдать ему заимообразно 30.000 р. съ удержаніемъ въ уплату таковыхъ—его жалованья. Государь, соизволивъ и на эту просьбу Пушкина.

Къ постояннымъ работамъ Пушкина объ улучшеніи матеріальныхъ его средствъ, какъ-бы для пущаго его ожесточенія, примѣшались непріятныя столкновенія съ цензурою. Въ сентябрѣ Пушкинъ намѣревался напечатать второе изданіе «Анжелю» и С. С. Уваровъ потребовалъ, чтобы оно было представлено на разсмотрѣніе цензуры, подъ тѣмъ предлогомъ, что ей подлежатъ всѣ сочиненія Пушкина, не подвергнутыя имъ предварительно на Высочайшее благоусмотрѣніе. Эта кляуза глубоко огорчила и оскорбила поэта; она предвѣщала ему много затрудненій по изданію «Современника», къ которому Пушкинъ тогда приступалъ. Хотя комическія сравненія не совсѣмъ умѣстны, при рассказѣ о денежныхъ затрудненіяхъ Пушкина, но дѣла его напоминали тогда басню Крылова «Тришкинъ кафтанъ»: бѣдному поэту приходилось отрывать часть дохода, чтобы уплачивать долги; на прожитіе неизбѣжно было прибѣгать къ новымъ займамъ, или изыскивать новые источники

доходовъ. Однимъ изъ таковыхъ было изданіе «Современника». Оно вогнало Пушкина въ новые долги и затраты послѣднихъ крохъ. При такихъ условіяхъ встрѣтилъ онъ новый 1836 годъ, въ теченіе котораго тайная злоба враговъ Пушкина, принадлежавшихъ къ высшему классу общества, достигла своей ужасной цѣли. Въ гнусной интригѣ противъ великаго поэта, кромѣ С. С. Уварова, участвовали княгиня Б** и графъ Б**⁴). Пушкинъ, негодуя на Уварова, написалъ яко-бы подражаніе Горацию: «оду на выздоровленіе Лукулла» въ которой затронулъ нѣкоторыя неблаговидныя черты частной жизни министра народнаго просвѣщенія. По поводу этого пасквиля князь Н. Г. Рѣпинъ, будучи въ гостяхъ у Уварова, неблагосклонно отозвался о Пушкинѣ и этотъ отзывъ дошелъ до поэта чрезъ уваровскаго чиновника и приспѣшника г. Боголюбова. Пушкинъ, на французскомъ языкѣ, написалъ князю (5 февраля) нѣчто въ родѣ вызова, въ которомъ замѣтилъ между прочимъ:

— Лучше нежели кто другой я знаю разстояніе отдѣляющее меня отъ васъ; но вы, будучи не только знатнымъ вельможею, но еще и представителемъ нашего древняго и настоящаго дворянства, къ которому и я также принадлежу, надѣюсь, что вы поймете безъ труда всю силу необходимости, побудившей меня поступить такимъ образомъ.»

Черезъ четыре дня (9 февраля) князь написалъ отвѣтъ по-русски—«что онъ г. Боголюбову ничего на счетъ Пушкина не говорилъ» (отвѣтъ крайне уклончивый), но, намекая на оду-пасквиль, замѣтилъ, въ видѣ правоученія: «вамъ же самому, милостивый государь, скажу, что я искренно желаю, дабы вы гениальный талантъ вашъ употребляли на пользу и славу отечества, а не въ оскорбленіе частныхъ людей.»

— Не могу не сознаться, отвѣчалъ Пушкинъ въ письмѣ отъ 11 февраля,—что мнѣніе вашего сіятельства, касательно сочиненій оскорбительныхъ для чести частнаго лица, совершенно справедливо. Трудно ихъ извинить, даже когда они написаны въ минуту огорченія и слѣпой досады; какъ забава суетнаго или развращеннаго ума они были бы непростительны.»

Этотъ смиренный отвѣтъ былъ похожъ на извиненіе, или раскаяніе. «Ода на выздоровленіе Лукулла» возбудила негодованіе Государя. Графъ Бенкендорфъ (то же тайный ненавистникъ Пушкина), призвавъ его въ III отдѣленіе спросилъ, на кого написана ода?—На васъ! отвѣчалъ поэтъ. «Какъ, на меня вскричалъ графъ—»да развѣ я ворую казенныя дрова, нянчусь съ чужими ребятишками?—Слѣдовательно, графъ, въ этой

⁴ Этимъ заглавнымъ буквамъ до нынѣ нѣтъ продолженія. Исторія литературы какъ видно уважаетъ инкогнито убійцъ Пушкина : авторовъ безымянныхъ, пасквильныхъ писемъ!

одѣ узналъ себя тотъ, кто грѣшенъ и въ томъ и въ другомъ, отвѣчалъ Пушкинъ.

Въ началѣ того-же роковаго 1836 года графъ В. А. Соллогубъ, на великосвѣтскомъ балу, танцую съ Н. Н. Пушкиной, въ разговорѣ, совершенно неумышленно, сказалъ ей нѣсколько словъ, въ которыхъ она заподозрѣла намекъ, будто бы она равнодушна къ польскому дворянину Ленскому (роковое совпаденіе именъ!) Она передала эти слова Пушкину, который послалъ вызовъ графу Соллогубу, наканунѣ выѣхавшему изъ Петербурга въ Тверскую губернію, куда онъ былъ командированъ. Пушкинъ встрѣтилъ его черезъ три мѣсяца въ Москвѣ у Павла Воиновича Нащокина, который помирилъ ихъ, но Пушкинъ потребовалъ, чтобы графъ написалъ его женѣ извинительное письмо. Тотъ съ удовольствіемъ согласился и за это Пушкинъ особенно полюбилъ графа Соллогуба.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Пушкинъ получилъ цензурное разрѣшеніе къ напечатанію первой книжки «Современника». Выходъ ея (въ апрѣлѣ) совпалъ со временемъ кончины матери Пушкина, Надежды Осиповны. Въ концѣ апрѣля онъ ѣздилъ хоронить ее въ Святогорскій Успенскій монастырь и тамъ же откушилъ мѣсто на могилу для себя. Вообще съ этого времени Пушкинъ видимо тяготился жизнію и предчувствіемъ близкой смерти. Истинные поэты, по временамъ, бывають одарены духомъ пророческимъ, подобно древнимъ пиеямъ. Переѣздка на дачу (23 мая) не только не разогнала, но усилила его тоску. Пушкины жили тогда на Каменномъ островѣ и любимѣйшимъ мѣстомъ для уединенныхъ прогулокъ поэта было Новодеревенское кладбище. Вдохновенный этимъ унылымъ мѣстомъ, Пушкинъ, 14 августа, написалъ прелестную элегію:

«Когда за городомъ задумчвъ я брожу.»

Наталья Николаевна до уединенныхъ прогулокъ была не охотница; лѣто не служило ей порою отдыха отъ зимнихъ увеселеній. Она находила особенное удовольствіе посѣщать лѣтніе балы на минеральныхъ водахъ, на которыхъ ее окружалъ рой гвардейскихъ офицеровъ и великосвѣтскихъ франтовъ. Въ числѣ первыхъ особенною любезностью отличался нѣкто Жоржъ д'Антесъ, кавалергардскій офицеръ, два года тому назадъ (въ 1834) пріѣхавшій въ Петербургъ, усыновленный голландскимъ посланникомъ барономъ Геккереномъ¹ и пользовавшійся особенною благосклонностью Двора и всей нашей аристократіи, особенно дамскаго пола. Этого-то красавчика, будуарнаго героя, бездушнаго фата и выбрали аристократическіе враги Пушкина орудіемъ своего гнуснаго мщенія. Выборъ былъ уда-

¹ Оба они умерли въ преклонной старости, лѣтъ 9 или 10 тому назадъ; Геккернъ, имѣя около 100 лѣтъ отъ роду.

ченъ: изъ русскихъ, конечно ни одинъ не взялъ бы на себя подобной роли, сперва—вора, похитившаго спокойствіе великаго поэта, а затѣмъ—его убійцы.

Пушкинъ въ первый разъ встрѣтился съ д'Антесомъ въ ресторанѣ у Дюме, гдѣ обѣдалъ вмѣстѣ со своимъ лицейскимъ товарищемъ К. К. Данзасомъ, которому суждено было быть секундантомъ и при послѣдней встрѣчѣ двухъ враговъ. Французъ понравился Пушкину своимъ остроуміемъ и неподдѣльною веселостью.

Послѣ того они встрѣчались въ великосвѣтскихъ гостиницахъ, размѣнивались шутками, а иногда и колкостями. Былъ ли д'Антесь! представленъ Наталіи Николаевнѣ Пушкиной зимою 1835—1836 гг.? Это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію; но съ лѣта 1836 года въ высшемъ свѣтѣ пущена была въ ходъ сплетня о настойчивомъ ухаживаніи (*d'une cour assidue*) д'Антеса за женою Пушкина. До самой осени Александръ Сергѣевичъ, вполне увѣренный въ благородствѣ жены, не обращалъ на эти слухи никакого вниманія; этого мало: д'Антесь, разыгрывая изъ себя «рыцаря безъ страха и упрека», посѣщалъ домъ Пушкиныхъ, до тѣхъ поръ, покуда злодѣи Пушкина не прибѣгнули къ разсылкѣ безыменныхъ пасквилей къ нему самому и на имя близкихъ его знакомыхъ. Въ началѣ ноября 1836 года княгиня Васильчикова и Елисавета Михайловна Хитрово получили письма со вложеніемъ конвертовъ на имя А. С. Пушкина. Первое изъ нихъ, племянникъ Васильчиковой графъ В. А. Солдогоубъ лично доставилъ Александру Сергѣевичу.

— Я уже знаю, что это такое, отвѣчалъ онъ. Точно такое же письмо я получилъ чрезъ Е. М. Хитрово: это мерзость прогивъ жены моей. Впрочемъ, понимаете, безыменнымъ письмомъ я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера вычистить мое платье, а не мое. Жена моя—ангелъ; никакое подозрѣніе коснуться ее не можетъ...»

Ругательные дипломы, разосланные по городу, были слѣдующаго содержанія:

Les grands Croix Commandeurs et Chevaliers du sérénissime ordre des Cocus, réunis au grand chapitre, sous la présidence du vénérable grand Maître de l'ordre S. E. D. L. Nary .ine, ont nommé à l'unanimité M-r Alexandre Pouchkin coadjuteur du grand Maître de l'ordre des Cocus et Historiographe de l'ordre.

Le secrétaire perpétuel C-te B—k. ¹.

¹ Кавалеры первыхъ степеней и рыцари (кавалеры) свѣтлѣйшаго ордена Рогоносцевъ на собраніи великаго капитула, подъ предсѣдательствомъ досто-

Сочинителями пасквили называли въ послѣдствіи княгиню Б—ю (?) князей И. Гагарина и П. Долгорукова. Выводомъ къ обвиненію послѣднихъ послужило сходство почтовой бумаги, на которой писали они, съ тою на которой написаны были пасквили. Гагаринъ (послѣ того іезуитъ Ахеоланской обители) формально оправдывались⁴ и, хотя іезуитское оправданіе не заслуживаетъ большаго довѣрія, но въ этой гнусной махинаціи, очевидно, работали другія руки, которыя могли бы быть найдены въ канцеляріи какого-нибудь посланника или министра; можетъ быть даже и народнаго просвѣщенія. Злодѣи вели свою интригу до того искусно, что въ ея источники не могъ проникнуть даже и графъ Бенкендорфъ. Пушкинъ, выведенный изъ терпѣнія безымянными письмами, писалъ о нихъ графу (21 ноября), прося его содѣйствія; но шефъ жандармовъ не могъ, или не хотѣлъ доискиваться... надо полагать—по неимѣнію искусныхъ агентовъ. По этой же самой причинѣ въ день поединка Пушкина, графъ Бенкендорфъ, желая его предупредить, вмѣсто комендантской дачи, гдѣ онъ происходилъ, послалъ жандармовъ въ Екатеринбургъ.

Д'Антесу Пушкинъ отказалъ отъ своего дома. Частыя свои посѣщенія французъ оправдывалъ намѣреніемъ посвятить за сестру Пушкиной, Екатерину Николаевну. Пушкинъ удовлетворился этимъ отвѣтомъ, который, однако, не зажалъ ртовъ клеветникамъ. Свадьба Екатерины Николаевны была отложена на январь 1837 года, по двумъ, весьма уважительнымъ причинамъ: во первыхъ съ 14 ноября по 7 января у насъ, по уставу церкви постъ и свадьбы не бываетъ; а во вторыхъ женихъ былъ боленъ и весьма неприлично боленъ... Надобно же было ему вылечиться, по простонародной пословицѣ: «до свадьбы заживетъ!...»

Въ самый день отсылки жалобы къ графу Бенкендорфу, Пушкинъ на черно набросалъ письмо къ барону Геккерену; письмо—въ которомъ каждая строка была равносильна пощечинѣ. Оно лежало у него въ портфельѣ цѣлыхъ два мѣсяца. Пушкинъ приберегалъ его на черный день... Два послѣдніе мѣсяца были для него мѣсяцами тяжелой нравственной пытки! Въ декабрѣ, въ бытность графа Соллогуба въ Москвѣ, секретарь французскаго посольства виконтъ д'Аршиакъ показывалъ ему нѣсколько печатныхъ бланковъ съ шутовскими дипломами

почтеннаго гротмейстера Ордена Его Прев—ва Д. Л—ча Нар—п. единогласно нарекли г. Александра Пушкина коадьюторомъ гротмейстера и исторіографомъ Ордена.

Непремѣнный секретарь графъ Б къ.

⁴ Русскій Архивъ 1865 года, стр. 1241—1246.

на разныя нелѣпыя званія и говорилъ, что вѣнское общество цѣлую зиму забавлялось (!!) этого рода мистификаціями ¹.

Не смотря на отказъ отъ дому Пушкиныхъ, д'Антесь, пользуясь правами будущаго зятя Натальи Николаевны, встрѣчая ее въ обществѣ, былъ по прежнему любезенъ съ нею; мужу ея докучалъ письмами о примиреніи. Баронъ Геккеренъ нашептывалъ Пушкиной, что сынъ его отъ нея безъ ума. Эта паутина интригъ и ей надоѣла; она предлагала мужу уѣхать изъ Петербурга, но было уже поздно: Александръ Сергѣевичъ окончательно потерялъ терпѣніе и встрѣтивъ (20 января 1837 г.) барона Геккерена у фрейлины Загряжской (родственницы Гончаровыхъ), бросивъ ему въ лицо письмо д'Антеса, обозвалъ его «шушерой» (*grédin*). Затѣмъ, онъ послалъ къ нему перебѣленное письмо, чернякъ котораго былъ набросанъ 21 ноября... Послѣ этого дуэль была, конечно, неизбежна! Д'Антесь замѣнилъ нареченнаго своего отца.

Пушкинъ просилъ быть у него секундantomъ сначала секретаря англійскаго посольства Менгиса; потомъ К. О. Рассета: первый отказался, втораго онъ не засталъ дома; тогда, случайно встрѣтивъ съ К. К. Данзасомъ, онъ попросилъ его и тотъ охотно согласился. Секундантомъ д'Антеса-Геккерена былъ виконтъ д'Аршіакъ. Условія дуэли были слѣдующія: оружіе — пистолеты, мѣсто — на Черной рѣчкѣ, за комендантской дачей, дистанція — двадцать шаговъ, барьеръ — десять; стрѣлять по произволу; въ случаѣ промаховъ становиться вторично. Выбранный часъ былъ четвертый по полудни, почти сумерки.

Насталъ роковой день 27 января.

Условаясь съ Пушкинымъ сойтись съ нимъ въ кондитерской Вольфа, Данзасъ отправился сдѣлать нужныя приготовленія. Нанявъ парныя сани, заѣхалъ въ оружейный магазинъ Куракина за пистолетами, которые заранѣе уже были выбраны Пушкинымъ: они были совершенно схожи съ пистолетами д'Аршіака, секунданта д'Антеса. Уложивъ ихъ въ сани, Данзасъ пріѣхалъ въ кондитерскую Вольфа, гдѣ ждалъ его Пушкинъ.

Было около четырехъ часовъ по полудни.

Выпивъ стаканъ лимонаду, или воды, Пушкинъ выѣхалъ изъ кондитерской съ Данзасомъ, сѣлъ въ сани и они поѣхали къ Невѣ. На Дворцовой набережной имъ попалась на встрѣчу Наталья Николаевна, ѣхавшая въ коляскѣ, но она была близорука, не замѣтила мужа, а онъ смотрѣлъ въ другую сторону.

День былъ ясный, но дулъ довольно сильный вѣтеръ; мо-

¹ Къ чему это дѣлалъ д'Аршіакъ? Замѣтимъ, что австрійскимъ посланникомъ въ Петербургъ былъ тогда графъ Фикельмонъ, супруга котораго покровительствовала д'Антесу.

рову было градусовъ пятнадцать. Петербургское великосвѣтское общество каталось на горахъ за городомъ и многіе возвращались оттуда; встрѣчались знакомые, раскланивались съ Пушкинымъ, но никто не догадывался, куда онъ ѣдетъ. На Невѣ, онъ шутливо спросилъ Данзаса: не въ крѣпость ли тотъ его везетъ? Тотъ отвѣчалъ, что спустясь на Неву у Мраморнаго дворца, они мимо крѣпости пройдутъ на Каменно-островский проспектъ ближайшимъ путемъ.

На проспектѣ они встрѣтили ѣхавшихъ въ саняхъ офицеровъ коннаго полка Головина и князя В. Д. Голицына. Думая, что Пушкинъ съ Данзасомъ ѣздитъ на горы, князь закричалъ имъ: что вы такъ поздно ѣдете? Всѣ уже оттуда разъѣзжаются!

Неизвѣстно, какой дорогой ѣхали д'Антесъ и д'Аршіакъ. Но къ комендантской дачѣ они подѣхали въ одно время съ Пушкинымъ. Поэтъ, закутавшись въ медвѣжью шубу, былъ такъ же спокоенъ, какъ и во время пути, но съ нетерпѣніемъ ждалъ окончанія переговоровъ между секундантами. Когда Данзасъ спросилъ Пушкина, находятъ ли онъ удобнымъ выбранное ими мѣсто? Онъ отвѣчалъ по французски ¹.

— Мнѣ совершенно все равно; постарайтесь только скорѣе покончить.

Секунданты отмѣряли шаги, утоптали снѣгъ на дистанціи и отмѣтили барьеръ, бросивъ на его края свои шинели; потомъ стали заряжать пистолеты...

— Ну, что же? кончено ли? торопидъ ихъ Пушкинъ.

Все было кончено: противниковъ поставили, подали имъ пистолеты и по сигналу, который имъ далъ Данзасъ, махнувъ шляпой, они начали сходитьсь. Картина дуэли, созданная воображеніемъ Пушкина въ Евгеніи Онѣгинѣ (гл. VI, строфы 29—31) сбывалась во очію. Подойдя къ барьеру Пушкинъ началъ цѣлить; д'Антесъ, не дойдя до барьера одного шага, выстрѣлилъ. Пушкинъ падая, сказалъ:

— Кажется у меня раздроблено бедро!

Секунданты бросились къ нему, шагнулъ и д'Антесъ, но Пушкинъ, махнувъ ему рукой, сказалъ:

— Погодите... я чувствую въ себѣ еще достаточно силы, чтобы сдѣлать свой выстрѣлъ!

Д'Антесъ отошелъ къ барьеру и сталъ бокомъ, прикрывая правую сторону груди, согнутою рукою съ пистолетомъ. Произошла задержка: падая ничкомъ, Пушкинъ ткнулъ дуломъ своего пистолета въ снѣгъ, стрѣлять было невозможно, Данзасъ подаль ему другой и бѣдный поэтъ, полу-лежа, опираясь на локоть лѣвой руки выстрѣлилъ: д'Антесъ упалъ.

¹ Весь послѣдующій разговоръ происходилъ на французскомъ языкѣ. Мы переводимъ его дословно.

— Ранены? спросилъ его Пушкинъ радостно.

— Кажется пуля засѣла въ грудь! отвѣчалъ тотъ.

— Bravo! отозвался Пушкинъ, бросивъ пистолеть, по направлению къ упавшему противнику.

Но д'Антесъ похвасталъ: пуля попала ему вскользь въ руку, а грудь только оконтузила.

Пушкинъ былъ раненъ въ правую сторону живота: пуля, раздробивъ кость верхней части бедра у соединенія его съ тазомъ, глубоко врѣзалась въ кишки и тамъ остановилась.

Данзасъ и д'Аршіакъ кликнули извозчиковъ и съ ихъ помощію разобрали изгородь изъ тонкихъ жердей, чтобы санямъ удобнѣе было подъѣхать къ лежавшему Пушкину. Его подняли; бережно уложили въ сани. Приказавъ извозчику ѣхать шагомъ, Данзасъ пошелъ рядомъ съ санями, пѣшкомъ. Съ несчастнымъ раненымъ два раза дѣлался оморокъ... Въ другихъ саняхъ сидѣлъ легко раненый д'Антесъ, котораго, точно также, пѣшкомъ, провожалъ д'Аршіакъ. У комендантской дачи стояла карета, присланная барономъ Геккереномъ на всякій случай. Французы любезно предложили ее къ услугамъ раненаго Пушкина. Данзасъ воспользовался этимъ предложеніемъ и пересадилъ Пушкина въ карету, не сказавъ, что она Геккерена.

Дорогою Пушкинъ держался довольно твердо и былъ въ полномъ самосознаніи. Чувствуя по временамъ жестокую боль, онъ высказывалъ опасенія не смертельна ли его рана, подобно той, которую также на дуэли получилъ когда-то офицеръ Щербачовъ, стрѣлявшійся съ Дороховымъ. Потомъ говорилъ Данзасу, какъ надобно имъ поступить при пріѣздѣ домой, чтобы не испугать Натальи Николаевны. Пушкины жили тогда на Мойкѣ у Пѣвческаго моста въ домѣ княгини Волконской въ нижнемъ этажѣ. Нынѣ на наружной сторонѣ этого дома мраморная доска съ надписью, напоминающею, что здѣсь скончался Пушкинъ... Карета вѣхала подъ ворота и остановилась уходящагося тамъ подъѣзда. Пушкинъ просилъ Данзаса выслать людей, чтобы вынести его изъ кареты, а если жена дома, то успокоить ее, сказать, что рана не опасна...

Страшная вѣсть застала жену Пушкина за обѣдомъ, съ сестрою и братомъ... Раненаго внесли въ кабинетъ и положили на постель, постланную на диванѣ... Къ вечеру весь городъ зналъ о поединкѣ Пушкина, девять докторовъ заботились о спасеніи драгоцѣнной его жизни¹; но всѣ старанія ихъ были тщетны: Пушкинъ скончался послѣ двухсуточной, мучительной агоніи—29 января въ три четверти третьяго часа по полудни. Послѣдніе часы страдальца были услаждены отеческимъ вни-

¹ Арентъ, Буяльскій, Даль, Задлеръ, Саломонъ, Спасскій, Шерингъ, Шольцъ—имени девятаго Данзасъ не упоминалъ.

маніемъ къ нему Императора Николая Павловича. Лейбъ-медикъ Арендтъ и В. А. Жуковскій, по нѣскольку разъ въ день докладывали Государю о положеніи раненаго.

— Скажи Государю, говорилъ Пушкинъ Жуковскому—что мнѣ жаль умереть... я былъ бы весь его... Скажи, что я желаю ему долгаго, долгаго счастья... Желаю ему счастья въ его сынѣ... счастья въ его Россіи.

Въ ночь на 28 января Арендтъ привезъ умирающему слѣдующую собственноручную записку Государя:

— «Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ прощенье и послѣдній совѣтъ: умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свои руки. Н.»

Посылая Арендта съ этою запискою къ Пушкину, Государь сказалъ, что будетъ ждать отвѣта и не смыкалъ глазъ до возвращенія лейбъ-медика. Осыпавъ записку слезами и поцѣлуями, Пушкинъ просилъ посланнаго, чтобы она была положена съ нимъ въ гробъ; но Арендту Государь приказалъ привезти ее обратно. Александръ Сергѣевичъ повторилъ ему то же, что говорилъ Жуковскому. Согласно волѣ Монарха и по собственному, искреннему убѣжденію, Пушкинъ исповѣдался и приобщился св. таинъ. Онъ испустилъ послѣдній вздохъ на рукахъ В. И. Даля: «кончена жизнь!... тяжело дышать! давить!...» были его послѣднія слова.

Вѣрный своему царскому слову императоръ Николай обезпечилъ судьбу вдовы и дѣтей покойнаго. Но искреннее сожалѣніе царя объ уtratѣ поэта, прославившаго его царствованіе, не оградило его останковъ и памяти отъ оскорбленій со стороны царскихъ слугъ и представителей администраціи. Они не допустили одѣть трупъ Пушкина въ камеръ-юнкерскій мундиръ, но облекли въ старый, довольно поношенный скюртукъ, воспротивились выносу его тѣла въ церковь Адмиралтейства и распорядились, чтобы оно перенесено было вечеромъ въ Конюшенную церковь, гдѣ происходило и отпѣваніе. Боялись какихъ-то демонстрацій со стороны студентовъ и молодежи. Согласно желанію покойнаго, тѣло его было отвезено въ Святогорскій Успенскій монастырь (въ 4 верстахъ отъ Михайловскаго)... но отвезено ночью «на почтовыхъ»... Сопровождалъ его до послѣдняго жилища А. И. Тургеневъ, за двадцать шесть лѣтъ передъ тѣмъ ходатайствовавшій объ опредѣленіи Пушкина въ Лицей.

Весь Петербургъ, за исключеніемъ враговъ великаго поэта, оплакалъ его преждевременную кончину; литературный міръ, журналисты и писатели, люди убѣждены противныхъ Пушкину и тѣ единодушно жалѣли о немъ. Но это сочувствіе не понравилось особамъ, стоявшимъ во главѣ отечественнаго просвѣщенія. Редакторъ «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду» А. А. Краевскій дерзнулъ напечатать (№ 5, 1837 г.)

слѣдующую некрологическую замѣтку о кончинѣ Пушкина въ узенькой, траурной рамкѣ.

— Солнце нашей поэзіи закатилось! Пушкинъ скончался, скончался въ цвѣтѣ лѣтъ, въ срединѣ своего великаго поприща! Болѣе говорить о семъ не имѣемъ силы, да и не нужно; всякое русское сердце знаетъ всю цѣну этой невозвратимой потери и всякое русское сердце будетъ растерзано. Пушкинъ Нашъ поэтъ! Наша радость, наша народная слава! Неужели, въ самомъ дѣлѣ нѣтъ уже у насъ Пушкина! Къ этой мысли нельзя привыкнуть!»

П. Каратыгинъ.

27 октября
1836.

1812.

П Ъ С Н Я.

О Делія драгая!
Спѣвши, моя краса!
Звѣзда любви златая
Взошла на небеса,
Безмолвно мѣсяцъ покатился;
Спѣвши: твой Аргусъ удалился,
И тронулъ сонъ его глаза.

Подъ сѣнью потаенной
Дубравной тишины,
Гдѣ токъ уединенной
Сребристыя волны
Журчить съ унылой Филомелой,
Готовъ пріютъ любви веселой,
И блескомъ освѣщенъ луны.

Накинуть ночи тѣни
Покровы намъ свои,
И дремлютъ рощей сѣни,
И быстро часъ любви
Летить—я весь горю желаньемъ!
Спѣвши, о Делія, свиданьемъ;
Пади въ объятія мои!

Д Е Л І Я.

Ты ль передо мною,
Делія моя?
Разлучень съ тобою,

Сколько плакалъ я!
Ты ль передо мною,
Или сонъ мечтою
Обольстили меня?

Ты узнала ль друга?
Онъ не то, что былъ;
Но тебя, подруга,
Все жъ не позабылъ;
И твердить унылой:
Я любимъ ли милой,
Какъ, бывало, былъ?

Что теперь сравнится
Съ долею моею?
Вотъ слеза катится
По щекъ твоей...
Делія стыдится...
Что теперь сравнится
Съ долею моею?

ИЗМѢНЫ.

(къ графинѣ н. в. кочубей).

«Все миновалось:
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
Въ мракъ забвенья
Скрылися вы.
Такъ, я премѣны
Сладость вкусилъ,
Гордой Елены
Цѣпи забылъ.
Сердце, ты въ волѣ!
Все позабудь;
Въ новой сей долѣ
Счастливо будь.
Только весною
Зефиръ младою
Розой плѣнень;
Въ юности страстной
Былъ я прекрасной
Въ сѣть увлечень.
Нѣтъ, я не буду

Впредь воздыхать,
Страсть позабуду;
Полно страдать!
Скоро печали
Встрѣчу конецъ.
Ахъ, для тебя ли,
Юный цѣвецъ,
Прелесть Елены
Розой цвѣтетъ?...
Пусть весь народъ,
Ею прельщенный,
Вслѣдъ за мечтой
Мчится толпой;
Въ мирномъ жилищѣ,
На пепелищѣ,
Въ чашѣ простой
Стану въ смиреньи
Черпать забвенье,
И для друзей
Рѣзвой рукою
Двигать струною
Арфы моей.»

Въ скучной разлукѣ
Такъ я мечталъ,
Въ горести, въ мукѣ
Себя услаждалъ,
Въ сердцѣ возженный
Образъ Елены
Мнилъ истребить.
Прошлой весною
Юную Хлою
Вздумалъ любить.
Какъ вѣтерочекъ
Ранней порой
Гонить листочекъ
Съ рѣзвой волной—
Такъ непрестанно
Непостоянной
Страстью игралъ;
Лиру, Темиру,
Всѣхъ обожалъ;
Сердце и лиру
Всѣмъ посвящалъ.
Что же?... Напрасно
Съ груди прекрасной
Шаль я срывалъ.
Тщетны измѣны!

Образъ Елены
 Въ сердцѣ пылалъ!
 Ахъ, возвратися,
 Радость очей;
 Хладна, тронися
 Грустью моей!
 Тщетно взываешь,
 Бѣдный пѣвецъ;
 Нѣтъ, не встрѣчаешь.
 Мукамъ конецъ...
 Такъ до могилы
 Грустенъ, унылый,
 Крова ищи;
 Всѣми забытый,
 Терномъ увиты
 Цѣпи влачи...

1814.

—

КЪ СЕСТРѢ.

Ты хочешь, другъ безцѣнной,
 Чтобъ я, поэтъ молодой,
 Бесѣдовалъ съ тобой;
 И съ лирою забвенной,
 Мечтами окрыленной,
 Оставилъ монастырь
 И край уединенный,
 Гдѣ непрерывный миръ.
 Во мракъ опустился,
 И въ пустынь глухой
 Безмолвно воцарился
 Съ угрюмой тишиной!...

.
 И быстрою стрѣлой
 На Невскій берегъ примчуся,
 Съ подругой обнимуся
 Весны моей златой,
 И какъ пѣвецъ Людмилы,
 Мечты невольникъ милый,
 Взошедъ подъ отчий кровъ,
 Несу тебѣ не злато—
 Чернецъ я не богатый—

Въ подарокъ пукъ стиховъ.
Тайкомъ взошедъ въ диванну,
Хоть помощью пера,
О, какъ тебя застаю,
Любезная сестра!
Чѣмъ сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жанъ-Жака ли читаешь?
Жанлисъ ли предъ тобой?
Иль съ рѣзвымъ Гамильтономъ
Смѣешься всей душой?
Иль съ Греемъ и Томсономъ
Ты пренеслась мечтой
Въ поля, гдѣ отъ дубравы
Вдоль вѣтъ вѣтерокъ,
И шепчетъ лѣсъ кудрявый,
И мчится величавый
Съ вершины горъ потокъ?
Иль моську престарѣлу,
Въ подушкахъ посѣдѣлу,
Окутавъ въ длинну шаль
И съ нѣжностью лелѣя,
Ты къ ней зовешь Морфея?
Иль смотришь въ темну даль
Задумчивой Свѣтланой
Надъ шумною Невой?
Иль звучнымъ фортепьяно,
Подъ бѣглою рукой,
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пиччини или Рамо?

Но вотъ, ужъ я съ тобою!
И въ радости нѣмой
Твой другъ разцвелъ душою,
Какъ ясный вѣшній день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тѣнь.
Но это лишь мечтанье!
Увы, въ монастырѣ,
При блѣдномъ свѣчѣ сѣнь,
Одинъ пишу къ сестрѣ.
Все тихо въ мрачной кельѣ;
Защелка на дверяхъ,
Молчанье—врагъ веселья—
И скука на-часахъ!
Стулъ ветхій, необитый,

И шаткая постель,
Сосудъ водой налитый,
Соломенна свирѣль—
Вотъ все, что предъ собою
Я вижу пробуждень.
Фантазія, тобою
Одной я награжденъ!
Тобою пренесенный
Къ волшебной Ипокренѣ
И въ кельѣ я блаженъ!
Что было бы со мною,
Богиня, безъ тебя?
Знакомый съ суетою,
Пріятной для меня,
Увлечшись въ даль судьбою,
Я вдругъ, въ глухихъ стѣнахъ,
Какъ Леты на брегахъ,
Явился заключеннымъ,
Навѣки погребеннымъ—
И скрипнули врата,
Сомкнувшись за мною,
И міра красота
Одѣлась черной мглою!...
Съ тѣхъ поръ гляжу на свѣтъ,
Какъ узникъ изъ темницы
На яркій блескъ денницы.
Свѣтило дня взойдетъ,
Лучъ кинетъ позлащенной
Сквозь узкое окно,
Но сердце омраченно
Не радуется оно.
Иль позднею зарею,
Какъ ночь на небесахъ,
Покрытыхъ темнотою,
Чернѣетъ въ облакахъ—
Близъ келии встрѣчаю
Я сумрачную тѣнь....
И вздохомъ провожаю
Скрывающійся день!...

Но время протечетъ,
И съ каменныхъ воротъ
Падутъ, падутъ запоры,
И въ пышный Петроградъ
Черезъ долины, горы
Ретивые примчатъ;
Спѣша на новоселье,
Оставляю темну келью,

Поля, сады свои;
 Подъ столъ клобукъ съ веригой
 И прилечу разстригой
 Въ объятія твои!

КЪ ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ.

Аристъ! и ты въ толпѣ служителей Парнаса!
 Ты хочешь осѣдлатъ упрямаго Пегаса;
 За лаврами спѣшишь опасною стезей,
 И съ строгой критикой вступаешь смѣло въ бой!

Аристъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо, чернилы,
 Забудь ручки, лѣса, унылыя могилы,
 Въ холодныхъ пѣсенкахъ любовью не пылай;
 Чтобъ не слетѣть съ горы, скорѣе внизъ ступай!
 Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ;
 Ихъ напечатаютъ—и цѣлый свѣтъ забудетъ.
 Быть можетъ и теперь, отъ шума удалясь
 И съ глупой музою навѣкъ соединясь,
 Подъ сѣнью мирною Минервиной эгиды
 Сокрять другой отецъ второй Телемахиды.
 Страшися участи безсмысленныхъ пѣвцовъ,
 Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
 Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива:
 На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива.
 Страшися безславія! Что, если Аполлонъ,
 Услышавъ, что и ты полѣзъ на Геликонъ,
 Съ презрѣньемъ покачавъ кудрявой головою,
 Твой геній наградить—спасительной лозою?

Но что? Ты хмуришься и отвѣчать готовъ:
 «Пожалуй», скажешь мнѣ, «не трать излишнихъ словъ;
 Когда на что рѣшусь, ужъ я не отступаю,
 И знай, мой жребій палъ; я лиру избираю.
 Пусть судить обо мнѣ, какъ хочетъ, цѣлый свѣтъ;
 Сердись, кричи, бранись—а я таки поэтъ.»

Аристъ, не тотъ поэтъ, кто риемы плестъ умѣетъ,
 И перьями скрипя, бумаги не жалѣетъ,
 Хорошіе стихи не такъ легко писать,
 Какъ Витгенштейну французовъ побѣждать.
 Межъ тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
 Пѣвцы безсмертные, и честь, и слава россовъ,
 Гитаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учатъ насъ,
 Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь!

Творенья громкія Риематова, Графова,
 Съ тяжелымъ Бибрусомъ гніють у Глазунова;
 Никто не вспомнить ихъ, не станетъ вздоръ читать,
 И Фебова на нихъ проклятія печать.

Положимъ, что на Пиндъ взобравшись счастливо,
 Поэтомъ можешь ты назваться справедливо:
 Всѣ съ удовольствіемъ тогда тебя прочтутъ,
 Но мнишь ли, что къ тебѣ рѣкой уже текутъ,
 За то, что ты поэтъ, несмѣтныя богатства,
 Что ты уже берешь на откупъ государства,
 Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хоронишь,
 И, лежа на боку, покойно ѣшь и спишь?
 Не такъ, любезный другъ, писатели богаты;
 Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
 Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
 Лачужки подъ землей, высоки чердаки—
 Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
 Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы;
 Катится мимо ихъ Фортуны колесо;
 Родился нагъ—и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо,
 Камознсъ съ нищими постелю раздѣляетъ,
 Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
 Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
 Ихъ жизнь—рядъ горестей, гремяща слава—сонъ.

Ты, кажется, теперь задумался немного.
 «Да что же,» говоришь, «судя о всѣхъ такъ строго,
 Перебирая все, какъ новый Ювеналь,
 Ты о поэзіи со мною толковалъ;
 А самъ, поссорившись съ парнасскими сестрамъ,
 Мнѣ проповѣдывать пришелъ сюда стихами?
 Что сдѣлалось съ тобой? Въ умѣ ли ты иль нѣтъ?»

Аристъ, безъ дальнихъ словъ, вотъ мой тебѣ отвѣтъ:
 Въ деревнѣ, помнится, съ мірянами простыми,
 Священникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми
 Въ миру съ сосѣдами, въ чести, довольствѣ жилъ—
 И первымъ мудрецомъ у всѣхъ издавна слылъ.
 Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
 Со свадьбы, подъ-вечеръ, онъ шелъ немного пьяный;
 Попалися ему на встрѣчу мужики:
 «Послушай, батюшка, сказали простяки;
 Настави грѣшныхъ насъ—ты пить вѣдь запрещаешь,
 Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь,
 И вѣримъ мы тебѣ, да что жъ сегодня самъ?..»
 «Послушайте, сказалъ священникъ мужикамъ,
 Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте;
 Живите хорошо, а мнѣ не подражайте.»

И мнѣ то самое пришлось отвѣчать;
 Я не хочу себя ни мало оправдать.
 Счастливъ, кто ко стихамъ не чувствуя охоты,
 Проводить тихій вѣкъ безъ горя, безъ заботы,
 Своими одами журналовъ не тягчить,
 И надъ экспромтами недѣли не сидить;
 Не любить онъ гулять по высотамъ Парнаса,
 Не ищетъ чистыхъ музъ, ни пылкаго Пегаса;
 Его съ перомъ въ рукахъ Рамаковъ не страшить;
 Спокоенъ, веселъ онъ! Аристъ, онъ не пѣтъ!

Но полно разсуждать—боюсь тебѣ наскучить,
 И сатирическимъ перомъ тебя замучить.
 Теперь, любезный другъ, я далъ тебѣ совѣтъ.
 Оставишь ли свирѣль, умолкнешь или нѣтъ?
 Подумай обо всемъ и выбери любое:
 Быть славнымъ—хорошо, спокойнымъ—лучше вдвое.

(Апрѣль, 1814)

КОЛЬНА.

(ПОДРАЖАНІЕ ОССИАНУ).

Фингалъ послалъ Тоскара воздвигнуть на берегахъ источника Кроны
 памятникъ победы, одержанной имъ нѣкогда на семь мѣстъ. Между тѣмъ,
 какъ онъ занимался симъ трудомъ, Карулъ, сосѣдственный государь,
 пригласилъ его къ пиршеству. Тоскаръ влюбился въ дочь его Кольну;
 нечаянный случай открылъ взаимныя ихъ чувства и осчастливилъ То-
 скара.

Источникъ быстрой Каломоны,
 Бѣгущій къ дальнимъ берегамъ!
 Я зрю: твои взмущенны волны
 Потокомъ мутнымъ по скаламъ,
 При блескѣ звѣздъ ночныхъ, сверкаютъ
 Сквозь дремлющій, пустынный лѣсъ,
 Шумятъ и корни орошаютъ
 Сплетенныхъ въ темный кровъ деревьевъ.
 Твой мшистый берегъ любила Кольна,
 Когда по небу тѣнь лилась;
 Ты зрѣлъ, когда въ любви невольной
 Здѣсь другу Кольна отдалась.

Въ чертогахъ Сельмы царь могучихъ
 Тоскару юному вѣщалъ:
 «Гряди во мракъ лѣсовъ дремучихъ,
 Гдѣ Крона катитъ черный валь,

Шумящей прохладенъ осиною.
Тамъ рядъ является могилъ;
Тамъ съ вѣрной, храброю дружиной
Полки враговъ я расточилъ.
И много, много сильныхъ пало;
Ихъ гробы черный вранъ стережетъ.
Гряди—и тамъ, гдѣ ихъ не стало,
Воздвигни памятникъ побѣдъ.»
Онъ рекъ и въ путь безвѣстной, дальней
Пустился съ бардами Тоскаръ;
Идетъ во мгли ночи печальной,
Въ вечерній хладъ, въ полдневный жаръ.
Денница красная выводитъ
Златое утро въ небеса,
И вотъ уже Тоскаръ подходитъ
Къ мѣстамъ, гдѣ въ темные лѣса
Бѣжитъ сѣдой источникъ Кроны
И кроется въ долины сонны.
Воспѣли барды гимнъ святой;
Тоскаръ обломокъ горъ кремнистыхъ
Усиленно мощною рукою
Влечетъ изъ бездны волнъ сребристыхъ,
И съ шумомъ на высокій берегъ
Въ густой и дикой злакъ повергъ;
На немъ повѣсилъ черны латы,
Покрытый кровью предковъ мечъ,
И круглый щитъ, и шлемъ пернатый,
И обратилъ онъ къ камню рѣчь:
«Вѣщай, сынъ шумнаго потока,
О храбрыхъ позднимъ временамъ!
Да въ страшный часъ, какъ ночь глубока
Въ туманѣ ляжетъ по лѣсамъ,
Пришлецъ, дорогой утомленный,
Возлегли подъ надежный кровъ,
Вспомнить вѣки отдаленны
Въ мечтаньи сладкомъ легкихъ сновъ!
Съ разсвѣтомъ алыя денницы
Лучами солнца пробужденъ,
Онъ узритъ мрачныя гробницы...
И грознымъ видомъ пораженъ
Вопроситъ сынъ иноплеменный:
Кто памятникъ воздвигъ надменный?
И старецъ, лѣтами согбенъ,
Речетъ: Тоскаръ нашъ незабвенный,
Герой умчавшихся временъ!»

Небесъ сокрылся вѣчный житель,
Заря потухла въ небесахъ;

Луна въ воздушную обитель
 Спѣшитъ на темныхъ облакахъ.
 Ужъ ночь на холмѣ. Берегъ Кроны
 Съ окрестной рощею заснулъ.
 Владыка сильный Каломоны,
 Иноплеменныхъ другъ, Каруль
 Призвалъ морвенскаго героя—
 Въ жилищѣ Кольны молодой
 Вкусить пріятности покоя
 И пить изъ чаши круговой.

.
 Близъ пепелища всѣ возсѣли;
 Веселья барды пѣснь воспѣли;
 И въ пѣнѣ кубокъ золотой
 Кругомъ несется чередой.
 Печаленъ лишь пришелецъ Лоры,
 Главу ко груди преклонилъ:
 Задумчиво онъ страстны взоры
 На нѣжну Кольну устремилъ—
 И тяжело грудь его вздыхаетъ,
 Въ очахъ веселья блескъ потухъ,
 То огонь по членамъ пробѣгаетъ,
 То нѣгою томится духъ;
 Тоскуетъ, втайнѣ ощущая
 Волненіе сильное въ крови;
 На юны прелести взирая,
 Онъ полную чашу пьетъ любви.
 Но вотъ ужъ дубъ престалъ дымиться
 И тѣнь мрачнѣе становится,
 Чернѣетъ тусклый небосклонъ,
 И царствуетъ въ чертогахъ сонъ.

.
 Рѣдѣетъ ночь—заря багряна
 Лучами солнца возжена;
 Предъ ней златится твердь румяна;
 Тоскаръ, покинувъ ложе сна,
 Быстротекущей Каломоны
 Идетъ по влажнымъ берегамъ,
 Спѣшитъ узрѣть долины Кроны
 И внемлетъ плещущимъ волнамъ.
 И вдругъ изъ сѣни темной рощи,
 Какъ въ часъ весенней полунощи
 Изъ облакъ мѣсяцъ золотой,
 Выходитъ ратникъ молодой.
 Мечъ острый на бедрѣ сіяетъ,
 Копье десницу вооружаетъ,
 Надвинуть на чело шоломъ,

И гибкій станъ покрытъ щитомъ;
Зарею латы серебрятся
Сквозь утренній въ долинѣ паръ.

«О юный ратникъ!» рекъ Тоскаръ:
«Съ какимъ врагомъ тебѣ сражаться?
Ужель и въ сей странѣ война
Багрить ручьевъ струисты волны?
Но все спокойно—тишина
Окрестъ жилища нѣжной Кольны.»
—Спокойны дебри Каломоны,
Цвѣтетъ отчизны край златой;
Но Кольна тамъ не обитаетъ;
И нынѣ по степѣ глухой
Пустыню съ милымъ протекаетъ,
Плѣнившимъ сердце красотой!
«Что рекъ ты мнѣ, молодой воитель?
Куда сокрылся похититель?
Подай мнѣ щитъ твой!» И Тоскаръ
Пріемлетъ щитъ, пылая мщеньемъ—
Но вдругъ исчезъ геройства жаръ:
Что зрить онъ съ сладкимъ восхищеньемъ?
Не въ силахъ въ страсти воздохнуть.
Пылая вдругъ восторгомъ новымъ...
Лилейна обнажилась грудь,
Подъ грознымъ дышуща покровомъ...
«Ты ль это?» возопилъ герой,
И трепетно рукой дрожащей
Съ главы снимаетъ шлемъ блестящій,
И Кольну видитъ предъ собой.

Э В Л Е Г А .

(изъ поэмы ПАТНИ: ISNEL ET ASLÉGA).

Вдали ты зришь утесъ уединенный?
Пещеры въ немъ изрылась глубина;
Темнѣетъ входъ, кустами окруженный;
Вблизи шумить и плѣнится волна.
Вечоръ, когда туманилась луна,
Здѣсь милаго Эвлега призывала;
Здѣсь тихій гласъ горамъ передавала
Во тмѣ ночной, печальна и одна:

«Приди, Одульфъ! Ужъ роща поблѣднѣла,
На дикій мохъ Одульфа ждать я сѣла,

Пылаетъ грудь, за вздохомъ вздохъ летить.
О, сладко жить, мой другъ, душа съ душою!
Приди, Одульфъ, забудусь я съ тобою,
И поцѣлуй любовью возгорить!

Бѣги, Осгаръ! твои мнѣ страшны взоры,
Твой грозенъ видъ и хладны разговоры!
Оставь меня, не мною торжествуй!
Уже другой въ ночи со мною дремлетъ,
Ужъ на зарѣ другой меня объемлетъ,
И сладостенъ его мнѣ поцѣлуй!

Что жъ медлить онъ свершить мои надежды?
Для милаго я сбросила одежды,
Завистливый покровъ у ногъ лежитъ.
Но, чу!.. идуť—такъ, это другъ надежной!
Ужъ начались восторги страсти нѣжной,
И поцѣлуй любовью возгорить.»

Идетъ Одульфъ, во взорахъ упоенье,
Въ груди любовь, и прочь бѣжитъ печаль,
Но близъ него во тьмѣ блеснула сталь,
И вздрогнулъ онъ—родилось подозрѣнье:
«Кто ты?» спросилъ, «почто ты здѣсь, вѣщай!
Отвѣтствуй мнѣ, о сынъ угрюмой ночи!»

—Безсильный врагъ, Осгара убѣгай!
Въ пустынной тьмѣ что ищутъ робки очи?
Страшисъ меня: я страстью воспаленъ;
Въ пещерѣ здѣсь Эвлега ждетъ Осгара.—
Булатный мечъ въ минуту обнаженъ,
Огонь летитъ струями отъ удара.

Услышала Эвлега стукъ мечей.
И бросила со страхомъ хладъ пещерной.
«Приди узрѣть предметъ любви твоей!»
Вскричалъ Одульфъ подругъ нѣжной, вѣрной.
«Измѣнница! ты здѣсь его зовешь?
Во тьмѣ ночной васъ услаждаетъ нѣга:
Но дерзкаго въ Валгалѣ ты найдешь.»

Онъ поднялъ мечъ, и съ трепетомъ Эвлега
Падетъ на дернъ, какъ клокъ летучій снѣга,
Метелицей отторженный отъ скалъ!
Другъ на друга соперники стремятся,

Крoвавый токъ по камнямъ побѣжалъ;
 Въ кустарники съ отчаяньемъ катятся.
 Послѣдній гласъ Эвлегу призывалъ—
 И смерти хладъ ихъ ярость оковалъ.

О С Г А Р Ъ.

(ПОДРАЖАНЬЕ ПАРНИ).

По камнямъ гробовымъ, въ туманахъ полуночи,
 Ступая трепетно усталою ногой,
 По Лорѣ путникъ шель; его напрасно очи
 Ночлега мирнаго искали въ тмѣ густой.
 Пещеры нѣтъ предъ нимъ на берегѣ угрюмомъ;
 Не видить хижины, наслѣдья рыбаля;
 Вдали дремучій боръ качаютъ вѣтры съ шумомъ,
 Луна за тучами и въ морѣ спитъ заря.

Идетъ, и на скалѣ, обросшей влажнымъ мохомъ,
 Зрять барда стараго—веселье прошлыхъ лѣтъ;
 Склонясь сѣдымъ челомъ надъ воющимъ потокомъ,
 Въ безмолвіи, время онъ созерцалъ полетъ.
 Зубчатый мечъ висѣлъ на вѣтви мрачной ивы.
 Задумчивый пѣвецъ взоръ тихій обратилъ
 На сына чуждыхъ странъ, и путникъ боязливый
 Содрогся въ ужасѣ и мимо поспѣшилъ.

«Стой, путникъ, стой! вѣщалъ пѣвецъ вѣковъ минувшихъ:
 Здѣсь пали храбрые; почти ихъ бранный прахъ,
 Почти геройство чадъ, могилы сномъ уснувшихъ!»
 Пришлецъ главой поникъ—и, мнилось, на холмахъ
 Возставшій рядъ тѣней главы окровавленны
 Съ улыбкой гордою на странника склонялъ.
 — Чей гробъ я вижу тамъ? вѣщалъ иноплеменный,
 И барду посохомъ на берегъ указалъ.

Колчанъ и шлемъ стальной, къ утесу пригвожденный,
 Бросали тусклый лучъ, луною озлатысь.
 — Увы, здѣсь палъ Осгаръ! рекъ старецъ вдохновенный.
 О, рано юношѣ насталъ послѣдній часъ!
 Но онъ искалъ его: я зрѣлъ, какъ въ ратномъ строѣ
 Онъ первыя стрѣлы съ весельемъ ожидалъ,
 И рвался изъ рядовъ, и палъ въ кипящемъ боѣ.
 Покойся, юноша, ты въ брани славной палъ!

Во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ любилъ Осгарь Мальвину;
 Не разъ онъ въ радости съ подругою встрѣчалъ
 Вечерній свѣтъ луны, скользящій на долину,
 И тѣнь упавшую съ приморскихъ грозныхъ скалъ.
 Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенѣли:
 Одной, одной Осгарь Мальвиною дышалъ!
 Но быстро дни любви и счастья пролетѣли,
 И вечеръ горести для юноши насталъ!...

Однажды, въ темну ночь зимы порой унылой,
 Осгарь стучится въ дверь красавицы молодой,
 И шепчетъ: «юный другъ, не медли, здѣсь твой милой!»
 Но тихо въ хижинѣ. Вновь робкою рукой
 Стучить и слушаетъ: лишь вѣтры съ свистомъ вѣютъ;
 «Ужели спишь теперь, Мальвина?» Мгла вокругъ,
 Валится снѣгъ, волосы въ туманѣ леденѣютъ;
 «Услышь, услышь меня, Мальвина, милый другъ!»

Онъ въ третій разъ стучить. Со скрипомъ дверь шатнулась;
 Онъ входитъ съ трепетомъ: несчастный, что жъ узрѣлъ?
 Темнѣетъ взоръ его; Мальвина содрогнулась:
 Онъ зрить—въ объятіяхъ измѣнницы Звигнелъ!
 И ярость дикая во взорахъ закипѣла;
 Нѣмѣетъ и дрожитъ любовникъ молодой;
 Онъ грозный мечъ извлекъ—и нѣтъ уже Звигнела,
 И блѣдный духъ его сокрылся въ тѣмѣ ночной!

Мальвина обняла несчастнаго колѣна,
 Но взоры отвративъ: «живи!» вѣщалъ Осгарь;
 «Живи, ужъ я не твой, презрѣна мной измѣна,
 Забуду, потушу къ невѣрной страсти жаръ.»
 И тихо за порогъ выходитъ онъ въ молчанѣ,
 Окованъ мрачною, безмолвною тоской:
 Исчезло сладкое навѣкъ очарованье!

.

Я видѣлъ юношу. Поникнувъ головою,
 Мальвины имя онъ въ отчаянны шепталъ;
 Какъ сумракъ, дремлющій надъ бездною морскою,
 На сердцѣ горестномъ унынья мракъ лежалъ.
 На друга дѣтскихъ лѣтъ взглянулъ онъ торопливо:
 Уже недвижный взоръ друзей не узнавалъ.
 Отъ пиршествъ удаленъ, въ пустынь молчаливой
 Онъ одиночествомъ печаль свою питалъ.

И длинный годъ провелъ Осгарь среди мученій.
 Вдругъ грянулъ трубный гласъ. Оденовъ сынъ, Фингалъ,
 Велъ грозныхъ на мечи въ кровавый пылъ сраженій;

Остаръ слышалъ вѣсть и бранью воспылалъ.
 Здѣсь мечъ его сверкнулъ, и смерть предъ нимъ бѣжала;
 Покрытый ранами, здѣсь палъ на грудь тѣль;
 Онъ палъ; еще рука меча кругомъ искала,
 И крѣпкій сонъ вѣковъ на сильнаго слетѣлъ.

Побѣгли вспять враги—и тихій миръ герою!
 И тихо все вокругъ могильнаго холма!
 Лишь въ осень хладную, безмѣсячной порою,
 Когда вершины горъ тягчить сырая тѣма,
 Въ багровомъ облакѣ, одѣяна туманомъ,
 На камнѣ гробовомъ уныла тѣнь сидитъ,
 И стрѣлы дребезжатъ, стучитъ броня съ колчаномъ,
 И кленъ, зашевелись, таинственно шумитъ.

Л Е Д А.

(КАНТАТА, ПОДЪЖАНИЕ ПАРНИ).

Средь темной рощицы, подъ тѣнью липъ душистыхъ,
 Въ высокомъ тростникѣ, гдѣ чистымъ жемчугомъ
 Вдувалась пѣна водъ серебристыхъ,
 Колеблясь тихимъ вѣтеркомъ,
 Покровъ красавицы стыдливой,
 Небрежно кинутый, у берега лежалъ—
 И прелести ея потокъ волной игривой
 Съ весельемъ орошалъ.

Житель рощи торопливый,
 Будь же скромнѣе, о ручей!
 Тише, струйки говорливы!
 Измѣнить страшитесь ей!

Леда робостью трепещетъ,
 Тихо дышетъ снѣжна грудь,
 Ни волна вокругъ не плещетъ,
 Ни зефиръ не смѣетъ дуть.

Въ роцѣ шорохъ утихаетъ,
 Все въ прелестной тишинѣ;
 Нимфа далѣе ступаетъ,
 Робкой ввѣрившись волнѣ.

Но что-то межъ кустовъ прибрежныхъ возшумѣло,
 И чувство робости прекрасной овладѣло;
 Невольно вздрогнула, не въ силахъ воздохнуть;
 И вотъ пернатыхъ царь изъ-подъ склоненной ивы,

Расправа крылья горделивы,
 Къ красавицѣ плыветь: веселья полна грудь
 Съ шумящей пѣною отважно волны гонить,
 Крылами воздухъ бьетъ,
 То въ кольца шею вьетъ,
 То гордую главу, смирясь, предъ Ледой клонить...

Леда смѣется,
 Вдругъ раздается
 Радости кликъ...
 Видъ сладострастный:
 Къ Ледѣ прекрасной
 Лебедь приникъ.
 Слышно стenanье;
 Нимфа лѣсовъ
 Съ нѣгою сладкой
 Видитъ украдкой
 Тайну боговъ.

Опомнясь, наконецъ, красавица младая
 Открыла тихій взоръ, въ томленьяхъ воздыхая,
 И что жъ увидѣла? На ложѣ изъ цвѣтовъ
 Она покоится въ объятіяхъ Зевеса;
 Межъ ними юная любовь—
 И пала таинства прелестнаго завѣса!

Симъ примѣромъ научитесь,
 Розы—дѣвы красоты;
 Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
 Въ темной рощицѣ воды:

Въ темной рощицѣ таится
 Часто пламенный Эротъ;
 Съ холодной струйкою катится,
 Стрѣлы прячетъ въ пѣнѣ водъ.

Симъ примѣромъ научитесь,
 Розы—дѣвы красоты;
 Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
 Въ темной рощицѣ воды.

ВЕНЕРЪ ОТЪ ЛАИСЫ.

ПРИ ПОСВЯЩЕНИИ ЕЙ ЗЕРКАЛА.

Вотъ зеркало мое—прими его, Киприда!
 Богиня красоты прекрасна будетъ ввѣкъ;
 Сѣдаго времени ей не страшна обида:

Стих. А. С. Пушкина. Т. I.

Она не смертный человекъ;
 Но я, покорствуя судьбинѣ,
 Не въ силахъ зрѣть себя въ прозрачности стекла,
 Ни той, которой я была,
 Ни той, которой нынѣ.

КРАСАВИЦЪ,

КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАКЪ.

Возможно ль, вмѣсто розъ, Амуромъ насажденныхъ,
 Тюльпановъ гордо наклоненныхъ,
 Душистыхъ ландышей, ясиновъ и лилей,
 Которыхъ ты всегда любила,
 И прежде всякій день носила
 На мраморной груди своей—
 Возможно ль, милая Климена?

Какая странная во вкусѣ переменѣна!
 Ты любишь обонять не утренній цвѣтокъ,
 А вредную траву зелѣну,
 Искусствомъ превращенну
 Въ пушистый порошокъ!

Пускай уже сѣдой профессоръ Геттингена,
 На старой кафедрѣ согнувшись дугой,
 Вперивъ въ латинщину глубокій разумъ свой,
 Раскашлявшись, табакъ толченый
 Пихаетъ въ длинный носъ изсохшую рукой;
 Пускай молодой драгунъ усатый,
 Поутру сидя у окна,
 Стаканы сушить всѣ до дна,
 И чтобъ прогнать остатокъ сна,

Изъ трубки пенковой дымъ гонить сѣроватый;
 Пускай красавица шестидесяти лѣтъ,
 У грацій въ отпуску и у любви въ отставкѣ,
 У коей держится вся прелесть на подставкѣ,
 У коей безъ морщинъ на тѣлѣ мѣста нѣтъ,
 Съ сарептскимъ табакомъ печали забывается,
 Злословить, молится, зѣваетъ.

А ты, прелестная! Но если ужъ табакъ
 Столь нравится тебѣ... О, пылъ воображенья!
 Ахъ! если бъ, превращенный въ прахъ,
 И въ табакеркѣ, въ заточеньи,

Я въ персты нѣжные твои попасться могъ;
 Тогда бъ, въ сердечномъ восхищеньи,
 Разсыпался на грудь, подъ шелковый платокъ...

Но, что? Одна мечта пустая!
Не будетъ этого никакъ!
Судьба завистливая, злая!
Ахъ!.. отчего я не... табакъ!

STANCES.

(КНЯЖНА Е. М. ГОРЧАКОВОЖ).

Avez-vous vu la tendre rose,
L'aimable fille d'un beau jour,
Quand au printemps à peine éclore,
Elle est l'image de l'amour?

Telle à nos yeux, plus belle encore,
Parut Eudoxie aujourd'hui:
Plus d'un printemps la vit éclore,
Charman^te et jeune comme lui.

Mais, hélas! les vents, les tempêtes,
Ces fougueux enfants de l'hiver,
Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchaîner l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de rose,
L'aimable fille des amours
Tombe fanée à peine éclore!
Il fuit le temps des beaux jours!

Eudoxie, aimez! le temps presse:
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse
Que de l'amour on sent les feux?

къ НАТАЛЬ.

(КРѢПОСТНОЙ АКТРИСѢ ГРАФА В. В. ТОЛСТОГО).

Такъ, и мнѣ узнать случилось,
Что за птица Купидонъ;
Сердце страстное плѣнилось,
Признаюсь: и я влюбленъ!

Пролетѣло счастья время,
Какъ любви не зная бремя,
Я живаль да погѣваль;
Какъ въ театрѣ и на балахъ,
На гуляньяхъ, иль въ воксалахъ,
Легкимъ зефиромъ леталь;
Какъ, смѣясь, во зло Амуру
Я писалъ карикатуру
На любезный женскій полъ.
Но напрасно я смѣялся;
Наконецъ и самъ попался:
Самъ, увы, съ ума сошелъ.
Смѣхи, вольность, все подъ лавку,
Изъ Катоновъ я въ отставку,
И теперь я—селадонъ
Миловидной жрицы Тальи;
Видѣлъ прелести Натальи—
И ужъ въ сердцѣ Купидонъ!

Такъ, Наталья, признаюся:
Я тобою полоненъ;
Въ первый разъ еще (стыжуся)
Въ женски прелести влюбленъ;
Цѣлый день, какъ ни верчуся,
Лишь тобою занять я;
Ночь придетъ—и лишь тебя
Вижу я въ пустомъ мечтаньѣ;
Вижу, въ легкомъ одѣянъѣ
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Бѣлой груди колебанье,
Снѣгъ затмившей бѣлизной,
И полуотверсты очи,
Скромный мракъ безмолвной ночи—
Духъ въ восторгъ приводятъ мой!...
Я одинъ въ бесѣдѣ съ нею;
Вижу дѣвственну лицею,
Трепещу, томлюсь, нѣмѣю...
А проснулся—вижу мракъ
Вкругъ постели одинокой.
Ипускаю вздохъ глубокой;
Сонъ лѣнивый, томноокой,
Отлетаетъ на крылахъ;
Страсть сильнѣе становится;
И любовью утомясь,
Я слабѣю каждый часъ—
Все къ чему-то умъ стремится.

Но, Наталья, ты не знаешь,
 Кто твой нѣжный селадонъ?
 Ты еще не понимаешь,
 Отчего не смѣетъ онъ
 И надѣяться?... Наталья!
 Выслушай еще меня:
 Не владѣтель я серала,
 Не арабъ, не турокъ я;
 За учтиваго китайца,
 Грубаго американца
 Почитать меня нельзя;
 Не представъ и нѣмчурою
 Съ колпакомъ на волосахъ,
 Съ кружкой пивомъ налитою
 И съ цыгаркою въ зубахъ;
 Не представъ кавалергарда
 Въ каскѣ, съ длиннымъ палахомъ—
 Не люблю я бранный громъ:
 Шпага, сабля, алебарда
 Не тягчать моей руки.

Кто же ты, болтунъ влюбленный?...

МОЛОДОЙ АКТРИСЪ.

(той же артисткѣ).

Ты не наслѣдница Клероны;
 Не для тебя свои законы
 Владѣлецъ Пинда начерталъ;
 Тебѣ не много Богъ послалъ;
 Твой голосокъ, тѣлодвиженъ,
 Нѣмыя взоровъ обращенъ
 Не стоятъ, признаюсь, похвалъ
 И шумныхъ блесковъ удивленья.
 Жестокой суждено судьбой
 Тебѣ актрисой быть дурной;
 Но, Хлоя, ты мила собой.
 Тебѣ вослѣдъ толпятся смѣхи,
 Сулятъ любовникамъ утѣхи—
 Итакъ, вѣнцы передъ тобой,
 И несомнительны успѣхи.

Ты плѣннымъ зрителя ведешь,
 Когда безъ такта ты поешь;
 Недвижно стоя передъ нами,
 Поешь, и часто не впадешь;
 А мы усердными руками

Всѣ громко хлопаемъ. Кричать:
 Bravo! Bravissimo! чудесно!
 Свистки сатириковъ молчать,
 И всѣ покорствуютъ прелестной.

Когда, въ неловкости своей,
 Ты сложишь руки у груди,
 Или поднимешь ихъ, и снова
 На грудь положишь, застыдяся;
 Когда Милона молодого,
 Лепеча что-то не для насъ,
 Въ любви, безъ чувства, увѣряешь,
 Или безъ памяти, въ слезахъ,
 Холодный испуская: ахъ,
 Спокойно въ кресла упадаешь,
 Краснѣя и чуть-чуть дыша,
 Всѣ шепчуть: ахъ, какъ хороша!
 Увы, другую бѣ освистали!
 Велико дѣло красота!
 О Хлоя, мудрые солгали:
 Не все на свѣтѣ суета.

Плѣнный же, Хлоя, красотою!
 Стократъ блаженъ любовникъ тотъ,
 Который нѣжно предъ тобою,
 Осмѣясь, о любви поетъ
 Въ стихахъ и прозою, на сценѣ
 Тебя клянется обожать,
 Кому ты можешь отвѣчать,
 Не смѣя молвить объ измѣнѣ;
 Блаженъ, кто можетъ роль забыть
 На сценѣ съ миленькой актрисой,
 Жать руку ей, надѣясь быть
 Еще блаженнѣй за кулисой!

О П Ы Т Н О С Т Ь .

Кто съ минуту переможетъ
 Хладнымъ разумомъ любовь,
 Бремя тягостныхъ оковъ
 Ей на крылья не возложитъ—
 Тотъ не смѣйся, не рѣзвись,
 Съ строгой мудростью дружись;
 Но съ разсудкомъ вновь заспорить—
 Радъ не радъ, а дверь отворишь,
 Какъ проказливый Эротъ
 Постучится у воротъ.

Испыталъ я самъ собою
 Истину сихъ правыхъ словъ.
 «Добрый путь! прости любовь!
 За богинею слѣпою,
 Не за Хлоей полечу,
 Счастье, счастье ухвачу!»
 Мнилъ я въ гордости безумной.
 Вдругъ услышалъ хохотъ шумной,
 Оглянулся.... и Эроть
 Постучался у воротъ.

Нѣтъ! мнѣ, видно, не придется
 Съ богомъ симъ въ размолвкѣ жить,
 И покамѣстъ жизни нить
 Старой Паркой тамъ прядется,
 Пусть владѣть мною онъ!
 Веселиться—мой законъ.
 Смерть откроетъ гробъ ужасный,
 Потемнѣютъ взоры ясны,
 И не стукнется Эроть
 У могильныхъ ужъ воротъ.

Б Л А Ж Е Н С Т В О .

Въ роцѣ сумрачной, тѣнистой
 Гдѣ, журча въ травѣ душистой,
 Свѣтлый бродитъ ручеекъ,
 Ночью, на простой свирѣли
 Пѣлъ влюбленный пастушокъ;
 Томный гулъ унылы трели
 Повторялъ въ глуши долинъ....

Вдругъ изъ глубины пещеры
 Читатель Вакха и Венеры,
 Рѣзвыхъ фавновъ господинъ,
 Выбѣжалъ Эрміевъ сынъ:
 Розами рога обвиты,
 Плющъ на черныхъ волосахъ,
 Козій мѣхъ виномъ налитый
 У сатира на плечахъ.
 Богъ лѣсовъ, въ дугу склонившись
 Надъ искривленной клюкой,
 За кустами притаившись,
 Слушалъ пѣсенки ночной,
 Въ ладъ качая головой.
 «Дни, протекшіе въ весельи
 (Пѣлъ въ тоскѣ пастухъ молодой),

Отчего, являсь мечтой,
Вы какъ тѣнь изъ глазъ исчезли
И покрылись вѣчной тьмой?
Ахъ! когда я въ мракѣ нощи,
При таинственной лунѣ
Въ темну сѣнь прохладной рощи,
Сладко спящей въ тишинѣ,
Медленно, рука съ рукою,
Съ вѣжной Хлоей приходилъ,
Кто сравниться могъ со мною?
Хлоя былъ тогда я милъ!

«А теперь мнѣ жизнь—могила,
Бѣлый свѣтъ душѣ постылъ,
Грустенъ лѣсъ, потокъ унылъ...
Хлоя другу измѣнила!...
Я для милой... ужъ не милъ!..»

Звукъ исчезъ свирѣли тихой;
Смолкъ пѣвецъ—и тишина
Воцарилась въ рощѣ дикой;
Слышно, плещетъ лишь волна,
И колышетъ повиликой
Тихо-вѣющій зефиръ.
Древъ оставя сѣнь густую,
Вдругъ является сатиръ.
Чашу дружбы круговую
Пѣнистымъ сребря виномъ,
Рекъ съ ослабленнымъ лицомъ:
«Ты унылъ, ты сердцемъ мраченъ;
Посмотри жъ, какъ сокъ прозраченъ
Блещетъ, освѣтается луной!
Выпей чашу—и душой
Будешь также чистъ и ясенъ.
Вѣрь мнѣ: стонъ въ бѣдахъ напрасенъ.
Лучше, лучше веселись,
Въ горѣ съ Бахусомъ дружись!»
И пастухъ, взявъ чашу въ руки,
Скоро выпилъ всю до дна.
О могущество вина!
Вдругъ сокрылись скорби, муки,
Мракъ душевный вмигъ исчезъ!
Лишь фіалъ къ устамъ поднесъ,
Все мгновенно премѣнилось,
Вся природа оживилась:
Счастливъ юноша въ мечтахъ!
Выпивъ чашу золотую,
Наливаетъ онъ другую;

Пьетъ ужъ третью... но въ глазахъ
 Видъ окрестный потемнѣлъ—
 И несчастный... утомился.
 Томну голову склоня,
 «Научи, сатиръ, меня,»
 Говорить пастухъ со вздохомъ,
 «Какъ могу бороться съ рокомъ?
 Какъ могу счастливымъ быть?
 Я не въ силахъ вѣчно пить.»
 —Слушай, юноша любезный,
 Вотъ тебѣ совѣтъ полезный:
 Мигъ блаженства вѣкъ лови;
 Помни дружбы наставленья:
 Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,
 Нѣтъ и счастья безъ любви;
 Такъ поди жъ теперь съ похмѣлья
 Съ Купидономъ помирись;
 Позабудь его обиды,
 И въ объятіяхъ Дориды.
 Снова счастьемъ насладись!

ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ.

Друзья! досужный часъ насталь,
 Все тихо, все въ покоѣ:
 Скорѣе скатерть и бокалы!
 Сюда вино златое!
 Шипи шампанское въ стеклѣ!
 Друзья! почто же съ Кантомъ
 Сенека, Тацитъ на столѣ,
 Фольянтъ надъ фоллантомъ?
 Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ—
 Мы подемъ овладѣмъ!
 Подъ столъ ученыхъ дураковъ—
 Безъ нихъ мы пить умѣмъ!
 Ужели трезваго найдемъ
 За скатертью студента?
 На всякій случай изберемъ
 Скорѣе президента.
 Въ награду пьянымъ онъ нальетъ
 И пуншъ, и грогъ душистой;
 А вамъ, спартанцы, поднесетъ
 Воды въ стаканѣ чистой.
 Апостолъ нѣги и прохлады,
 Мой добрый Галичъ, vale!
 Ты Эпикуровъ младшій братъ,

Душа твоя въ бокалѣ.
 Главу вѣнками убери—
 Будь нашимъ президентомъ,
 И будутъ самые цари
 Завидовать студентамъ.

Дай руку, Дельвигъ! что ты спишь?
 Проснись, лѣнивѣцъ сонный,
 Ты не подъ каедрой сидишь,
 Латынью усыпленный.
 Взгляни, здѣсь кругъ твоихъ друзей,
 Бутылъ виномъ налита.
 За здравье нашей музыки пей,
 Парнаскій волокита!
 Острякъ любезный! ¹ по рукамъ!
 Полный бокалъ досуга,
 И вылей сотню эпиграммъ
 На недруга и друга!
 А ты, красавецъ молодой,
 Сіятельный повѣса! ²
 Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
 На прочее—завѣса!
 Хотя студентъ, хотя я пьянъ,
 Но скромность почитаю;
 Придвинь же пѣнистый стаканъ:
 На брань благословляю.

Товарищъ милый, другъ прямой! ³
 Тряхнемъ рукою руку,
 Оставимъ въ чашѣ круговой
 Педантамъ сродну скуку.
 Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
 Нерѣдко и бранимся,
 Но чашу дружества нальемъ
 И тотчасъ помиримся.
 О ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
 Однимъ весельемъ дышешь! ⁴
 Забавный, право, ты поэтъ,
 Хоть плохо басни пишешь.
 Съ тобой тостуюсь безъ чиновъ,
 Люблю тебя душою,
 Наполни кружку до краевъ;
 Разсудокъ, Богъ съ тобою!
 А ты, повѣса изъ повѣсъ, ⁵

¹ А. Д. Илличевскій. ² Кн. А. М. Горчаковъ. ³ И. И. Пущинъ.
⁴ М. Л. Яковлевъ. ⁵ И. В. Малиновскій.

На шалости рожденный,
 Удамый хватъ, головоуѣзъ,
 Пріятель неизмѣнный!
 Бутылки, рюмки разобьемъ
 За здравіе Платова,
 Въ казачью шапку пуншъ нальемъ—
 И пить давайте снова.

Приблизься, милый нашъ пѣвецъ,
 Любимый Аполлономъ,¹
 Воспой властителя сердецъ
 Гитары тихимъ звономъ:
 Какъ сладостно въ стѣсненну грудь
 Томленье звуковъ льется;
 Но мнѣ ли страстью воздохнуть?
 Нѣтъ, пьяный лишь смѣется.

Не лучше ль, Роде записной,²
 Въ честь Вакховой станицы
 Теперь скрипѣть тебѣ струной
 Разстроенной скрипицы?
 Запойте хоромъ, господа!
 Нѣтъ нужды, что нескладно;
 Охрипли?.. Это не бѣда:
 Для пьяныхъ все вѣдь ладно.
 Но что? я вижу все вдвоемъ:
 Двоится штофъ съ аракомъ,
 Вся комната пошла кругомъ,
 Покрылись очи мракомъ...
 Гдѣ вы, товарищи, гдѣ я?
 Скажите, Вакха ради,
 Вы дремлете, мои друзья,
 Склонившись на тетради.

Писатель! за свои грѣхи
 Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
 Вильгельмъ,³ прочти свои стихи—
 Чтобъ мнѣ уснуть скорѣе.

КЪ БАТЮШКОВУ.

Философъ рѣзвый и пійтъ,
 Парнасскій счастливый лѣннivecъ,
 Харитъ избѣженный любимецъ,
 Наперсникъ милыхъ Аонидъ!

¹ Н. А. Корсаковъ. ² М. Л. Яковлевъ. ³ В. К. Кюхельбекеръ.

Почто на арфѣ златострунной
 Умолкнулъ, радости пѣвецъ?
 Ужель и ты, мечтатель юной,
 Разстался съ Фебомъ наконецъ?

Уже съ вѣнкомъ изъ розъ душистыхъ
 Межъ кудрей вьющихся, златыхъ,
 Подъ тѣнью тополей вѣтвистыхъ,
 Въ кругу красавицъ молодыхъ,
 Заздравнымъ не стучишь фіаломъ,
 Любовь и Вакха не поешь;
 Довольный, счастливый началомъ,
 Цвѣтовъ парнасскихъ вновь не рвешь;
 Не слышенъ нашъ Парни российский.
 Пой, юноша! Пѣвецъ тѣискій
 Въ тебя вліялъ свой нѣжный духъ.
 Съ тобою твой прелестный другъ,
 Лилета, красныхъ дней отрада:
 Пѣвцу любви любовь награда.
 Настрой же лиру, по струнамъ
 Летай игривыми перстами,
 Какъ вѣснй зефиръ по цвѣтамъ;
 И сладострастными стихами,
 И тихимъ шопотомъ любви
 Лилету въ свой шалашъ зови;
 И звѣздъ ночныхъ при блѣдномъ свѣтѣ,
 Плывающихъ въ дальней вышинѣ,
 Въ уединенномъ кабинетѣ,
 Волшебной внемля тишинѣ,
 Слезами счастья грудь прекрасной,
 Счастливецъ милый, орошай;
 Но упоенъ любовью страстной,
 И нѣжныхъ музъ не забывай!
 Любви нѣтъ болѣ счастья въ мірѣ;
 Люби—и пой ее на лирѣ.

Когда жъ къ тебѣ въ досужный часъ
 Друзья, знакомые сберутся,
 И вина пѣнныя польются,
 Отъ плѣна съ трескомъ свободясь,
 Описывай въ стихахъ игривыхъ
 Веселье, шумъ гостей болтливыхъ
 Вокругъ накрытаго стола,
 Стаканъ, кипящій пѣной бѣлой,
 И стукъ блестящаго стекла;
 И гости дружно стихъ веселой,
 Бокаль въ бокаль удара въ ладъ,
 Нестройнымъ хоромъ повторять.

Поэтъ! въ твоей предметы волѣ!
 Во звучны струны смѣло грянь,
 Съ Жуковскимъ пой кроваву брань
 И грозну смерть на ратномъ полѣ.
 И ты въ строяхъ ее встрѣчалъ,
 И ты, постигнутый судьбою,
 Какъ россъ, питомецъ славы, палъ!
 Ты палъ, и хладною косою
 Едва, скошенный, не уваль!

Иль вдохновенный Ювеналомъ,
 Вооружись сатиры жаломъ;
 Подъ-часъ прими ея свистокъ,
 Рази, осмѣивай порокъ;
 Шутя, показывай смѣшное,
 И если можно, насъ исправь;
 Но Тредьяковского оставь
 Въ столь часто рушимомъ покоѣ.
 Увы! довольно безъ него
 Найдемъ безсмысленныхъ поэтовъ;
 Довольно въ мірѣ, есть предметовъ,
 Пера достойныхъ твоего!

Скажи, по милости, Грифону,
 Ползкомъ ползущу къ Геликону,
 Чтобъ пересталъ совсѣмъ писать
 И бѣдныхъ насъ морить со скуки;
 Скажи ему, что наши внуки
 Не стануть вздоръ его читать...
 Все, все позволено поэту!
 Скажи всему, коль хочешь, свѣту,
 Что Висковатовъ не попадѣ
 Уродовъ выставилъ на сцену,
 Визжать заставилъ Мельпомену,
 Что Клить былъ добрый человѣкъ,
 Тихонько проводилъ свой вѣкъ,
 Своимъ домкомъ тихонько правилъ,
 И жилъ безъ горя, безъ заботъ,
 Покамѣстъ не печаталъ одъ,
 Гдѣ здравый смыслъ вверхъ дномъ поставилъ,
 Гдѣ мы навидѣлись всего,
 Гдѣ «всѣ чудовища геенны—
 На жертву агнцы обреченны»,
 Гдѣ нѣтъ лишь смысла одного.

Но что? Цѣвницу мою,
 Безвѣстный въ мірѣ семъ поэтъ,
 Я пѣсни продолжать не смѣю.

Прости—но помни мой совѣтъ:
 Доколѣ, музами любимый,
 Ты Піэридъ горишь огнемъ,
 Доколь, сраженъ стрѣлой незримой,
 Въ подземный ты не снидешь домъ,
 Мірскія забывай печали,
 Играй: тебя, молодой Назонъ,
 Эротъ и Граціи вѣнчали,
 А лиру строилъ Аполлонъ.

КЪ НИКОЛАЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ

ЛОМОНОСОВУ.

И ты, любезный другъ, оставилъ
 Надежну пристань тишины,
 Челнокъ свой весело направилъ
 По влгѣ бурной глубины;
 Судьба на руль уже склонилась,
 Спокойно свѣтять небеса,
 Ладья крылатая пустилась—
 Расправитъ счастье паруса.
 Дай Богъ, чтобъ грозной непогоды
 Вблизи ты ужасъ не видалъ,
 Чтобъ бурный вихоръ не вздувалъ
 Предъ челнокомъ шумящи воды!
 Дай Богъ, подъ-вечеръ, къ берегамъ
 Тебѣ пристать благополучно,
 И отдохнуть спокойно тамъ
 Съ любовью, дружбой неразлучно!
 Нѣтъ, ты не можешь ихъ забыть!
 Но что! не скоро, можетъ быть,
 Увижусь я, мой другъ, съ тобою
 Укромной хаты въ тишинѣ?
 За чашей пунша круговою
 Подъ-часъ вспомнишь обо мнѣ;
 Когда жъ пойду на новоселье
 (Заснуть вѣдь общій всѣмъ удѣлъ),
 Скажи: дай Богъ ему веселье!
 Онъ въ жизни хотъ любить умѣлъ.

РОМАНСЪ.

Подъ-вечеръ, осенью ненастной,
 Въ пустынныхъ дѣва пла мѣстахъ,
 И тайный плодъ любви несчастной
 Держала въ трепетныхъ рукахъ.

Все было тихо: лѣсъ и горы,
Все спало въ сумракѣ ночномъ;
Она внимательные взоры
Водила съ ужасомъ кругомъ,

И на невинномъ семъ твореньѣ,
Вздохнувъ, остановила ихъ....
«Ты спишь, дитя, мое мученье....
Не знаешь горестей моихъ!
Откроешь очи и, тоскуя,
Ты къ груди не прильнешь моей,
Не встрѣтишь завтра подѣлуя
Несчастной матери твоей!

Ее манить напрасно будешь!
Мнѣ вѣчный стыдъ—вина моя!
Меня навѣки ты забудешь...
Но не забуду я тебя.
Дадутъ покровъ тебѣ чужіе,
И скажутъ: ты для насъ чужой!
Ты спросишь: гдѣ мои родные?
И не найдешь семьи родной!

Несчастный! будешь грустной думой
Томиться межъ другихъ дѣтей,
И до конца съ душой угрюмой
Взирать на ласки матерей.
Повсюду странникъ одинокій,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрекъ жестокий...
Прости, прости тогда меня!

Ты спишь!... позволь себя, несчастный,
Прижать къ груди въ послѣдній разъ.
Законъ несправедливый, ужасный,
Къ страданью осуждаетъ насъ.
Пока лѣта не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милый! горькія печали
Не тронуть дѣтства тихихъ дней!»

Но вдругъ за рощей освѣтила,
Вблизи ей, хижину луна.
Блѣдна, трепещуща, уныла,
Къ дверямъ приблизилась она,
Склонилась, тихо положила
Младенца на порогъ чужой;
Со страхомъ очи отвратила—
И скрылась въ темнотѣ ночной.

MON PORTRAIT.

(ВАРОНУ П. О. ГРЕБЕННИЦУ).

Vous me demandez mon portrait,
Mais peint d'après nature:
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson
Encore dans les classes;
Point sot, je le dis sans façon
Et sans fades grimaces.

Oui! il ne fut de babillard,
Ni docteur de Sorbonne
Plus ennuyeux et plus braillard
Que moi-même en personne.

Ma taille, à celle des plus longs,
Los n'est point égalée;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

J'aime et le monde, et son fracas,
Je hais la solitude;
J'abhorre et noises et débats,
Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals, me plaisent fort,
Et d'après ma pensée,
Je dirais ce que j'aime encore,
Si je n'étais au lycée.

Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:
Oui! tel que le bon Dieu me fit,
Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie—
Ma foi—voilà Pouchkine.

ГОРОДОКЪ.

(къ ***)

Прости мнѣ, милый другъ;
 Двухлѣтнее молчанье;
 Писать тебѣ посланье
 Мнѣ было недосугъ.
 На тройкѣ принесенный
 Изъ родины смиренной
 Въ великій градъ Петра,
 Отъ утра до утра
 Два года все кружился
 Безъ дѣла въ хлопотахъ,
 Зѣвалъ и веселился
 Въ театрѣ, на пирахъ;
 Не вѣдалъ я покоя,
 Увы! ни на часокъ,
 Какъ будто у наложъ
 Въ великій четвертокъ
 Измученный дѣячокъ.
 Но слава, слава Богу!
 На ровную дорогу
 Я выѣхалъ теперь,
 Ужъ вытолкалъ за дверь
 Заботы и печали,
 Которыя играли—
 Стыжусь—столь долго мной,
 И въ тишинѣ святой
 Философомъ лѣнливымъ,
 Отъ шуму вдалькѣ,
 Живу я въ городкѣ,
 Безвѣстностью счастливомъ.
 Я нанялъ свѣтлый домъ:
 Съ диваномъ, съ камелькомъ
 Три комнатки простыя—
 Въ нихъ злата, бронзы нѣтъ,
 И ткани выписныя
 Не кроютъ ихъ паркетъ.
 Окошки—въ садъ веселый,
 Гдѣ липы престарѣлы
 Съ черемухой цвѣтутъ;
 Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
 Березокъ своды темны
 Прохладну сѣнь даютъ;
 Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжной
 Сплелся съ фіалкой нѣжной,
 И быстрый ручеекъ,

Въ струяхъ неся цвѣтокъ,
Невидимый для взора,
Лепечеть у забора.
Здѣсь добрый твой поэтъ
Живетъ благополучно;
Не ходитъ въ модный свѣтъ;
На улицѣ каретъ
Не слышенъ стукъ докучной;
Здѣсь грома вовсе нѣтъ;
Лишь изрѣдка телега
Скрипитъ по мостовой,
Иль путникъ, въ домикъ мой
Пришедъ искать ночлега,
Дорожною клякой
Въ калитку постучится...

Блаженъ, кто веселится
Въ покоѣ, безъ заботъ,
Съ кѣмъ втайнѣ Фебъ дружится
И маленькій Эроть;
Блаженъ, кто на просторѣ
Въ укромномъ уголкѣ
Не думаетъ о горѣ,
Гуляетъ въ колпакѣ,
Пьетъ, ѣстъ, когда захочетъ
О гостѣ не хлопочетъ!
Никто, никто ему
Лѣниться одному
Въ постелѣ не мѣшаетъ;
Захочетъ—Аонидъ
Толпу къ себѣ сзываетъ;
Захочетъ—сладко спитъ,
На Риемова склоняясь
И тихо забываясь.
Такъ я, мой милый другъ,
Теперь расположился;
Съ толпой безстыдныхъ слугъ
Навѣки распростился;
Укрывшись въ кабинетъ,
Одинъ я не скучаю,
И часто цѣлый свѣтъ
Съ восторгомъ забываю,
Друзья мнѣ—мертвецы,
Парнаскіе жрецы.
Надъ полкою простою,
Подъ тонкою тафтою,
Со мной они живутъ.
Пѣвцы краснорѣчивы,

Прозанки шутливы—
 Въ порядкѣ стали тутъ.
 Сынъ Мома и Минервы,
 Фернейскій злой крикунъ,
 Поэтъ въ поэтахъ первый,
 Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
 Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
 Издѣтства сталъ пить;
 Всѣхъ больше перечитанъ,
 Всѣхъ менѣе томить;
 Соперникъ Эврипида,
 Эраты нѣжный другъ,
 Арьоста, Тасса внукъ—
 Скажу ль?... Отецъ Кандида!
 Онъ все: вездѣ великъ
 Единственный старикъ!
 На полкѣ за Вольтеромъ
 Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
 Всѣ вмѣстѣ предстоятъ.
 Въ часъ утренній досуга,
 Я часто другъ отъ друга
 Люблю ихъ отрывать.
 Питомцы юныхъ Грацій—
 Съ Державинымъ потомъ
 Чувствительный Горацій
 Является вдвоемъ.
 И ты, пѣвецъ любезной,
 Поэзіей прелестной
 Сердца привлекшій въ плѣнъ,
 Ты здѣсь, лѣнтяй безпечный,
 Мудрецъ простосердечный,
 Ванюша Ляфонтенъ,
 Ты здѣсь!... И Дмитревъ нѣжный,
 Твой вымысль любя,
 Нашелъ пріютъ надежный
 Съ Крыловымъ близъ тебя.
 Но вотъ наперсникъ милой
 Психеи златокрылой! ¹
 О добрый Ляфонтенъ,
 Съ тобой онъ смѣлъ сразиться...
 Коль можешь ты дивиться,
 Дивись: ты побѣжденъ!
 Воспитанны Амуромъ
 Вержье, Парни съ Грекуромъ
 Укрылись въ уголокъ
 (Не разъ они выходятъ

¹ И. О. Богдановичъ.

И соеъ отъ глазъ отводить
 Подъ зимній вечерокъ).
 Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
 Руссо и Карамзинъ;
 Съ Мольеромъ-исполиномъ
 Фонъ-Визинъ и Княжнинъ.
 За ними, хмурясь важно,
 Ихъ грозный Аристархъ
 Является отважно
 Въ шестнадцать томахъ.
 Хоть страшно стихоткачу
 Лягарпа видѣть вкусъ,
 Но часто, признаюсь,
 Надъ нимъ я время трачу.

Кладбище обрѣли
 На самой нижней толкѣ
 Всѣ школьнически толки,
 Лежащiе въ пыли:
 Вязова сочиненья,
 Глупона псалмопѣнья,
 Извѣстныя творенья,
 Увы, однимъ мышамъ!
 Миръ вѣчный и забвенье
 И прозъ и стихамъ!
 Но ими огражденну
 (Ты долженъ это знать)
 Я спряталъ потаенну
 Сафьяннуу тетрадь.
 Сей свитокъ драгоцѣнный,
 Вѣками сбереженный,
 Отъ члена русскихъ силъ,
 Двоюроднаго брата,
 Драгунскаго солдата,
 Я даромъ получилъ.
 Ты, кажется, въ сомнѣннiи...
 Не трудно отгадать;
 Такъ, это сочиненьи,
 Презрѣвшiя печать.
 Хвала вамъ, чада славы,
 Враги парнасскихъ узъ!
 О князь, наперсникъ музъ,⁴
 Люблю твои забавы;
 Люблю твой колкій стихъ
 Въ посланiяхъ твоихъ,
 Въ сатиры—знанье свѣта

⁴ Кн. Д. Горчаковъ.

И слога чистоту,
 И въ рѣзвости куплета
 Игриву остроту.
 И ты, насмѣшникъ смѣлый,¹
 Въ ней мѣсто получилъ,
 Чей въ Адѣ стихъ веселый
 Поэтовъ раздражилъ,
 Какъ, въ юношески лѣты,
 Въ волнахъ туманной Леты
 Ихъ гуртомъ потопилъ;
 И ты, замысловатый
 Буянова пѣвецъ,²
 Въ картинахъ столь богатый
 И вкуса образецъ,
 И ты, шутникъ бездѣльный,
 Который Мельпомены
 Котурны и кинжалъ
 Игривой Талы далъ!³
 Чья кисть мнѣ нарисуетъ,
 Чья кисть скомпанируетъ
 Такой оригиналъ!
 Тутъ вижу я съ Чернавкой
 Подщипа слезы льетъ;
 Здѣсь князь дрожитъ подъ лавкой,
 Тамъ дремлетъ весь совѣтъ;
 Въ трагическомъ смятеніи
 Плѣненные цари,
 Забывъ войну, сраженны,
 Играютъ въ кубари...
 Но назову ль дѣтину,
 Что доброю порой
 Тетради половину
 Наполнилъ лишь собой!...
 О ты, высотъ Парнаса
 Бояринъ небольшой,
 Но пылкаго Пегаса
 Набздникъ удалой!
 Намаранныя оды,
 Убранство чердаковъ,
 Гласятъ изъ рода въ роды:
 Великъ, великъ Свистовъ!⁴
 Твой даръ цѣнить умѣю,
 Хоть право не знатокъ;
 Но здѣсь тебѣ не смѣю

¹ Е. Н. Батюшковъ. Стихотвореніе его «Видѣніе на берегахъ Леты».

² В. Л. Пушкинъ. Стихотвореніе его: «Опасный сосѣдъ».

³ И. А. Крыловъ. Траги-комедія его: «Трунфъ». ⁴ Гр. Д. И. Хвостовъ.

Хвалы сплетать вѣнокъ:
Свистовскимъ должно слогомъ
Свистова воспѣвать;
Но убирайся съ Богомъ!
Какъ ты, въ томъ клясться радъ,
Не стану я писать.

О вы, въ моей пустынѣ
Любимые творцы!
Займите же отнынѣ
Безпечности часы.
Мой другъ! Весь день я съ ними—
То въ думу углублень,
То мыслями своими
Въ Элизій пренесень.
Когда же на закатѣ
Послѣдній лучъ зари
Потонетъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые цари
Смеркающейся нощи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремлютъ рощи,
И шорохъ по лѣсамъ—
Мой геній невидимкой
Летаетъ надо мной,
И я въ тиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ пастушьею волынкой.
Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
Кто лиру въ даръ отъ Феба
Во цвѣтъ дней возьметъ!
Какъ смѣлый житель неба,
Онъ къ солнцу воспаритъ,
Превыше смертныхъ станетъ
И слава громко грянетъ:
«Безсмертенъ вѣкъъ пійтъ!»

Но ею мнѣ ль гордиться,
Но мнѣ ль безсмертьемъ льститься?...
До слезъ я спорить радъ,
Не бьюсь лишь объ закладъ....
Какъ знать, и мнѣ, быть можетъ,
Печать свою наложитъ
Небесный Аполлонъ;
Сіяя горнимъ свѣтомъ,
Безтрепетнымъ полетомъ
Взлечу на Геликонъ.
Не весь я преданъ тѣнью.
Съ моей, быть можетъ, тѣнью

Полуночной порой
Сынъ Феба молодой,
Мой правнукъ просвѣщенный
Бесѣдовать придетъ,
И мною вдохновенный,
На лиръ въздохнетъ.

Покажѣтъ, другъ безцѣнный,
Каминомъ освѣщенный,
Сижу я подъ окномъ
Съ бумагой и перомъ.
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я нынѣ вдохновенъ....
Мой другъ, я счастливъ ею;
Почто жъ ея сестрой,
Любовію молодой,
Напрасно пламенѣю?
Иль юности златой
Вотще даны мнѣ розы,
И лить навѣки слезы
Въ юдоли, гдѣ разцвѣлъ,
Мой горестный удѣлъ?...
Пѣвца сопутникъ милой,
Мечтанье легкокрыло,
О, будь же ты со мной!
Дай руку сладострастью,
И съ чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвенія тропой;
И въ часъ безмолвной ночи,
Когда лѣнивый макъ
Покроетъ томны очи,
На вѣтреныхъ крылахъ
Примчись въ мой домикъ тѣсной,
Тихонько постучись,
И въ тишинѣ прелестной
Съ любимцемъ обнимись!
Мечта! въ волшебной сѣни
Мнѣ милую яви,
Мой свѣтъ, мой добрый геній,
Предметъ моей любви!
И блескъ очей небесный,
Ліющихъ огонь въ сердца,
И Грацій станъ прелестный,
И смѣхъ ея лица;
Представь, что на колѣняхъ
Покоюсь у меня,

Въ порывистыхъ томленьяхъ
Склонилася она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устахъ;
Горитъ лицо прекрасной
И слезы на глазахъ!...
Почто стрѣлой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманеть—и пропасть
Бѣглець невозвратимой!
Не слышитъ плачь и стонъ;
И гдѣ крылатый сонъ?
Исчезнетъ обольститель,
И въ сердцѣ грусть-мучитель!

Но все ли, милый другъ,
Быть счастья въ упоеньѣ?
И въ грусти томный духъ
Находить наслажденье:
Люблю я въ лѣтній день
Бродить одинъ съ тоскою,
Встрѣчать вечерню тѣнь
Надъ тихою рѣкою,
И съ сладостной слезою
Въ даль сумрачну смотрѣть;
Люблю съ моимъ Марономъ,
Подъ яснымъ небосклономъ,
Близъ озера сидѣть,
Гдѣ лебедь бѣлоснѣжной.
Оставя злать прибрежной,
Любви и нѣги полнъ,
Съ подругою своею,
Закинувъ гордо шею,
Плыветъ во златѣ волнъ;
Или, для развлеченья,
Оставя книгъ ученье,
Въ досужный мнѣ часокъ
У добренькой старушки
Душистый пью чаекъ;
Не подхожу я къ ручкѣ,
Не шаркаю предъ ней,
Она не присѣдаетъ,
Но тотчасъ же вѣстей
Мнѣ пропасть наболтаетъ.
Газеты собираетъ
Со всѣхъ она сторонъ,
Все свѣдаетъ, узнаетъ:
Кто умеръ, кто влюбленъ,

Кого жена по модѣ
Рогами убрала,
Въ которомъ огородѣ
Капуста цвѣтъ дала;
Ома свою хозяйку
Ни за-что наказалъ,
Автошка баладайка,
Играя, разломалъ—
Старушка все расскажетъ.
Межъ тѣмъ, какъ юбку вяжетъ,
Болтаетъ все свое;
А я сижу смиренно
Въ мечтаньяхъ углубленной,
Не слушая ее,
Ни риемы Удалова.
Такъ нѣкогда Свистова
Въ столицѣ я внималъ,
Когда свои творенья
Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ.
Ахъ, видно Богъ пыталъ
Тогда мое терпѣнье!

Иль добрый мой сосѣдъ,
Семидесяти лѣтъ,
Уволенный отъ службы
Маіоромъ отставнымъ,
Зоветь меня изъ дружбы
Хлѣбъ-соль откупать съ нимъ.
Вечернею пирушкой
Старикъ, развеселясь
За дѣдовскою кружкой,
Въ прошедшемъ углубясь,
Съ очаковской медалью
На раненой груди,
Вспомнить ту баталю,
Гдѣ, роты впереди,
Летѣлъ на встрѣчу славы,
Но встрѣтился съ ядромъ.
И палъ на долъ кровавый
Съ булатнымъ палапомъ.
Всегда я радъ душою
Съ нимъ время провождать,
Но, Боже, виновать!
Я каюсь предъ тобою—
Служителей твоихъ
Поповъ я городскихъ
Боюсь, боюсь бесѣды;
И свадебны обѣды

За тѣмъ лишь не терплю,
 Что сельскихъ іереевъ,
 Какъ папа іудеевъ,
 Я вовсе не люблю;
 А съ ними крючковатый
 Подъяческій народъ,
 Лишь взятками богатый
 И ябеды оплотъ.
 Но, другъ мой, если вскорѣ
 Увижусь я съ тобой,
 То мы уходимъ горе
 За чашей круговой;
 Тогда, клянусь богами
 (И слово ужъ сдержу),
 Я съ сельскими попами
 Молебень отслужу.

Э П И Г Р А М М Ы.

1.

Аристъ намъ обѣщалъ трагедію такую,
 Что всѣ отъ жалости въ театрѣ заревутъ,
 Что слезы зрителей рѣкою потекутъ...

Мы ждали драму золотую.

И что же? Дождались—и нечего сказать,
 Достоинству ея нельзя убавить вѣсу:
 Ну, право, удалось Аристу написать
 Прежалостну піесу.

2.

ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОМУ.

Супругою твоей я такъ плѣнился,
 Что если бѣ три въ удѣлѣ достались мнѣ,
 Подобныя во всемъ твоей женѣ,
 То даромъ двухъ я бѣ отдалъ сатанѣ,
 Чтобъ третью лишь принять онъ согласился.

3.

НЕСЧАСТЬЕ КЛИТА.

(НА КЮХЕЛЬБЕНЕРА).

Внукъ Тредьяковского Клитъ гекзаметромъ пѣсенки пи-
 шеть,

Противу ямба, хоря злобой ужасною дышетъ:
 Мѣра простая сія все портитъ, по мнѣнію Клита,
 Смыслъ затмеваетъ стиховъ, жаръ охлаждаетъ пита.
 Спорить о томъ я не смѣю, пусть онъ безвинныхъ поно-
 сить,

Ямбъ охладилъ приемача, гекзаметры жъ онъ заморозить.

4.

НА ПОЭМУ ШИХМАТОВА.

«Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ,
Или спасенная Россія»—
Слогъ темень, важенъ, напыщенъ,
И тяжки словеса пустыя.

5.

НА ГР. А. К. РАЗУМОВСКАГО.

Ты слышалъ вѣсть смѣшную?
Разумникъ получилъ вѣдь ленту голубую.
—Богъ съ нимъ! я недругъ никому:
Дай Богъ и царствія небеснаго ему.

1815.

, —

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Нависъ покровъ угрюмой нощи
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почилъ доль и рощи,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгушій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на листьяхъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ серебристыхъ облакахъ.

Плыветъ—и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вкругъ;
Алеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ, и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ тополемъ сплелась младая ива
И отразилась въ кристалѣ зыбкихъ водъ;
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣтетъ.

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой;
Тамъ въ тихомъ озерѣ плещаются наяды
Его лѣнивою волной;
А тамъ, въ безмолвіи, огромные чертоги,
На своды опершись, несутся къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы росской храмъ?

Не се ль Элизіумъ полнощный,
 Прекрасный царскосельскій садъ.
 Гдѣ, льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
 На лонѣ мира и отрадѣ?
 Увы! промчались тѣ времена златыя,
 Когда подъ скипертомъ великія жены
 Вѣнчалась славою счастливая Россія,
 Цвѣтя подъ кровомъ тишины.

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
 Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;
 Возврѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ росъ вѣщаетъ:
 «Исчезло все, Великой нѣтъ!»
 И въ думу углубленъ, надъ злаными берегами
 Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вѣтрамъ слухъ:
 Протекшія лѣта мелькаютъ предъ очами,
 И въ тихомъ восхищеніи духъ.

Онъ видитъ: окруженъ волнами,
 Надъ твердой, мшистою скалою
 Вознесся памятникъ. Шприсяся крылами.
 Надъ нимъ сидитъ орелъ молодой.
 И цѣпи тяжкія, и стрѣлы громовыя
 Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились,
 Кругомъ подножія, шума, валы сѣдые
 Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

Въ тѣни густой утрюмыхъ сосенъ
 Воздвигся памятникъ простой.
 О, сколь онъ для тебя, Кагульскій берегъ, поносенъ
 И славенъ родинѣ драгой!
 Безсмертны вы вовѣкъ, о русски исполины,
 Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ;
 О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
 Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

О, громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
 Свидѣтель славы россиянь!
 Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ,
 Потомки грозные славянъ,
 Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
 Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ;
 Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
 Струнами громозвучныхъ лиръ.

И ты промчался, незабвенный!
 И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
 И брани новыя, и ужасы войны:

Страдать—есть смертнаго удѣлъ.
Блеснуль кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя;
Возсталъ вселенной бичъ—и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря;

И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на русскія поля.
Предъ ними мрачна степь лежитъ во снѣ глубокомъ,
Дымится кровію земля,
И селы мирныя и грады въ мглѣ пылають,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавить плугъ.

Идутъ—ихъ силѣ нѣтъ препоны,
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ съединяся полкахъ,
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно,
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи..
Но клики раздались!... Идутъ въ дали туманной..
Звучать кольчуги и мечи!

Страшись, о рать иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны;
Возсталъ и старъ и младъ, летятъ на дерзновенныхъ;
Сердца ихъ мщеніемъ возжены.
Вострепещи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря.
Ихъ цѣль: или побѣдить, или пасть въ пылу сраженья
За вѣру, за царя.

Ретивы кони бранью пышутъ,
Усѣянъ ратниками доль,
За строемъ строй течетъ, всѣ местию, славой дышутъ,
Восторгъ во грудь ихъ перешелъ;
Летятъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищутъ,
И се—пылаетъ брань; на холмахъ громъ гремитъ,
Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы свищутъ
И брызжетъ кровь на щитъ.

Сразились—русскій побѣдитель!
И вспять бѣжитъ надменный галлъ;
Но сильнаго въ бсяхъ небесный вседержитель
Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ:
Не здѣсь его сразилъ воитель посѣдѣлый;
О, Бородинскія кровавыя поля!
Не вы неистовству и гордости предѣлы:
Увы, на башняхъ галлъ Кремля!

Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтушихъ лѣтъ
Часы безпечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,
И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь и пламень похиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни...
Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

Гдѣ ты, краса Москвы стоголавой,
Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
Развалины теперь одни.
Москва! сколь русскому твой зракъ унылый страшень!
Исчезли зданія вельможей и царей,
Все пламень истребилъ, вѣнцы затмились башень,
Чертоги пали богачей.

И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
Въ тѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
Гдѣ миртъ благоухалъ и липа трепетала,
Тамъ нынѣ угли, пепелъ, прахъ;
Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней нощи
Веселье шумное туда не полетитъ,
Не блещутъ ужъ въ огняхъ берега и свѣтлы рощи—
Все мертво, все молчить...

Утѣшся, мать градовъ Россіи,
Возри на гибель приплеца.
Отяготѣла днесъ на ихъ надменной выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ,
Ихъ кровь не престае въ снѣгахъ рѣками течь,
Бѣгутъ—и въ тмѣ ночной ихъ гладъ и смерть срѣ-
таютъ,

А съ тыла гонить россовъ мечъ.

О вы, которыхъ трепетали
Европы сильныя племена,
О галлы хищные! и вы въ могилы пали...
О страхъ! о грозны времена!
Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ?
Въ гордынъ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны,
Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ!

Въ Парижѣ россъ! Гдѣ факелъ мщенья?
Поникни, Галлія, главой!

Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой;
Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленіи,
Москва въ уныніи, какъ степь въ полнощной мглѣ—
А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье,
И благотворный миръ землѣ.

Достойный внукъ Екатерины!
Почто небесныхъ Аонидъ,
Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянской бардъ дружины,
Мой духъ восторгомъ не горить!
О, если бѣ Аполлонъ пѣтовъ даръ чудесной
Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! тобою восхищенъ,
На лирѣ бѣ возгремѣлъ гармоніей небесной
И возсіялъ во тмѣ время!

О скальдъ Россіи вдохновенный,
Всплѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,
Взгреди на арфѣ золотой;
Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огонь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.
(Читано на экзаменѣ 4 и 8 января 1815).

КАЗАКЪ.

Разъ полуночной порою,
Сквозь туманъ и мракъ,
Ѣхалъ тихо надъ рѣкою
Удалой казакъ.

Черна шапка на бекренѣ,
Весь жупанъ въ пыли,
Пистолеты при колѣнѣ,
Сабля до земли.

Вѣрный конь, узды не чуя,
Шагомъ выступалъ,
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вотъ предъ нимъ двѣ, три избушки,
Выломанъ заборъ;
Здѣсь—дорога къ деревушкѣ,
Тамъ—въ дремучій боръ.

«Не найду въ лѣсу дѣвицы,—
Думалъ хватъ Денисъ;
Ужъ красавицы въ свѣтлицы
На ночь убрались.»

Шевельнулъ донецъ уздою,
Шпорой прикольнулъ,
И помчался конь стрѣлою—
Къ избамъ завернулъ.

Въ облакахъ луна серебрила
Дальни небеса;
Подъ окномъ сидитъ уныла
Дѣвица-краса.

Храбрый видитъ красну дѣву,
Сердце бьется въ немъ;
Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву—
Вотъ ужъ подъ окномъ.

«Ночь становится темнѣе,
Скрылася луна.
Выйди, коханечка, скорѣе,
Напои коня.»

— Нѣтъ! Къ мужчинѣ молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мнѣ изъ дому,
Коню дать воды.

«Ахъ, небось, дѣвица красна,
Съ милымъ подружись!»
— Ночь красавицамъ опасна.
«Радость, не страшись!

«Вѣрь, коханечка, пустое;
Ложный страхъ отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

«Сядь на борзого: съ тобою
Въ дальній ѣду край;
Будешь счастлива со мною:
Съ другомъ всюду рай!»

Что же дѣвица? Склонилась,
Побѣдила страхъ,

Робко ѣхать согласилась,
Счастливы стали казаки!

Поскакали, полетѣли;
Дружку другъ любилъ:
Быль ей вѣренъ двѣ недѣли,
Въ третью измѣнилъ.

ВИШНЯ.

Румяной зарею
Покрылся востокъ,
Въ селѣ за рѣкою
Потухъ огонекъ.

Росой окропились
Цвѣты на поляхъ,
Стада пробудились
На мягкихъ лугахъ.

Туманы сѣдые
Плывутъ къ облакамъ,
Пастушки младыя
Спѣшать къ пастухамъ.

Съ журчаньемъ стремится
Источникъ межъ горъ,
Вдали золотится
Во тмѣ синій боръ.

Пастушка младая
На рынокъ спѣшитъ,
И вдалѣ, пригѣвая,
Прилежно глядитъ.

Румянецъ играетъ
На полныхъ щекахъ,
Невинность блистаетъ
На робкихъ губахъ.

Искусной рукою
Коса убрана,
И ножка собою
Прельщать создана.

Корсетомъ, прикрыта
Вся прелесть грудей,

.
Приманка людей.

Пастушка приходитъ
Въ вишневикъ густой,
И много находитъ
Плодовъ предъ собой.

Хоть видъ ихъ прекрасенъ,
Красотку манить,
Но путь къ нимъ опасенъ—
Бѣдняжку страшить.

Подумавъ, рѣшилась
Сихъ вишенъ поѣсть,
За вѣтвь ухватилась
На дерево взлѣзть.

Уже достигаетъ
Награды своей
И робко ступаетъ
Ногой межъ вѣтвей.

Бери плодъ рукою—
И вишня твоя,
Но, ахъ, что съ тобою,
Пастушка моя?

Вдали усмотрѣла,
Спѣшитъ пастушокъ—
Нога ослабѣла,
Скользить башмачокъ.

И вѣтвь затрещала,
Бѣда! смерть грозитъ!
Пастушка упала,
Но, ахъ! какой видъ...

Сучекъ преломленный
За платье задѣлъ,
Пастухъ удивленный
Всю прелесть узрѣлъ...

.

Пастушку несчастну
Съ сучка тихо снялъ
И грудь свою страстну
Къ красоткѣ прижалъ.

Вся кровь закипѣла
Въ двухъ пылкихъ сердцахъ,
Любовь прилетѣла
На быстрыхъ крылахъ.

Утѣха страданій
Двухъ юныхъ сердець
Въ любви ожиданій
Супругамъ вѣнецъ...

.

Б О В А.

(Отрывокъ).

Часто, часто я бесѣдовалъ
Съ болтуномъ страны Элинскія,
И не смѣлъ осиплымъ голосомъ,
Съ Шапеленомъ и съ Риёматовымъ,
Воспѣвать героевъ Сѣвера.
Несравненнаго Виргилія
Я читалъ и перечитывалъ,
Не стараясь подражать ему
Въ нѣжныхъ чувствахъ и гармоніи.
Разбиралъ я нѣмца Клопштока,
И не могъ понять премудраго;
Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ;
Я хочу, меня чтобъ поняли
Всѣ отъ мала до великаго.
За Мильтономъ и Камознсомъ
Опасался я безъ крылъ парить,
Въ серафимовъ жарить пушками,
Съ сатаною обитать въ раю.
Но вчера, въ архивахъ рояся,
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Прочиталъ—и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

Не запомню, сколько лѣтъ спустя
Послѣ рождества Спасителя,
Царь Додонъ со славой царствовалъ,
Въ Свѣтомірѣ, сильномъ городѣ.
Царь Додонъ вѣнецъ со скипетромъ
Не прямой досталъ дорогою,
Но убивъ царя законнаго,
Бендокира слабоумнаго.

Царь Додонъ не слабоумнаго
Быль достоинъ злаго прозвища,
Но тирана неусыпнаго
(Онъ однако не имѣлъ его).
Лѣнь мнѣ всѣ его достоинства
И пороки вамъ показывать;
Вы слышали, люди добрые,
О царѣ, что двадцать цѣлыхъ лѣтъ
Не снималъ съ себя оружія,
Не слѣзалъ съ коня ретиваго,
Всюду пролеталъ съ побѣдою,
Міръ крещеный потопилъ въ крови,
Не щадилъ и некрещенаго,
И въ ничтожество низверженный
Александромъ, грознымъ ангеломъ,
Жизнь проводить въ униженіи,
И, забытый всѣми, кличется
Нынѣ Эльбы императоромъ....
Вотъ таковъ-то былъ и царь Додонъ!

Разъ, собравъ бородачей совѣтъ
(Безбородыхъ не любилъ Додонъ),
На престолѣ пригорюнившись,
Произнесъ онъ имъ такую рѣчь:

«Вы, которые совѣтами
Облегчали тяжесть скипетра,
Услаждали участь царскую
(Не горька она была ему),
Мудрые друзья, сподвижники!
Къ вамъ прибѣгнуть я рѣшаюся:
Что мнѣ дѣлать нынѣ? Слушайте.»

Всѣ привстали, важно хмурясь,
Низко, низко поклонились
И поправя усъ и бороду,
Сѣли на скамьи дубовыя.
«Рамъ извѣстно, продолжалъ Додонъ,
Что искусствомъ и неправдою
Я достигъ престола паткаго
Бендокира слабоумнаго;
Сочетался съ Милитрисою,
Милой женкой Бендокировой,
И въ темницу посадилъ Бову,
Принца крови, сына царскаго.
Легче, легче захватить было
Слабоумнаго златой вѣнецъ,
Чѣмъ, надѣвъ вѣнецъ на голову,

За собою удержать его.
 Вотъ уже народъ безсмысленный,
 Ходя въ праздники по улицамъ,
 Межъ собой не разъ говариваль:
 — Дай Богъ помочь королевичу;
 Вѣдь Бова уже не маленькой,
 Не въ отца своей головушкой.—
 Нужды нѣтъ, что за рѣшоткою,
 Онъ моимъ опасенъ замысламъ.
 Что мнѣ дѣлать съ нимъ, скажите мнѣ?»

Все собранье призадумалось,
 Всѣ въ молчаньи потупили взоръ.
 То-то право золотой Совѣтъ:
 Не болтали здѣсь, а думали.
 Арзаморъ, мужъ старый, опытный,
 Ротъ открылъ-было (совѣтовать
 Знать хотѣлось посѣдѣлому),
 Громко крикнулъ, но одумался,
 И въ молчаньи закусилъ языкъ.
 Ко лбу персть пристава тщательна,
 Лекаръ славный, Эскулапа внукъ,
 Эвельдорфъ, обритый весь, зѣваль,
 Табакеркою поскрипываль,
 Но молчалъ; своей премудрости
 Онъ предъ всѣми не показываль.
 Вихромахъ, Полканъ съ Дубынею,
 Стражи трона, славны рыцари,
 Всѣ сидѣли будто вкопаны.
 Громобуръ, извѣстный силою,
 Но умомъ непроницательный,
 Думаль, думаль и нечаянно
 Задремаль и захрапѣлъ въ углу.
 Что примѣра лучше дѣйствуетъ,
 Что людьми сильнѣй ворочаетъ?
 Вотъ зѣвнули подъ перчаткою
 Храбрый Мирозоръ съ Ивашкою,
 И Полканъ, и Арзаморъ съдой,
 И ко груди приклонились
 Тихо головами буйными.
 Глядь—съ Додовомъ задремаль Совѣтъ,
 Захрапѣли многомыслящи!

Долго бѣ спать было совѣтникамъ,
 Если бѣ нѣмцу не пришлось изъ рукъ
 Табакерку на полъ выронить.
 Табакерка покатила
 И о шпору вдругъ ударила

Громобуря, крѣпко спавшаго,
Загремѣла, раздвоилася,
Отлетѣла въ разны стороны.
Храбрый воинъ пробуждается,
Озираетъ все собраніе;
Между тѣмъ табакъ разсыпался,
Къ носу рыцаря подѣмлется,
И чихнуль герой съ досадою,
Такъ, что своды потрясаются,
Окны всѣ дрожать и сыплются,
И на петляхъ двери хлопаютъ;
Пробуждается собраніе.

«Что тутъ думать, закричалъ герой;
Царь! Бова тебѣ не надобень,
Ну, и къ чорту королевича!
Рѣшено—ему въ живыхъ не быть.
Послѣ, братцы, вы разсудите,
Какъ съ нимъ надобно раздѣлаться.»
Тѣмъ и кончилъ: храбры воины
Рѣчи любятъ лаконически.

«Ладно, мы тебя послушаемъ!
Царь промолвилъ, потянувшись;
Завтра, други, мы увидимся,
А теперь ступайте всѣ домой.»

Оплошалъ Додонъ отсрочкою;
Не твердилъ онъ вѣрно въ азбукѣ:
«Не откладывай до завтраго,
Что сегодня можешь выполнить.»
Разошлись всѣ придворные.
Ночь межъ тѣмъ уже сгущалася;
Царь Додонъ въ постелью царскую
Вмѣстѣ съ милой легъ супругою,
Съ несравненной Милитрисою,
Къ ней спиною повернувшись:
Въ эту ночь его величеству
Не играть, а спать хотѣлося.

Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая дѣвица
(Ангель станомъ, взоромъ, личикомъ,
Вѣлой ручкой, нѣжной ножкою),
Съ госпожи снявъ платье шолково,
Юбку, чепчикъ, ленты, кружева,
Все подъ ключъ въ комодѣ спрятала
И пошла тихонько въ дѣвичью.

Тамъ она сама раздѣлася,
 Подняла съ трудомъ окошечко,
 И легла въ постель пуховую,
 Ожидая друга милаго,
 Свѣтозара, пажа царскаго:
 Къ темной ночкѣ общался онъ
 Изъ окна прыгнуть къ ней въ комнату.
 Ждетъ, пождетъ дѣвица красная—
 Нѣтъ какъ нѣтъ все друга милаго.
 Чу!.. бьетъ полночь; что же Зоинька?
 Видитъ: входитъ къ ней въ окошечко—
 Кто же? другъ ли сердца нѣжнаго?
 Нѣтъ, совсѣмъ не то, читатели!
 Видитъ Зоя привидѣніе:
 Старичишка съ длинной шалкою,
 Въ балахонѣ вмѣсто мантии,
 Опоясанный мочалкою,
 Видъ противный, глазъ на выкатѣ,
 Ротъ разинуть, зубы скалятся,
 Уши длинныя, ослиныя
 Надъ плечами громко хлопаютъ...
 Зоя смотритъ и со трепетомъ
 Узнаетъ она, читатели,
 Бендокира слабоумнаго.

Трепетна, смятенъя полная,
 Стала на колѣни Зоинька,
 Съединила ручку съ ручкою,
 Потушила очи ясныя,
 Прочитала скорымъ шопотомъ
 Отче нашъ и Богородицу,
 И тихохонько промолвила:
 «Что я вижу? Боже! Господи!
 О Никола, Савва мученикъ,
 Осѣните беззащитную!
 Ты ли это, царь нашъ, батюшка?
 Отчего, скажи, оставилъ ты
 Нынѣ царствіе небесное?»
 Станнымъ смѣхомъ освѣтившись,
 Тѣнь рекла прекрасной Зоинькѣ:
 «Зоя, Зоя! не страшись, мой свѣтъ!
 Не пугать тебя мнѣ хочется,
 Не на то сюда явился я
 Съ того свѣта привидѣніемъ.
 Весело пугать живыхъ людей;
 Но могу ли веселиться я,
 Если сына Бендокирова,

Милаго Бову царевича,
На костръ изжарятъ завтра же?»

Бѣдный царь заплакалъ жалобно;
Больно стало доброй дѣвушкѣ.
— Чѣмъ могу, скажи, помочь тебѣ?
Я во всемъ тебѣ покорствую.

«Вотъ что хочется мнѣ, Зоинька:
Изъ темницы сына выручи,
И сама въ жилище мрачное
Сядь на мѣсто королевича;
Пострадай ты за невиннаго;
Поклонюсь тебѣ низехонько
И скажу: спасибо, Зоинька!»

Зоинька тутъ призадумалась;
Это жестоко ей казалось;
Но, имѣя чувства нѣжныя,
Зоя втайнѣ согласилась
На такое предложеніе.

Такъ, ты правъ, оракулъ Франціи,
Говоря, что жены, слабыя
Противъ стрѣлъ Эроса юнаго,
Всѣ имѣютъ душу добрую,
Сердце нѣжно-непритворное!

— Но скажи, о царь возлюбленный!
Зоя молвила покойнику,
Какъ могу—ну, посуди ты самъ—
Пренестись въ темницу мрачную,
Гдѣ горюетъ твой любезный сынъ?
Пятьдесятъ отборныхъ воиновъ
Днемъ и ночью стерегутъ его.
Мнѣ ли, слабой, робкой женщинѣ,
Обмануть ихъ очи зоркія?

«Будь спокойна, случай найдется;
Поклянись лишь только, милая,
Не отвергнуть сего случая,
Если самъ тебѣ представится.»
— Я клянусь! сказала дѣвица.
Вмигъ исчезло привидѣніе,
Изъ окошка быстро вылетѣвъ.
Воздыхая тихо, Зоинька
Опустила тутъ окошечко,
И въ постели успокоившись,
Скоро, скоро, сномъ забылася...

НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала,
Надъ мрачной Эльбою носилась тишина.
Сквозь тучи блѣдныя тихонько пробѣгала

Туманная луна;

Уже на западѣ, съдой одѣтый мглою,
Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ.
Одинъ во тьмѣ ночной надъ дикою скалою

Сидѣлъ Наполеонъ.

Въ умѣ губителя тѣснились мрачны думы:
Онъ новую въ мечтахъ Европѣ пѣшъ ковалъ,
И къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый,

Свирѣпо прошепталъ:

«Вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
Ни гладный звѣрь не вззоетъ надъ могилой.

Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...»

О, скоро ли, нагнвнсь, подѣ рулями,

Меня помчитъ покорная волна,

И спящихъ водъ прервется тишина?...
Волнуясь ночь надъ эльбскими скалами,

Мрачнѣе тьмись за тучами, луна!
Тамъ ждутъ меня безстрашныя дружины;

Уже сошлись, уже сомкнуты въ строй!

Ужъ міръ лежитъ въ оковахъ предо мной!

Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины,

И гряну вновь погибельной грозой!

И вспыхнетъ брань! За галльскими орлами,

Съ мечемъ въ рукахъ побѣда полетитъ,

Кровавый токъ въ долинахъ закипитъ,

И троны въ прахъ низвергну я громами,

И сокрушу Европы дивный щитъ!...

Но вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило,

Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,

Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,

Ни гладный звѣрь не вззоетъ надъ могилой—

Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...»

О счастье! злобный оболъститель!

И ты, какъ сладкій сонъ, сокрылось отъ очей,

Средь бурей тайный мой хранитель

И вѣрный пестунъ съ юныхъ дней!

Давно ль невидимой стезею

Меня ко трону ты вело,

И скрыло дерзостной рукою

Въ вѣнцахъ лавровое чело!

Давно ли съ трепетомъ народы
Несли мнѣ робко дань свободы,
Знамена чести преклоня;
Дымились громы вокругъ меня,
И слава въ блескѣ надъ главою
Неслась, прикрывъ меня крыломъ?...
Но туча грозная нависла надъ Москвою,
И грянулъ мести громъ!...
Полнощи царь молодой, ты двинулъ ополченья—
И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ,
Отозвалось могучаго паденье,
И миръ землѣ, и радость небесамъ,
А мнѣ—позоръ и заточенье!
И раздробленъ мой звонкій щитъ,
Не блещетъ шлемъ на полѣ браней,
Въ прибрежномъ злѣхъ мечъ забыть
И тускнеть на туманѣ.
И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи ночей
Напрасно чудится мнѣ смерти завыванье,
И стукъ блистающихъ мечей,
И падшихъ ярое стenanье.
Лишь плещущимъ волнамъ внимаешь жадный слухъ;
Умолкъ сражений кликъ знакомый,
Вражды кровавой гаснутъ громы
И факель мщенія потухъ,
Но близокъ часъ! Грядетъ минута роковая!
Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ;
Кругомъ простерта мгла густая,
И взоромъ гибели сверкая,
Блѣднѣющій мятежъ на палубѣ сидитъ.
Страшись, о Галлія! Европа, мщенье, мщенье!
Рыдай! твой бичъ возсталъ—и все падетъ во прахъ,
Все гибнетъ—и тогда, въ всеобщемъ разрушеніи,
Царемъ возсяду на гробахъ!»
Умолкъ. На небесахъ лежали мрачны тѣни,
И мѣсяцъ, дальнихъ тучъ покинувъ темны сѣни,
Дрожащій, слабый свѣтъ на западъ изливалъ,
Восточная звѣзда играла въ океанѣ,
И зрѣлася ладья, бѣгущая въ туманѣ
Подъ сводомъ эльбскихъ грозныхъ скалъ.
И Галлія тебя, о хищникъ, осѣнила!
Побѣгли съ трепетомъ законные цари.
Но зришь ли? Гаснетъ день, мгновенно мгла сокрыла
Лицо пылающей зари,
Простерлась тишина надъ бездною сѣдою.
Мрачится неба сводъ, гроза во мглѣ виситъ,
Все смолкло... трепещи! Погибель надъ тобою
И жребій твой еще сокрытъ!

Л И Ц И Н І Ю.

Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ,
Вѣнчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спесиво развалясь, Ветулій молодой
Въ толпу народную летить по мостовой?
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клонятъ;
Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гонятъ!
Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
Умильно вслѣдъ за нимъ стремить усердный взглядъ:
Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ улыбки, глазъ движенія,
Какъ будто дивнаго боговъ благословенія;
И дѣти малыя, и старцы въ сѣдинахъ,
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ;
Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнный,
Есть нѣкій памятникъ почетный и священный.
О Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ?
Кто васъ поработилъ и властью оковалъ?
Квириты гордые подъ иго преклонились.
Кому жъ, о небеса, кому поработились!
(Скажу ль?) Ветулію! Отчизны стыдъ моей,
Развратный юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;
Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ править;
На Римъ простеръ яремъ, отечество безславить;
Ветулій римлянъ царь!... О стыдъ, о времена!
Или вселенная на гибель предана?
Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою,
Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клякою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идетъ?
Куда ты, нашъ мудрецъ, другъ истины, Даметъ?
«Куда: не знаю самъ; давно молчу и вижу;
Навѣкъ оставлю Римъ: я рабство ненавижу.»
Лициній, добрый другъ! Не лучше ли и намъ,
Смиренно поклонясь Фортунѣ и мечтамъ,
Сѣдаго циника примѣромъ научиться?
Съ развратнымъ городомъ нелучше ль намъ проститься,
Гдѣ все продажное; законы, правота,
И консулъ, и трибунъ, и честь, и красота?
Пускай Глицерія, красавица младая,
Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
Неопытность другихъ въ наемну ловить сѣтъ!
Намъ стыдно слабости, съ морщинами, имѣть;
Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій:
Пускай безстыдный Клитъ, слуга вельможъ Корнелій,
Торгуютъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ
Отъ знатныхъ къ богачамъ ползутъ изъ дома въ домъ!
Я сердцемъ римлянинъ; кипить въ груди свобода;

Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
 Лициій, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
 Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
 Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
 Въ деревню пренесемъ отеческіе лары!
 Въ прохладѣ древнихъ рощъ, на берегу морскомъ,
 Найти нетрудно намъ укромный, свѣтлый домъ,
 Гдѣ, больше не страпась народнаго волненья,
 Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья.
 И тамъ расположась въ уютномъ уголкѣ,
 При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ комелькѣ,
 Воспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
 Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
 Въ сатирѣ праведной порокъ изображу
 И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу.
 О Римъ, о гордый край разврата, злодѣянья!
 Придетъ ужасный день, день мщенья, наказанья.
 Предвижу грознаго величія конецъ:
 Падеть, падеть во прахъ вселенныя вѣнецъ.
 Народы юные, сыны свирѣпой брани,
 Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани,
 И горы, и моря оставятъ за собой
 И хлынутъ на тебя кипящею рѣкой.
 Исчезнетъ Римъ; его покроетъ мракъ глубокой;
 И путникъ, устремивъ на груди камней око,
 Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ:
 «Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ.»

КЪ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ

Г А Л И Ч У.

Пускай угрюмый риѣмотворъ,
 Повитый макомъ и крапивой,
 Холодныхъ одъ творецъ ретивой,
 На скучный ладъ сплетая вздоръ,
 Зоветъ обѣдать генерала;
 О Галичъ, вѣрный другъ бокала
 И жирныхъ утреннихъ пировъ,
 Тебя зову, мудрецъ лѣнливой,
 Въ пріютъ поэзіи счастливой.
 Подъ отдаленный нѣги кровъ!
 Давно въ моемъ уединеньи,
 Въ кругу бутылокъ и друзей,
 Не зрѣли кружки мы твоей,
 Подруги долгихъ наслажденій,
 Остротъ и хохота гостей.

Въ тебѣ трудиться нѣтъ охоты:
 Садись на тройку злыхъ коней,
 Оставь Петрополь и заботы,
 Лети въ счастливый городокъ,
 Зайди къ жиду Золотареву,¹
 Въ его всѣмъ общій уголокъ;
 Мы тамъ, собравшись въ кружокъ,
 Прольемъ вина струю багрову,
 И съ громомъ двери на замокъ
 Запретъ веселье молодое.
 И хлынетъ пиво золотое,
 И гордый на столѣ пирогъ
 Друзей стѣсненными рядами,
 Сверкая свѣтлыми ножами,
 Съ тобою храбро осадимъ,
 И мигомъ стѣны разгромимъ;
 Когда жъ, виномъ отягощенный,
 Съ главой въ колѣни преклоненной,
 Захочешь въ мирѣ отдохнуть,
 И вдругъ, спускаясь на подушку,
 Дабы покойнѣе заснуть,
 Уронишь налитую кружку
 На старый, бархатный диванъ,
 Тогда посланія, куплеты,
 Баллады, басенки, сонеты
 Покинутъ скромный нашъ карманъ,
 И крѣпокъ сонъ лѣнивца будетъ!...
 Но рюмокъ звонъ тебя разбудитъ,
 Ты вскочишь съ бодрой головой,
 Оставишь смятую подушку,
 Подымеешь милую подружку —
 И въ кельѣ снова пиръ горой.

О Галичъ! время неозвратно,
 И близокъ, близокъ грозный часъ!
 Когда, послыша славы гласъ,
 Покину кельи кровь пріятной,
 Татарскій сброшу свой халатъ,
 Простите, дѣшевые музы,
 Прости, пріютъ младыхъ отрадъ,
 Надѣну узкія рейтузы,
 Завью въ колечки гордый усь,
 Заблещеть пара эполетовъ,
 И я, питомецъ важныхъ музъ,
 Въ числѣ воюющихъ корнетовъ!

¹ Матвѣй Алексѣевичъ — экономъ лица.

О Галичъ, Галичъ, поспѣшай!
Тебя зовутъ и сонъ лѣнивый,
И другъ ни скромный, ни спесивый,
И кубокъ, полный черезъ край!

СТАРИКЪ.

(изъ марота).

Ужъ я не тотъ любовникъ страстной,
Кому дивился прежде свѣтъ:
Моя весна и лѣто красно
Навѣкъ прошли, пропалъ и слѣдъ.
Амуръ, богъ возраста младаго!
Я твой служитель вѣрный былъ;
Ахъ, если бъ могъ родиться снова,
Ужъ такъ ли бъ я тебѣ служилъ!

КЪ И В. И В. ПУЩИНУ.

Любезный именинникъ,
О Пущинъ дорогой!
Прибрелъ къ тебѣ пустынный
Съ открытою душой.
Съ пришельцемъ обнимися,
Но добраго пѣвца
Встрѣчать не суетися
Съ параднаго крыльца:
Онъ гость безъ этикета,
Не требуетъ привѣта
Лукавой суеты.
Прими жъ его лобзанья
И чистыя желанья
Сердечной простоты!
Устрой гостямъ пирушку.
На столикъ воцаной
Поставь пивную кружку
И кубокъ пуншевой.
Старинный собутыльникъ,
Забудемся на часъ!
Пускай ума свѣтильникъ
Погаснетъ нынѣ въ насъ,
Пускай старикъ крылатый
Летитъ на почтовыхъ!
Намъ дорогъ мигъ утраты
Въ забавахъ лишь однихъ.

Ты счастливъ, другъ сердечный!
 Въ спокойствіи златомъ
 Течеть твой вѣкъ безпечный,
 Проходитъ день за днемъ,
 И ты въ бесѣдѣ Грацій,
 Не зная черныхъ бѣдъ,
 Живешь какъ жилъ Горацій,
 Хотя и не поэтъ.
 Подъ кровомъ небогатымъ
 Ты вовсе не знакомъ
 Съ зловѣщимъ Иппократомъ,
 Съ нахмуреннымъ попомъ;
 Не видишь у порогу
 Толпящихся заботъ;
 Нашли къ тебѣ дорогу
 Веселость и Эротъ;
 Ты любишь звонъ стакановъ
 И трубки дымъ густой,
 И демонъ метромановъ
 Не властвуетъ тобой.
 Ты счастливъ въ этой долѣ—
 Скажи, чего же болѣ
 Мнѣ другу пожелать?
 Прійдется замолчать...

Дай Богъ, чтобъ я, съ друзьями
 Встрѣчая сотый май,
 Покрытый сѣдинами,
 Сказалъ тебѣ стихами:
 «Вотъ кубокъ, наливай!
 Веселье, будь до гроба
 Сопутникъ вѣрный нашъ,
 И пусть умремъ мы оба
 При стукѣ полныхъ чашъ!»

(4 мая 1815 года).

КЪ БАТЮШКОВУ.

Въ пещерахъ Геликона
 Я нѣкогда рожденъ;
 Во имя Аполлона
 Тибулломъ окрещенъ,
 И свѣтлой Иппокреной
 Съ издѣтства напоенный,
 Подъ кровомъ вешнихъ розъ
 Поэтомъ я возросъ.

Веселый сынъ Эрмія
 Ребенка полюбилъ,
 Въ дни рѣзвости златыя
 Мнѣ дудку подарилъ.
 Знакомаясь съ нею, рано
 Дудилъ я безпрестанно;
 Нескладно хотъ игралъ,
 Но музамъ не скучалъ.

А ты, пѣвецъ забавы
 И другъ пермесскихъ дѣвъ,
 Ты хочешь, чтобы славы
 Стезею полетѣвъ,
 Простяся съ Анакреономъ,
 Спѣшилъ я за Марономъ,
 И пѣлъ при звукахъ лиръ
 Войны кровавый пиръ.

Дано мнѣ мало Фебомъ:
 Охота—скудный даръ;
 Пою подъ чуждымъ небомъ,
 Вдали домашнихъ Царъ,
 И съ дерзностнымъ Икаромъ
 Страшась летать, не даромъ
 Бреду своимъ путемъ:
 «Будь всякій при своемъ».

В О Д А И В И Н О .

Люблю я въ полдень воспаленной
 Прохладу черпать изъ ручья,
 И въ рощѣ тихой, отдаленной
 Смотрѣть, какъ плещетъ въ брегъ струя;
 Когда жъ вино въ края поскачетъ,
 Налѣнясь въ чапѣ круговой,
 Друзья, скажите—кто не плачетъ,
 Заранѣ радуясь душой?

Да будетъ проклятъ дерзновенный,
 Кто первый грѣшною рукой,
 Нечестиемъ буйнымъ ослѣпленный,
 О страхъ, смѣсилъ вино съ водой!
 Да будетъ проклятъ родъ злодѣя!
 Пускай не въ силахъ будетъ пить,
 Или стаканами владѣя,
 Ляфить съ цымлянскимъ различить.

П О Г Р Е Б Ъ.

О сжальтесь надо мною,
Товарищи, друзья!
Красоткой удалою
Въ конецъ измученъ я!

Всечасно я тоскую;
Горька моя судьба!
Несите жъ круговую,
Откройте погребъ.

Тамъ, тамъ во льду хранится
Бутылокъ гордый строй,
И портера таятся
Боченокъ выписной.

Напѣ Либеръ, заикаясь,
Къ нему покажетъ путь:
Пойдемте всѣ, шатаясь,
Подъ бочками заснуть!

Въ нихъ сердца утѣшенье,
Награда для пѣвцовъ,
И мукъ любви забвенье,
И жаръ моихъ стиховъ.

В О С П О М И Н А Н І Е.

(къ пущину).

Помнишь ли, мой братъ по чашѣ,
Какъ въ отрадной тишинѣ,
Мы топили горе наше
Въ чистомъ пѣнистомъ винѣ?

Какъ, укрывшись молчаливо,
Въ нашемъ темномъ уголѣ,
Съ Вакхомъ нѣжились лѣнливо
Школьной стражи вдалекѣ?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,
Рюмокъ грустное молчанье,
Пламя трубокъ грошевыхъ?

Закипѣвъ, о сколь прекрасно
Токи дымные текли!...
Вдругъ педанта гласъ ужасной
Намъ послышался вдали:

И бутылки вмигъ разбиты,
И бокалы всѣ въ окно,
Всюду по полу разлиты
Пуншъ и свѣтлое вино.

Убѣгаетъ торопливо...
Вмигъ исчезъ минутный страхъ!
Щекъ румяныхъ цвѣтъ игривой,
Умъ и сердце на устахъ,

Хохотъ чистаго веселья,
Неподвижный, тусклый взоръ—
Измѣняли чадъ похмѣлья,
Сладкій Вакха заговоръ!

О друзья мои сердечны!
Вамъ клянуса, за столомъ
Всякій годъ, въ часы безнечны,
Поминать его виномъ.

МЕЧТАТЕЛЬ.

По небу крадется луна,
На холмѣ тьма сѣдѣть,
На воды пала тишина,
Съ долины вѣтеръ вѣть;
Молчить пѣвица вешнихъ дней
Въ пустынѣ темной рощи,
Стада почилъ средъ полей,
И тихъ полетъ полнощи.

И мирной нѣги уголокъ
Ночь сумракомъ одѣла,
Въ каминѣ гаснетъ огонекъ,
И свѣчка нагорѣла;
Стоитъ боговъ домашнихъ ликъ,
Въ кивотѣ небогатомъ,
И блѣдный теплится ночникъ
Предъ глиняннымъ пенатомъ.

Главою на руку склоненъ,
Въ забвеніи глубокомъ,

Я въ сладки думы погружень
На ложѣ одинокомъ;
Съ волнѣбной ночи темнотой,
При мѣсячномъ сіяньи,
Слетаютъ рѣзвою толпой
Крылатыя мечтанья.

И тихій, тихій льется гласъ,
Дрожать златыя струны.
Въ глухой, безмолвный мрака часъ
Поетъ мечтатель юный;
Исполненъ тайною тоской,
Мечтаньемъ вдохновенной,
Летаетъ рѣзвою рукой
На лиръ оживленной.

Блаженъ, кто въ низкій свой шалашъ
Въ мольбахъ не проситъ счастья!
Ему Зевесъ надежный стражъ
Отъ грознаго нечастья;
На макахъ лѣни, въ тихій часъ,
Онъ сладко засыпаетъ,
И бранныхъ трубъ ужасный гласъ
Его не пробуждаетъ.

Пуškai удара въ звучный щитъ
И съ видомъ дерзновеннымъ,
Мнѣ слава издали грозитъ
Перстомъ окровавленнымъ,
И бранны вьются знамена,
И пышетъ бой кровавый—
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за славой.

Нашелъ въ глуши я мирный кровъ,
И дни веду смиренно;
Дана мнѣ лира отъ боговъ.
Поэту даръ безцѣнной;
И муза вѣрная со мной:
Хвала тебѣ, боиня!
Тобою красенъ домикъ мой
И дикая пустыня.

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты освѣтила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла,
И горнимъ свѣтомъ озарясь,

Влетала въ скромну келью.
И чуть дышала преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

О, будь мнѣ спутницей молодой
До самыхъ вратъ могилы!
Летай съ мечтаньемъ надо мной,
Расправля легки крылы;
Гоните мрачную печаль,
Плѣните умъ... обманомъ,
И милой жизни свѣтлу даль
Кажите за туманомъ!

И тихъ мой будетъ поздній часъ;
И смерти добрый геній
Шепнетъ, у двери постучась:
«Пора въ жилище тѣней!...»
Такъ въ зимній вечеръ сладкій сонъ
Приходитъ къ мирной сѣни,
Вѣнчаннй макомъ, и склоненъ
На посохъ томной лѣни...

князю Александру михайловичу

ГОРЧАКОВУ.

Пускай не знаясь съ Аполлономъ,
Поэтъ, придворный философъ,
Вельможѣ знатному съ поклономъ
Подноситъ оду въ двѣсти строфъ;
Но я, любезный Горчаковъ,
Не просыпаюсь съ пѣтухами,
И напыщенными стихами,
Наборомъ громозвучныхъ словъ,
Я пѣть пустаго не умѣю
Высоко, тонко и хитро,
И въ лиру превращать не смѣю
Мое гусиное перо!
Нѣтъ, нѣтъ, любезный князь, не оду
Тебѣ намѣренъ посвятить;
Что прибыли соваться въ воду,
Сначала не спросившись броду,
И вслѣдъ Державину парить?
Пишу своимъ я складомъ нынѣ
Кой-какъ стихи на именины!

Что долженъ я, скажи, въ сей часъ
 Желать отъ чиста сердца другу?
 Глубоку ль старость, милый князь,
 Дѣтей, любезную супругу,
 Или богатства, громкихъ дней,
 Крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, честей?
 Не пожелать ли, чтобы славою
 Ты увлеченъ былъ въ путь кровавой,
 Чтобы въ лаврахъ и вѣнцахъ сіялъ,
 Чтобы въ битвахъ громъ изъ рукъ металъ,
 И чтобы побѣда за тобою,
 Какъ древле Невскому герою,
 Всегда, вездѣ летала вслѣдъ?
 Не сладострастія поэтъ
 Такою пѣсенкой поздравить...
 Онъ лучше музъ на вѣкъ оставитъ...
 Дай Богъ Любви, чтобы ты свой вѣкъ,
 Питомцемъ нѣжнымъ Эпикура,
 Провелъ межъ Вакха и Амура!
 А тамъ, когда стигійскій берегъ
 Мелькнетъ въ туманномъ отдаленіи,
 Дай Богъ, чтобы въ страстномъ упоеньи
 Ты съ томной сладостью въ очахъ,
 Изъ рукъ младаго Купидона,
 Вступая въ мрачный челнъ Харона,
 Уснулъ... Элены на грудяхъ!

(30 августа)

ПОСЛАНИЕ КЪ ГАЛИЧУ.

Гдѣ ты, лѣнивѣцъ мой,
 Любовникъ наслажденья?
 Ужель уединенья
 Не милъ тебѣ покой?
 Ужели мнѣ съ тобой
 Лишь помощью бумаги
 Минуты провождать,
 И больше не видать
 Парнасскаго бродяги?
 На Пиндѣ мой сосѣдъ,
 И ты отъ музъ укрылся;
 Минутный домосѣдъ,
 Съ пенатами простился.
 Ужъ темный уголокъ
 И садикъ опустѣли,
 Гдѣ мы подвечерокъ

За рюмками шумѣли,
Гдѣ Комъ насъ угощаль
Форелью, пирогами,
И пѣнистый бокаль
Намъ Бахусъ подаваль.
Бѣгутъ, ужъ дни за днями
Безъ дружескихъ собраній;
Веселыхъ пированій
Веселые сыны
Съ тобой разлучены;
И шумныя бесѣды
И долгіе обѣды
Не столь оживлены.

Одинъ въ каморкѣ тѣсной,
Вечерней тишиной,
Хочу, мудрецъ любезной,
Бесѣдовать съ тобой.
Ужъ темна ночь объемлетъ
Брега спокойныхъ водъ,
Мурлыча въ кельѣ дремлетъ
Сепсивый, старый котъ.
Покамѣстъ сонъ прелестной,
Подъ сѣнью тихихъ крылъ,
Въ обители безвѣстной
Меня не усыпиль,
Морфея въ ожиданьи
Въ постели я лежу,
И бѣглое посланье,
Безъ строгаго старанья,
Предателю пишу.
Далече той станицы,
Гдѣ Фебовы сестрицы,
Мнѣ съ нѣгой вьютъ досугъ—
Скажи—среди столицы
Чѣмъ занять ты, мой другъ?
Ужель пріютъ поэта
Теперь средъ вихря свѣта,
Вдали родныхъ полей,
И ближнихъ, и друзей?
Ужель въ театрѣ шумномъ,
Гдѣ дюжій Аполлонъ
Партеромъ полуумнымъ
Прославленъ, оглушенъ,
Измученный напѣвомъ
Безмысленныхъ стиховъ,
Ты спишь подъ страшнымъ ревомъ
Акторовъ и смычковъ?

Или—мудрецъ придворной—
Съ улыбкою притворной
Предъ лентою цвѣтной
Попикнувъ головой,
Съ вертушкою слѣпой
Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столомъ
Въ куплетѣ заказномъ
Трусливо величаешь?...
Нѣтъ, добрый Галичъ мой!
Поклону ты не сроденъ.
Другъ мудрости прямой—
Правдивъ и благороденъ;
Онъ любить тишину,
Судьбѣ своей послушной,
На царскую казну
Взираетъ равнодушно,
Рублямъ откупщика
Смѣясь веселымъ часомъ,
Не сниметъ колпака
Философъ предъ Мидасомъ.
Пускай не друженъ онъ
Съ Фортуною коварной,
Но Вакхомъ награжденъ
Философъ благодарной,
Когда сей богъ молодой,
Вечернею порой,
Ляфить и грогъ янтарный
Съ улыбкой на устахъ
Въ стеклѣ ему подносить
И каплю выпить просить,
Качаясь на ногахъ,
Мечтанье обнимая,
Любовь его ведетъ,
И дружба молодая
Вѣнки ему плететь.
И счастливъ онъ, признаться,
На дѣлѣ, не въ мечтахъ,
Когда минуты мчатся
Веселья на крылахъ,
Когда друзья-поэты
Съ утра до ночи съ нимъ
Шумятъ, поютъ куплеты,
Пьютъ мозель разогрѣтый,
Пріятелямъ своимъ
Посланія читаютъ,
И трубку разжигаютъ
Безриемнымъ лихимъ!

Оставь же городъ скучной,
 Съ друзьями съединись,
 И съ ними неразлучно
 Въ пустынь оживись.

Бѣги, бѣги столицы,
 О Галичъ мой! сюда,
 Гдѣ розовой денницы
 Не видя никогда,
 Лѣнясь подъ одѣяломъ,
 Съ тибурскимъ мудрецомъ,
 Мы часто за бокаломъ
 Проснемся—и заснемъ.
 Смотри, тебѣ въ награду
 Нашъ Дельвигъ, нашъ поэтъ,
 Несетъ свою балладу,
 И стансы винограду,
 И къ Лилии куплетъ—
 И полонъ становится
 Твой малый, тѣсный домъ;
 Вотъ съ милымъ острякомъ
 Нашъ пѣсельникъ тащится
 По лѣстницѣ съ гудкомъ,
 И всѣ къ тебѣ нагрянемъ—
 И снова каждый день
 Стихами, прозой станемъ
 Мы гнать печали тѣнь.
 Подрути молодыя
 Насъ будутъ посѣщать;
 Намъ жизни дни златые
 Не страшно расточать.
 Подѣлимся съ забавой
 Мы вѣкомъ остальнымъ,
 Съ волшебницею-славой
 И съ Вакхомъ молодымъ.

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Послушай, музъ невинныхъ
 Лукавый духовникъ:
 Жилецъ полей пустынныхъ
 Поэтовъ грѣшный ликъ
 Умножилъ я собою,
 И я главою поникъ
 Предъ милою мечтою.
 Мой дядюшка-поэтъ

На то мнѣ далъ совѣтъ
 И съ музами сосваталъ.
 Сначала я шалилъ,
 Шутя стихи кроилъ,
 А тамъ ихъ напечаталъ—
 И вотъ теперь я братъ
 Тому, сему, другому,
 Безтолкову, Пустому.
 Да я жъ и виновать,
 Да ты же мнѣ въ досаду
 (Что скажетъ бѣлый свѣтъ?)
 Стихами до надсаду
 Жужжишь Икару вслѣдъ:
 «Смотрите, вотъ поэты!...»
 Спасибо за посланье;
 Но что мнѣ пользы въ немъ?
 На грѣшника потомъ
 Вѣдь стануть, въ посмѣянье,
 Указывать перстомъ.
 Когда бъ подобны были
 Моимъ твои стихи,
 То скоро бъ всѣ забыли,
 Что Пушкинъ за грѣхи
 Въ поэзію влюбился
 И ходитъ на Парнасъ,
 Покою поклонился
 И пишетъ въ добрый часъ.

Измѣнникъ! съ Аполлономъ
 Ты, видно, заодно;
 И мнѣ прослыть Прадономъ.
 Отнынѣ суждено.
 Увы мнѣ, метроману!
 Куда сокроюсь я?
 Вездѣ бѣды застану:
 Предатели-друзья
 Невинное творенье
 Украдкой въ городъ шлютъ
 И плодъ уединенья
 Тисненью предають—
 Бумагу убивають.
 Поэта окружають
 Съ улыбкой остряки:
 «Ахъ, сударь! мнѣ сказали,
 Вы пишете стишки?
 Увидѣть ихъ нельзя ли?
 Вы въ нихъ изображали
 Конечно ручейки,

Конечно василёчекъ,
Иль тихой вѣтерочекъ,
И рощи, и цвѣтки...»

О Дельвигъ! начертали
Мнѣ музы мой удѣлъ;
Но ты ль мои печали
Умножить захотѣлъ?
Въ объятіяхъ Морфея
Безпечный духъ лелѣя,
Еще хотъ годъ одинъ
Позволь мнѣ полѣниться
И нѣгой насладиться:
Я право нѣги сынъ!
А тамъ, хотъ нѣтъ охоты,
Но придутъ ужъ заботы
Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ:
Я буду принужденъ
Съ журналами сражаться,
Съ газетой торговаться,
Съ Графовымъ восхищаться...
Помилуй, Аполлонъ!

РАЗСУДОКЪ И ЛЮБОВЬ.

Младой Дафнисъ, гоняся за Доридой,
Постой, кричалъ, прелестная, постой!
Скажи люблю—и бѣгать за тобой
Не стану я, клянуся въ томъ Кипридой.
«Молчи, молчи!» разсудокъ говорилъ.
А плутъ Эротъ: «скажи, ты сердцу милъ!»

Ты сердцу милъ! пастушка повторила,
И ихъ сердца огнемъ любви зажглись.
И палъ къ ногамъ красавицы Дафнисъ;
И страстный взоръ Дорида потупила!
«Бѣги, бѣги!» разсудокъ ей твердилъ,
А плутъ Эротъ: «останься!» говорилъ.

Осталася, и трепетной рукою
Взявъ руку ей счастливый пастушокъ;
Взгляни, сказалъ, съ подругой голубокъ
Тамъ обнялись подъ тѣнью липъ густою!
«Бѣги, бѣги!» разсудокъ повторилъ;
«Учись отъ нихъ!» Эротъ ей говорилъ.

И нѣжная улыбка пробѣжала
Красавицы на пламенныхъ устахъ,
И вотъ она съ томленіемъ въ глазахъ
Къ любезному въ объятія упала...
«Будь счастлива!» Эротъ ей прошепталъ;
Разсудокъ что жъ? Разсудокъ ужъ молчалъ.

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Послѣднимъ сіяньемъ за лѣсомъ горя,
Вечерняя тихо потухла заря;
Безмолвна долина глухая.
Въ туманѣ пустынномъ клубится рѣка,
Лѣнливой грядою идутъ облака;
Межъ ними луна золотая.

Чугунныя латы на холмѣ лежатъ,
Конье раздробленно, въ перчаткѣ булатъ,
И щитъ подъ шоломомъ заржавымъ;
Вонзилися шпоры въ увлажненный мохъ,
Лежатъ неподвижно—и мѣсяца рогъ
Надъ ними въ блистаньи кровавомъ.

Вкругъ холма обходить другъ сильнаго, конь:
Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь,
Онъ бранную голову клонить.
Безпечнымъ копытомъ бьетъ камень долинъ,
И смотритъ на латы, конь вѣрный одинъ,
И дико трепещетъ и стонетъ.

Во тмѣ заблудившись, пришелецъ идетъ:
Съ надеждою робость онъ въ сердцѣ несетъ,
Склоняясь надъ дорожной кляукою.
На холмъ онъ взобрался, и въ тусклую даль
Онъ смотритъ, и сходить, и звонкую сталь
Толкаетъ усталой ногою.

Хладѣть пришелецъ: кольчуги звучать,
Погибшаго грозно въ нихъ кости стучать,
По камнямъ шоломъ покатился,
Скрывался въ немъ черепъ... При звукѣ глухомъ
Заржалъ конь ретивый; скокъ лѣтомъ на холмъ,
Взглянулъ—и главою склонился.

Ужъ путникъ далече въ тмѣ бродитъ ночной,
Все мнится, что кости хрустятъ подъ ногой;

Но утро денница выводитъ—
 Сраженный во брани на холмѣ лежить.
 И латы недвижны, и шлемъ не стучить,
 И конь вкругъ погибшаго ходить.

1815.

МОЕ ЗАВѢЩАНІЕ.

(друзьямъ).

Хочу я завтра умереть
 И въ міръ волшебный наслажденья,
 На тихій берегъ водъ забвенья,
 Веселой тѣнью полетѣть.
 Прости навѣкъ очарованье,
 Отрада жизни и любви!
 Приблизьтесь, о друзья мои!
 Благоговѣнье и вниманье!
 Пѣвецъ рѣшился умереть.
 И такъ, съ вечернею луною,
 Въ саду нельзя ли дернъ одѣть
 Узорной бѣлой пеленою?
 На темный берегъ сонныхъ водъ,
 Гдѣ мы вели бесѣды наши,
 Нельзя ль, устроивъ длинный ходъ,
 Нести наполненные чаши?
 Зовите на послѣдній пиръ
 Спесивой Семелеи сына,
 Эрота, друга нашихъ лиръ,
 Боговъ и смертныхъ властелина.
 Пускай веселье прибѣжитъ,
 Махая рѣзвою гремушкой,
 И насъ отъ сердца размѣнитъ
 За полной, пѣнистою кружкой;
 Пускай игривою толпой
 Слетятъ родныя наши музы;
 Имъ первый кубокъ круговой:
 Друзья, священные намъ ихъ узы!
 До ранней утренней звѣзды,
 До тихаго лучей разсвѣта,
 Не выйдутъ изъ руки поэта
 Фіалы братской череды.
 Въ послѣдній разъ мою цѣвницу,
 Мечтаній сладостныхъ пѣвицу,
 Прижму къ восторженной груди;
 Въ послѣдній разъ, томимый нѣжно,
 Не вспомню вѣчность и друзей;

Въ послѣдній разъ на груди снѣжной
Упьюсь отрадой юныхъ дней!
Когда жъ востокъ озолотится
Во тѣмъ денницей молодой,
И бѣлый тополь озарится,
Покрытый утренней росой—
Подайте гроздь Анакреона:
Онъ былъ учителемъ моимъ,
И я сойду путемъ однимъ
На грустный берегъ Ахерона...
Простите, милые друзья!
Подайте руку до свиданья,
И дайте, дайте объщанье:
Когда навѣкъ укроюсь я,
Мое исполнить завѣщанье.
Приди, пѣвецъ мой дорогой,
Воспѣвшій Вакха и Темиру!
Тебѣ дарю и лѣнь и лиру:
Да будутъ музы надъ тобой!
Ты не забудешь дружбы нашей,
О Пущинъ, вѣтреныи мудрецъ!
Прими съ моей глубокой чашей
Увядшій миртовый вѣнецъ.
Друзья! вамъ сердце оставляю
И память прошлыхъ красныхъ дней;
Моимъ подругамъ завѣщаю
Воспоминаніе ночей,
Утраченныхъ у ногъ Венеры
Въ лѣсахъ веселыя Цитеры,
Ожованныхъ счастливою лѣнью
На ложѣ маковъ и лилей.
Мои стихи дарю забвенью.
Послѣдній вздохъ, о други—ей...
На тихій праздникъ погребенья
Я васъ обязанъ пригласить.
Веселость, другъ уединенья,
Билеты будетъ разносить.
Стекитесь рѣзвою толпою,
Главы въ вѣнкахъ, рука съ рукою;
И пусть на гробѣ, гдѣ пѣвецъ
Исчезнетъ въ рощахъ Геликона,
Напишетъ бѣглый вапъ рѣзецъ,
«Здѣсь дремлетъ юноша-мудрецъ,
Питомецъ нѣтъ и Аполлона.»

ПОСЛАНИЕ КЪ Ю...

Ты хочешь, милый другъ, узнать
 Мои мечты, желанья, цѣли,
 И тихій гласъ простой свирѣли
 Съ улыбкой дружелюбна внимать—
 Но можно ль рѣзвому поэту,
 Невольнику мечты молодой,
 Въ картинѣ быстрой и живой
 Изобразить въ порядкѣ свѣту
 Все то, что въ конности златой
 Воображеніе мнѣ кажется?

Теперь, когда въ покоѣ лѣнь,
 Укрывъ меня въ пустыню сѣнь,
 Своею цѣпью чувства вяжетъ,
 И вѣкъ мой тихъ, какъ ясный день:
 Пустаго нѣги украшенья
 Не видя въ хижинѣ моей,
 Смотрю съ улыбкой сожалѣнья
 На пышность бѣдныхъ богачей,
 И счастливый самимъ собою,
 Не жажду горы серебра,
 Не знаю завтра, ни вчера,
 Доволенъ скромною судьбою
 И думаю: къ чему пѣвцамъ
 Алмазы, яхонты, топазы,
 Порфирныя, пустыя вазы,
 Драгія куклы по угламъ,
 Къ чему имъ сукна Альбіона
 И пышныя чехлы Ліона
 На модныхъ креслахъ и столахъ,
 Какая нужда въ зеркалахъ,
 И ложе шалевое въ спальней?
 Не лучше ли въ деревнѣ дальней
 Или въ смиренномъ городкѣ
 Вдали столицъ, заботъ и грома
 Укрыться въ мирномъ уголѣ,
 Съ которымъ роскошь незнакома,
 Гдѣ можно въ праздникъ отдохнуть!
 О если бы когда нибудь
 Сбылись поэта сновидѣнья!
 Ужель отрадѣ уединенья
 Ему вкусить не суждено?

Мнѣ видится мое селенье,
 Мое Захарово; онѣ

Съ заборами—въ рѣкѣ волнистой—
Съ мостомъ и рощею тѣнистой
Зерцаломъ водъ отражено.
На холмѣ домикъ мой; съ балкона
Могу сойти въ веселый садъ,
Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
Гдѣ старыхъ кленовъ темный рядъ
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумятъ.—
Туда зарею поспѣшаю
Съ смиреннымъ заступомъ въ рукахъ,
Въ лугахъ тропинку извиваю,
Тюльпанъ и розу поливаю,
И счастливъ въ утреннихъ трудахъ!
Вотъ здѣсь подъ дубомъ наклоненномъ
Съ Гораціемъ и Ляфонтеномъ
Въ пріятныхъ погружень мечтахъ;
Вблизи ручей шумитъ и скачетъ,
И мчится въ влажныхъ берегахъ,
И свѣтлый токъ съ досадой прячетъ
Въ сосѣднихъ рощахъ и лугахъ.
Но вотъ ужъ полдень.—Въ свѣтлой залѣ
Весельемъ круглый столъ накрытъ;
Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ;
Дымятся щи: вино въ бокалѣ;
И шука въ скатерти лежитъ.
Сосѣди шумною толпою
Взошли, прервали тишину.
Садятся; чашъ внимаемъ звону;
Всѣ хвалятъ Вакха и Помону—
И съ ними красную весну.

Вотъ кабинетъ уединенный
Гдѣ я, Москвою утомленный,
Вдали обманчивыхъ красотъ,
Вдали нахмуренныхъ заботъ
И той волшебницы лукавой,
Которая весь міръ вертитъ,
Въ трубу немолчную гремитъ,
И—помнится—зовется славой—
Живу съ природной простотой,
Съ философической забавой
И съ музой рѣзвой и младой...

Вотъ мой каминъ—подъ вечеръ темный,
Осенней бурною порой,
Люблю подъ сѣнію укромной

Предъ нимъ задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать,
Или въ минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать
И жечь потомъ свои творенья—
Вотъ здѣсь... но быстро привидѣнья,
Родясь въ волшебномъ фонарѣ,
На бѣломъ полотнѣ мелькають—
Мечты находятъ, исчезаютъ,
Какъ тѣнь на утренней зарѣ,
Межъ тѣмъ какъ въ кельѣ молчаливой,
Во плѣнѣ отдался я мечтамъ,
Рукой безпечной и лѣнивой
Разбросивъ приемы здѣсь и тамъ.

И слышу топотъ, слышу ржанье;
Блеснувъ узорнымъ чепракомъ,
Въ блестящемъ ментика сіяньи
Гусаръ промчался подъ окномъ...
И гдѣ вы, мирныя картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльяхъ я мечты;
Огни во станѣ догорають,
Межъ нихъ, окутанный плащомъ,
Съ сѣдымъ, усатымъ казакомъ
Лежу,—вдали штыки сверкають,
Лихіе ржутъ, бразды кусають,
Да изрѣдка грохочетъ громъ,
Летя съ высокаго раската...
Трепететъ бранью грудь моя,
При блескѣ браннаго булата,
Огнемъ пылаетъ взоръ, и я
Лечу на гибель супостата.
Мой конь въ ряды враговъ орломъ
Несется съ грознымъ сѣдокомъ,
Съ размаха сыплются удары...
О вы, отеческіе Лары,
Спасите юношу въ бояхъ!
Тамъ свищетъ саблей онъ зубчатой,
Тамъ киверъ зыблется пернатою;
Съ черкесской буркой на плечахъ
И молча преклонясь ко гривѣ,
Онъ мчитъ стрѣлой по скользкой нивѣ
Съ дыгарой дымною въ зубахъ.....

Но лаврами побѣдъ увиты
Бойцы изъ чаши мира пьютъ;

Военной славою забытый
 Спѣшу въ смиренный мой пріютъ:
 Нашедъ на полѣ битвъ и чести
 Одни болѣзни костыли,
 Навѣкъ оставилъ саблю мести...—
 Ужъ вижу въ сумрачной дали
 Мой тѣсный домикъ, рощи темны,
 Калитку, садикъ, ближній прудъ,
 И снова я, философъ скромный,
 Укрылся въ милый мнѣ пріютъ,
 И міръ забывъ, и имъ забвенный
 Покой души вкушаю вновь.

Скажи, о сердцу другъ безцѣнный:
 Мечта ль: и дружба и любовь?
 Доселѣ въ рѣзвости безпечной
 Брили по розамъ дни мои,
 Въ невинной ясности сердечной
 Не зналъ мученій я любви.
 Но быстро ~~днемъ~~ за днемъ умчался,
 Гдѣ жъ дѣтства ранніе слѣды?
 Прелестный возрастъ миновался,
 Увяли первые цвѣты!
 Ужъ сердце въ радости не бьется
 При миломъ видѣ мотылька,
 Что въ воздухѣ кружить и вьется
 Съ дыханьемъ тихимъ вѣтерка,—
 И въ безпокойствѣ непонятномъ
 Пылаю, тѣбѣ, кровь горитъ,
 И все языкомъ сердцу внятнымъ
 О нѣжной страсти говорить — —
 Подруга возраста златого,
 Подруга красныхъ дѣтскихъ лѣтъ,
 Тебя ли вижу, взоровъ свѣтъ,
 Другъ сердца, милая * * *,
 Вездѣ со мною образъ твой,
 Вездѣ со мною призракъ милый,
 Во тьмѣ полуночи унылой,
 Въ часы денницы золотой,
 То на концѣ аллеи темной
 Вечерней, тихою порой,
 Одну, въ задумчивости томной,
 Тебя я вижу предъ собой,
 Твой палью станъ непокровенный,
 Твой взоръ на груди потупленный,
 Въ щекахъ любви стыдливый цвѣтъ...
 Все тихо, брежжетъ лунный свѣтъ;
 Нахмурясь тополь шевелится,

Ужъ сумракъ тусклой пеленой
 На холмы дальнiе ложится,
 И завѣсъ рощицы струится
 Надъ тихо спящею волной,
 Осеребренною луной.
 Одна ты въ рощицѣ со мною,
 На костыли мои склоняясь,
 Стоишь подъ ивою густою,
 И вѣтеръ сумраковъ, рѣзвясь,
 На снѣжную грудь прохладой дуетъ,
 Играетъ локономъ влосовъ
 И ногу стройную рисуетъ
 Сквозъ бѣлоснѣжный твой покровъ...
 То часомъ полночи глубокимъ
 Предъ теремомъ твоимъ высокимъ
 Угрюмой зимнею порой,
 Я жду красавицу драгую—
 Готовы сани; мракъ густой;
 Все спитъ, одинъ лишь я тоскую,
 Зову часовъ лѣнивый бой....
 И шорохъ чудится глухой,
 И вотъ ужъ шопотъ слышу сладкой,
 Съ крыльца прелестная сошла,
 Чуть-чуть дыша, идетъ украдкой,
 И дѣва друга обняла.
 Помчались кони, вдалѣ пустились,
 По вѣтру гривы распустились,
 Несутся въ снѣжной глубинѣ,
 Прижалась робко ты ко мнѣ,—
 Чуть-чуть дыша, мы обомлѣли,
 Въ восторгахъ чувства онѣмѣли...
 Но что! мечтанья отлетѣли!
 Увы! я счастливъ былъ во снѣ...

Въ отрадной музамъ типинѣ
 Простыми звуками свирѣли,
 Мой другъ, я для тебя воспѣлъ.
 Мечту, молодыхъ пѣвцовъ удѣлъ;
 Питомецъ музъ и вдохновенья,
 Стремясь фантазiи воспѣдъ,
 Находить въ сердцѣ наслажденья
 И на пути грозящихъ бѣдъ.
 Минуты счастья золотыя
 Пускай мнѣ Клиою не советъ,
 Въ мечтахъ всѣ радости земныя!
 Судьбы всеильнѣе поэтъ.

1815.

МОЕМУ АРИСТАРХУ.

(и. в. копанскому).

Помилуй, трезвый Аристархъ
 Моихъ бакхическихъ посланій!
 Не осуждай моихъ мечтаній
 И чувства въ вѣтреныхъ стихахъ.
 Плоды веселаго досуга
 Не для безсмертья рождены,
 Но развѣ такъ бережены
 Для самого себя, для друга,
 Да для Темиры молодой.
 Помилуй, сжапись надо мной!

Я знаю самъ свои пороки,
 Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
 Твоей учености сухой.
 Конечно, бѣденъ гений мой:
 За риемой часто холостой,
 На зло законамъ сочетанья,
 Бѣгутъ трехстопные толпой
 На аю, аетъ и на ой.
 Еще немногія признанья:
 Я ставлю (кто же безъ грѣха?)
 Для мѣры, риемы, восклицанья,
 Для смысла, лишнихъ три стиха;
 Нехорошо; но оправданья
 Позволь мнѣ скромно принести:
 Мои летучія посланья
 Въ потомствѣ будутъ ли цвѣсти?
 Не думай, цензоръ мой угрюмой,
 Что лѣнью жертвуя стихамъ,
 Объятый стихотворной думой;
 Встаю... бѣспуюсь по ночамъ;
 Что засвѣтивъ свою лампаду,
 Едва дыша, нахмуря взоръ,
 За вѣрный столъ, ~~вредя~~ засяду;
 Сижусь, сижусь три ночи ~~спраду~~
 И высижусь—трехстопный ~~вадоръ~~...
 Такъ пишеть (молвить не въ укоръ)
 Конюшій дряхлаго Пегаса
 Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ,
 Служитель старенькій Парнаса,
 Родитель старенькихъ стиховъ,
 И одъ неслишкомъ громозвучныхъ,
 И сказочекъ довольно скучныхъ!...

Люблю я праздности покой
И мнѣ досугъ совсѣмъ не бремя,
И ѣсть и пить найду я время.
Когда жъ нечаянной порой
Стихи кропать найдетъ охота
На славу дружбы иль Эрота,
Я мигомъ трудъ окончу свой.
Сижу ли съ добрыми друзьями,
Лежу ль въ постелѣ пуховой,
Брожу ль надъ тихими водами
Въ дубравѣ темной и глухой,
Задумаюсь—взмахну руками,
На приемахъ вдругъ заговорю,
И никого ужъ не морю
Моими тайными стихами.
Но если я когда нибудь,
Желая въ нѣгѣ отдохнуть,
Расположусь передъ каминомъ
Одинъ, свободнымъ господиномъ
Поймаю прежню мысль мою—
То не для имени поэта
Мараю два иль три куплета
И ихъ въ полголоса пою.

Но знаешь ли, о мой гонитель,
Какъ я бесѣдую съ тобой?
Безпечный Пинда посѣтителъ
Я съ музой нѣжусь молодой...
Ужъ утра яркое свѣтило
Поля и рощи озарило;
Давно пропѣли пѣтухи!
Въ полглаза дремля и зѣвая,
Шапеля въ пѣсняхъ призывая,
Пишу короткіе стихи
Среди пріятнаго забвенья,
Склонясь въ подушку головой—
И въ простотѣ, безъ украшенья,
Мои слагаю извиненья
Немного сонною рукой.
Подъ сѣнью лѣни неизвѣстной
Такъ нѣжился пѣвецъ прелестной,
Когда Веръ-Вера воспѣвалъ,*
Или съ улыбкой рисовалъ,
Въ непринужденномъ упоеньи,

* Грессе. Поэма эта переведена В. С. Курочкинымъ, подъ заглавіемъ:
«Полугай» и была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Уединенный свой чердакъ.
 Въ такомъ лѣнивомъ положеньи
 Стихи текутъ и такъ и сякъ.
 Возможно ли въ свое творенье,
 Унявъ веселыхъ мыслей шумъ,
 Тогда вперять холодный умъ,
 Отдѣлкой портить небыллицы,
 Плоды бродящихъ рѣзвыхъ думъ,
 И сокращать свои страницы?

Нашъ другъ Ляфортъ, Шолье, Парни,
 Враги труда, заботъ, печали,
 Не такъ, бывало, въ прежни дни
 Своихъ любовницъ воспѣвали.
 О вы, любезные пѣвцы,
 Сыны безпечности лѣнливой!
 Давно вамъ отданы вѣнцы
 Отъ музы праздности счастливой;
 Но не блестящія дары
 Поэзии трудолюбивой—
 На верхъ ессалѣскія горы
 Вели васъ тайные извивы;
 Веселыхъ грацій перстъ игривой
 Младья лиры оживлялъ,
 И ваши челы обвивалъ
 Дѣтей пафосскихъ рой шумливой!
 И я—неопытный поэтъ,
 Небрежный вашихъ приемъ наслѣдникъ,
 За вами крадуся вослѣдъ...
 А ты, мой скучный проповѣдникъ,
 Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ,
 Поди, кричи, брани другова,
 И брось лѣнивца молодова,
 Объ немъ тихонько пожалѣвъ.

1815.—10 марта 1817 (переписано).

НАДПИСЬ КЪ ВЕСЕДКЪ.

Съ благоговѣйною душой
 Приблизься путникъ молодой
 Любви къ пустынному приюту!
 Здѣсь ея счастливъ былъ я разъ,
 Въ восторгѣ сладостномъ погасъ,
 И время самое для насъ
 Остановилось на минуту.

1815.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Друзья, простите! завѣщаю
 Вамъ все, чѣмъ радъ и чѣмъ богатъ;
 Обиды, пѣсни—все прощаю,
 А мнѣ пускай долги простятъ.

КЪ НЕЙ.

Эльвина, милый другъ! приди, подай мнѣ руку,
 Я вянущу, прекрати тяжелый жизни сонъ.
 Скажи, увижу ли? на долгую ль разлуку
 Любимникъ осужденъ?
 Ужели никогда на друга другъ не взглянетъ,
 Иль вѣчной темнотой покрыты дни мои?
 Ужели никогда насъ утро не застанетъ
 Въ объятіяхъ любви?
 Эльвина! почему въ часы глубокой ночи
 Я не могу тебя съ весельемъ обнимать,
 На милую стремить томленья полны очи
 И страстью трепетать?
 И въ радости нѣмой, въ восторгахъ упоенья,
 Твой шопотъ сладостный и томный стонъ внимать;
 И тихо въ скромной тѣмѣ для нѣги пробужденья
 Близъ милой засыпать?

С Л Е З А.

(к. п. вакуниной).

Вчера за чашей пуншевою
 Съ гусаромъ я сидѣлъ,
 И молча съ мрачною душою
 На дальній путь глядѣлъ.

«Скажи, что смотришь на дорогу?»
 Мой храбрый спросилъ:
 «Еще по ней ты, слава Богу,
 Друзей не проводилъ.»

Къ груди поникнувъ головою,
 Я скоро прошепталъ:
 «Гусаръ, ужъ нѣтъ ее со мною!...»
 Вздохнулъ и замолчалъ.

Слеза повисла на рёсницѣ
И капнула въ бокаль.
«Дитя! ты плачешь о дѣвицѣ;
Стыдись!»—онъ закричалъ.

«Оставь, гусаръ! Ахъ, сердцу больно!...
Ты, знать, не горевалъ!
Увы! одной слезы довольно,
Чтобъ отравить бокаль!»

Е. П. БАКУНИНОЙ.

Итакъ я счастливъ былъ, такъ я наслаждался.
Отрадой тихою, восторгомъ упивался!...
И гдѣ веселья быстрый день?
Промчались лѣтомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья
И снова вокругъ меня угрюмой скуки тѣнь!...

КЪ ЖИВОПИСЦУ.

(изъ парни).

Дитя харить, воображенья!
Въ порывѣ пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мнѣ друга сердца напиши:

Красу невинности небесной,
Надежды робкія черты,
Улыбку Душеньки прелестной,
И взоры юной красоты;

Вкругъ тонкаго Гебеи стана
Венеринъ поясъ повяжи;
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царичу окружи.

Прозрачны волны покрывала
Накинъ на трепетную грудь,
Чтобъ и подъ нимъ она дышала,
Хотѣла тайно бы вздохнуть;

Представь мечту любви стыдливой—
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя напишу.

1815.

РОЗА.

Гдѣ наша роза
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Такъ вянетъ младость!
Не говори:
Вотъ жизни радость!
Цвѣтку скажи:
Прости, жалбю!
И на лилею
Намъ укажи.

ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

(изъ парни).

Все въ таинственномъ молчаньи;
Холмъ одѣлся темнотою;
Ходить въ облачномъ сіяньи
Полумѣсяцъ молодой.
Вижу лира надъ могилой
Дремлетъ въ сладкой тишинѣ;
Лишь порою звонъ унылый,
Будто лѣни голосъ милый,
Въ мертвой слышится струнѣ.
Вижу: горлица на лирѣ,
Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ...
Други, здѣсь почиетъ въ мирѣ
Сладострастія мудрецъ.
Посмотрите: на порфирѣ
Оживилъ его рѣзецъ!
Здѣсь онъ въ зеркало глядится,
Говоря: я сѣдъ и старъ,
Жизнью дайте жъ насладиться;
Жизнь, увы, не вѣчный даръ!
Здѣсь, поднявъ на лиру длани

И нахмуря важно бровь,
Хочетъ пѣть онъ бога брани,
Но поетъ одну любовь.
Здѣсь, готовяся природѣ
Долгъ послѣдній заплатить,
Старецъ пляшетъ въ хороводѣ,
Жажду просить утолить.
Вкругъ любовника сѣдаго
Дѣвы скачутъ и поютъ;
Онъ у времени скупаго .
Крадетъ нѣсколько минутъ.
Вотъ и музы, и хариты
Въ гробъ любимца увели:
Плющемъ, розами увиты,
Игры вслѣдъ за нимъ пошли...
Онъ исчезъ, какъ наслажденье,
Какъ веселый сонъ любви.
Смертный! вѣкъ твой—привидѣнье:
Счастье рѣзвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся,
Чаще кубокъ наливай,
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗЪ ПАРИЖА,

въ 1815 году.

Утихла брань племень; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось!... Русскій царь, достигъ ты славной цѣли!
Вотще надменные на родину летѣли;
Вотще, впреди знаменъ безчисленныхъ дружинъ,
Въ могущей дерзости, вѣнчанный исполнѣ
На гибель грозно шель; влекъ цѣпи за собою:
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою!
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ!
Содрогся счастья сынъ и, брошенный судьбою,
Онъ землю русскую не взвидѣлъ подъ собою.
Бѣжить... и смерти громъ слетѣлъ ему вослѣдъ;
И съ трона гордый палъ... и вновь возсталъ... и нѣтъ!
Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!

Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, вложивъ пернатый племъ,
Колѣна преклонивъ предъ выпшнимъ алтаремъ,
Ты браней мечъ извлекъ, и клятву далъ святую
Отъ ига оградить 'страну свою родную.
Мы вняли клятвѣ сей; и гордыя сердца
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ отца,
И смертью роковой горѣли и дрожали;
И россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!...
Къ мечамъ!—раздался кликъ, и вихремъ понеслись;
Знамена, вспумѣвъ, по вѣтру развились,
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились: воспылали свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой!...
А я... вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной...
Я тихо расцвѣталъ безпечной, безмятежной!
Увы! мнѣ не судилъ таинственный удѣлъ
Сражаться за тебя подъ градомъ вражыхъ стрѣлъ.
Сыны Бородина, о Кульмскіе герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой восторженной за братьями спѣшилъ;
Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою,
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣлемъ не былъ?
О, сколь величественъ, безсмертный, ты явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился;
И челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпью съ восторгомъ потрясали
И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?... Ужели грозный палъ?...
Кто смѣлый, кто въ громахъ на Сѣверѣ возсталъ!...»
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукою,
И власть мятежная исчезла предъ тобой!...
И нынѣ ты къ сынамъ, о царь нашъ, возвратился,
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на свой народъ смиренъя полный взглядъ:
Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И ты среди толпы, Россіи божество!
Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ твои дружины;

Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
 Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
 Ты нашъ, о русскій царь! оставь же племъ стальной,
 И грозный мечъ войны, и щитъ—ограду нашу;
 Излей предъ Янусомъ священну мира чашу,
 И брани сокрушивъ могущею рукою,
 Вселенну осѣни желанной тишиной!...
 И придутъ времена спокойствія златя,
 Покроетъ племы ржа, и стрѣлы каленыя,
 Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
 Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
 По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный;
 Суда летучія, торговлей окрыленные,
 Кормами разсѣкутъ свободный океанъ;
 И юные сыны воинственныхъ славянъ
 Спокойной праздности съ досадой предадутся,
 И молча нѣкогда вкругъ старца соберутся,
 Преклоняя жадный слухъ—и ветхимъ костылемъ
 И станъ, и ратный строй, и дальный боръ съ холмомъ
 На прахъ начертитъ онъ медленно предъ ними;
 Словами истины, свободными, простыми,
 Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживить
 И добраго царя въ слезахъ благословить.

КЪ БАРОНЕССЪ

МАРЬА АНТОНОВНА ДЕЛЬВИГЪ.

Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать било!
 И я считалъ когда-то восемь лѣтъ;
 Они прошли... Въ судьбѣ своей унылой,
 Богъ знаетъ какъ, я нынѣ сталъ поэтъ.
 Не возвратитъ уже того, что было;
 Уже я старъ, мнѣ незнакома ложь;
 Такъ вѣрьте мнѣ—мы спасены лишь вѣрой—
 Послушайте, Амуръ какъ вы хорошъ;
 Амуръ дитя, Амуръ на васъ похожъ—
 Въ мои лѣта вы будете Венерой.

Но если только буду живъ,
 Всевышней благостью Зевеса,
 И столько же краснорѣчивъ—
 Я напишу вамъ, баронесса,
 Въ латинскомъ вкусѣ мадригалъ,
 Чудесный, вовсе безъ искусства—
 Не много истинныхъ похвалъ,
 Но много истиннаго чувства.

Скажу я: «ради вашихъ глазъ,
О баронесса! ради баловъ,
Когда мы всѣ глядимъ на васъ,
Взгляните на меня хоть разъ
Въ награду прежнихъ мадригаловъ.»
Когда жъ Амуръ и Гименей
Въ прелестной Маріи моей
Поздравятъ молодую даму—
Удастся ль мнѣ подъ старость дней
Вамъ посвятить эпиталяму?

1815, 22 декабря.

МОЯ ЭПИТАФИЯ,

Здѣсь Пушкинъ погребенъ: онъ съ музой молодой,
Съ любовью, лѣнностью провелъ веселый вѣкъ;
Не дѣлалъ добраго—однако жъ былъ душою,
Ей Богу, добрый человекъ.

ЭПИГРАММЫ,

1.

Бывало прежнихъ лѣтъ герой,
Окончивъ славу брань съ противной стороной,
Повѣситъ мечъ войны средь отческія кущи;
А трагикъ нашъ Бурунъ, скончавъ чернильный бой,
Повѣсилъ уши.

2.

Ахъ тошно, тошно! помогите!
«Да отчего же тошно вамъ?
Ужъ не отъ сладкаго ль, скажите?»
Такъ, такъ! отъ вашихъ эпиграммъ.

3.

НА ПРОФЕССОРА ЧЕРНЯКА.

Могу тебя измѣрить разомъ,
Мой другъ Чернякъ!
Ты математикъ—минусъ разумъ,
Ты злой насмѣшникъ—плюсъ дуракъ.

1816.

—

ФАВНЪ И ПАСТУШКА.

КАРТИНЫ.

(ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ).

I. ПАСТУШКА.

Съ пятнадцатой весною,
Какъ лилія съ зарею,
Красавица цвѣтеть;
Все въ ней очарованье!
И томное дыханье,
И взоровъ томный свѣтъ,
И груди трепетанье,
И розы нѣжный цвѣтъ—
Все юность измѣняетъ.
Ужъ Лилу не плѣняетъ
Веселый хороводъ;
Одна у сонныхъ водъ,
Въ лѣсахъ она тaitся,
Вздыхаетъ и томится,
И съ нею тамъ Эротъ.
Когда же, ночью темной,
Ее въ постели скромной
Застанетъ тихій сонъ,
Въ полуночномъ молчаньи,
При мѣсячномъ сіяньи,
Слетаетъ Купидонъ
Съ волшебною мечтою;
И тихою тоскою
Исполнить сердце онъ—
И Лиля въ сновидѣньи
Вкушаетъ наслажденье
И шепчетъ: о, Филонъ!

II. ПЕЩЕРА.

Кто тамъ въ пещерѣ темной
Вечернею порой
Окованъ лѣнью томной
Покоится съ тобой?
Итакъ ужъ ты вкусила

Всѣ радости любви;
Ты чувствуешь, о Лила,
Волненіе въ крови,
И съ трепетнымъ смятеньемъ,
Съ пылающимъ лицомъ,
Ты дышишь упоеньемъ
Амура подъ крыломъ.
О жертва страсти нѣжной,
Въ безмолвіи гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари!
Для васъ потокъ игривый
Угрюмой тьмой одѣтъ,
И мѣсяцъ молчаливый
Туманный свѣтъ ліетъ;
Здѣсь розы наклонились
Надъ вами въ темный кровъ;
И вѣтры притаились,
Гдѣ царствуетъ любовь...

III. ФАВНЪ.

Но кто тамъ, близъ пещеры,
Въ густой травѣ лежитъ?
На жертвенникъ Венеры
Съ досадой онъ глядитъ;
Нагнулась межъ цвѣтами
Косматая нога;
Надъ грустными очами
Нависли два рога.
То Фавнъ, угрюмый житель
Лѣсовъ и горъ крутыхъ,
Докучливый гонитель
Пастушекъ молодыхъ.
Любимца Купидона—
Прекраснаго Филона
Давно соперникъ онъ...
Въ пріютѣ сладострастья
Онъ слышитъ вздохи счастья
И нѣги томный стонъ.
Въ безмолвіи несчастный
Страданья чашу пьетъ,
И въ ревности напрасной
Горючи слезы льетъ.
Но вотъ ночей царица
Скатилась за лѣса,
И тихая денница
Румянить небеса;
Зефиры прошептали—

И Фавнъ въ дремучій боръ
Бѣжить сокрыть печали
Въ ущельяхъ дикихъ горъ.

IV. РѢКА.

Одна поутру Лила
Нетвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила
«О, скоро ль, мракъ ночной,
Съ прекрасною луной
Ты небомъ овладѣешь?
О, скоро ль, темный лѣсъ,
Въ туманахъ засинѣешь
На западѣ небесъ?»
Но шорохъ за кустами
Ей слышится глухой,
И вдругъ—сверкнулъ очами
Предъ нею богъ лѣсной!
Какъ вешній вѣтерочекъ,
Летитъ она въ лѣсочекъ;
Онъ гонится за ней—
И трепетная Лила
Всѣ тайны обнажила
Младой красы своей;
И нѣжна грудь открылась
Лобзаньямъ вѣтерка,
И стройная нога
Неволью обнажилась.
Порхая надъ травой,
Пастушка робко дышетъ;
Къ рѣкѣ летя стрѣлой,
Бѣгъ Фавна за собой
Все ближе, ближе слышитъ.
Отчаянья полна,
Ужъ чувствуетъ она
Огонь его дыханья....
Напрасны всѣ старанья:
Ты Фавну суждена!
Но шумная волна
Красавицу сокрыла:
Рѣка—ея могила....
Нѣтъ! Лила спасена.

V. ЧУДО.

Эроты златокрылы
И нѣжный Купидонъ
На помощь юной Лилы

Летать со всѣхъ сторонъ;
Всѣ бросили Цитеру,
И мирныхъ сель Венеру
По трепетнымъ волнамъ
Несутъ они въ пещеру—
Любви пустынный храмъ.
Счастливецъ былъ ужъ тамъ.
И вотъ уже съ Филономъ
Веселье пьетъ она,
И страсти тихимъ стономъ
Прервалась тишина.
Спокойно дремлетъ Лила,
На розахъ нѣгъ и сна,
И лучъ свой угасила
За облакомъ луна.

VI. ФІАЛЬ.

Поникнувъ головою,
Несчастный богъ лѣсовъ
Одинъ съ вечерней тьмою
Бродилъ у береговъ:
«Прости любовь и радость!»
Со вздохомъ молвилъ онъ:
«Въ печали тратить младость
Я рокомъ осужденъ!»
Вдругъ изъ лѣсу румяный,
Шатаясь, передъ нимъ
Сатиръ явился пьяный
Съ кувшиномъ круговымъ;
Онъ мутными глазами
Пути домой искалъ,
И козьими ногами
Едва переступалъ;
Шель, шель, и натолкнулся
На Фавна моего,
Со смѣхомъ отшатнулся,
Склонился на него....
«Ты ль это, братъ любезной?»
Вскричалъ Сатиръ сѣдой:
«Въ какой странѣ безвѣстной
Я встрѣтился съ тобой?»
—Ахъ! молвилъ Фавнъ уныло:
Завяли дни мои!
Все, все мнѣ измѣнило,
Несчастенъ я въ любви.
«Что слышу? Отъ Амура
Ты страждешь и грустишь,
Малютку-бѣдокура

И ты боготворишь?
Возможно ль? Такъ забвенье
Въ кувшинѣ почерпай,
И чашу въ утѣшенье
Наполни черезъ край!»
И пѣна засверкала
И на краяхъ шипить,
И съ перваго фіала
Амуръ уже забыть.

VII. ИЗМѢНА.

Кто жъ дерзостный владѣеть
Твоею красотой?
Невѣрная, кто смѣетъ
Пылающей рукой
Бродить по груди страстной,
Томиться, воздыхать,
И съ Лилою прекрасной
Въ восторгахъ умирать?
И такъ, ты измѣнила?
Красавица, плѣнная,
Спѣши любить, о Лила!
И снова измѣняй.

VIII. ОЧЕРЕДЬ.

Что, Лила, что съ тобою?
Въ пещерной глубинѣ
Сокрытая тоскою,
Ты плачешь въ тишинѣ;
Грустишь уединенно,
И свѣтъ тебѣ постылъ!
Гдѣ жъ сердца другъ безцѣнный?
Увы, онъ измѣнилъ!
Прошли восторги, счастье,
Какъ съ утромъ легкой сонъ;
Гдѣ тайны сладострастья?
Гдѣ нѣжный Палемонъ?
О Лила! вянуть розы
Минутныя любви:
Познай же грусть и слезы,
И нынѣ терны рви.

IX. ФИЛОСОФЪ.

Въ губительномъ стремленьи
За годомъ годъ летитъ,
И старость въ отдаленъи
Красавицъ грозитъ.
Амуръ уже съ поклономъ

Разстался съ красотой.
 И вслѣдъ за Купидономъ
 Веселья скрылся рой.
 Въ лѣсу пастушка бродить
 Печальна и одна:
 Кого же тамъ находить?
 Вдругъ Фавна зрить она.
 Философъ козлоногій
 Подъ липою лежалъ,
 И пѣнистый фіалъ,
 Вѣнкомъ украсивъ роги,
 Лѣниво осушалъ.
 Хоть Фавнъ и не находка
 Для Лилы прежнихъ лѣтъ,
 Но вздумала красотка
 Любви раскинуть сѣть:
 Подкралась, устремила
 На Фавна томный взоръ,
 И слышалъ я, клонила
 Къ развязкѣ разговоръ.
 Но Фавнъ съ улыбкой злою,
 Налѣня свой фіалъ,
 Качая головою,
 Красавицѣ сказалъ:
 «Нѣтъ, Лила! я въ покоѣ—
 Другихъ, мой другъ, лови;
 Есть время для любви,
 Для мудрости другое.
 Бывало, я тобой
 Въ безуміи плѣнялся;
 Бывало, восхищался
 Коварной красотой,
 И сердце, тлѣя страстью,
 Къ тебѣ меня влекло.
 Бывало... но, по счастью,
 Что было—то прошло.»

КЪ МОРФЕЮ.

(изъ парни).

Морфей, до утра дай отраду
 Моей мучительной любви!
 Приди, задуй мою лампаду,
 Мои мечты благослови!
 Сокрой отъ памяти унылой
 Разлуки страшной приговоръ!

Пускай увижу милый взоръ,
 Пускай услышу голосъ милой.
 Когда жъ умчится ночи мгла
 И ты мои покинешь очи,
 О, если бы душа могла
 Забыть любовь до новой ночи!

К Ъ М А Ш Ъ.

(сестрѣ дельвига).

Вчера мнѣ Маша приказала
 Въ куплеты рѣшмы набросать,
 И мнѣ въ награду общала
 Спасибо въ прозѣ написать.

Спѣшу исполнить приказанье.
 Года не смѣютъ погодить:
 Еще семь лѣтъ—и обещанье
 Ты не исполнишь, можетъ быть.

Вы чинно, молча, сложа руки,
 Въ собраньяхъ будете сидѣть,
 И жертвуя богинѣ скуки,
 Съ воксала въ маскарадъ летѣть.

И ужъ не вспомните поэта....
 О Маша, Маша, поспѣши,
 И за четыре мнѣ куплета
 Мою награду напиши!

1816 года. Лицей.

П У Н Ш Е В А Я П Ъ С Н Я:

(изъ шиллера).

Силы четыре,
 Соединясь,
 Жизнь образуютъ,
 Міръ создаютъ.

Влажно зернистый
 Выжми лимонъ.
 Бѣдая сила—
 Жизни зерно.

Сладостной влагой
Ты укроти
Острую силу
Бѣдой струи.

Влагою грѣтой
Воду налей:
Миръ весь объемлемъ
Тихо водой.

Примѣсью рома
Все освяти:
Ромъ одаряетъ
Жизнiю жизнь.

Только кипучiй
Ключъ утолитъ!
Прежде, чѣмъ стихнетъ,
Черпай его!

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

Кубокъ янтарной
Полонъ давно.
Пѣною парной
Блещетъ вино!
Свѣта дороже
Сердцу оно.
Но за кого же
Выпью вино?

Здравiе славы
Выпью ли я?
Бранной забавы
Мы не друзья.
Это веселье
Не веселить:
Дружбы похмѣлье
Грома бѣжить.

Жители неба,
Феба жрецы,
Здравiе Феба
Пейте пѣвцы,
Рѣзвой Камены
Ласки—бѣда!

Токъ Иппокрены—
Просто вода!

Пейте за радость
Юной любви.
Скроется младость,
Дѣти мои.
Кубокъ янтарный
Полонъ давно.
Я, благодарный,
Пью за вино!

1816.

У С Ы.

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ОДА.

Глаза скосивъ на усъ кудравый,
Гусаръ, съ улыбкой величавой,
На палецъ завитки моталъ;
Мудрецъ съ обритой бородою,
Качая тихо головою,
Со вздохомъ усачу сказалъ:

Гусаръ! все тлѣнно подъ луною;
Какъ волны слѣдомъ за волною,
Проходятъ царства и вѣка.
Скажи, гдѣ стѣны Вавилона?
Гдѣ драмы тощія Клеона?
Умчала все временъ рѣка.

За уши усъ твой закрученный,
Виномъ и ромомъ окропленный,
Гордится юной красотой,
Не знаетъ бритвы, выписною
Онъ вѣчно лоснится сурмою,
Расправленъ гребнемъ и рукой.

Чтобы не смять уса лихова,
Ты къ ночи одою Хвостова
Его тихонько обвернешь,
Въ подушку носомъ лечь не смѣешь,
И въ крѣпкомъ снѣ его лелѣешь,
И утромъ вновь его завьешь.

На долгихъ ужинахъ веселыхъ,
Въ кругу гусаровъ посѣдѣлыхъ

И черноусыхъ удалцовъ,
Веселый гость, любовникъ пылкій,
За чье здоровье бьешь бутылки?
Коня, красавицъ и усовъ!

Сраженья страшный часъ настанетъ,
Въ ряды ядро со трескомъ грянетъ;
А ты, надъ ухарскимъ сѣдломъ,
Разсудка, памяти не тратишь,
Сперва кудрявый усъ ухватишь,
А саблю вѣрную потомъ.

Окованный волшебной силой,
Наединѣ съ красоткой милой
Ты маешься, одной рукой
Въ восторгахъ нѣги сладострастной
Блуждаешь по груди прекрасной,
А грозный усъ крутишь другой.

Гордись, гусаръ! но помни вѣчно,
Что все на свѣтѣ скоротечно:
Летятъ губительны часы!
Румяны щеки пожелтѣютъ,
И черны кудри посѣдѣютъ,
И старость выщиплетъ усы.

Писано 8 марта 1817.

Ж Е Л А Н І Е.

(в. л. пушкину).

Христось воскресъ, питомецъ Феба!
Дай Богъ, чтобъ милостію неба
Разсудокъ на Руси воскресъ—
Онъ что-то, кажется, исчезъ....
Дай Богъ, чтобы во всей вселенной
Воскресли миръ и тишина,
Чтобъ въ академіи почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтобъ въ наши грѣшны времена
Воскресла предковъ добродѣтель;
Чтобы Шихматову на зло
Воскреснуль новый Буало—
Расколовъ, глупостей свидѣтель;
А съ нимъ побольше серебра
И золота, et cœtera.

Но да не будетъ воскресенья
 Усопшей прозы и стиховъ;
 Да не воскреснуть отъ забвенья
 Покойный господинъ Бобровъ,
 Хвалы газетчика достойный,
 И Николевъ, поэтъ покойный,
 И непокойный графъ Хвостовъ,
 И всѣ, которые на свѣтѣ
 Писали слишкомъ мудрено,
 То есть и холодно, и темно,
 Что очень стыдно и грѣшно.

(Послано къ Св. Воскр. 9 апрѣля).

ПОСЛАНИЕ ЛИДЪ.

Тебѣ, наперсница Венеры,
 Тебѣ, которой Купидонъ
 И дѣти рѣзвыя Цитеры
 Украсили цвѣтами тронъ,
 Которой нѣжные примѣры,
 Улыбка, взоры, нѣжный тонъ
 Краснорѣчивѣй чѣмъ Вольтеры
 Намъ проповѣдуютъ законъ
 И Аристипповъ, и Глицеры—
 Тебѣ привѣтливый поклонъ,
 Любви вѣнокъ и лиры звонъ!...
 Презрѣвъ Платоновы химеры,
 Твоей я святостью спасенъ,
 И сталъ апостолъ мудрой вѣры
 Анакреоновъ и Нинонъ,
 Всего... но лишь извѣстной мѣры.
 Я вижу, хмурится Зенонъ,
 И вся его сѣдая свита.
 И мудрый другъ вина Катонъ,
 И скучный рабъ Эпафродита,
 Сенека, даже Цицеронъ
 Кричатъ: ты лжешь, профанъ, мученье—
 Прямое смертныхъ наслажденье!
 Друзья, согласенъ! плачь и стонъ
 Стократъ конечно лучше смѣха,
 Терпѣть—великая утѣха;
 Совѣтъ вашъ вовсе не смѣшонъ;
 Но мнѣ онъ, слышите ль, не нуженъ,
 Затѣмъ, что слишкомъ онъ мудренъ.
 Дороже мнѣ хорошій ужинъ
 Философовъ трехъ цѣлыхъ дюжинъ:

Я вами, право, не прельщенъ.
 Соборъ угрюмый разсерженъ;
 Но пусть кричатъ на супостата,
 Ихъ споръ лишь времени утрата:
 Кто ихъ примѣромъ обольщенъ?
 Люблю я добраго Сократа:
 Онъ въ мірѣ жилъ, онъ былъ уменъ;
 Съ своею важною притворной
 Любилъ пиры, театры, женъ;
 Онъ, между прочимъ, былъ влюбленъ,
 И у Аспазіи въ уборной
 (Тому свидѣтель самъ Платонъ),
 Невольникъ робкій и покорной,
 Вздыхалъ частехонько въ хитонъ,
 И ей съ улыбкою придворной
 Шепталъ: «Все призракъ, ложь и сонъ—
 И мудрость, и народъ, и слава.
 Что жъ истинно? Одна забава,
 Повѣрь, одна любовь не сонъ!»
 Такъ ладонъ жегъ прекрасной онъ,
 И ею... бѣдная Ксантиппа!
 Твой мужъ, совѣстникъ Аристиппа,
 Бываль до неба вознесенъ.
 Межъ тѣмъ, на милыхъ грозно лая,
 Злой циникъ, нѣгу презирая,
 Одинъ, всѣхъ радостей лишень,
 Дышалъ отъ міра отлучень;
 Но съ бочкой странствуя пустою
 Вослѣдъ за мудростью слѣпою,
 Пустой чудакъ былъ ослѣпленъ—
 И воду черпая рукою,
 Не могъ зачѣрпнуть счастья онъ.

С Л О В О М И Л О Й .

(МАРИИ СМИТЬ).

Я Лилу слушалъ у клавира:
 Ея прелестный, томный гласъ
 Волшебной грустью нѣжить насъ,
 Какъ ночью вѣянье зефира.
 Упали слезы изъ очей,
 И я сказалъ пѣвицѣ милой:
 «Волшебенъ голосъ твой унылой;
 Но слово милыя моей
 Волшебнѣй пѣсенъ, пѣтыхъ Лилой.»

Л И Л Ъ.

(МАРИИ СМІТЬ).

Лила, Лила, я страдаю
 Безотраднoю тоской,
 Я томлюсь, я умираю,
 Гасну пламенной душой;
 Но любовь моя напрасна:
 Ты смѣешься надо мной.
 Смѣйся, Лила! ты прекрасна
 И безчувственной красой.

А М У Р Ъ И Г И М Е Н Е Й.

Сегодня, добрые мужья,
 Повеселю васъ новой сказкой.
 Знали ли вы, мои друзья,
 Слѣпаго мальчика съ повязкой?
 Слѣпаго?.. Вотъ? Помилуй, Фебъ!
 Амуръ совсѣмъ, друзья, не слѣпъ:
 Но шалуну пришла жъ охота,
 Чтобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
 Его безуміе вело.
 Безуміе ведетъ Эрота;
 Но вдругъ, не знаю почему,
 Оно наскучило ему.
 Взялся за новую затѣю:
 Повязку съ милыхъ снявъ очей,
 Идетъ проказникъ къ Гименею...
 А что такое Гименей?
 Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
 Холодный, дряхлый и лѣнивый,
 Ворчитъ и дремлетъ цѣлый вѣкъ;
 А впрочемъ добрый человѣкъ,
 Да нравъ имѣетъ онъ ревнивый.
 Отъ ревности печальный богъ
 Спокойно подремать не могъ;
 Все трусилъ маленькаго брата,
 За нимъ подсматривалъ тайкомъ,
 И караулил супостата
 Съ своимъ докучнымъ фонаремъ.
 Вотъ мальчижъ мой къ нему подходитъ
 И рѣчь коварную заводитъ:
 «Развеселися, Гименей!

Ну, помиримся, будь умнѣй!
 Забудь, товарищъ мой любезный,
 Раздоръ смѣшной и бесполезный!
 Да только навсегда, смотри!
 Возьми жъ повязку въ память милый,
 А мнѣ фонарь свой подари!»,
 И что жъ? Повѣрилъ богъ унылый.
 Амуръ отъ радости прыгнулъ,
 И на глаза со всей онъ силы
 Обнову брату затянулъ.
 Гимена скучные дозоры
 Съ тѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ;
 Его завистливые взоры
 Теперь не страшны красотамъ;
 Спокоенъ онъ, но братъ коварный,
 Шутя надъ честью и надъ нимъ,
 Войну ведетъ, неблагодарный,
 Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.
 Лишь сонъ на смертныхъ налетаетъ,
 Амуръ въ молчаніи ночномъ
 Фонарь любовнику вручаетъ,
 И самъ счастливца провожаетъ
 Къ уснувшему супругу въ домъ;
 Самъ отъ безпечнаго Гимена
 Онъ охраняетъ тайну дверь...
 Пойми меня, мой другъ Елена,
 И мудрой повѣсти повѣрь!

И С Т И Н А .

Недавно мудрые искали
 Забытыхъ истины слѣдовъ,
 И долго, долго повторяли
 Пустые толки стариковъ;
 Твердили: «Истина нагая
 Въ колодезь убралась тайкомъ!»
 И дружно воду выпивая,
 Кричали: «Здѣсь ее найдемъ!»

Но кто-то, смертныхъ благодѣтель
 И чуть ли не старикъ Силенъ,
 Ихъ важной глупости свидѣтель,
 Водой и крикомъ утомленъ,
 Оставилъ невидимку нашу,
 Подумалъ первый о винѣ,
 И осушивъ до капли чашу,
 Увидѣлъ истину на днѣ.

ФІАЛЬ АНАКРЕОНА.

Когда на поклоненье
 Ходилъ я въ дальній Пафосъ,
 Повѣрьте мнѣ, я видѣлъ
 Въ уборной у Венеры
 Фіаль Анакреона!
 Онъ былъ тогда наполненъ
 Свѣтлѣющею влагой;
 Крутомъ висѣли розы,
 Зеленый плющъ и мирты,
 Сплетенныя рукою
 Царицы наслажденій;
 На краишкѣ я видѣлъ
 Коварнаго Амура;
 Смотрѣлъ онъ пригорюнясь
 На пѣнистую влагу.
 «Что смотришь ты, проказникъ,
 На пѣнистую влагу?»
 Спросилъ я Купидона.
 «Скажи, что такъ утихнулъ?
 Иль хочется зачерпнуть
 Тебѣ златаго соку,
 Да ручка не достанетъ?»
 — Нѣтъ! отвѣчала малютка:
 Рѣзвась, я въ это море
 Колчанъ, и лукъ, и стрѣлы,
 Все бросилъ ненарочно—
 А плавать не умѣю.
 Вонъ, вонъ, на днѣ блистаютъ!
 Ахъ, жалко мнѣ; послушай,
 Достань мнѣ ихъ оттуда.
 «О нѣтъ!» сказалъ я богу:
 «Спасибо, что упали;
 Пускай тамъ остаются:
 Тѣмъ лучше для меня!»

НАВЗДНИКЪ,

Глубокой ночи на поляхъ
 Давно лежали покрывала,
 И слабо въ блѣдныхъ облакахъ
 Звѣзда пустынная сіяла.
 При умирающихъ огняхъ,

Въ невѣрной темнотѣ тумана,
Безмолвно два стояли стана
На помраченныхъ высотахъ.
Все спитъ; лишь волнъ мятежный ропотъ
Разносится въ тиши ночной,
Да слышенъ издали глухой
Булата звонъ и конскій топотъ.
Толпа наѣздниковъ младыхъ
Въ дубравѣ ѣдетъ молчаливой:
Дрожать и пышутъ кони ихъ,
Главой трясутъ нетерпѣливой.
Ужъ полемъ войны летятъ,
Дубравы кровь покинувъ зыбкой,
Усами грозно шевелятъ
И съ гордой шепчутся улыбкой;
Ихъ лица радостью горятъ,
Огнемъ пылаютъ гнѣвы очи,
Лишь ты, воинственный поэтъ,
Уныль, какъ сумракъ полуночи,
И блѣденъ, какъ осенній свѣтъ.
Съ главою мрачно наклоненной
Къ тѣснимои горестью груди.
Печальной думой увлеченный,
Онъ молча ѣдетъ впереди.
«Пѣвецъ угрюмый, что съ тобою?
Одинъ предъ боемъ ты уныль,
Поникъ безстрашною главою,
Бразды и саблю опустилъ.
Ужель, невольникъ празднои нѣги,
Отраднѣй сонъ твоихъ полей.
Чѣмъ наши бурные набѣги
И ночью бранный стукъ мечей?
Стезя войны пускай опасна,
Завиденъ гордый нашъ удѣлъ.
Тебѣ ли въ полѣ смерть ужасна?
Но ты средъ боевъ не блѣднѣлъ:
Тебя мы зрѣли подъ мечами
Съ спокойнымъ дерзостнымъ челомъ,
Всегда межъ первыми рядами,
Все тамъ, гдѣ падалъ первый громъ.
Съ побѣднымъ соединяясь кликомъ,
Твой голосъ наши битвы пѣлъ;
А нынѣ ты въ унынии дикомъ,
Какъ робкій ратникъ онѣмѣлъ.»
Но медленно пѣвецъ печальный
Главу и взоры приподнялъ,
Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальный
И вздохомъ грудь поколебалъ.

«Глубокой сонъ въ долинѣ бранной;
Одни мы мчимся въ тѣмѣ ночной;
Готовъ, готовъ ударъ желанной;
Предчувствую послѣдній бой.
Зоветь меня конецъ жестокой;
Мы грозно ринемся въ огонь;
Ударить часъ—и одинокой
Въ долину выбѣжить мой конь!..

«О вы! которые костями
Сей ночью ляжете со мной,
Скажите: милая слезами
Вашъ усладить ли сонъ нѣмой?
Но я... напрасно сердце дышетъ,
Настанетъ хладъ и тишина,
Эльвина скоро вѣсть услышитъ:
Онъ палъ!.. и не вздохнетъ она.

«А вы, хранимые судьбами
Для тихихъ жизненныхъ отрадъ,
Счастливы!.. Милые слезами
Благословится вашъ возвратъ.
За чашей сладкаго спасенья,
О братья, вспомните пѣвца,
Его любовь, его мученья
И славу грознаго конца!..»

Умолкъ, и мчится въ бой кровавый..
Уже не возвратился онъ:
. На полѣ славы
Его покрылъ безвѣстный сонъ.
И утромъ юнаго поэта
Наѣзники, въ веселый часъ,
За чашей дружнаго привѣта
Въ послѣдній вспомннули разъ.

ПОСЛАНИЕ КЪ КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Встрѣчаюсь я съ осымнадцатой весной;
Въ послѣдній разъ, быть можетъ, я съ тобой,
Задумчиво внимая шумъ дубравной,
Надъ озеромъ иду рука съ рукой.
Гдѣ вы, лѣта безпечности недавной?
Съ надеждами во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ;
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ неравной,

И розный намъ оставить въ мірѣ слѣдъ:
 Тебѣ рукой Фортуны своенравной
 Указать путь и счастливый и славной—
 Моя стезя печальна и темна.
 И нѣжная краса тебѣ дана,
 И нравиться блестящій даръ природы.
 И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ;
 Ты сотворенъ для сладостной свободы,
 Для радости, для славы, для забавъ.
 Они пришли, твои златые годы,
 Огня любви прелестная пора!
 Спѣши любить и, счастливый вчера,
 Сегодня вновь будь счастливъ осторожно;
 Амуръ велитъ—и завтра, если можно,
 Вновь миртами красавицу вѣнчай...
 О, сколько слезъ, предвижу, ты виновникъ!
 Измѣны другъ и вѣтреный любовникъ
 Будь вѣренъ всѣмъ, плѣняйся и плѣняй!..

А мой удѣлъ—но пасмурнымъ туманомъ
 Зачѣмъ же мнѣ грядущее скрывать?
 Увы, нельзя мнѣ вѣчнымъ жить обманомъ.
 И счастья тѣнь, забывшись, обнимать!
 Вся жизнь моя—печальный мракъ несчастя
 Двѣ, три весны младенцемъ, можетъ быть,
 Я счастливъ былъ, не понимая счастья.
 Онѣ прошли, но можно ль ихъ забыть?
 Онѣ прошли и скорбными глазами
 Смотря на путь, оставленный навѣкъ,
 На краткій путь, усыпанный цвѣтами,
 Которымъ я такъ весело протекъ—
 Я слезы лью, я трачу вѣкъ напрасно,
 Мучительнымъ желаніемъ горя...

Твоя заря—заря весны прекрасной;
 Моя жъ, мой другъ!—осенняя заря.
 Я зналъ любовь—но я не зналъ надежды;
 Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ...
 Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,
 Но мрачныя я грезы не забылъ.
 Душа полна невольной, грустной думой;
 Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
 Одинъ, съ тоской, явлюсь я—гость угрюмой,
 Явлюсь на часъ и одинокъ умру.
 И не придетъ другъ сердца незабвенный
 Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сомкнуть.
 И не придетъ на холмъ уединенный
 Въ послѣдній разъ любовію вздохнуть!

Ужель моя пройдетъ пустынно младость?
Иль мнѣ чужда счастливая любовь?
Ужель умру, не вѣдая что радость?
Зачѣмъ же жизнь дана мнѣ отъ боговъ?
Чего мнѣ ждать? Въ рядахъ забытый воинъ,
Среди толпы затерянный пѣвецъ—
Какихъ наградъ я въ будущемъ достоинъ,
И счастья какой возьму вѣнецъ?

Но что! стыжусь! Нѣтъ, ропотъ—униженье;
Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленье—
Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье—
И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье
Мой скромный даръ и счастье друзей!

СТАРИЦА-ПРОРОЧИЦА.

(ВАРОНУ ДЕЛЬВИГУ).

На мосту стояла старица,
На мосту чрезъ синій Волховъ:
Подошелъ въ dospѣхахъ молодецъ.
Молвилъ слово ей съ поклономъ:
«Загадай ты мнѣ на счастье,
Ворочусь ли черезъ Волховъ?
За Шалонью враны каркають,
Плачетъ въ теремѣ невѣста!»
—«Гой еси ты, красный молодецъ!
Есть теперь одна невѣста,
Есть одна—святая Софія:
Обручись ты съ ней душою,
Уберися честно ранами,
И омойся алой кровью.
Обручися ты съ невѣстою:
За Шалонью ляжъ костями,
Если ты мечемъ не выроешь
Сердцу вольному могилы,
Не на вѣче, не на родину—
А придешь ты на неволю!»

Трубы звучать за Шалонью рѣкой;
Грозно взвѣваютъ московскіе стяги!
Съ радостнымъ кликомъ Софіи святой
Стала дружина и, полный отваги,
Ринулся съ берега всадниковъ строй:

Съ шумомъ расхлынулися волны, вскипѣли;
 Двинулась пѣна сѣдая грядой;
 Строи смѣшались; мечи загремѣли;
 Искрятся молніи съ звонкихъ щитовъ;
 Съ трескомъ въ куски разлетаются брони...
 Кровь потекла.... Разъяренные кони
 Грудью спшибаютъ и топчутъ враговъ;
 Стелятся трупы на берегъ Шалони...

. : : :
 : : :

Кровью дымилось поле; стихалъ
 Въ стонахъ прерывныхъ, и замеръ гласъ битвы.
 Теплой твоей, о Софія, молитвы
 Спасъ не слыжалъ!...

На мосту стояла старика,
 На мосту чрезъ синій Волховъ:
 Не пройдетъ ли красный молодець
 Чрезъ широкій синій Волховъ?
 Проѣзжало много всадниковъ,
 Много пѣшихъ проходило,
 Было много изувѣченныхъ
 И покрытыхъ черной кровью....
 Что? прошелъ ли добрый молодець,
 Не прошелъ ли онъ чрезъ Волховъ?...

сонъ.

(отрывокъ).

Пускай поэтъ съ кадильницей наемной
 Гоняется за счастьемъ и молвой,
 Мнѣ страшенъ свѣтъ, проходить вѣкъ мой темной
 Въ безвѣстности заглохшею тропой.
 Пускай пѣвцы гремящими хвалами
 Полубогамъ безсмертіе даютъ;
 Мой голосъ тихъ, и звучными струнами
 Не оглашу безмолвія пріютъ.
 Пускай любовь Овидіи поютъ,
 Мнѣ не даетъ покоя Цитерея;
 Счастливыхъ дней Амуры мнѣ не вьютъ:
 Я сонъ пою, безцѣнный даръ Морфея
 И научу, какъ должно въ тишинѣ
 Покоиться въ пріятномъ, крѣпкомъ снѣ.

Приди, о лѣнь, приди въ мою пустыню!
 Тебя зовутъ прохлада и покой;

Въ одной тебѣ я зрю свою богиню,
 Готово все для гостыи молодой.
 Все тихо здѣсь, докучный шумъ укрылся
 За мой порогъ; на свѣтлое окно
 Прозрачное спустилось полотно,
 И въ темный нишъ, гдѣ сумракъ воцарился,
 Чуть крадется невѣрный свѣтъ дневной.
 Вотъ мой диванъ—приди жъ въ обитель мира,
 Царицей будь, я плѣнникъ нынѣ твой.
 Учи меня, води моей рукой,
 Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!

А вы, друзья моей прелестной музы,
 Которыми любви забыты узы,
 Которые владычеству земли
 Конечно бъ сонъ спокойный предпочли—
 О мудрецы! дивитесь вамъ умѣя,
 Для васъ однихъ я нынѣ тронъ Морфея
 Пѣззю цвѣтами обовью,
 Для васъ однихъ блаженство воспою.
 Внемлите же съ улыбкой снисхожденья
 Моимъ стихамъ, урокамъ наслажденья.

Въ назначенный природой нѣги часъ,
 Хотите ли забыться каждый разъ,
 Въ ночной тиши, средь общаго молчанья,
 Въ объятіяхъ игриваго мечтанья?
 Спѣшите же подъ сельскій мирный кровъ:
 Тамъ можно жить и праздно и безопасно,
 Тамъ прямо рай; но прочь отъ городовъ,
 Гдѣ крикъ и шумъ дѣлнвцевъ мучить вѣчно.
 Согласенъ я, въ нихъ можно цѣлый день
 Съ прелестницей ловить веселья тѣнь;
 Въ платокъ зѣвать, блистая въ модномъ свѣтѣ;
 На балѣ въ ночь вертѣться на паркетѣ;
 Но можно ли вкушать отраду сновъ?
 Настала тѣнь, уснуть лишь я готовъ,
 Обманутый призраками ночными—
 И вотъ уже, при свѣтѣ фонарей,
 На бѣшеной четверкѣ лошадей,
 Стуча, гремя колесами златыми,
 Катится спесь подъ окнами моими.
 Я вновь дремлю, вновь улица дрожитъ—
 На скучный балъ разсѣянье детить...
 О Боже мой! ужели здѣсь ложатся,
 Чтобы всю ночь безсонницей терзаться?
 Еще стучать, а тамъ уже свѣтло,
 И гдѣ мой сонъ? Не лучше ли въ село?

Тамъ рошица листочковъ трепетаньемъ.
Въ лугу потокъ таинственнымъ журчаньемъ,
Златыхъ полей, долины тишина—
Въ деревнѣ все къ томленью клонить сна!
О, сладкій сонъ, ничѣмъ невозмущенный!
Одинъ пѣтухъ, зарею пробужденный,
Свой рѣзкій крикъ подыметъ, можетъ быть;
Опасенъ онъ, онъ можетъ разбудить.
Итакъ, пускай, въ сералахъ удаленны,
Султаны куръ гордятся заключенны
Иль поселянъ сзываютъ на поля:
Мы спать хотимъ, любезные друзья!
Стократъ блаженъ, кто можетъ сномъ забыться
Вдали столицъ, каретъ и пѣтуховъ!
Но сладостью веселой ночи сновъ
Не думайте вы даромъ насладиться
Средь мирныхъ селъ, безъ всякаго труда.
Что жъ надобно? Движенье, господа!
Похвальна лѣнь, но есть всему предѣлы:
Смотрите, Клить, въ подушкахъ посѣдѣлый,
Размученный, изнѣженный, больной.
Весь вѣкъ сидитъ съ подагрой и тоской!
Наступить день: несчастный, задыхаясь,
Крехтя, ползетъ съ постели на диванъ;
Весь день сидитъ; когда жъ ночной туманъ
Подернетъ свѣтъ, во мракѣ разстилаясь,
Съ дивана Клить къ постели поползетъ;
И какъ же ночь несчастный проведетъ?
Въ покойномъ снѣ, въ пріятномъ сновидѣньѣ?
Нѣтъ! сонъ ему не радость, а мученье;
Не маками, тяжелою рукой
Ему Морфей закроетъ томны очи,
И медленной проходятъ чередой
Для бѣднаго часы угрюмой ночи.
Я не хочу, какъ общій другъ, Бершу,
Предписывать вамъ тяжкія движенья:
Упрямый плугъ, охоты наслажденья—
Нѣтъ, въ рощи я лѣннивца приглашу.
Друзья мои, какъ утро здѣсь прекрасно!
Въ тиши полей, сквозь тайну сѣнь дубравъ,
Какъ юный день сіяетъ гордо, ясно!
Свѣтлѣетъ все; другъ друга перегнавъ,
Журчатъ ручьи, блестятъ брега безмолвны;
Еще роса надъ свѣжей муравой,
Златыхъ озеръ недвижно дремлютъ волны.
Друзья мои! возьмите посохъ свой,
Идите въ лѣсъ, бродите по долинѣ,
Крутыхъ холмовъ устаньте на вершинѣ—

И въ долгу ночь глубока вашъ будетъ сонъ.
 Какъ только тѣнь одѣнетъ небосклонъ,
 Пускай войдетъ, отрада жизни нашей,
 Веселья богъ съ широкой, полной чашей—
 И царствуй Вакхъ со всѣмъ дворомъ своимъ!
 Умѣренно пируйте, други съ нимъ:
 Стакана три пиющими волнами
 Румяныхъ винъ налейте вы полнѣй;
 Но толстый Комъ съ надутыми щеками
 Не приходи стучаться у дверей;
 Я радъ ему; но только за обѣдомъ,
 И дружески я въ полдень уберу
 Его дары; но, право, ввечеру
 Гораздо я дружнѣй съ его сосѣдомъ.
 Не ужинать—святой тому законъ,
 Кому всего дороже легкій сонъ.
 Брегитесь вы, о дѣти мудрой лѣни,
 Обманчивой успокоенья тѣни!
 Не спите днемъ: о горе, горе вамъ,
 Когда дремать привыкли по часамъ!
 Что вашъ покой? Безчувствіе глубоко.
 Сонъ истинный отъ васъ уже далеко.
 Не знаете веселой вы мечты;
 Вашъ цѣлый вѣкъ несносное томленье,
 И скученъ сонъ, и скучно пробужденье,
 И дни текутъ средь вѣчной темноты.

Но ежели, въ глуши, близъ водопада,
 Что подъ горой клокочетъ и кипитъ,
 Прелестный сонъ, усталости награда,
 При шумъ волнъ на дикій берегъ слетитъ,
 Покроетъ взоръ туманной пеленою,
 Обниметъ васъ, и тихую рукою
 На мягкій мохъ преклонитъ, осѣнитъ:
 О, сладостно близъ шумныхъ водъ забавень!
 Пусть долѣе продлится вашъ покой—
 Завидно мнѣ счастливца наслажденье.

Случалось ли ненастной вамъ порой
 Дня зимняго при позднемъ, тихомъ свѣтѣ,
 Сидѣть однимъ безъ свѣчки въ кабинетѣ:
 Все тихо вокругъ; березы больше нѣтъ;
 Часъ отъ часу темнѣетъ оконъ свѣтъ;
 На потолокъ какой-то призракъ бродитъ;
 Блѣднѣетъ ужъ—и синеватый дымъ,
 Какъ легкій паръ, въ трубу вѣясь, уходитъ.
 И вотъ жезломъ невидимымъ своимъ
 Морфей на все невѣрный мракъ наводитъ.

Темнѣетъ взоръ; «Кандидъ» изъ вашихъ рукъ,
Закрывшись, упалъ въ колѣни вдругъ:
Вдохнули вы; рука на столъ валится,
И голова съ плеча на грудь катится.
Вы дремлете, надъ вами мира кровь:
Нежданный сонъ пріятнѣй многихъ сновъ!
Душевныхъ мукъ волшебный исцѣлитель.
Мой другъ Морфей, мой давній утѣшитель!
Тебѣ всегда я жертвовать любилъ,
И ты жреца давно благословилъ:
Забуду ли то время золотое,
Забуду ли блаженный нѣги часъ,
Когда въ углу подвечеръ притаясь,
Я призывалъ и ждалъ тебя въ покоѣ?
Я самъ не радъ болтливости своей;
Но дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминаеъ.
Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекрестить меня.
И попотомъ рассказывать мнѣ станеть
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
Отъ ужаса не шелохнусь, бывало;
Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
Чуть освѣщаль глубокія морщины.
Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало—
Все въ душу страхъ невольный поселяло;
Я трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упало.
Тогда толпой съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ;
Въ глуши лѣсной, средъ Муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней—
И въ вымыслахъ носился юный умъ...

Но вы прошли, о ночи безмятежны,
И юности ужъ возрастъ наступилъ.
Подайте мнѣ Альбана кисти нѣжны,
И я мечту молодой любви вкусилъ.
И гдѣ жъ она? Восторгами родилась,
И въ тотъ же мигъ восторгомъ истребилась.

Проснулся я, ищу на небѣ день,
Но все молчить; луна во тьмѣ сокрылась,
И вокругъ меня глубокой ночи тѣнь.
Но сонъ мой тихъ! Безпечный сынъ Парнаса,
Въ ночной тиши я съ риемою не бьюсь,
Не вижу вѣкъ ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый дворъ какихъ-то старыхъ музъ.

Я не герой, по лаврамъ не тоскую,
Спокойствіемъ и нѣгой не торгую,
Не чудится мнѣ ночью грозный бой;
Я не богачъ, и лаемъ пѣсъ привратной
Не возмущалъ мечты моей пріятной;
Я не злодѣй, съ волненьемъ и тоской
Не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній,
Убийственныхъ дѣтей предразсужденій,
И въ поздній часъ ужасный, блѣдный страхъ
Не хмурится утрово въ-головахъ.

КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

Довольно битвы мчался громъ,
Тупился мечъ окровавленный.
И смерть погибельнымъ крыломъ
Шумѣла грозно надъ вселенной.

Свершилось... подвигомъ царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй
Могущей бранью снова скованъ.

Узрѣлъ онъ въ пламени Москву—
И былъ низверженъ ужасъ міра;
Покрыла падшаго главу
Благословеннаго порфира!

Повлекся, мглою окруженъ,
Притекъ, и буйной вдругъ измѣной
Ужъ воздвигалъ свой шаткій тронъ,
И палъ, отторженъ отъ вселенной.

Утихло все. Не мчится громъ,
Не блещетъ мечъ окровавленной,
И брань погибельнымъ крыломъ
Не мчится грозно надъ вселенной.

Хвала, о юноша-герой!
 Съ героемъ дивнымъ Альбіона
 Онъ вѣрныхъ вель въ послѣдній бой
 И мстилъ за лили Бурбона.

Предъ нимъ мятежныхъ громъ гремѣлъ,
 Текли во слѣдъ щиты кровавы;
 Грозой онъ въ бранной мглѣ летѣлъ
 И разливалъ блистанье славы!

Его текла молодая кровь,
 На немъ сіяетъ язва чести.
 Вѣнчай, вѣнчай его, любовь!
 Достойный былъ онъ воинъ мести!

КЪ НАТАШѢ.

(горничной княжны волконской).

Вянетъ, вянетъ лѣто красно,
 Улетаютъ ясны дни!
 Стелется туманъ ненастной
 Ночи въ дремлющей тѣни;
 Опустѣли злачны нивы,
 Хладенъ ручеекъ игривый,
 Лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ;
 Сводъ небесный побѣднѣлъ.

Свѣтъ-Наташа, гдѣ ты нынѣ?
 Что никто тебя не зрить?
 Иль не хочешь часъ единый
 Съ другомъ сердца раздѣлить?
 Ни надъ озеромъ волнистымъ,
 Ни подъ кровомъ липъ душистымъ
 Ранней, позднею порой
 Не встрѣчаюсь я съ тобой.

Скоро, скоро холодъ зимній
 Рошу, поле посѣтитъ;
 Огонекъ въ лачужкѣ дымной
 Скоро ярко заблеститъ;
 Не увижу я прелестной,
 И какъ чижики въ клѣткѣ тѣсной,
 Долго буду горевать
 И Наташу вспоминать.

ЖЕЛАНИЕ.

Медлительно влекутся дни мой,
 И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множить
 Всѣ горести несчастливой любви
 И тяжкое безуміе тревожить.
 Но я молчу; не слышенъ ропотъ мой.
 Я слезы лью... мнѣ слезы утѣшенье.
 Моя душа, объятая тоской,
 Въ нихъ горькое находитъ наслажденье.
 О, жизни сонъ! лети, не жаль тебя!
 Исчезни въ тѣмъ, пустое привидѣнье!
 Мнѣ дорого любви моей мученье,
 Пускай умру, но пусть умру—любя!

1816.

ЭЛЕГИЯ.

Я думалъ, что любовь погасла навсегда,
 Что въ сердцѣ злыхъ страстей умолкнулъ гласъ мятежной,
 Что дружбы наконецъ отрадная звѣзда
 Страдальца довела до пристани надежной.
 Съ безпечной душою покоясь у береговъ,
 Ужъ издали смотрѣлъ, указывалъ рукою
 На парусъ бѣдственныхъ пловцовъ,
 Носимыхъ гибельной грозой.
 Я говорилъ: стократъ блаженъ
 Чей вѣкъ, свободою прекрасной,
 Какъ вѣкъ весны промчался ясной
 И страстью не былъ омраченъ,
 Кто не страдалъ въ любви напрасной.
 Кому невѣдомъ страшный плѣнъ.
 Блаженъ! Но я блаженнѣй болю.
 Я цѣпь мученій разорвалъ,
 Опять я дружбѣ—я на волѣ—
 И жизни сумрачное поле
 Веселый блескъ очаровалъ!
 О, что я говорилъ... Несчастный!
 Минуту я заснулъ въ невѣрной тишинѣ,
 Но мрачная любовь тайлася во мнѣ,
 Не угасалъ мой пламень страстный...
 Весельемъ позванный въ толпу друзей моихъ—
 Хотѣлъ на прежній ладъ построить рѣзвѣ лиру,
 Хотѣлъ еще воспѣть прелестницъ молодыхъ,
 Веселье, Вакха и Дельфиру.

Напрасно!.. Я молчалъ; усталая рука
Лежала томная на лирѣ непослушной;
Я все еще горѣлъ и въ грусти равнодушной
На игры младости взиравъ издалека...
Любовь, отравя нашихъ дней,
Бѣги съ толпой обманчивыхъ мечтаній;
Не сожигай души моей,
Огонь мучительныхъ желаній.
Летите призраки... Амуръ, ужъ я не твой;
Отдай мнѣ радости, отдай мнѣ мой покой...
Брось одного меня въ безчувственной природѣ
Иль дай еще летать надежды на крылахъ,
Позволь еще заснуть, и въ тягостныхъ цѣпяхъ
Мечтать о сладостной свободѣ.

1816.

О С Е Н Н Е Е У Т Р О .

Поднялся шумъ, свирѣлю полевой
Оглашено мое уединенье,
И съ образомъ любовницы драгой
Послѣднее слетѣло сновидѣнье.
Съ небесъ уже скатилась ночи тѣнь,
Взошла заря, сіяетъ блѣдный день,
А вокругъ меня глухое запустѣнье...
Ужъ нѣтъ ея... Я былъ у береговъ.
Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясный;
На берегу, на зелени луговъ
Я не нашелъ чуть видимыхъ слѣдовъ,
Оставленныхъ ногой ея прекрасной.
Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ,
Произносилъ я имя несравненной,
Я звалъ ее—и гласъ уединенной
Пустыхъ долинъ позвалъ ее вдали.
Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченной:
Его струи медлительно текли,
Не трепеталъ въ нихъ образъ незабвенной.
Ужъ нѣтъ ея!... До сладостной весны
Простился я съ блаженствомъ и съ душою;
Ужъ осени холодною рукою
Главы березъ и липъ обнажены;
Она шумить въ дубравахъ опустѣлыхъ:
Тамъ день и ночь кружится желтый листъ,
Стоитъ туманъ на волнахъ охладѣлыхъ
И слышится мгновенный вѣтра свистъ.
Поля, холмы, знакомыя дубравы!

Хранители священной тишины!
 Свидѣтели безпечныя забавы!
 Забыты вы... до сладостной весны!

1816.

РАЗЛУКА.

Когда пробилъ послѣдній счастьемъ часъ,
 Когда въ слезахъ надъ бездной я проснулся
 И, трепетный, уже въ послѣдній разъ
 Къ рукъ твоей устами прикоснулся—
 Да, помню все! я сердцемъ ужаснулся,
 Но заглушалъ несносную печаль;
 Я говорилъ: «Не вѣчная разлука
 Всѣ радости уносить нынѣ вдаль.
 Забудемся! въ мечтахъ потонетъ мука;
 Уныніе, губительная скука
 Пустынника приютъ не посѣтятъ;
 Мою печаль усадой муза встрѣтитъ;
 Утѣшусь я, и дружбы тихій взглядъ
 Души моей холодной мракъ освѣтитъ.»

Какъ мало я любовь и сердце зналъ!
 Часы идутъ, за ними дни проходятъ,
 Но горестямъ отрады не приводятъ
 И не несутъ забвенія фіалъ.
 О милая, повсюду ты со мною!
 Но я унылъ и втайнѣ я грущу.
 Блеснетъ ли день за синею горою,
 Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною—
 Я все тебя, прелестный другъ, ищу.
 Засну ли я—лишь о тебѣ мечтаю.
 Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
 Задумаюсь—неволью призываю,
 Заслушаюсь—твой голосъ слышенъ мнѣ.
 Разсѣянный сажу между друзьями,
 Невнятенъ мнѣ ихъ шумный разговоръ;
 Гляжу на нихъ недвижными глазами,
 Не узнаетъ ужъ ихъ мой хладный взоръ!
 И ты со мной, о лира, приуныла,
 Наперсница души моей больной!
 Твоей струны печаленъ звонъ глухой
 И лишь любви ты голосъ не забыла...
 О вѣрная, грусти, грусти со мной!
 Пускай твои небрежные напѣвы
 Изобразятъ уныніе мое,
 И слушая бряцаніе твое,
 Пускай вздохнуть задумчивыя дѣвы.

Э Л Е Г И Я.

Счастливы, кто въ страсти самъ себѣ
 Безъ ужаса признаться смѣетъ,
 Кого въ невѣдомой судьбѣ
 Надежда робкая лелѣетъ,
 Кому луны туманный лучъ
 Въ полночи свѣтитъ сладострастно,
 Кому тихонько вѣрный ключъ
 Во тѣмѣ отворить дверь прекрасной!

Но мнѣ въ унылой жизни нѣтъ
 Отрады тайныхъ наслажденій;
 Увяль надежды ранній цвѣтъ;
 Цвѣтъ жизни сохнетъ отъ мученій;
 Печально младость улетитъ;
 Услышу старости угрозы;
 Но я, любовью позабыть,
 Моей любви забуду ль слезы?

Н А С Л А Ж Д Е Н И Е.

Въ неволѣ скучной увядаетъ
 Едва развитый жизни цвѣтъ,
 Украдкой младость отлетаетъ,
 И слѣдъ ея—печали слѣдъ!
 Съ минутъ безчувственныхъ рожденья
 До нѣжныхъ юношества лѣтъ,
 Я все не знаю наслажденья,
 И счастья въ томномъ сердцѣ нѣтъ!

Съ порога жизни въ отдаленье
 Нетерпѣливо я смотрѣлъ:
 Тамъ, тамъ, мечталъ я, наслажденье;
 Но я за призракомъ летѣлъ.
 Златыя крылья развивая,
 Волшебной, нѣжной красотой
 Любовь явилась молодая
 И полетѣла предо мной.

Я мчался къ цѣли отдаленной,
 Но цѣли милой не достигъ!...
 Когда жъ весельемъ окрыленной,
 Настанетъ счастья быстрый мигъ?

Когда въ сіяньи возгорится
Свѣтильникъ тусклый юныхъ дней,
И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

О К Н О.

Гдѣ міръ, одной мечтѣ послушный?
Мнѣ настоящій опустѣлъ!
На все взираю равнодушно;
Дышать уныньемъ мой удѣлъ.
Напрасно лѣтнею порою
Любовникъ рощицъ и луговъ
Колышетъ розой полевою,
Летя съ тѣнистыхъ береговъ.

Напрасно поздняя зарница
Мерцаетъ въ темнотѣ ночной,
Иль въ зыбкихъ облакахъ денница
Разлита пламенной рѣкой,
Иль день багряный вечерѣтъ
И тихо тмится небосводъ,
И кленъ на мѣсяцъ бѣлѣтъ,
Склонясь на берегъ синихъ водъ...

Вчера, вечерней темнотою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видѣлъ: дѣва у окна
Склонившись на руку сидѣла,
Дышала въ тайномъ страхѣ грудь,
Съ волненьемъ дѣвица глядѣла
На темный подъ холмами путь.

Я здѣсь! шепнули торопливо;
И дѣва трепетной рукой
Окно открыла боязливо.
Луна покрылась темнотою...
Счастливецъ! молвилъ я съ тоскою,
Тебя веселье ждетъ одно;
Когда жъ вечернею порою
И мнѣ откроется окно?

М Ѣ С Я Ц Ѣ.

Зачѣмъ изъ облака выходишь,
 Уединенная луна,
 И на подушки сквозь окна
 Сіянье тусклое наводишь?
 Явленьемъ пасмурнымъ своимъ
 Ты будишь грустныя мечтанья,
 Любви напрасныя страданья,
 И гордымъ разумомъ моимъ
 Чуть усыпленные желанья.
 Летите прочь, воспоминанья!
 Засни, несчастная любовь!
 Ужъ не бывать той ночи вновь,
 Когда спокойное сіянье
 Твоихъ таинственныхъ лучей
 Сквозь темный ясень проникало
 И блѣдно, блѣдно озаряло
 Красу любовницы моей.
 Почто, минуты, вы летѣли
 Тогда столь быстрой чередой,
 И тѣни легкія рѣдѣли
 Предъ неожиданной зарей?
 Зачѣмъ ты, мѣсяцъ, укатился
 И въ небѣ свѣтломъ утонулъ?
 Зачѣмъ лучъ утренній блеснулъ?
 Зачѣмъ я съ милою простился?..

* * *

Опять я вашъ, о юные друзья!
 Туманные сокрылись дни разлуки,
 И брату вновь простерлись ваши руки,
 Вашъ рѣзвый кругъ увидѣлъ снова я?
 Все тѣ же вы, но сердце ужъ не то же:
 Уже не вы ему всего дороже,
 Ужъ я не тотъ... Невидимой стезей
 Ушла пора веселости безпечной,
 Ушла навѣкъ, и жизни скоротечной
 Лучъ утренній блѣднѣетъ надо мной;
 Веселіе разсталось съ душой.
 Отверженный судьбиною ревнивой,
 Улыбку, смѣхъ, и рѣзвость и покой,
 Я все забылъ: печали молчаливой
 Покровъ лежитъ надъ юною главой.

Напрасно вы бесѣдою шутливой
 И нѣжностью души краснорѣчивой
 Мой тяжкій сонъ хотите перервать!
 Все кончилось—и рѣзвости счастливой
 Въ душѣ моей изгладилась печаль.
 Чтобъ удалить угрюмыя страданья,
 Напрасно вы несете лиру мнѣ:
 Минувшихъ дней погаснули мечтанья,
 И умеръ гласъ въ безчувственной струнѣ.
 Все кончилось; одну печаль я вижу:
 Мнѣ страшенъ міръ, мнѣ скученъ дневный свѣтъ;
 Пойду въ лѣса, въ которыхъ жизни нѣтъ,
 Гдѣ мертвый мракъ: я радость ненавижу;
 Во мнѣ застылъ ея минутный слѣдъ.
 Опали вы, листы вчерашней розы,
 Не доцвѣли до мѣсячныхъ лучей!
 Умчались вы, дни радости моей!
 Умчались вы—неволью лютятся слезы,
 И вяну я на темномъ утрѣ дней.
 О дружество, предай меня забвенью!
 Въ безмолвіи, покорствуя судьбамъ,
 Оставь меня сердечному мученью,
 Оставь меня пустынямъ и слезамъ!

* *
 *

Любовь одна веселье жизни хладной!
 Любовь одна мученье сердець!
 Она дарить одинъ лишь мигъ отрадный,
 А горестямъ не виденъ и конецъ.
 Стократъ блаженъ, кто въ юности прелестной
 Сей быстрый мигъ поймаетъ на лету;
 Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
 Стыдливую преклонить красоту!

Но кто любви не жертвовалъ собою?
 Вы, чувствами свободные, пѣвцы!
 Предъ милыми смирялись вы душою,
 Вы пѣли страсть—и гордою рукою
 Красавицамъ несли свои вѣнцы.
 Слѣпой Амуръ, жестокий и пристрастный,
 Вамъ тернія и мирты раздавалъ;
 Съ пермесскими царицами согласный,
 Инымъ изъ васъ на радость указалъ;
 Другихъ навѣкъ печалами связалъ,
 И въ даръ послалъ огонь любви несчастной.

Наслѣдники Тибулла и Парни!
Вы знаете безцѣнной жизни сладость;
Какъ утра лучъ сіяють ваши дни.
Пѣвцы любви, младую пойте радость!
Склонивъ уста къ пылающимъ устамъ,
Въ объятіяхъ любовницъ умирайте;
Стихи любви тихонько вздыхайте!..
Завидовать уже не смѣю вамъ.

Пѣвцы любви, вы вѣдали печали!
И ваши дни по терніямъ текли;
Вы свой конецъ съ волненіемъ призывали;
Пришелъ конецъ, и въ жизненной дали
Не зрѣли вым иную забаву;
Но не напедъ блаженства вашихъ дней,
Вы встрѣтились крайней мѣрѣ славу—
И мукою безмерны вы своей!

Не тотъ удѣлъ судьбою мнѣ назначенъ:
Подъ сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
Въ глуши долинъ, въ печальной тмѣ лѣсовъ,
Одинъ, одинъ брожу уныль и мраченъ.
Въ вечерній часъ, надъ озеромъ сѣдымъ,
Въ тоскѣ, слезахъ, нерѣдко я стенаю;
Но ропотъ волнъ стenanіямъ моимъ
И шумъ дубравъ въ отвѣтъ лишь я внимаю.

Прервется ли души холодной сонъ,
Поэзіи зажжется ль упоенье—
Родится жаръ, и тихо стынеть онъ:
Безплодное проходитъ вдохновеніе.
Пусть она прославится другимъ;
Одинъ люблю—онъ любить и любимъ!..
Люблю, люблю!.. Но къ ней ужъ не коснется
Страдальца гласъ; она не улыбнется
Его стихамъ небрежнымъ и простымъ.
Къ чему мнѣ пѣть? Подъ кленомъ полевымъ
Оставилъ я пустынному вефиру
Ужъ навсегда покинутую лиру—
И слабый даръ какъ легкій скрылся дымъ.

ПОДРАЖАНІЕ.

Я видѣлъ смерть: она сидѣла
У тихаго порога моего.
Я видѣлъ гробъ—открылась дверь его:
Туда, туда моя надежда полетѣла...

Умру—и младости моей
 Никто слѣдовъ пустынныхъ не замѣтитъ,
 И взора милаго не встрѣтитъ
 Послѣдній взоръ моихъ очей.

.
 Прости, печальный міръ, гдѣ темная стезя
 Надъ бездной для меня лежала,
 Гдѣ жизнь меня не утѣшала,
 Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
 Небесъ лазурная завѣса,
 Любимые холмы, ручья веселый гласъ,
 Ты утро—вдохновенья часъ,
 Вы, тѣни мирныя таинственного лѣса,
 И все—прости въ послѣдній разъ!

Д Р У З Ъ Я М Ъ.

Богами вамъ еще даны
 Златыя дни, златыя ночи,
 И томныхъ дѣвъ устремлены
 На васъ внимательныя очи.
 Играйте, пойте, о друзья!
 Утратьте вечеръ скоротечной:
 И вашей радости безпечной
 Сквозь слезы улыбнуся я.

П Р О Б У Ж Д Е Н І Е.

Мечты, мечты!
 Гдѣ ваша сладость?
 Гдѣ ты, гдѣ ты,
 Ночная радость?
 Исчезнулъ онъ,
 Веселый сонъ,
 И одинокой
 Во тѣмѣ глубокой
 Я пробуждёнъ.
 Кругомъ постели
 Нѣмая ночь.
 Вмигъ охладѣли,
 Вмигъ улетѣли
 Толпою прочь
 Любви мечтанья.

Еще полна
 Душа желанья
 И ловить сна
 Воспоминанья.
 Любовь, любовь,
 Внемли моленья:
 Пошли мнѣ вновь
 Свои видѣнья;
 И поутру,
 Вновь упоенный,
 Пускай умру
 Не пробужденный.

П Ъ В Е Ц Ъ.

Слышали ль вы за рощей гласъ ночной
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Когда поля въ часъ утренній молчали,
 Свирѣли звукъ унылый и простой
 Слышали ль вы?

Встрѣчали ль вы въ пустынной тѣмѣ лѣсной
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали,
 Иль тихій взоръ, исполненный тоской,
 Встрѣчали ль вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихій гласъ
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Когда въ лѣсахъ вы юношу видали,
 Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,
 Вздохнули ль вы?

А. А. Ш И Ш К О В У.

Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой,
 Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
 Въ помѣстье мирное межъ Пиндомъ и Цитерой,
 Гдѣ нѣжился Тибуллъ, Мелецкій и Парни?
 Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона,
 Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль:
 Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
 Твою счастливую качали колыбель.

Друзей любить открытою душою,
 Въ молчаньи чувствовать, плѣняться красотою:
 Вотъ жребій мой; ему я слѣдовать готовъ;
 Но, милый, сжался надо мною,
 Не требуй отъ меня стиховъ!
 Не вѣчно нѣжиться въ пріятномъ ослѣпленьи:
 Докучной истины я поздній вижу свѣтъ,
 По добротѣ души я вѣрилъ въ упоеньи
 Мечтѣ, шепнувшей: ты поэтъ,
 И презря мудрые угрозы и совѣты,
 Съ небрежной лѣнностью нанизывалъ куплеты,
 Игрушкою себя невинной веселилъ;
 Угодникъ Бахуса, я трезвый межъ друзьями,
 Бывало, пѣлъ вино водяными стихами;
 Мечтательныхъ Доридѣ и славилъ и бранилъ,
 Иль дружбѣ плель вѣнокъ: и дружество зѣвало
 И сонные стихи въ просонкахъ величало,
 Но долго ли меня лелѣялъ Аполлонъ?
 Душѣ наскучили парнасскія забавы;
 Недолго снились мнѣ мечтанья музъ и славы:
 И строгимъ опытомъ невольно пробужденъ,
 Уснувъ межъ розами, на тернахъ я проснулся,
 Увидѣлъ, что еще не генія печать
 Охота смертная на риемахъ лепетать,
 Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся:
 И полно мнѣ писать!

Б О Ж Е, Ц А Р Я Х Р А Н И.

Боже, царя храни!
 Славному долги дни
 Дай на земли;
 Гордыхъ смирителю,
 Слабыхъ хранителю,
 Всѣхъ утѣшителю
 Все ниспошли.

Тамъ—громкой славою,
 Сильной державою
 Міръ онъ покрылъ;
 Здѣсь—безмятежною
 Сѣнью надежною,
 Благостью нѣжною
 Насъ осѣнилъ.

Брани въ ужасный часъ
 Мощно хранила насъ

Вѣрная длань,
Гласъ умиленія,
Благодаренія—
Сердца стремленія—
Вотъ наша дань!

(Къ празднованію 19 октября).

ПИСЬМО КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса.
Въ бояхъ воспитанный поэтъ.
Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
На страшной высотѣ Парнаса.
Защитникъ вкуса, грозный Вотъ!
Тебѣ мой дядя въ новый годъ
Веселья прежняго желанье.
И слабый сердца переводъ—
Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмѣ вашемъ вы назвали меня братомъ: но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ
Отъ приемъ бакхическихъ шатаюсь на Пегасѣ:
Я знаю самъ себя, хоть радъ, хотя не радъ....
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братья:
Вы дядя мой и на Парнасѣ.

Итакъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ дядей-поэтовъ здѣшняго міра, можно ли мнѣ надѣяться, что вы простите девятимѣсячную беременность пера лѣнивѣйшаго изъ поэтовъ-племянниковъ?

Да, каюсь я; конечно, передъ вами
Совсѣмъ не правъ пустынный приемлетъ:
Онъ въ лѣнности сравнится лишь съ богами;
Онъ виноватъ и прозой и стихами,
Но старое забудьте въ новый годъ.

Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два рода писемъ—общательныя и извинительныя: перныя въ началѣ годовой переписки, а послѣднія при послѣднемъ ея издыханіи. Къ тому же примѣтилъ я, что и всѣ они состоятъ изъ двухъ посланій; это мнѣ кажется непростительно.

Но вы, которые умѣли
 Простыми пѣснями свирѣли
 Красавицъ нашихъ воспѣвать,
 И съ гнѣвной музой Ювенала
 Глухого варварства начала
 Сатирой грозной осмѣять,
 И мучить бѣднаго Ослова ¹
 Священнымъ Феба языкомъ,
 И лобъ угрюмый Путовскова ²
 Клеймить единственнымъ стихомъ!
 О вы, которые умѣли
 Любить, обѣдать и писать—
 Скажите искренно—ужели
 Вы не умѣете прощать?

Напомню о себѣ моимъ незабвеннымъ; не имѣю больше
 времени; но... надобно ли еще общать? Простите вы всѣ,
 которыхъ любить мое сердце, и которые любите еще
 меня.

Шолье Андреевичъ, ³ конечно,
 Меня забылъ давнымъ-давно;
 Но я люблю его сердечно,
 За то, что любить онъ безопасно
 И пѣть и пить свое вино,
 И надъ всемірными глупцами
 Своими рѣзвыми стихами
 Смѣется, право, пресмѣшно.

(Конецъ декабря.)

Э П И Г Р А М М Ы.

1.

«Скажи, что новаго?—Ни слова.
 «Не знаешь ли, гдѣ, какъ и кто?»
 —О братецъ! отвѣчись: я знаю только то,
 Что ты дуракъ, но это ужъ не ново.

2. ТВОЙ И МОЙ.

Богъ вѣсть, за что философы, пїиты
 На твой и мой давнымъ-давно сердиты.
 Не спорю я съ ученой ихъ толпой.

¹ А. С. Шишковъ. ² Кн. Шаховской. ³ Князь Вяземскій.

Но и бранить причины не имѣю
 То, что дарить мнѣ радость и покой.
 Что, ежели бъ ты не была моею!
 Что, ежели бъ я не былъ, Ниса, твой?

3. ЭКСПРОМТЪ НА А.

Въ молчаньи предъ тобой сижу.
 Напрасно чувствую мученье,
 Напрасно на тебя гляжу:
 Того ужъ вѣрно не скажу,
 Что говорить воображенье.

4.

Больны вы, дядюшка? Нѣтъ мочи,
 Какъ беспокоюсь я! три ночи,
 Повѣрьте, глазъ я не смыкалъ!
 —Да, слышалъ, слышалъ: въ банкъ игралъ.

5. НА ПУЧКОВУ.

Зачѣмъ кричишь ты, что ты дѣва
 На каждомъ дѣвственномъ стихѣ?
 О, вижу я, пѣвица Эва,
 Улопочешь ты о женихѣ.

6. НА КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

Вотъ Виля—онъ любовью дышетъ,
 Онъ пѣсни пишетъ зло;
 Какъ Геркулесъ сатиры пишетъ,
 Влюбленъ, какъ Буало.

О Н А.

«Печаленъ ты, признайся, что съ тобой?»
 Люблю, мой другъ! «Но кто жъ тебя плѣнила!»
 Она. «Да кто жъ, Глицера ль, Хлоя, Лиля?»
 О, нѣтъ! «Кому жъ ты жертвуешь душой?»
 Ахъ, ей! «Ты скромнень, другъ сердечный!»
 Но почему жъ ты столько огорченъ?
 И кто виной? Супругъ, отецъ, конечно....»
 Не то, мой другъ! «Но что жъ?» я ей не онъ!

КЪ ПИСЬМУ.

Въ немъ радости мои; когда померкну я,
 Пускай оно груди безчувственной коснется:
 Быть можетъ, милые друзья,
 Быть можетъ, сердце вновь забьется.

ЭПИТАФИЯ.

Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ:
 Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
 Пусть Богъ дѣла его забудетъ,
 Какъ свѣтъ забылъ его стихи.

БНЯЖНЪ ВОЛКОНСКОЙ.

On peut très bien, Mademoiselle
 Vous prendre pour une maquerelle,
 Ou pour une vieille guenon:
 Mais pour une grâce—oh, mon Dieu, non.

НА ЛИЦЕЙСКАГО ДЯДЬКУ,

ОКАЗАВШАГОСЯ УВІЙЦЕЙ.

Завтра съ свѣчкой грошевою
 Явлюсь предъ образомъ святымъ.
 Мой другъ! остался я живымъ,
 Но былъ ужъ смерти подъ косяю:
 Сазоновъ былъ моимъ слугою,
 А Пешель лекаремъ моимъ!

1817.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Благослови, поэтъ! Въ тиши парнаасской сѣни,
 Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни,
 Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
 Мнѣ жребій вынулъ Фебъ—и лира мой удѣлъ.
 Страхусь, неопытный, безславнаго пареня,

Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья.
 Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
 Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
 Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ музъ любимый
 И блѣдной зависти предметъ неколебимый,¹
 Привѣтливый меня вниманьемъ ободрилъ;
 И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
 И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
 Крылатымъ геніемъ и граціей вѣнчанный,²
 Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
 И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.
 И ты, природою на пѣсни обреченный,
 Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
 Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
 Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
 Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
 И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
 Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
 Отважной вѣрою исполнилася грудь.
 Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья!
 Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья;
 Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
 И, мнится, геній вашъ промчался надо мной.

Но что? Подъ грозною парнаасскою скалою
 Какое зрѣлище открылось предо мною?
 Въ ужасной темнотѣ пещерной глубины,
 Бражды и зависти угрюмые сыны,
 Возвышенныхъ творцовъ зоилы записные,
 Сидятъ безсмыслицы дружины боевыя.³
 Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой;
 Варяжскіе стихи визжитъ варяговъ строй;
 Смѣхъ общій имъ отвѣтъ надъ мрачными толпами.
 Ко мнѣ два призрака склонились главами:
 Одинъ⁴ на груды сѣлъ и прозы и стиховъ,
 Тяжелые плоды полуночныхъ трудовъ,
 Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныя могилы!
 Съ улыбкой внемлетъ вой стопослагатель хилый:
 Предъ нимъ растерзанный стенаетъ Телемахъ;
 Желѣзное перо скрипитъ въ его перстахъ
 И тянетъ за собой гексаметры сухіе,
 Спондеи жесткіе и дактили тугіе.
 Ретивой музою прославленный пѣвецъ!
 Гордись, ты Мевія надутый образецъ!
 Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,

1 Крамзавъ. 2 Державинъ. 3 Бесѣда любителей русскаго слова.

4 Тредьяковскій.

Стоитъ среди толпы друзей непросвѣщенья?
 Торжественной хвалы къ нему несется шумъ,
 А онъ—онъ риемою попралъ и вкусъ и умъ.
 Ты ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ,
 Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ.
 Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
 Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ
 И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ?
 Ему ли, карлику, тягаться съ исполиномъ?
 Ему ль оспаривать тотъ лавровый вѣнецъ,
 Въ которомъ возблисталъ безсмертный нашъ пѣвецъ,
 Веселье россиянь, полуночное диво? ¹
 Нѣтъ, въ тихой Летѣ онъ потонетъ молчаливо!
 Ужъ на челѣ его забвенія печать.
 Предбудущимъ вѣкамъ что могъ онъ передать?
 Страшилась грація цинической свирѣли,
 И персты грубые на лирѣ костенѣли.
 Пусть будетъ Мевіемъ въ рѣчахъ превознесенъ;
 Явится Депрео—исчезнетъ Шапеленъ.
 И что жъ? Всегда смѣшнымъ останется смѣшное,
 Невѣжду пестуетъ невѣжество слѣпое;
 Оно сокрыло ихъ во мрачный свой пріютъ.
 Тамъ прозу и стихи отважно всѣ куютъ,
 Тамъ всѣ враги наукъ, всѣ глухи, лишь не нѣмы:
 Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы,
 Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ,
 Другіе въ бѣшенныхъ трагедіяхъ хрипятъ;
 Тотъ, вѣрный своему мятежному союзу,
 На сцену возведя зѣвающую музу,
 Безсмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнаса мнитъ:
 Рука содрогнулась, ударъ его скользитъ.
 Вотще бросается съ завистливымъ кинжаломъ:
 Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ журналомъ.
 При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бѣжитъ,
 И маковый вѣнецъ Теспису ими свить.
 Всѣ, руку положивъ на томъ Телемахиды,
 Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды,
 Волнуясь, встаютъ неистовой толпой.
 Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
 Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
 Кто смѣло просвисталъ шутивою сатирой,
 Кто выражается правдивымъ языкомъ,
 И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
 Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
 И рѣчи сыплются дождемъ на супостата.

¹ Ломоносовъ.

И вы возстанѣте же, парнасскіе жрецы,
 Природой и трудомъ воспитанны пѣвцы!
 Въ счастливой ереси и вкуса и ученья,
 Разите дерзостныхъ друзей непросвѣщеня!
 Отметитель генія, другъ истины—поэтъ!
 Ліющая съ небесъ и жизнь, и вѣчный свѣтъ,
 Стрѣлою гибели десница Аполлона
 Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пиеона.
 Смотрите! пораженъ враждебными стрѣлами,
 Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами.
 Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, месть!
 Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ знанья дали вѣсть.
 Летите на враговъ—и Фебъ и мѣзы съ вами!
 Разите варваровъ кровавыми стихами:
 Невѣжество, смирясь, потупитъ хладный взоръ;
 Спесивыхъ риторовъ безграмотный соборъ...
 Но вижу, возвѣщать намъ истины опасно:
 Ужъ Мевій на меня-нахмурился ужасно,
 И смертный приговоръ талантамъ возгремѣлъ.
 Гоненія терпѣть ужель и мой удѣлъ?
 Что нужды? Смѣло въ даль дорогою прямою:
 Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
 Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карамзинъ,
 Мнѣ ты примѣръ! что крикъ безумныхъ сихъ дружинъ?
 Пускай бесѣдуютъ отверженные Феба:
 Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба;
 Ихъ слава—имъ же стыдъ, творенья—смѣхъ уму,
 И въ тѣмъ возникшіе низвергнутся во тьму.

Д Е Л Ъ В И Г У.

Любовью, дружествомъ и лѣнью
 Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
 Живи подъ ихъ надежной сѣнью:
 Въ уединеніи ты счастливъ, ты поэтъ!
 Наперснику боговъ не страшны бури злыя:
 Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой,
 Его баюкаютъ Камены молодыя,
 И съ перстомъ на устахъ хранятъ его покой.
 О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнны.
 Еще въ младенческую грудь,
 Вліяли искру вдохновенья
 И тайный указали путь.
 Я мирныхъ звуковъ наслажденья
 Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
 И лира стала мой удѣлъ.

Но гдѣ же вы, минуты упоенья,
 Неизъяснимый сердца жаръ,
 Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья?
 Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ!
 Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавой
 И злобной клеветы невидимый кинжалъ!
 Нѣтъ, нѣтъ, ни счастьемъ, ни славой,
 Ни гордой жаждою похвалъ
 Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливымъ
 Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;
 Но, можете быть, вздохну въ восторгѣ молчаливомъ,
 Внимая звуку струнъ твоихъ.

СТАНСЫ.

(изъ вольтера).

Ты мнѣ велишь пылать душою:
 Отдай же мнѣ протекши дни;
 Съ моей вечернею зарею
 Мое ты утро соедини.

Мой вѣкъ невидимо проходить;
 Изъ круга смѣховъ и харитъ
 Ужъ время скрыться мнѣ велитъ
 И за руку меня выводить.

Не дать оно пощады намъ:
 Кто примѣняться не умѣетъ
 Къ своимъ измѣнчивымъ годамъ,
 Тотъ ихъ несчастья лишь имѣетъ.

Счастливымъ рѣзвымъ, молодымъ,
 Оставимъ страсти, заблужденья;
 Живемъ мы въ мірѣ два мгновенья—
 Одно разсудку отдадимъ.

Вы, улаждавшіа печали
 Минутной младости моей,
 Любовь, мечтанья первыхъ дней!
 Ужель навѣкъ вы убѣжали?

Намъ должно дважды умирать.
 Проститься съ сладостнымъ мечтаньемъ.
 Вотъ смерть ужасная страданьемъ!
 Что значить послѣ—не дышать?

На пасмурномъ моемъ закатѣ,
Среди пустынной темноты,
Такъ сожалѣлъ я объ утратѣ
Обмановъ милыя мечты!

Тогда на голосъ мой унылой
Мнѣ дружба руку подала:
Она любви подобна милой
Въ одной лишь нѣжности была.

Я ей принесъ увядши розы
Отрадныхъ юности дней,
И вслѣдъ пошелъ—но лить я слезы,
Что могъ во слѣдъ идти лишь ей!

1817.

С Н О В И Д Ъ Н І Е.

ИЗЪ ВОЛЬТЕРА.

Недавно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ,
Въ вѣнцѣ сияющемъ, царемъ я зрѣлъ себя;
Мечталось, я любилъ тебя,
И сердце билось наслажденьемъ.
Я страсть у ногъ твоихъ въ восторгахъ изъявлялъ...
Мечты, ахъ, отчего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
Я только царство потерялъ.

П И С Ь М О К Ъ Л И Д Т.

(ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ).

Лишь благосклонный мракъ раскинетъ
Надъ нами тихій свой покровъ,
И время къ полночи придвинетъ
Стрѣлу медлительныхъ часовъ,
Въ счастливой тишинѣ природы,
Когда не спать одна любовь,
Тогда моей темницы вновь
Покину я нѣмые своды...
Летучихъ остальныхъ минутъ
Мнѣ слишкомъ тягостна потеря;
Но скоро Аргусы заснутъ,
Замкамъ предательнымъ повѣря,
И я въ обители твоей!...

По скорой поступи моей,
 По сладострастному молчанью,
 По смѣлымъ, трепетнымъ рукамъ,
 По воспаленному дыханью
 И жаркимъ, ласковымъ словамъ
 Узнай любовника!... Настали
 Восторги, радости мои!
 О Лида, если бѣ умирали
 Съ блаженства, нѣги и любви!..

И М Е Н И Н Ы.

Умножайте шумъ и радость;
 Пойте пѣсни въ добрый часъ:
 Дружба, грація и младость
 Именинницы у насъ.
 Между тѣмъ дитя крылато,
 Васъ привѣтствуя, друзья,
 Втайнѣ думаетъ: когда-то
 Именинникъ буду я?

Б Е З В Ѣ Р І Е.

О вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ,
 Считаая мрачное безвѣріе порокомъ,
 Бѣжите съ ужасомъ того, кто съ первыхъ лѣтъ
 Безумно погасилъ отрадный сердцу свѣтъ,
 Котораго вся жизнь есть мракъ и изступленье!
 Восплачьте вы о немъ, имѣйте сожалѣнье!
 Взгляните на него—не тамъ, гдѣ каждый день
 Тщеславіе на всѣхъ наводитъ ложну тѣнь,
 Но въ тишинѣ семьи, подъ кровлею родною,
 Въ бесѣдѣ съ дружествомъ, иль съ темною мечтою—
 Взгляните: бродитъ онъ съ увядшею душой,
 Своей ужасною томимый пустотой;
 То горьки слезы леть, то рабъ страстей, волненья,
 Напрасно ищетъ онъ унынью развлеченья.
 Напрасно, въ пышности свободной простоты,
 Природы передъ нимъ открыты красоты;
 Напрасно вокругъ себя печальный взоръ онъ водить:
 Умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ.
 Настигнетъ ли его глухимъ судьбъ ударъ,
 Отыметъ ли вдругъ минутный счастья даръ,
 Въ любви ли, въ дружествѣ ль обниметъ онъ измѣну,

И невозвратную онъ имъ узнаеть цѣну—
Лишенный всѣхъ опоръ, отпадный вѣры сынъ.
Ужъ видить съ ужасомъ, что въ мірѣ онъ одинъ,
И мощная рука къ нему съ дарами мира
Не простирается изъ-за предѣловъ міра.
Несчастные, страстей и немощей сыны.
Мы воѣ на страшный гробъ, родясь, осуждены;
Всечасно бранныхъ узъ готово разрушенье;
Нашъ вѣкъ—невѣрный день; смерть—быстрое затменье.
Когда холодна тьма объемлетъ грозно насъ,
Завѣсу вѣчности колеблетъ смертный часъ:
Ужасно чувствовать слезы послѣдней мукы
И съ міромъ начинать безвѣстную разлуку!
Тогда, бесѣдуя съ оставленной душой,
О вѣра, ты стоишь у двери гробовой!
Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь
И, ободренную, съ надеждой отпускаешь.
Но, други, пережить ужаснѣ друзей!...
Лишь вѣра въ тишинѣ отрадою своей
Живить унылый духъ и сердца ожиданье:
«Настанетъ—говорить—назначенно свиданье.»
А онъ, слѣпой мудрецъ, у гроба стонетъ онъ!
Съ усладой бытія несчастный разлученъ.
Надежды тихаго не внемлетъ онъ привѣта:
Подходить къ гробу онъ, взываетъ... нѣтъ отвѣта!
Видали ль вы его въ безмолвныхъ тѣхъ мѣстахъ.
Гдѣ кровныхъ и друзей священный тлѣть прахъ?..
Видали ль вы его надъ хладною могилой,
Гдѣ Деліи его таится пепель милой?
Къ почившимъ позванный вечерней тишиной.
Къ кресту приникнулъ онъ безчувственной главой;
Одинъ, съ отчаяньемъ, въ слезахъ ожесточенья,
Въ молчаньи ужаса, въ безумствѣ изступленья,
Дрожить!... И между тѣмъ, подъ сѣнью темныхъ ивъ,
У гроба матери колѣна преклонивъ,
Тамъ дѣва юная, въ печали безмятежной,
Возводитъ къ небу взоръ болѣзненный и нѣжной.
Одна, туманною луной озарена,
Какъ ангелъ горести является она,
Вздыхаетъ медленно, могилу обнимаетъ:
Все тихо; но она, какъ кажется, вникаетъ...
Несчастный на нее въ безмолвіи глядитъ,
Поникнулъ головой, трепещетъ и бѣжитъ.
Слѣпить онъ далѣе, но вслѣдъ унынье бродить;
Во храмъ Всевышняго съ толпой онъ молча входитъ,
Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей:
При древнемъ торжествѣ священныхъ алтарей,
При гласѣ пастыря, при сладкомъ хорѣ пѣньѣ,

Тревожится его безвѣрное мученье.
 Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зрить;
 Съ померкшею душой святынѣ предстоить;
 Холодный ко всему и чуждый умиленью,
 Съ досадой тихому внимаетъ онъ моленью.
 «Счастливыцы!» мыслить онъ; «почто не можно мнѣ,
 Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинѣ,
 Забывъ о разумѣ, и немощномъ и строгомъ,
 Съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ!»
 Напрасный сердца крикъ! Нѣтъ, нѣтъ, не суждено
 Ему сей тайны знать! Безвѣріе одно
 По жизненной стезѣ, во мракѣ, вождѣ унылый,
 Несчастнаго влечетъ до вѣчныхъ вратъ могилы!

КЪ П. П. КАВЕРИНУ.

Забудь, любезный мой Каверинъ,
 Минутной рѣзвости нескромные стихи:
 Люблю я первый, будь увѣренъ,
 Твои счастливые грѣхи.
 Все чередой идетъ опредѣленной,
 Всему пора, всему свой мигъ;
 Смѣшонъ и вѣтреныи старикъ,
 Смѣшонъ и юноша степенный.
 Пока живется намъ, живи;
 Гуляй въ мое воспоминае;
 Молись и Вакху и любви,
 И черни презирай ревнивое роптанье:
 Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
 Съ Клеерой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ;
 Что умъ высокій можно скрыть
 Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

ПОСЛАНИЕ КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Скажи, парнасскій мой отецъ;
 Неужто вѣрный музъ любовникъ
 Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
 И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
 Ужели тотъ, кто иногда
 Жжетъ ладонь Аполлону даромъ,
 За честь не можетъ безъ стыда
 Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ,
 И, если можно, города?

Беллона, Муза и Венера
Вотъ, кажется, святая вѣра
Дней напихъ всякаго пѣвца;
Я шлюсь на русскаго Буфлера
И на Дениса храбреца,¹
Но не на Глинку офицера,
Довольно плоскаго пѣвца;
Не нужно мнѣ его примѣра!
Ты скажешь: перестань, болтунъ,
Будь человѣкъ, а не драгунъ!
Парады, карауль, ученье—
Все это оды не внушить,
А только душу иссушить,
И къ Марину для награжденья,
Быть можетъ, прямо за Коцитъ
Пошлетъ читать его творенья.
Послушай, дядя милый мой,
Ступай себѣ къ слѣпой Оемидѣ,
Ты съ дипломатикой косою;
Кропай, мой другъ, посланье къ Лидѣ,
Оставь военные грѣхи,
И въ сладостяхъ успокоенья
Пиши сенатскія рѣшенья
И пятистопные стихи;
И не съ гусарскаго корнета—
Возьми примѣръ съ того поэта,
Съ того, котораго рука
Нарисовала Ермака
Въ снѣгахъ незнаемаго свѣта,
И плѣнь могучаго Мегмета,
И мужа модные рога;
Который, милостію Бога,
Министръ и сладостный пѣвецъ,
Быль строгой чести образецъ,
Какъ образецъ онъ будетъ слога...²
Все такъ, почтенный дядя мой,
Почтень, кто глупости людской
Рѣшилъ запутанные споры,
Умѣлъ кто хитрости рукой
Переплетать между собой
Дипломатическіе вздоры,
И править нашу судьбой.
Смѣшонъ, конечно, мирный воинъ,
И эпиграммы самой злой
Въ извѣстныхъ «Святкахъ»³ онъ достоинъ;

¹ Д. В. Давыдовъ. ² Ив. Ив. Дмитріевъ. ³ Сатира кн. Д. П. Горчакова.

Но что прелестнѣй и живѣй
 Войны, сраженій и пожаровъ,
 Кровавыхъ и пустыхъ полей,
 Бивака, рыцарскихъ ударовъ,
 И что завиднѣй бранныхъ дней
 Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
 Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
 Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
 Вдали забавъ, и нѣтъ, и грацій,
 Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
 Въ тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
 Не знаютъ свѣта принужденья,
 Не вѣдаютъ, что скука, страхъ,
 Даютъ обѣды и сраженья,
 Поютъ и рубятся въ бояхъ.
 Счастливы, кто милъ и страшенъ міру,
 О комъ за пѣсни, за дѣла
 Гремитъ правдивая хвала,
 Кто славить Марса и Темиру,
 И бранную повѣсилъ лиру
 Межъ вѣрной сабли и сѣдла!
 Но вы, враги трудовъ и славы,
 Питомцы Феба и забавы,
 Вы, мирной праздности друзья,
 Шепну вамъ на-ухо: вы правы,
 И съ вами соглашаюсь я!
 Богъ создалъ для себя природу,
 Свой рай и счастье глушцамъ,
 Злословіе, мужчинъ и моду,
 Конечно, для забавы дамъ;
 Заботы—знатному народу,
 Дурачество—для всѣхъ; а намъ—
 Уединенье и свободу.

КЪ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

(МАРИИ СМИТЪ).

Лида, другъ мой неизмѣнный!
 Почему сквозь легкій сонъ
 Часто, нѣгой утомленный,
 Слышу я твой тихій стонъ?
 Почему, въ любви счастливой
 Видя страшную мечту,
 Взоръ недвижный, боязливый
 Устремляешь въ темноту?
 Почему, когда вкушаю

Быстрый обморокъ любви,
 Иногда я примѣчаю
 Слезы тайныя твои;
 Ты разсѣяннo внимаешь
 Рѣчи пламенной моей,
 Хладно руку прижимаешь
 Хладенъ взоръ твоихъ очей?
 О, безцѣнная подруга!
 Вѣчно ль слезы проливать?
 Вѣчно ль мертвого супруга
 Изъ могилы вызывать?
 Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
 Тамъ объемлетъ вѣчный сонъ;
 Имъ не милъ ужъ голосъ милый,
 Не прискорбенъ скорби стонъ.
 Не для нихъ весенни розы,
 Сладость утра, шумъ пировъ,
 Откровенной дружбы слезы,
 И любовницъ робкій зовъ!
 Рано другъ твой незабвенный
 Вздохомъ смерти воздохнулъ,
 И блаженствомъ упоенный,
 На груди твоей уснулъ.
 Спитъ увѣнчанный счастливецъ!
 Вѣрь любви: невинны мы.
 Нѣтъ, разгнѣванный ревнивецъ
 Не придетъ изъ вѣчной тьмы!
 Тихой ночью громъ не грянетъ,
 И завистливая тѣнь
 Близъ любовника не станетъ,
 Вызывая спящій день!

1817.

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

(изъ парии).

Давайте пить и веселиться,
 Давайте жизнь играть;
 Пусть чернь слѣпая суетится:
 Не намъ безумной подражать.
 Пусть наша вѣтрена младость
 Потонетъ въ нѣгѣ и въ винѣ;
 Пусть измѣняющая радость
 Намъ улыбнется хоть во снѣ,
 Когда же юность легкимъ дымомъ
 Умчитъ веселость юныхъ дней,
 Тогда у старости отымемъ
 Все, что отыметъ у ней.

ТОВАРИЩАМЪ ПЕРЕДЪ ВЫПУСКОМЪ.

Промчались годы заточенья:
 Недолго, милые друзья,
 Намъ видѣть кровъ уединенья
 И царскосельскія поля.
 Разлука ждетъ насъ у порогу;
 Зоветь насъ свѣта дальнѣйшій шумъ,
 И каждый смотритъ на дорогу
 Въ волненьи юныхъ, пылкихъ думъ.
 Иной, подъ киверъ спрятавъ умъ,
 Уже въ воинственномъ нарядѣ
 Гусарской саблею махнулъ;
 Въ крещенской утренней прохладѣ,
 Красиво мерзнетъ на парадѣ,
 А грѣться ѣдетъ въ караулъ.
 Другой, рожденный быть вельможей,
 Не честь, а почести любя,
 У плута знатнаго въ прихожей
 Покорнымъ плутомъ зритъ себя.
 Лишь я, судьбѣ своей послушный,
 Счастливой нѣги вѣрный сынъ,
 Душой безпечный, равнодушный,
 Въ постели задремалъ одинъ.
 Равны мнѣ писаря, уланы,
 Равны мнѣ каски, кивера;
 Не рвусь я грудью въ капитаны
 И не ползу въ ассесора.
 Друзья, немного снисхожденья!
 Оставьте пестрый мнѣ колпакъ,
 Пока его за прегрѣшенья
 Не промѣнялъ я на шишакъ;
 Пока лѣнивому возможно,
 Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
 Еще рукой неосторожной
 Въ июлѣ распахнуть жилетъ.

1817.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Д. ИЛИЧЕВСКОМУ.

Мой другъ, не славный я поэтъ,
 Хоть христіанинъ православной.
 Душа безсмертна, слова нѣтъ;
 Моимъ стихамъ удѣлъ неравной:

И пѣсни музы своенравной,
 Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣтъ
 Погибнуть смертію забавной.
 И насъ не тронетъ здѣшній свѣтъ.
 Ахъ, вѣдаетъ мой добрый геній,
 Что предпочелъ бы я скорѣй
 Безсмертію души моей
 Безсмертіе своихъ твореній.
 Не властны мы въ судьбѣ своей;
 По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнья.
 Сей плодъ небрежный вдохновенья
 Безъ подписи, въ твоихъ рукахъ.
 На скромныхъ дружества листкахъ,
 Уйдетъ отъ общаго забвенья.
 Но пусть напрасенъ будетъ трудъ,
 Твоею дружбой оживленный;
 Мои стихи пускай умрутъ:
 Гласъ сердца, чувства неизмѣнны
 Навѣрно ихъ переживуть.

31 мая 1817.

ВЪ АЛЬБОМѢ ИВ. ИВ. ПУЩИНУ.

Взглянувъ когда нибудь на тайный сей листокъ,
 Исписанный когда-то мною,
 На время улети въ лицейскій уголокъ
 Весильной, сладостной мечтою.
 Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
 Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
 Печали, радости, мечты души твоей,
 Размолвки дружества и сладость примиренья,
 Что было и не будетъ вновь...
 И съ тихими тоски слезами
 Ты вспомни первую любовь.
 Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзьями
 Не рѣвою мечтой союзъ твой заключенья;
 Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
 О милый, вѣченъ онъ!

Р А З Л У К А.

(В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ).

Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,
 Моимъ стихамъ внимаетъ нашъ пенатъ.

Лицейской жизни милый братъ,
 Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.
 Прошли лѣта соединенья;
 Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.
 Прости! Хранимый небомъ,
 Не разлучайся, другъ,
 Съ свободою и Фебомъ!
 Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
 Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья:
 И дни твои полетомъ сновидѣнья
 Да пролетать въ счастливой тишинѣ!
 Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
 При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
 Святому братству вѣренъ я.
 И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?),
 Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!

Лицей, 9 июля 1817.

ВЪ АЛБОМЪ А. П. ЗУБОВУ.

Когда погаснуть дни мечтанья
 И позоветъ насъ шумный свѣтъ—
 Кто вспомнить братскія свиданья
 И дружество минувшихъ лѣтъ?...
 Позволь въ листахъ воспоминанья
 Оставить имъ минутный слѣдъ.

1817 (при выпускѣ изъ лицея).

КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.

Всевышней волею небесъ
 Окованный на службѣ царской—
 Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Афинахъ Периклесь,
 У насъ—онъ офицеръ гусарской.

КЪ ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА.

Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ.
 На Марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ воитель,
 Друзьямъ онъ вѣрный другъ, красавицамъ мучитель,
 И всюду онъ гусаръ.

К. П. БАКУНИНОЙ.

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?
 Мнѣ истина всего дороже.
 Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;
 Подумавъ, я скажу все тоже.

КЪ НЕЙ.

Въ печальной праздности я лиру забывалъ,
 Воображеніе въ мечтахъ не разгоралось,
 Съ дарами юности мой гений отлеталъ,
 И сердце медленно хладѣло, закрывалось.
 Васъ вновь я призывалъ, о дни моей весны!
 Вы, пролетѣвшіе подъ сѣнью тишины,
 Дни дружества, любви, надеждъ и грусти нѣжной,
 Когда, поэзии поклонникъ безмятежной,
 На лирѣ счастливой я тихо воспѣвалъ
 Волненіе любви, уныніе разлуки—

И гулъ дубравъ горамъ передавалъ
 Мои задумчивые звуки.
 Напрасно! Я влачилъ постыдной лѣни грузъ,
 Въ дремоту хладную невольно погружался,
 Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ милыхъ музъ,
 И—слезы на глазахъ—со славою прощался!

Но вдругъ, какъ молніи стрѣла
 Зажглась въ увядшемъ сердцѣ младость,
 Душа проснулась, ожила,
 Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
 Все снова расцвѣло! Я жизнью трепеталъ;

Природы вновь восторженный свидѣтель,
 Живѣе чувствовалъ, свободнѣе дышалъ,

Сильнѣй плѣняла добродѣтель...

Хвала любви, хвала богамъ!

Вновь лиры сладостной раздался голосъ юный,
 И съ звонкимъ трепетомъ воскреснувшія струны
 Несу къ твоимъ ногамъ!

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, неистовые клики?
 Кого, куда зовутъ и бубны, и тимпанъ?
 Что значать радостные лики
 И пѣсни поселянъ?

Въ ихъ кругѣ свѣтлая свобода
 Пріяла праздничный вѣнокъ.
 Но двинулись толпы народа...
 Онъ приближается... Вотъ онъ, вотъ сильный богъ!
 Вотъ Бахусъ мирный, вѣчно юный!
 Вотъ онъ, вотъ Индіи герой!
 О радость! полныя тобой
 Дрожать, готовы грянуть струны
 Нелицемерною хвалою.
 Эванъ, эвое! Дайте чаши!
 Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ тирсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Вотъ онъ, вотъ Вакхъ! О часъ отрадный!
 Державный тирсъ въ его рукахъ;
 Вѣнецъ желтѣетъ виноградный
 Въ чернокудрявыхъ волосахъ...
 Течетъ. Его младые тигры
 Съ покорной яростью влекутъ;
 Кругомъ летятъ эроты, игры—
 И гимны въ честь ему поютъ.
 За нимъ тѣснится козлоногий
 И фавновъ, и сатировъ рой;
 Плющемъ опутаны ихъ роги.
 Бѣгутъ смятенною толпой
 Вослѣдъ за быстрой колесницей:
 Кто съ тростниковою цѣвницей,
 Кто съ вѣрной кружкою своей;
 Тотъ оступившись упадаетъ,
 И бархатный коверъ полей
 Виномъ багровымъ обливаешь
 При дикомъ хохотѣ друзей.
 Тамъ, далѣ, вижу дивный ходъ:
 Звучать веселые тимпаны;
 Младья нимфы и сильваны,
 Составя шумный хороводъ,
 Несутъ недвижнаго Силена...
 Вино струится, брызжетъ пѣна,
 И розы сыплются кругомъ;
 Несутъ за спящимъ старикомъ
 И тирсъ, символъ побѣды мирной,
 И кубокъ тяжко-золотой,
 Вѣнчанный крышкою сапфирной,
 Подарокъ Вакха дорогой.

Но воетъ берегъ отдаленный:
 Власы раскинувъ по плечамъ,

Вѣнчанны гроздьемъ, обнаженны,
 Бѣгутъ вакханки по горамъ.
 Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ перстами,
 Гремятъ и вторятъ ихъ ужаснымъ голосамъ.
 Промчались, летятъ, свиваются руками,
 Волшебной пляской топчутъ дугъ;
 И младость пылкая толпами
 Стекается вокругъ.

Поютъ неистовыя дѣвы:
 Ихъ сладострастные напѣвы
 Въ сердца вливаютъ жаръ любви;
 Ихъ перси дышатъ вожделѣньемъ;
 Ихъ очи, полныя безумствомъ и томленьемъ,
 Сказали: счастье лови!
 Ихъ вдохновенныя движенья
 Сперва изображаютъ намъ
 Стыдливость милого смятенья,
 Желанье робкое, а тамъ
 Восторгъ и дерзость наслажденья.
 Но вотъ разсыпались по холмамъ и полямъ,
 Махая тирсами несутся;
 Ужъ издали ихъ вопли раздаются,
 И гулъ имъ вторить по лѣсамъ:
 Эванъ, эвое! Дайте чаши!
 Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ тирсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, въ сей день благословенной
 Забвенью бросимъ суеты!
 Теки, вино, струею пѣнной
 Въ честь Вакха, музъ и красоты!
 Эванъ, эвое! Дайте чаши!
 Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ тирсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

ПРОЩАНИЕ СЪ ТРИГОРСКИМЪ.

Простите, вѣрныя дубравы!
 Прости, безпечный миръ полей,
 И легкокрылыя забавы
 Столь быстро улетѣвшихъ дней!
 Прости, Тригорское, гдѣ радость
 Меня встрѣчала столько разъ!

На то ль узналъ я вашу сладость,
 Чтобъ навсегда покинуть васъ?
 Отъ васъ беру воспоминанье,
 А сердце оставляю вамъ.
 Быть можетъ (сладкое мечтанье),
 Я къ вашимъ возвращусь полямъ,
 Приду подъ липовые своды
 На скать Тригорскаго холма,
 Поклонникъ дружеской свободы,
 Веселыхъ грацій и ума.⁴

10 сентября 1817.

КЪ Е. С. ОГАРЕВОЙ,

КОТОРОЙ М. ПРИСЛАЛЪ ПЛОДОВЪ ИЗЪ СВОЕГО САДУ.

М—ъ, хвастунъ безстыдной,
 Тебѣ прислалъ своихъ плодовъ.
 Хотѣлъ увѣрить насъ, какъ видно,
 Что будто самъ онъ богъ садовъ.

Чему дивиться тутъ? Харита
 Улыбкой святость побѣдитъ,
 Съ ума сведетъ М—а
 И пылъ желаній въ немъ родитъ.

И онъ, твой встрѣтя взоръ волшебный,
 Забудетъ о своемъ крестѣ,
 И нѣжно станетъ пѣть молебны
 Твоей небесной красотѣ.

1817... Петербургъ.

КН. ЕВДОКІИ ИВАНОВНѢ ГОЛИЦЫНОЙ.

Краевъ чужихъ неопытный любитель
 И своего всегдашній обвинитель,
 Я говорилъ: въ отечествѣ моемъ
 Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ геній мы найдемъ?

⁴ Вѣроятно, въ эту же поѣздку Пушкинъ сообщалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ.

Есть въ Россіи городъ Луга
 Петербургскаго округа;
 Хуже бъ не было сего
 Городишки на примѣтъ,
 Если бъ не было на свѣтѣ
 Новоржева моего.

Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
 Возвышенной и пламенно-свободной?
 Гдѣ женщина не съ мертвой красотой.
 Но съ огненной, плѣнительной, живой?
 Гдѣ разговоръ найду непринужденный.
 Плѣнительный, веселый, просвѣщенный?
 Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пустымъ?—
 Отечество почти я ненавиждѣлъ;
 Но я вчера Голицыну увидѣлъ—
 И примиренъ съ отечествомъ моимъ.

30 ноября 1817.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
 Свистъ;
 Мараетъ онъ единымъ духомъ
 Листъ;
 Потомъ всему терзаетъ свѣту
 Слухъ;
 Потомъ печатаетъ: и въ Лету
 Бухъ!

* *
 *

Какъ брань тебѣ не надоѣла!
 Разсчетъ коротокъ мой съ тобой:
 Ну, такъ—я празденъ, я безъ дѣла;
 А ты бездѣльникъ дѣловой.

* *
 *

«Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный,
 Эмилій человекъ пустой.»
 Да ты чѣмъ полонъ, шутъ нарядный?
 А, понимаю: самъ собой!
 Ты полонъ дряни, милый мой!

1818.

КЪ О. Ф. ЮРЬЕВУ.

Любимецъ вѣтренныхъ Лаисъ,
 Прелестный баловень Киприды,
 Умѣй сносить, мой Адонисъ,
 Ея минутныя обиды!
 Она дала красы молодой
 Тебѣ въ удѣлъ очарованье:
 И черный усъ и взглядъ живой,
 Любви улыбку и молчанье.
 Съ тебя довольно, милый другъ!
 Пускай, желаній пылкихъ чуждый,
 Ты поцѣлуями подругъ
 Не наслаждаешься; что нужды?
 Въ чаду веселій городскихъ,
 На легкихъ крыльяхъ Терпсихоры,
 Къ тебѣ красавицъ молодыхъ
 Летятъ задумчивые взоры...
 Увы! языкъ любви нѣмой,
 Сей вздохъ души краснорѣчивой,
 Быть долженъ сладокъ, милый мой,
 Безпечности самолюбивой.
 И счастливъ ты своей судьбой!
 А я—повѣса вѣчно праздный,
 Потомокъ негровъ безобразный,
 Взрощенный въ дикой простотѣ,
 Любви не вѣдая страданій,
 Я направляю юной красотѣ
 Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній...
 Съ невольнымъ пламенемъ ланить,
 Украдкой нимфа молодая,
 Сама себя не понимая,
 На фавна иногда глядитъ.

ВЪ АЛЬБОМѢ

МИХ. АНДР. ЩЕРВИНИНУ.

Житье тому, любезный другъ,
 Кто страстью глупою не боленъ,
 Кому влюбиться недосугъ,

Кто занятъ всѣмъ и всѣмъ доволенъ;
 Кто Надиньку подъ-вечерокъ
 За тайнымъ ужиномъ ласкаетъ,
 И жирный страсбургскій пирогъ
 Виномъ душистымъ запиваетъ;
 Кто, удаливъ заботы прочь,
 Какъ вѣрный сынъ пафосской вѣры,
 Проводитъ набожную ночь
 Съ молодой монашенкой Цитеры;
 Поутру сладко дремлетъ онъ,
 Читая листикъ Инвалида;
 Весь день веселью посвященъ;
 А ночью царствуетъ Киприда!
 И мы не такъ ли дни ведемъ,
 Щербининъ, рѣзвый другъ забавы,
 Съ Амуромъ, шалостью, виномъ,
 Покажѣсть молоды и здравы?
 Но дни молодые пролетятъ,
 Веселье, нѣга насъ покинутъ,
 Желаньямъ чувства измѣнять,
 Сердца изсохнутъ и остынутъ:
 Тогда безъ пѣсенъ, безъ подругъ.
 Безъ наслажденій, безъ желаній.
 Найдемъ отраду, милый другъ,
 Въ туманномъ снѣ воспоминаній!
 Тогда, качая головой,
 Скажу тебѣ у двери гроба:
 «Ты помнишь Фанни, милый мой?»
 —И тихо улыбнемся оба.

Н. И. КРИВЦОВУ,

при посылкѣ вольтеровой поэмы.

Когда сожмешь ты снова руку
 Которая тебѣ дарить,
 На скучный путь и на разлуку,
 Вотъ эту библию харить?
 Амуръ нашелъ ее въ Цитерѣ,
 Въ архивѣ шалости молодой:
 По ней молись своей Венерѣ
 Благочестивою душой.
 Прости, эпикуреецъ мой!
 Останься вѣкъ, каковъ ты нынѣ!
 Лети во мрачный Альбионъ!
 Да сохранить тебя въ чужбинѣ
 Христосъ и вѣрный Купидонъ!

Неси въ чужой предѣлъ пената;
 Но помни прежни дни свои:
 Люби недѣвственнаго брата,
 Страдальца чувственной любви.

2 марта 1818.

С К А З К И.

...Отъ радости въ постелѣ
 Распрыгалось дитя.
 «Неужто въ самомъ дѣлѣ?
 Неужто не шутя?
 А мать ему: «бай-бай, закрой свои ты глазки;
 Пора уснуть ужъ наконецъ,
 Послушавши, какъ нашъ отецъ
 Рассказываетъ сказки.»

Мартъ 1818.

КЪ ПЕТРУ ЯКОВЛЕВИЧУ ЧААДАЕВУ.

Любви, надежды, гордой славы
 Недолго тѣшили насъ обманъ:
 Исчезли юныя забавы,
 Какъ дымъ, какъ утренній туманъ!
 Но въ насъ кипятъ еще желанья:
 Подъ гнетомъ власти роковой
 Нетерпѣливою душой
 Отчизны внемлемъ призыванья!
 Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
 Минуты вольности святой,
 Какъ ждетъ любовникъ молодой
 Минуты сладкаго свиданья.
 Пока свободою горимъ,
 Пока сердца для чести живы,
 Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
 Души высокіе порывы.
 Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
 Заря плѣнительнаго счастья,
 Россія вспрянетъ ото сна,
 И
 Напишетъ наши имена.

ПРЕЛЕСТНИЦЪ.

(ШТЕЙНГЕЛЬ).

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,
 Умилнымъ голосомъ и взоромъ,
 Младое сердце распалить,
 И тихимъ, сладостнымъ укоромъ
 Къ побѣдѣ легкой вызывать?
 Къ чему обманчивая нѣжность,
 Стыдливости притворный видъ,
 Движеній томная небрежность,
 И трепеть устъ, и жаръ ланить?
 Напрасны хитрыя старанья:
 Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣтъ...
 Невольный хладъ негодованья
 Тебѣ мой роковой отвѣтъ.
 Твоею прелестью надменной
 Кто не владѣлъ во тьмѣ ночной?
 Скажи: у двери оцѣненной
 Твоей обители презрѣнной
 Кто смѣлой не стучалъ рукой?
 Нѣтъ, нѣтъ, другому свой завялый
 Неси, прелестница, вѣнокъ;
 Ласкай неопытный порокъ,
 Въ твоихъ объятіяхъ усталый;
 Но гордый замыселъ забудь:
 Не привлечешь питомца музы
 Ты на предательскую грудь.
 Неси другимъ наемны узы,
 Своей любви постыдный торгъ,
 Корысти хладныя лобзанья,
 И принужденныя желанья,
 И златомъ купленный восторгъ!

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ.

Тебя ль я видѣлъ, милый другъ?
 Или невѣрное то было сновидѣнье,
 Мечтанье смутное, и пламенный недугъ
 Обманомъ волновалъ мое воображенье?
 Въ минуты мрачныя болѣзни роковой,
 Ты ль, дѣва нѣжная, стояла надо мной
 Въ одеждѣ воина съ неловкостью прятной?

Такъ, видѣль я тебя; мой тусклый взоръ узналъ
 Знакомыя красы подъ сей одеждой ратной:
 И слабымъ шопотомъ подругу я назвалъ...
 Но вновь въ умѣ моемъ тѣснились мрачны грезы:
 Я слабою рукой искалъ тебя во мглѣ...
 И вдругъ я чувствую твоё дыханье, слезы,
 И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ...

Безсмертные, съ какимъ волненьемъ
 Желанья, жизни огонь по сердцу пробѣжалъ!
 Я закипѣлъ, затрепеталъ!

И скрылась ты прелестнымъ привидѣньемъ.
 Жестокій другъ, меня томишь ты упоеньемъ.

Приди, меня мертвить любовью!

Въ молчаньи благосклонной ночи
 Явись, волшебница! пускай увижу вновь
 Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,
 И плащъ, и поясъ боевой,

И бранной обувью украшенныя ноги...
 Не медли, постѣшай, прелестный воинъ мой:
 Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой

Мнѣ снова ниспослали боги,
 А съ нимъ и сладкія тревоги
 Любви таинственной и шалости молодой.

МЕЧТАТЕЛЮ.

(В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ).

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье;
 Тебѣ пріятно слезы лить,
 Напраснымъ пламенемъ томить воображенье
 И въ сердцѣ тихое уныніе таить.
 Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель!
 О если бы тебя, унылыхъ чувствъ искатель,
 Постигло страшное безуміе любви;
 Когда бъ весь ядъ ея кипѣлъ въ твоей крови;
 Когда бы въ долгіе часы бессонной ночи,
 На ложѣ медленно терзаемый тоской,
 Ты звалъ обманчивый покой,
 Вотще смыкая скорбны очи,
 Покровы жаркіе рыдая обнималъ,
 И сохнуль въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья:
 Повѣрь, тогда бъ ты не питалъ
 Неблагодарнаго мечтанья;
 Нѣтъ, нѣтъ, въ слезахъ упавъ къ ногамъ
 Своей любовницы надменной,

Дрожащій, блѣдный, изступленный,
 Тогда бѣ воскликнулъ ты къ богамъ:
 Отдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
 Возьмите отъ меня сей образъ роковой:
 Довольно я любилъ; отдайте мнѣ покой...
 Но мрачная любовь и образъ незабвенный
 Остались вѣчно бы съ тобой.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плѣнительная сладость
 Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
 И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
 Утѣшится безмолвная печаль,
 И рѣзвая задумается радость.

ЖУКОВСКОМУ.

(НА ИЗДАНИЕ КНИЖЕКЪ ЕГО: «ДЛЯ НЕМНОГИХЪ»).

Когда къ мечтательному міру
 Стремясь возвышенной душой,
 Ты держишь на колѣнахъ лиру
 Нетерпѣливою рукой;
 Когда смѣняются видѣнья
 Передъ тобой въ волшебной мгнѣ,
 И быстрый холодъ вдохновенья
 Власы подъемлетъ на челѣ:
 Ты правъ, творишь ты для немногихъ,
 Не для завистливыхъ судей,
 Не для сбирателей убогихъ
 Чужихъ сужденій и вѣстей,
 Но для друзей таланта строгихъ,
 Священной истины друзей.
 Не всякаго полюбить счастье,
 Не всѣ родились для вѣнцовъ.
 Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
 Высокихъ мыслей и стиховъ,
 Кто наслажденіе прекраснымъ
 Въ прекрасный получилъ удѣлъ,
 И твой восторгъ уразумѣлъ
 Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!

НА КАРАМЗИНА.

1.

Въ его исторіи изящность, простота
Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

2.

Послушайте: я вамъ скажу про старину,
Про Игоря и про его жену,
Про Новгородъ, про время золотое,
И наконецъ про Грознаго Царя.
—И, бабушка! затѣяла пустое:
Докончи лучше намъ Илью богатыря.

НА КН. А. Н. ГОЛИЦЫНА.

1.

Вотъ Хвостовой покровитель,
Вотъ холопская душа,
Просвѣщенія гонитель,
Покровитель Бантыша.
Напирайте, Бога ради,
На него со всѣхъ сторонъ!...
Не попробовать ли сзади?
Тамъ всего слабѣе онъ.

2.

Полу-фанатикъ, полу-плутъ
Ему орудіемъ духовнымъ
Проклятье, мечъ, и крестъ, и кнутъ.
Пошли намъ, Боже, недостойнымъ,
Поменьше пастырей такихъ—
Полублагихъ, полусвятыхъ.

ВЪ АЛБОМЪ И. Я. СОСНИЦКОЙ.

Вы соединить могли съ холодною сердечной
Чудесный жаръ плѣнительныхъ очей.
Кто любить васъ, тотъ очень глупъ, конечно;
Но кто не любить васъ, тотъ во сто разъ глупѣй.

1819.

ВАС. ВАС. ЭНГЕЛЬГАРДТУ.

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
Худой, обритый, но живой:
Его мучительная лапа
Не тяготѣетъ надо мной.
Здоровье, легкій другъ Пріапа,
И сонъ, и сладостный покой,
Съ Кипридой посѣтили снова
Мой уголь тѣсный и простой.
Утѣшь и ты полубольнова!
Онъ жаждетъ видѣться съ тобой,
Съ тобой, счастливый беззаконникъ,
Лѣнивый Пинда гражданинъ,
Свободы, Вакха вѣрный сынъ,
Венеры набожный поклонникъ
И наслажденій властелинъ!
Отъ суеты столицы праздной,
Отъ хладныхъ прелестей Невы,
Отъ вредной сплетницы молвы,
Отъ скуки, столь разнообразной,
Я ѣду въ даль! Простите дамы,
Актрисы, франты, доктора,
Шумящи игры, вечера,
Гдѣ льются пуншъ и эпиграммы!
Меня зовутъ поля, луга,
Тѣнисты липы огорода,
Озеръ пустынныхъ берега
И деревенская свобода.
Дай руку мнѣ. Приѣду я
Въ началѣ мрачномъ октября:
Съ тобою пить мы будемъ снова,
Открытымъ сердцемъ говоря,
На счетъ глушца, вельможи злова,
На счетъ холопа записнова,
На счетъ небеснаго—
А иногда на счетъ земнова.

Н. И. КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, милый другъ,
 Гроба близкимъ новосельемъ:
 Право, намъ такимъ бездѣльемъ
 Заниматься недосугъ.
 Пусть остылой жизни чашу
 Тянетъ медленно другой;
 Мы жъ утратимъ юность нашу
 Вмѣстѣ съ жизнью дорогой;
 Каждый у своей гробницы,
 Мы присядемъ на порогъ,
 У пафосскія царицы
 Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
 Лишній мигъ у вѣрной лѣни;
 Круговой нальемъ сосудъ,
 И толпою наши тѣни
 Къ тихой Летѣ убѣгутъ.
 Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтель,
 И подруги шалуновъ
 Соберутъ ихъ легкій пепель
 Въ урны праздныя пировъ.

СТАНСЫ.

(А. Н. Толстому).

Философъ ранній, ты бѣжишь
 Пировъ и наслажденій жизни,
 На игры младости глядишь
 Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милыя забавы свѣта
 На грусть и скуку промѣнялъ,
 И на лампаду Эпиктета
 Златой Гораціевъ фіаль.

Повѣрь, мой другъ, она придетъ,
 Пора унылыхъ сожалѣній,
 Холодной истины заботъ
 И бесполезныхъ размышлений.

Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ,
 Всѣмъ возрастамъ даетъ игрушки;
 Надъ сѣдинами не гремѣть
 Безумства рѣзвыя гремушки.

Ахъ, младость не приходитъ вновь!
 Зови же сладкое бездѣлье,
 И легкокрылую любовь,
 И легкокрылое похмѣлье!

До капли наслажденье пей,
 Живи безпечень, равнодушень!
 Мгновенью жизни будь послушень,
 Будь молодъ въ юности твоей!

У Е Д И Н Е Н И Е.

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
 Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
 Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
 Воспоминаній и надеждъ;
 Кому судьба друзей послала,
 Кто скрытъ, по милости Творца,
 Отъ усыпителя глушца,
 Отъ пробудителя нахала.

В Е С Е Л Ы Й П И Р Ъ.

Я люблю вечерній пиръ,
 Гдѣ веселье предсѣдатель,
 А свобода, мой кумиръ,
 За столомъ законодатель;
 Гдѣ до утра слово «пей»
 Заглушаетъ крики пѣсенъ,
 Гдѣ просторенъ кругъ гостей,
 А кружокъ бутылокъ тѣсенъ!

Д О Р И Д А.

Въ Доридѣ нравятся и локоны златые,
 И блѣдное лицо, и очи голубыя,
 Вчера друзей моихъ оставя пиръ ночной,
 Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
 Восторги быстрые восторгами смѣнялись,
 Желанья гасли вдругъ и снова разгорались.

Я таялъ: но среди невѣрной темноты
 Другія милыя мнѣ видѣлись черты,
 И весь я полонъ былъ таинственной печали,
 И имя чуждое уста мои шептали.

КЪ ***.

(уныніе).

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
 Среди забавъ я часто омраченъ,
 Зачѣмъ на все подъеблю взоръ угрюмой,
 Зачѣмъ не миль мнѣ сладкой жизни сонъ;
 Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
 Я разлюбилъ веселую любовь
 И никого не называю милой:
 Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь;
 Кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья.
 На краткій мигъ блаженство намъ дано:
 Отъ юности, отъ нѣтъ и сладострастья
 Останется уныніе одно.

1819. 8 марс.

КЪ КАГУЛЬСКОМУ ПАМЯТНИКУ.

Воспоминаньемъ упоенный,
 Съ благоговѣньемъ и тоской
 Объемлю грозный мраморъ твой,
 Кагула памятникъ надменный!
 Не смѣлый подвигъ россиянь,
 Не слава, даръ Екатеринѣ,
 Не Задунайскій великанъ
 Меня воспаменяютъ нынѣ...

1819. 30 марс.

ОРЛОВУ.

О ты, который сочеталъ
 Съ душою пылкой, откровенной
 (Хотя и русской генералъ)
 Любезность, разумъ просвѣщенной;
 О ты, который, съ каждымъ днемъ
 Вставая на военну муку,

Усталымъ усачамъ, верьхомъ
 Преподаешь царей науку,
 Но не безславишь сгоряча
 Свою воинственную руку
 Презрѣнной палкой палача;
 Орловъ, ты правъ: я забываю
 Свои гусарскія мечты
 И съ Соломономъ восклицаю:
 Мундиръ и сабля—суеты!
 На генерала Киселева
 Не положу своихъ надеждъ;
 Онъ очень милъ, о томъ ни слова,
 Онъ врагъ коварства и невѣждъ;
 За шумнымъ, медленнымъ обѣдомъ.
 Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
 До ночи слушать радъ его;
 Но онъ придворный: общанья
 Ему не стоятъ ничего.
 Смиривъ немирныя желанья
 Безъ доломана, безъ усовъ,
 Сокроюсь съ тайною свободой
 Съ цѣвницей, нѣгой и природой
 Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ,
 Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ,
 Или въ травѣ густыхъ луговъ
 Или холма на злачномъ скатѣ
 Въ бухарской шапкѣ и въ халатѣ.
 Я буду пѣть моихъ боговъ,
 И буду ждать.—Когда жъ возстанетъ.
 Съ одра покоя богъ мечей
 И брани громкой вызовъ грянетъ,
 Тогда покину миръ полей;
 Питомецъ пламенный Беллоны,
 У трона вѣрный гражданинъ!
 Орловъ, я стану подъ знамены
 Твоихъ воинственныхъ дружинъ;
 Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ
 Съ мечемъ и съ лирой боевой
 Рубиться буду предъ тобой
 И славу пѣть твоихъ ударовъ.

1819. Июль.

НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА.

Чья мысль восторгомъ угадала,
 Постигла тайну красоты?

Чья кисть, о небо, означала
Сии небесныя черты?

Ты, гений!... Но любви страданья
Его сразили. Взоръ нѣмой
Вперилъ онъ на свое созданье,
И гаснетъ пламенной душой.

В О З Р О Ж Д Е Н И Е.

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину гения чернить
И свой рисунокъ беззаконной
Надъ ней безсмысленно чертитъ.

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадають ветхой чешуей;
Созданье гения предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

Р У С А Л К А.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ
Спасался нѣкогда монахъ,
Всегда въ занятяхъ суровыхъ,
Въ постѣ, молитвѣ и трудахъ.
Уже лопаткою смиренной
Себѣ могилу старецъ рылъ,
И лишь о смерти вожделѣнной
Святыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды лѣтомъ у порогу
Поникшей хижины своей
Анахоретъ молился Богу.
Дубровы дѣлались чернѣй;
Туманъ надъ озеромъ дымился.
И красный мѣсяцъ въ облакахъ
Тихонько по небу катился.
На воды сталъ глядѣть монахъ.

Глядитъ, невольно страха полный;
Не можетъ самъ себя понять...
И видитъ: закипѣли волны,
И присмирѣли вдругъ опять....
И вдругъ.... легка, какъ тѣнь ночная,
Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ.
Выходить женщина нагая
И молча сѣла у береговъ.

Глядитъ на стараго монаха,
И чешетъ влажные власы.
Святой монахъ дрожитъ со страха
И смотритъ на ея красы.
Она манитъ его рукою,
Киваетъ быстро головою....
И вдругъ падучею звѣздою
Подъ сонной скрылася волной.

Всю ночь не спалъ старикъ угрюмой;
И не молился цѣлый день:
Передъ собой съ невольной думой
Все видѣлъ чудной дѣвы тѣнь.
Дубровы вновь одѣлись тьмою;
Пошла по облакамъ луна;
И снова дѣва надъ водою
Сидитъ, прелестна и блѣдна.

Глядитъ, киваетъ головою,
Цѣлуется издали шутя,
Играетъ, плещется волною,
Хохочетъ, плачетъ, какъ дитя,
Зоветъ монаха, нѣжно стонетъ...
«Монахъ, монахъ! ко мнѣ, ко мнѣ!...»
И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ тонетъ...
И все въ глубокой тишинѣ.

На третій день отшельникъ страстной.
Близъ очарованныхъ береговъ
Сидѣлъ и дѣвы ждалъ прекрасной,
А тѣнь ложилась средь дубровъ...
Заря прогнала тьму ночную.
Монаха не нашли нигдѣ.
И только бороду сѣдую
Мальчишки видѣли въ водѣ.

ДЕРЕВНЯ.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
 Приютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
 Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ

На лонѣ счастья и забвенья!

Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей,
 Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
 На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей,
 На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой: люблю сей темный садъ

Съ его прохладой и цвѣтами,

Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
 Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
 Вездѣ передо мной подвижныя картины:

Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
 Гдѣ парусъ рыбака бѣлѣетъ иногда,
 За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,

Вдали разсыпанные хаты,

На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
 Овины дымные, и мельницы крылаты;

Вездѣ слѣды довольства и труда.

Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденной,
 Учуся въ истинѣ блаженство находить,
 Свободною душой законъ боготворить,
 Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
 Учащемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,

И не завидовать судьбѣ

Злодѣя, иль глупца въ величїи неправомъ.

Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!

Въ уединенїи величаюмъ

Слышнѣе вашъ отрадный гласъ:

Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,

Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,

И ваши творческія думы

Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:

Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ

Другъ челоуѣчества печально замѣчаетъ

Вездѣ невѣжества губительный позоръ.

Не видя слезъ, не внемля стона,

На пагубу людей избранное судьбой,

Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,

Присвоило себѣ насильственной лозой

И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.

Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.

Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ

Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ.
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О, если бѣ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ бесплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витѣйства грозный
даръ?

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенной
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря!

Д О М О В О М У.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
И скромную семью моей обитель!
Да не вредятъ полямъ опасный хладъ дождей
И вѣтра поздняго осенніе набѣги;
Да въ пору благотворны снѣги
Покроютъ влажный тукъ полей!
Останься тайный стражъ въ наслѣдственной сѣни.
Постигни робостью полуночнаго вора,
И отъ недружескаго взора
Счастливый домикъ охрани!
Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
Люби мой милый садъ, и берегъ сонныхъ водъ,
И сей укромный огородъ
Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
Люби зеленый скатъ холмовъ,
Луга, измятые моей бродящей лѣнью,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновенью.

О Т В Ъ Т Ъ

НА ВЫЗОВЪ НАПИСАТЬ СТИХИ ВЪ ЧЕСТЬ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕ-
РАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

На лирѣ скромной, благородной,
Земныхъ боговъ я не хвалилъ,
И силѣ, въ гордости свободной,
Кадиломъ лести не кадилъ.
Свободу лишь умѣя славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рождень царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, подѣ Геликономъ,
Гдѣ касталійскій токъ шумѣлъ,
Я, вдохновенный Аполлономъ,
Елизавету втайнѣ пѣлъ.
Небеснаго земной свидѣтель,
Воспламененною душой,
Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтливой красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимнъ простой—
И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа.

НИКИТЪ ВСЕВОЛОДЪ. ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

Прости, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя свободы,
Итакъ, отъ нашихъ береговъ,
Отъ мертвой области рабовъ,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цѣну,
Безпечно дремлютъ на яву
И въ жизни любятъ перемѣну.
Въ сей азіатской сторонѣ,
Насъ увѣряютъ, жизнь игрушка!
Въ почтенной кичкѣ, шушунѣ,
Москва премилая старушка.
Разнообразной и живой
Она плѣняетъ пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,

Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,
И глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тучной знатности похмѣлье,
И скуку съ картами въ рукахъ.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ рукой;
Но вскорѣ, вѣрный обожатель
Забавъ и лѣни золотой,
Держася моего совѣта,
И волю всей душой любя,
Оставишь кругъ большаго свѣта
И жить рѣшишься для себя.
Уже въ пріютѣ отдаленномъ
Я вижу мысленно тебя:
Кипитъ въ бокалѣ опѣненномъ
Аи холодная струя;
Въ густомъ дыму лѣнивыхъ трубокъ,
Въ халатахъ, новые друзья
Шумятъ и пьютъ; задорный кубокъ
Обходить ихъ безумный кругъ,
И мчится въ радостяхъ досугъ;
А тамъ египетскія дѣвы
Летаютъ, выются предъ тобой;
Я слышу звонкіе напѣвы,
Стонъ нѣги, вопли, дикій вой!
Ихъ изступленныя движенія,
Огонь неистовыхъ очей
И все, мой другъ, въ душѣ твоей
Рождаетъ трепеть упоенья....
Но вспомни, милый: здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаетъ плѣнница младая;
Весь день уныла и томна,
Въ своей задумчивости сладкой,
Тихонько плачетъ подъ окномъ
Отъ грозныхъ аргусовъ украдкой.
И смотреть на пустынный домъ,
Гдѣ мы такъ часто пировали
Съ Кипридой, Вакхомъ и тобой,
Куда съ надеждой и тоской
Ея желанья улетали.
О, скоро ль милаго найдутъ
Ея потупленные взоры,
И предъ любовью упадутъ

Замковъ ревнивые затворы?
 А нашъ осиротѣлый кругъ,
 Товарищъ, скоро ль оживится?
 Когда прискачешь, милый другъ?
 Душа вослѣдъ тебѣ стремится.
 Гдѣ бъ ни былъ ты, возьми вѣнокъ
 Изъ рукъ младаго сладострастья,
 И докажи, что ты знатокъ
 Въ невѣдомой наукѣ счастья.

27 ноября 1819.

КН. А. М. ГОРЧАКОВУ.

Питомецъ модъ, большого свѣта другъ,
 Обычаевъ блестящихъ наблюдатель,
 Ты мнѣ велишь оставить мирный кругъ,
 Гдѣ, красоты безпечный обожатель,
 Я провожу незнаемый досугъ.
 Какъ ты, мой другъ, въ неопытныя лѣта,
 Опасною прельщенный суетой,
 Терялъ я жизнь, и чувства, и покой;
 Но угорѣлъ въ чаду большого свѣта
 И отдохнуть убрался я домой.
 И признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣ
 Младыхъ повѣсь счастливая семья,
 Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъ я.
 Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣ,
 И гдѣ мы всѣ прекраснаго друзья,—
 Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
 Гдѣ умъ хранить невольное молчанье,
 Гдѣ холодомъ сердца поражены,
 Гдѣ Бутурлинъ невѣждъ законодатель,
 Гдѣ Шепшинъ царь, а скука предсѣдатель,
 Гдѣ глупостью единой всѣ равны.
 Я помню сихъ дѣтей честолубивыхъ,
 Злыхъ безъ ума, безъ гордости спесивыхъ.
 И разглядѣвъ тирановъ модныхъ залъ,
 Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ!...
 Когда въ кругу Лаисъ благочестивыхъ
 Затянутый невѣжда-генераль
 Красавицамъ изношеннымъ и соннымъ
 Съ трудомъ остритъ французскій мадригаль,
 Глядя на всѣхъ съ нахальствомъ благосклоннымъ,
 И всѣ вокругъ и дремлютъ и молчатъ,
 Крутятъ усы, иль шпорами бренчатъ,
 Да изрѣдка съ улыбкою зѣваютъ—

Тогда, мой другъ, забытыхъ шалуновъ
 Свобода, Вакхъ и музы угощаютъ.
 Не слышу я, въ то время острыхъ словъ,
 Политики смѣшнаго лепетанья,
 Не вижу я украшенныхъ глупцовъ,
 Святыхъ невѣждъ, почётныхъ подлецовъ,
 И мистика придворнаго кривлянья!..
 И ты, Харитъ любовникъ своевольный,
 Пріятный лжецъ, язвительный болтунъ.
 По прежнему острякъ небогомольный.
 По прежнему философъ и шалунъ,
 И ты на мигъ оставь своихъ вельможъ—
 И малый кругъ друзей моихъ умножь.

КЪ НЕМУ ЖЕ.

(отрывокъ).

Ужъ я не тотъ! мои златые годы,
 Безумства жаръ, веселость, острота,
 Любовь стиховъ, любовь моей свободы—
 Проходитъ все, какъ легкая мечта.
 Такъ иногда за чапай ликованья
 Найдешь меня, объятаго тоской,
 Задумчивымъ, съ пониженной головой—
 И ты поймешь души моей страданья!...

НА А. М. КОЛОСОВУ.

(впоследствии каратыгина).

Все плѣняетъ насъ въ Эсеири:
 Упоительная рѣчь,
 Поступь важная въ порфирѣ,
 Кудри черныя до плечъ.
 Голосъ нѣжный, взоръ любви,
 Набѣленная рука,
 Размалеванныя брови
 И огромная нога!

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ, несомненно Фирсъ ученый,
 Педантъ надутый и мудреный:
 Онъ важно судить обо всемъ,
 Всего онъ знаетъ понемногу.
 Люблю тебя, сосѣдь Пахомъ:
 Ты просто глупъ, и слава Богу!

1817—1820.

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Для васъ, души моей парицы,
Красавицы, для васъ однихъ
Временъ минувшихъ небылицы,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шопоть старины болтливой
Рукою вѣрной я писалъ;
Примите жъ вы мой трудъ игривой!
Ни чьихъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На пѣсни грѣшныя мои.

1820.

ПРОЛОГЪ.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводить,
Налѣво—сказку говорить.

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынуть волны
На брегъ песчаный и пустой,

И тридцать витязей прекрасныхъ
 Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ
 И съ ними дядька ихъ морской;
 Тамъ королевичъ мимоходомъ
 Плъняетъ грознаго царя;
 Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
 Черезъ лѣса, черезъ моря
 Колдунъ несетъ богатыря;
 Въ темницѣ тамъ царевна тужить.
 А бурый волкъ ей вѣрно служить;
 Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
 Идетъ-бредетъ сама собой;
 Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ:
 Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!
 И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
 У моря видѣлъ дубъ зеленый,
 Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
 Свои мнѣ сказки говорилъ.
 Одну я помню—сказку эту
 Повѣдаю теперь я свѣту...
 1828.

П Ѣ С Н Ъ П Е Р В А Я.

Дѣла давно минувшихъ дней.
 Преданья старинны глубокой.

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
 Съ друзьями, въ грядницѣ высокой
 Владиміръ-солнце пировалъ;
 Меньшую дочь онъ выдавалъ
 За князя храбраго Руслана.
 И медъ изъ тяжкаго стакана
 За ихъ здоровье выпивалъ.
 Не скоро ѣли предки наши,
 Не скоро двигались кругомъ
 Ковши, серебряныя чаши
 Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
 Они веселье въ сердце лили,
 Шипѣла пѣна по краямъ,
 Ихъ важно чашники носили
 И низко кланялись гостямъ.

Слилися рѣчи въ шумъ невнятный;
 Жужжить гостей веселый кругъ;

Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ.
Всѣ смолкли, слушаютъ Баяна:
И славить сладостный пѣвецъ
Людмилу-преlestь и Руслана
И Лелемъ свитый имъ вѣнецъ.

Но страстью пылкой утомленный,
Не ѣсть, не пьетъ Русланъ влюбленный,
На друга милаго глядитъ,
Вздыхаетъ, сердится, горитъ,
И щипля усь отъ нетерпѣнья,
Считаетъ каждыя мгновенья.
Въ уныньи, съ пасмурнымъ челомъ,
За шумнымъ, свадебнымъ столомъ
Сидятъ три витязя младае:
Безмолвны, за ковшомъ пустымъ,
Забыли кубки круговые
И брашна непріятны имъ;
Не слышатъ вѣщаго Баяна,
Потупили смущенный взглядъ:
То три соперника Руслана;
Въ душѣ несчастные таятъ
Любви и ненависти ядъ.
Одинъ—Рогдай, воитель смѣлый,
Мечемъ раздвинувшій предѣлы
Богатыхъ кіевскихъ полей:
Другой—Фарлафъ, крикунъ надменный,
Въ пирахъ ни кѣмъ не побѣжденный,
Но воинъ скромный средь мечей;
Послѣдній, полный страстной думы,
Младой хазарскій ханъ Ратмиръ.
Всѣ трое блѣдны и угрюмы,
И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Вотъ конченъ онъ; встаютъ рядами,
Смѣшались шумными толпами,
И всѣ глядятъ на молодыхъ:
Невѣста очи опустила,
Какъ будто сердцемъ приуныла,
И свѣтель радостный женихъ;
Но тѣнь объемлетъ всю природу,
Ужъ близко къ полночи глухой;
Бояре, задремавъ отъ меду,
Съ поклономъ убрались домой.
Женихъ въ восторгѣ, въ упоеньи:
Ласкаетъ онъ въ воображеньи
Стыдливой дѣвы красоту;

Но съ тайнымъ, грустнымъ умилениемъ
Великій князь благословеньемъ
Даруетъ юную чету.

И вотъ невѣсту молодую
Ведутъ на брачную постель;
Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигаетъ Лель.
Свершились милыя надежды,
Любви готовятся дары;
Падутъ ревнивыя одежды
На цареградскіе ковры...
Вы слышите ль влюбленный шопотъ,
И поцѣлуевъ сладкій звукъ,
И прерывающійся ропотъ
Послѣдней робости?... Супругъ
Восторги чувствуетъ заранѣ;
И вотъ они настали... Вдругъ
Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ,
Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
Кругомъ все смерклося, все дрожитъ,
И замерла душа въ Русланѣ...
Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
Раздался дважды голосъ странной,
И кто-то въ дымной глубинѣ
Взвился чернѣ мглы туманной...
И снова теремъ пустъ и тихъ.
Встаетъ испуганный женихъ;
Съ лица катится потъ остылой;
Трепеща, холодною рукой
Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой...
О горе, нѣтъ подруги милой!
Хватаетъ воздухъ онъ пустой;
Людмилы нѣтъ во тьмѣ густой,
Похищена безвѣстной силой!

Ахъ, если мученикъ любви
Страдаетъ страстью безнадежно,
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ
Обнять влюбленную подругу,
Желаній, слезъ, тоски предметъ,
И вдругъ минутную супругу
Навѣкъ утратить... О друзья,
Конечно, лучше бъ умеръ я!

Однако живъ Русланъ несчастной.
Но что сказалъ великій князь?

Сраженный вдругъ молвой ужасной,
На зятя гнѣвомъ распалясь,
Его и дворъ онъ созываетъ:
«Гдѣ, гдѣ Людмила?» вопрошаетъ
Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
Русланъ не слышитъ.—«Дѣти, други!
Я помню прежнія заслуги:
О, сжаьтесь вы надъ старикомъ!
Скажите, кто изъ васъ согласенъ
Скакать за дочерью моей?
Чей подвигъ будетъ не напрасенъ,
Тому—терзайся, плачь, злодѣй!
Не могъ сберечь жены своей!—
Тому я дамъ ее въ супруги
Съ полцарствомъ прадѣдовъ моихъ.
Кто жъ вызовется, дѣти, други?..»
—Я! молвилъ горестный женихъ.
«Я! я!» воскликнули съ Рогдаемъ
Фарлафъ и радостный Ратмиръ:
«Сейчасъ коней своихъ сѣдлаемъ,
Мы рады весь изъѣздить міръ;
Отецъ нашъ, не продлимъ разлуки;
Не бойся, ѣдемъ за княжной!»
И съ благодарностью нѣмой
Въ слезахъ къ нимъ простираетъ руки
Старикъ, измученный тоской.

Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ:
Русланъ унынемъ какъ убитъ;
Мысль о потерянной невѣстѣ
Его терзаетъ и мертвитъ.
Садятся на коней ретивыхъ;
Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
Летятъ въ клубящейся пыли;
Уже скрываются вдали;
Ужъ всадниковъ не видно болѣ...
Но долго все еще глядитъ
Великій князь въ пустое поле,
И думой имъ вослѣдъ летитъ.

Русланъ томился молчаливо,
И мысль и память потерявъ.
Черезъ плечо глядя спесиво
И важно подбочась, Фарлафъ
Надувшись ѣхалъ за Русланомъ.
Онъ говоритъ: «насилу я
На волю вырвался, друзья!
Ну, скоро ль встрѣчусь съ великаномъ?»

Ужъ то-то крови будетъ течь,
Ужъ то-то жертвъ любви ревнивой!..
Повеселись, мой вѣрный мечъ,
Повеселись, мой конь ретивой!»

Хазарскій ханъ, въ умѣ своемъ
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ;
Въ немъ кровь играетъ молодая,
Огня надежды полонъ взоръ;
То скачетъ онъ во весь опоръ,
То дразнить бѣгуна лихаго,
Кружить, подѣмлетъ на дыбы,
Иль дерзко мчитъ на холмы снова.

Рогдай угрюмъ, молчитъ—ни слова...
Страпась невѣдомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всѣхъ больше беспокоенъ онъ,
И часто взоръ его ужасной
На князя мрачно устремленъ.

Соперники одной дорогой
Всѣ вмѣстѣ ѣдутъ цѣлый день.
Днѣпра сталъ темень берегъ отлогой;
Съ востока льется ночи тѣнь;
Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;
Пора конямъ ихъ отдохнуть.
Вотъ подъ горой путемъ широкимъ
Широкий пересѣкъся путь.
«Разѣдемся! пора!» сказали,
«Безвѣстной вѣрится судьбѣ.»
И каждый конь, не чуя стали,
По волѣ путь избралъ себѣ.

Что дѣлаешь, Русланъ несчастный,
Одинъ въ пустынной тишинѣ?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Все, мнится, видѣлъ ты во снѣ!
На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,
И медленно въ душѣ твоей
Надежда гибнетъ, гаснетъ вѣра...

Но вдругъ предъ витяземъ пещера;
Въ пещерѣ свѣтъ. Онъ прямо къ ней.
Идетъ подъ дремлющія своды,

Ровесники самой природы.
Вошелъ съ уныньемъ, что же зрить?
Въ пещерѣ старецъ: ясный видъ,
Спокойный взоръ, брада сѣдая;
Лампада передъ нимъ горитъ;
За древней книгой онъ сидитъ,
Ее внимательно читая.
«Добро пожаловать, мой сынъ!»
Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану:
«Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
Во мракѣ старой жизни вяну;
Но наконецъ дождался дня,
Давно предвидѣннаго мною.
Мы вмѣстѣ сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.
Русланъ, лишился ты Людмилы;
Твой твердый духъ теряетъ силы;
Но зла промчится быстрый мигъ:
На время рокъ тебя постигъ.
Съ надеждой, вѣрою веселой
Иди на все, не унывай;
Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
Свой путь на полночь пробивай.

«Узнай, Русланъ: твой оскорбитель
Волшебникъ страшный Черноморъ,
Красавицъ давній похититель,
Полнощныхъ обладатель горъ.
Еще ни чей въ его обитель
Не проникалъ донинѣ взоръ;
Но ты, злыхъ козней истребитель,
Въ нее ты вступишь, и злодѣй
Погибнетъ отъ руки твоей.
Тебѣ сказать не долженъ болѣ.
Судьба твоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ твоей отнынѣ волѣ.»

Нашъ витязь старцу палъ къ ногамъ,
И въ радости лобзаетъ руку.
Свѣтлѣетъ міръ его очамъ,
И сердце позабыло муку.
Вновь ожилъ онъ, и вдругъ опять
На вспыхнувшемъ лицѣ кручина...
«Ясна тоски твоей причина,
Но грусть не трудно разогнать,»
Сказалъ старикъ: «тебѣ ужасна
Любовь сѣдаго колдуна;
Спокойся, знай—она напрасна,

И юной дѣвѣ не страшна.
Онъ звѣзды сводитъ съ небосклопа,
Онъ свистнетъ—задрожитъ луна;
Но противъ времени закона
Его наука не сильна.
Ревнивый, трепетный хранитель
Замковъ безжалостныхъ дверей;
Онъ только немощный мучитель
Прелестной плѣнницы своей:
Вокругъ нея онъ молча бродитъ,
Клянеть жестокий жребій свой...
Но, добрый витязь, день проходить,
А нуженъ для тебя покой.»

Русланъ на мягкій мохъ ложится
Предъ умирающимъ огнемъ;
Онъ ищетъ позабыться сномъ,
Вздыхаетъ, медленно вертится...
Напрасно! Витязь наконецъ:
«Не спится что-то, мой отецъ!
Что дѣлать! боленъ я душою.
И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить.
Позволь мнѣ сердце освѣжить
Твоей бесѣдою святою.
Прости мнѣ дерзостный вопросъ.
Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсникъ непонятный?
Въ пустыню кто тебя занесъ?»

Вздохнувъ съ улыбкою печальной,
Старикъ въ отвѣтъ: «любезный сынъ,
Ужъ я забылъ отчизны дальней
Угрюмый край. Природный Финъ,
Въ долинахъ, намъ однимъ извѣстныхъ,
Гоняя стадо сель окрестныхъ,
Въ безпечной юности я зналъ
Однѣ дремучія дубравы,
Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
Да дикой бѣдности забавы.
Но жить въ отрадной тишинѣ
Дано не долго было мнѣ.

Тогда близъ нашего селенья,
Какъ милый цвѣтъ уединенья,
Жила Наина. Межъ подругъ
Она гремѣла красотою.
Однажды утренней порою
Свои стада на темный лугъ

Я гналъ, волынкѣ надувая;
Передо мной шумѣлъ потокъ.
Одна, красавица младая
На берегу плела вѣнокъ.
Меня влекла моя судьбина...
Ахъ, витязь, то была Нанна!
Я къ ней—и пламень роковой
За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой,
И я любовь узнать душой
Съ ея небесною отрадой,
Съ ея мучительной тоской.

Умчалась года половина;
Я съ трепетомъ открылся ей,
Сказалъ: люблю тебя, Нанна!
Но робкой горести моей
Нанна съ гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя;
И равнодушно отвѣчала:
Пастухъ, я не люблю тебя!

И все мнѣ дико, мрачно стало:
Родная куща, тѣнь дубровъ,
Веселы игры пастуховъ—
Ничто тоски не утѣшало.
Въ уныныи сердце сохло, вяло.
И наконецъ задумалъ я
Оставить финскія поля;
Морей невѣрныя пучины
Съ дружиной братской переплыть,
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Нанны.
Я вызвалъ смѣлыхъ рыбаковъ
Искать опасностей и злата.
Впервые тихій край отцовъ
Услышалъ бранный звукъ булата
И шумъ немирныхъ челноковъ.
Я вдалѣ уплылъ, надежды полный,
Съ толпой безстрашныхъ земляковъ;
Мы десять лѣтъ снѣга и волны
Багрили кровію враговъ.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей;
Ихъ горделивыя дружины
Бѣжали сѣверныхъ мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Дѣлили дани и дары,
И съ побѣжденными садились

За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Подъ шумомъ битвы и пировъ
Томилось тайною кручиной,
Искало финскихъ береговъ.
Пора домой, сказалъ я, други!
Повѣсимъ праздныя кольчуги
Подъ сѣнью хижины родной.
Сказалъ—и весла зашумѣли;
И страхъ оставя за собой,
Въ заливъ отчизны дорогой
Мы съ гордой радостью влетѣли.

Сбылись давнишнія мечты,
Сбылись пылкія желанья!
Минута сладкаго свиданья,
И для меня блеснула ты!
Къ ногамъ красавицы надменной
Принесъ я мечъ окровавленной,
Кораллы, злато и жемчугъ;
Предъ нею, страстью упоенный,
Безмолвнымъ роемъ окруженный
Ея завистливыхъ подругъ,
Стоялъ я плѣнникомъ послушнымъ;
Но дѣва скрылась отъ меня,
Примолвля съ видомъ равнодушнымъ:
Герой, я не люблю тебя!

Къ чему рассказывать, мой сынъ,
Чего пересказать нѣтъ силы?
Ахъ, и теперь одинъ, одинъ,
Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
Я помню горестъ, и порой,
Какъ о минувшемъ мысль родится,
Но бородѣ моей сѣдой
Слеза тяжелая катится.

Но слушай: въ родинѣ моей,
Между пустынныхъ рыбаей
Наука дивная таится.
Подъ кровомъ вѣчной тишины,
Среди лѣсовъ, въ глуши далекой
Живутъ сѣдые колдуны;
Къ предметамъ мудрости высокой
Всѣ мысли ихъ устремлены;
Все слышитъ голосъ ихъ ужасный,
Что было и что будетъ вновь,

И грозной волѣ ихъ подвластны
И гробъ, и самая любовь.

И я, любви искатель жадной,
Рѣшился въ грусти безотрадной
Наину чарами привлечь,
И въ гордомъ сердцѣ дѣвы холодной
Любовь волшебствами зажечь.
Спѣшилъ въ объятія свободы,
Въ уединенный мракъ лѣсовъ;
И тамъ, въ ученьи колдуновъ,
Провелъ невидимые годы.
Насталъ давно желанный мигъ,
И тайну страшную природы
Я свѣтлой мыслию постигъ:
Узналъ я силу заклинаньямъ.
Вѣнецъ любви, вѣнецъ желаньямъ!
Теперь, Наина, ты моя!
Побѣда наша, думалъ я.
Но въ самомъ дѣлѣ побѣдитель
Былъ рокъ, упорный мой гонитель.

Въ мечтахъ надежды молодой,
Въ восторгѣ пылкаго желанья,
Творю поспѣшно заклинанья,
Зову духовъ—и въ тѣмѣ лѣсной
Стрѣла промчалась громовая,
Волшебный вихорь поднялъ вой,
Земля вздрогнула подъ ногой...
И вдругъ сидитъ передо мной
Старушка дряхлая, сѣдая,
Глазами впалыми сверкая,
Съ горбомъ, съ трясучей головой,
Печальной ветхости картина.
Ахъ, витязь, то была Наина!...
Я ужаснулся и молчалъ,
Глазами страшный призракъ мѣрилъ,
Въ сомнѣньи все еще не вѣрилъ,
И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
Возможно-ль! Ахъ, Наина, ты ли!
Наина, гдѣ твоя краса?
Скажи, ужели небеса
Тебя такъ страшно измѣнили?
Скажи, давно ль, оставя свѣтъ,
Разстался я съ душой и съ милой?
Давно ли? «Ровно сорокъ лѣтъ!»
Былъ дѣвы роковой отвѣтъ;
«Сегодня семьдесятъ мнѣ било.

Что дѣлать!» мнѣ пищитъ она,
«Голою годы пролетѣли,
Прошла моя, твоя весна—
Мы оба постарѣть успѣли.
Но, другъ, послушай: не бѣда
Невѣрной младости утрата.
Конечно, я теперь сѣда,
Немножко, можетъ быть, горбата;
Не то, что въ старину была,
Не такъ жива, не такъ мила;
За то (прибавила болтунья)
Открою тайну: я колдунья!»

И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
Нѣмой, недвижный передъ нею.
Я совершенный былъ дуракъ
Со всей премудростью моею.

Но вотъ ужасно: колдовство
Вполнѣ свершилось по несчастью.
Мое сѣдое божество
Ко мнѣ пылало новой страстью.
Скрививъ улыбкой страшный ротъ,
Могильнымъ голосомъ уродъ
Бормочетъ мнѣ любви признанье.
Вообрази мое страданье!
Я трепеталъ, потупя взоръ;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, страстный разговоръ:
«Такъ, сердце я теперь узнала;
Я вижу, вѣрный другъ, оно
Для нѣжной страсти рождено;
Проснулись чувства, я стораю,
Томлюсь желаньями любви...
Приди въ объятія мои...
О милый, милый, умираю!..»

И между тѣмъ она, Русланъ,
Мигала томными глазами;
И между тѣмъ за мой кафтанъ
Держалась тощими руками;
И между тѣмъ—я обмиралъ,
Отъ ужаса зажмурия очи;
И вдругъ терпѣть не стало мочи;
Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ.
Она воскрьдъ: «о недостойный!
Ты возмутилъ мой вѣкъ спокойный,
Невинной дѣвы ясны дни!

Добился ты любви Наины,
И презираешь—вотъ мужчины!
Измѣной дышутъ всѣ они!
Увы, сама себя вини;
Онъ обольстилъ меня, несчастной!
Я отдалась любви страстной...
Измѣнникъ! извергъ! о позоръ!
Но трепещи, дѣвичій воръ!»

Такъ мы разстались. Съ этихъ поръ
Живу въ своемъ уединенѣ
Съ разочарованной душой;
И въ мѣрѣ старцу утѣшенье
Природа, мудрость и покой.
Уже зоветъ меня могила;
Но чувства прежнія свои
Еще старушка не забыла,
И пламя позднее любви
Съ досады въ злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая конечно
Возненавидитъ и тебя;
По горе на землѣ не бѣчно.»

Нашъ витязь съ жадностью внимать
Разсказы старца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкалъ,
И тихаго полета ночи
Въ глубокой думѣ не слыхалъ.
Но день блистаетъ лучезарный...
Со вздохомъ витязь благодарный
Объемлетъ старца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходитъ вонъ. Ногами стиснулъ
Русланъ заржавшаго коня;
Въ сѣдлѣ оправился, присвистнулъ.
«Отецъ мой, не оставь меня!»
И скачетъ по пустому лугу.
Сѣдой мудрецъ младому другу
Кричитъ вослѣдъ: «счастливый путь!
Прости, люби свою супругу,
Совѣтовъ старца не забудь!»

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Соперники въ искусствѣ брани,
Не знайте мира межъ собой;

Несите мрачной славѣ дани
И упивайтесь враждой!
Пусть міръ предъ вами цѣпенѣтъ,
Дивясь грознымъ торжествамъ:
Никто о васъ не пожалѣтъ,
Никто не помѣшаетъ вамъ.
Соперники другаго рода,
Вы, рыцари парнаасскихъ горъ,
Старайтесь не смѣшнить народа
Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ;
Бранитесь—только осторожно.
Но вы, соперники въ любви,
Живите дружно, если можно.
Повѣрьте мнѣ, друзья мои:
Кому судьбою непремѣнной
Дѣвичье сердце суждено,
Тотъ будетъ милъ на зло вселенной;
Сердиться глупо и грѣшно.

Когда Рогдай неукротимый,
Глухимъ предчувствіемъ томимый,
Оставя спутниковъ своихъ,
Пустился въ край уединенный,
И ѣхалъ межъ пустынь лѣсныхъ,
Въ глубоку думу погруженный—
Злой духъ тревожилъ и смущалъ
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шепталъ:
«Убью!.. преграды всѣ разрушу...
Русланъ!.. узнаешь ты меня...
Теперь-то дѣвица поплачетъ...»
И вдругъ, поворотивъ коня,
Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.

Въ то время доблестный Фарлафъ,
Все утро сладко продремавъ,
Укрывшись отъ лучей полдневныхъ,
У ручейка, наединѣ,
Для подкрѣпленья силъ душевныхъ,
Обѣдалъ въ мирной тишинѣ.
Какъ вдругъ, онъ видитъ, кто-то въ полѣ,
Какъ буря, мчится на конѣ;
И времени не тратя болѣ,
Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
Копье, кольчугу, шлемъ, перчатки,
Вскочилъ въ сѣдло, и безъ оглядки
Летитъ—а тотъ за нимъ вослѣдъ.
«Остановись, бѣглецъ безчестный!»

Кричить Фарлафу неизвѣстный;
 «Презрѣнный, дай себя догнать!
 Дай голову съ тебя сорвать!»
 Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
 Со страха скорчась, обмиралъ,
 И вѣрной смерти ожидая,
 Коня еще быстрѣе гналъ.
 Такъ точно заяцъ торопливой,
 Прижавши уши боязливо,
 По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса:
 Скачками мчится ото пса.
 На мѣстѣ славнаго побѣга,
 Весной растопленнаго снѣга,
 Потоки мутные текли
 И рыли влажную грудь земли.
 Ко рву примчался конь ретивой,
 Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой,
 Бразды стальные закусили
 И черезъ ровъ перескочилъ;
 Но робкій всадникъ вверхъ ногами
 Свалился тяжело въ грязный ровъ,
 Земли не взвидѣлъ съ небесами,
 И смерть принять ужъ былъ готовъ.
 Рогдай къ оврагу подлетаетъ;
 Жестокій мочъ ужъ занесенъ;
 «Погибни, трусь! умри!» вѣщаетъ...
 Вдругъ узнаетъ Фарлафа онъ;
 Глядитъ, и руки опустились;
 Досада, изумленье, гнѣвъ
 Въ его чертахъ изобразились;
 Скрыпя зубами, онѣмѣвъ,
 Герой, съ поникшею главою
 Скорѣй отбѣхавъ ото рва,
 Бѣсился... но едва-едва
 Самъ не смѣялся надъ собою.

Тогда онъ встрѣтилъ подъ горой
 Старушечку чуть-чуть живую,
 Горбатую, совѣмъ сѣдую.
 Она дорожною клюкою
 Ему на сѣверъ указала:
 «Ты тамъ найдешь его», сказала.
 Рогдай весельемъ закипѣлъ
 И къ вѣрной смерти полетѣлъ.

А нашъ Фарлафъ? Во рву остался,
 Дохнуть не смѣя; про себя
 Онъ, лежа, думалъ: живъ ли я?

Куда соперникъ злой дѣвался?
Вдругъ слышитъ прямо надъ собой
Старухи голосъ гробовой:
«Встань молодецъ, все тихо въ полѣ;
Ты никого не встрѣтишь болѣ;
Я привела тебѣ коня;
Вставай, послушайся меня.»

Смущенный витязъ поневолѣ
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ;
Окрестность робко озирая,
Вздохнулъ и молвилъ оживая:
«Ну, слава Богу, я здоровъ!»

«Повѣрь!» старуха продолжала:
«Людмилу мудрено сыскать;
Она далеко забѣжала;
Не намъ съ тобой ее достать.
Опасно развѣзжать по свѣту:
Ты, право, будешь самъ не радъ.
Послѣдуй моему совѣту.
Ступай тихохонько назадъ.
Подъ Киевомъ, въ уединенѣ.
Въ своемъ наслѣдственномъ селенѣ
Останься лучше безъ заботъ:
Отъ насъ Людмила не уйдетъ.»

Сказавъ, исчезла. Въ нетерпѣннѣ
Благоразумный нашъ герой
Тотчасъ отправился домой,
Сердечно позабывъ о славѣ
И даже о княжнѣ младой;
И шумъ малѣйшій по дубрагѣ,
Полетъ саницы, ропотъ водъ
Его бросали въ жаръ и въ потъ.

Межъ тѣмъ Русланъ далеко мчится;
Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей
Привычной думою стремится
Къ Людмилѣ, радости своей,
И говорить: «найду ли друга?
Гдѣ ты, души моей супруга?
Увижу ль я твой свѣтлый взоръ?
Услышу ль нѣжный разговоръ?
Иль суждено, чтобъ чародѣя
Ты вѣчной плѣнницей была,
И скорбною дѣвою старѣя,
Въ темницѣ мрачной отцвѣла?»

Или соперникъ дерзновенный
Придетъ?.. Нѣтъ, нѣтъ мой другъ безцѣнный,
Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,
Еще глава не пала съ плечъ.»

Однажды, темною порою,
По камнямъ, берегомъ крутымъ
Нашъ витязь ѣхалъ надъ рѣкою.
Все утихало. Вдругъ за нимъ
Стрѣлы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звонъ и крикъ и ржанье
И топотъ по полю глухой.
«Стой!» грянулъ голосъ громовой.
Онъ оглянулся: въ полѣ чистомъ,
Поднявъ копьѣ, летитъ со свистомъ
Свирѣпый всадникъ—и грозой
Помчался князь ему на встрѣчу.
«Ага! догналъ тебя! постой!»
Кричитъ наѣздникъ удалой:
«Готовься, другъ, на смертну сѣчу;
Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣстъ;
А тамъ ищи своихъ невѣстъ.»
Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ отъ гнѣва;
Онъ узнаетъ сей буйный гласъ...

Друзья мои, а наша дѣва?
Оставимъ витязей на часть;
О нихъ опять я вспомню вскорѣ.
А то давно пора бы мнѣ
Подумать о молодой княжнѣ
И объ ужасномъ Черноморѣ.

Моей причудливой мечты
Наперсникъ иногда нескромной,
Я рассказалъ, какъ ночью темной
Людмилы нѣжной красоты
Отъ воспаленнаго Руслана
Сокрылись вдругъ среди тумана.
Несчастная! когда злодѣй,
Рукою мощною своею
Тебя сорвавъ съ постели брачной,
Взвился какъ вихорь къ облакамъ
Сквозь тяжкій дымъ и воздухъ мрачной,
И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ—
Ты чувствъ и памяти лишилась,
И въ страшномъ замкѣ колдуна,
Безмолвна, трепетна, блѣдна,
Въ одно мгновенье очутилась.

Съ порога хижины моей
Такъ видѣль я, средь лѣтнихъ дней,
Когда за курицей трусливой
Султанъ курятника спесивой,
Пѣтухъ мой по двору бѣжалъ
И сладострастными крылами
Уже подругу обнималъ;
Надъ ними хитрыми кругами
Пыплятъ селеня старый воръ,
Пріявъ губительныя мѣры,
Носился, плавалъ коршунъ сѣрый,
И палъ какъ молнія на дворъ.
Взвился, летитъ. Въ когтяхъ ужасныхъ
Во тьму разсѣливъ безопасныхъ
Уносить бѣдную злодѣй.
Напрасно, горестью своей
И хладнымъ страхомъ пораженный,
Зоветь любовницу пѣтухъ...
Онъ видитъ лишь летучій пухъ,
Летучимъ вѣтромъ занесенный.

До утра юная княжна
Лежала, тягостнымъ забвеньемъ,
Какъ будто страшнымъ сновидѣньемъ,
Объята—наконецъ она
Очнулась, пламеннымъ волненьемъ
И смутнымъ ужасомъ полна;
Душой летитъ за наслажденьемъ,
Кого-то ищетъ съ упоеньемъ:
Гдѣ жъ милый, шепчетъ, гдѣ супругъ?
Зоветь—и помертвѣла вдругъ.
Глядитъ съ боязнюо вокругъ.
Людмила, гдѣ твоя свѣтлица?
Лежить несчастная дѣвица
Среди подушекъ пуховыхъ,
Подъ гордой сѣнью балдахина;
Завѣсы, пышная перина
Въ кистяхъ, въ узорахъ дорогихъ;
Повсюду ткани парчевыя;
Играютъ яхонты, какъ жаръ;
Кругомъ курильницы златыя
Подъемяютъ ароматный паръ:
Довольно.... благо мнѣ не надо
Описывать волшебный домъ:
Уже давно Шехеразада
. Меня предупредила въ томъ.
Но свѣтлый теремъ не отрада,
Когда не видимъ друга въ немъ.

Три дѣвы красоты чудесной
Въ одеждѣ легкой и прелестной
Княжнѣ явились, подошли,
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами
Одна поближе подошла;
Княжнѣ воздушными перстами
Златую косу заплела
Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ,
И обвила вѣнцомъ перловымъ
Окружность блѣднаго чела.
За нею, скромно взоръ склоняя,
Потомъ приблизилась другая—
Лазурный, пышный сарафанъ
Одѣлъ Людмилы стройный станъ;
Покрылись кудри золотыя
И грудь, и плечи молодыя
Фатой, прозрачной какъ туманъ.
Покровъ завистливый лобзаетъ
Красы, достойныя небесъ,
И обувь легкая сжимаетъ
Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ.
Княжнѣ послѣдняя дѣвица
Жемчужный поясъ подаетъ.
Межъ тѣмъ незримая пѣвица
Веселы пѣсни ей поетъ.
Увы, ни камни ожерелья,
Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
Ни пѣсни лести и веселья
Ея души не веселятъ;
Напрасно зеркало рисуетъ
Ея красы, ея нарядъ;
Потупя неподвижный взглядъ,
Она молчить, она тоскуетъ.

Тѣ, кои, правду возлюбя,
На темномъ сердца днѣ читали,
Конечно знаютъ про себя,
Что если женщина въ печали,
Сквозь слезъ, украдкой, какъ нибудъ,
На зло привычкѣ и разсудку,
Забудеть въ зеркало взглянуть—
То грустно ей ужъ не на шутку.

Но вотъ Людмила вновь одна.
Не зная, что начать, она
Къ окну рѣшотчату подходитъ,
И взоръ ея печально бродитъ

Въ пространствѣ пасмурной дали.
Все мертво. Снѣжныя равнины
Коврами яркими легли;
Стоять угрюмыхъ горъ вершины
Въ однообразной бѣлизнѣ,
И дремлютъ въ вѣчной тишинѣ:
Кругомъ не видно дымной кровли,
Не видно путника въ снѣгахъ.
И звонкій рогъ веселой ловли
Въ пустынныхъ не трубятъ горахъ;
Только изрѣдка съ унылымъ свистомъ
Бунтуетъ вихоръ въ полѣ чистомъ,
И на краю сѣдыхъ небесъ
Качаетъ обнаженный лѣсъ.

Въ слезахъ отчаянья, Людмила
Отъ ужаса лицо закрыла.
Увы, что ждетъ ее теперь?
Бѣжить въ серебряную дверь:
Она съ музыкой отворилась.
И наша дѣва очутилась
Въ саду. Плѣнительный предѣлъ:
Прекраснѣе садовъ Армиды
И тѣхъ, которыми владѣлъ
Царь Соломонъ, или князь Тавриды.
Предъ нею зыблются, шумятъ
Великолѣпныя дубровы;
Алеи пальмъ и лѣсъ лавровый.
И благовонныхъ миртовъ рядъ.
И кедровъ гордыя вершины.
И золотыя апельсины
Зерцаломъ водъ отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнемъ оживлены;
Съ прохладой вьется вѣтеръ майскій
Средь очарованныхъ полей,
И свищетъ соловей китайскій
Во мракѣ трепетныхъ вѣтвей;
Летятъ алмазные фонтаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
Подъ ними блещутъ истуканы,
И, мнитъ, живы; Фидій самъ,
Питомецъ Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконецъ
Свой очарованный рѣзецъ
Изъ рукъ бы выронилъ съ досады.
Дробясь о мраморныя преграды,
Жемчужной, огненной дугой

Валятся, плещутъ водопады;
И ручейки въ тѣни лѣсной
Чуть вьются сонною волной.
Пріютъ покоя и прохлады,
Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ
Мелькаютъ свѣтлыя бесѣдки;
Повсюду розъ живыя вѣтки
Цвѣтутъ и дышутъ по тропамъ.
Но безутѣшная Людмила
Идетъ, идетъ и не глядитъ;
Волшебства роскошь ей постыла,
Ей грустенъ нѣги свѣтлый видъ;
Куда, сама не зная, бродитъ,
Волшебный садъ крутомъ обходить,
Свободу горькимъ давъ слезамъ,
И взоры мрачныя возводить
Къ неумолимымъ небесамъ.
Вдругъ освѣтился взоръ прекрасный;
Къ устамъ она прижала перстъ;
Казалось, умыселъ ужасный
Рождался.... Страшный путь отверсть:
Высокій мостикъ надъ потокомъ
Предъ ней виситъ на двухъ скалахъ;
Въ уныньи тяжкомъ и глубокомъ
Она подходитъ—и въ слезахъ
На воды шумныя взглянула,
Ударила, рыдая, въ грудь,
Въ волнахъ рѣшилась утонуть—
Однако въ воды не прыгнула
И далѣ продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бѣгая съ утра,
Устала, слезы осушила,
Въ душѣ подумала: пора!
На травку сѣла.... оглянулась—
И вдругъ надъ нею сѣнь шатра,
Шумя, съ прохладой развернулась
Обѣдъ роскошный передъ ней;
Приборъ изъ яркаго кристалла;
И въ тишинѣ изъ-за вѣтвей
Незрима арфа заиграла.
Дивится плѣнная княжна;
Но втайнѣ думаетъ она;
«Вдали отъ милаго, въ неволѣ,
Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзаетъ и лелѣетъ,

Мнѣ не страшна злодѣя власть:
Людмила умереть умѣетъ!
Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ.
Ни скучныхъ пѣсенъ, ни пировъ—
Не стану ѣсть, не буду слушать,
Умру среди твоихъ садовъ!»
Подумала—и стала кушать.

Княжна встаетъ, и вмигъ шатеръ,
И пышной роскоши приборъ,
И звуки арфы... все пропало;
По-прежнему все тихо стало;
Людмила вновь одна въ садахъ
Скитается изъ рощи въ рощи;
Межъ тѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
Плыветъ луна, царица ночи;
Находитъ мгла со всѣхъ сторонъ
И тихо на холмахъ почила;
Княжну невольно клонить сонъ;
И вдругъ невѣдомая сила
Нѣжнѣй, чѣмъ вешній вѣтерокъ.
Ее на воздухъ поднимаетъ,
Несетъ по воздуху въ чертогъ,
И осторожно опускаетъ
Сквозь еиміамъ вечернихъ розъ
На ложе грусти, ложе слезъ.
Три дѣвы вмигъ опять явились
И вокругъ нея засуетились,
Чтобъ на ночь пышный снять уборъ;
Но ихъ унылый, смутный взоръ
И принужденное молчанье
Являли втайнѣ состраданье
И немощный судьбамъ укоръ.
Но поспѣшимъ: рукой ихъ нѣжной
Раздѣта сонная княжна;
Прелестна прелестью небрежной.
Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжной
Ложится почивать она.
Со вздохомъ дѣвы поклонились,
Скорѣй какъ можно удалились
И тихо притворили дверь.
Что жъ наша плѣнница теперь?
Дрожить какъ листъ, дохнуть не смѣетъ;
Хладѣютъ перси, взоръ темнѣетъ;
Мгновенный сонъ отъ глазъ бѣжитъ;
Не спитъ, удвоила вниманье,
Недвижно въ темноту глядитъ...
Все мрачно, мертвое молчанье!

Лишь сердца слышитъ трепетанье...
 И мнится, .. шепчетъ тишина;
 Идутъ—идутъ къ ея постелѣ;
 Въ подушки прячется княжна,
 И вдругъ... о страхъ!... и въ самомъ дѣлѣ
 Раздался шумъ; озарена
 Мгновеннымъ блескомъ тьма ночная,
 Мгновенно дверь отворена;
 Безмолвно, гордо выступая,
 Нагими саблями сверкая,
 Араповъ длинный рядъ идетъ
 Попарно, чинно, сколь возможно,
 И на подушкахъ осторожно
 Съдую бороду несетъ;
 И входитъ съ важностью за нею,
 Подъявъ величественно шею,
 Горбатый карликъ изъ дверей:
 Его-то головѣ обритой,
 Высокимъ колпакомъ покрытой,
 Принадлежала борода.
 Ужъ онъ приближился; тогда
 Княжна съ постели соскочила.
 Съдаго карлу за колпакъ
 Рукою быстрой схватила,
 Дрожащій занесла кулакъ,
 И въ страхъ завизжала такъ,
 Что всѣхъ араповъ оглушила!
 Трепеща, скорчился бѣднякъ,
 Княжны испуганной блѣднѣе;
 Зажавши уши поскорѣе,
 Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ
 Запутался, упалъ и бьется;
 Встаетъ, упалъ; въ такой бѣдѣ
 Араповъ черный рой мятется;
 Шумять, толкаются, бѣгутъ,
 Хватаютъ колдуна въ охапку,
 И вонъ распутывать несутъ,
 Оставля у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязъ нашъ?
 Вы помните ль неждану встрѣчу?
 Бери свой быстрый карандашъ,
 Рисуй, Орловскій, ночь и сѣчу!
 При свѣтѣ трепетномъ луны
 Сразились витязи жестоко;
 Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены;
 Ужъ копья брошены далеко,
 Уже мечи раздроблены,

Кольчуги кровію покрыты,
Щиты трещать, въ куски разбиты...
Они схватились на коняхъ;
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними борзы кони бьются;
Борцы, недвижно сплетены,
Другъ друга стиснувъ, остаются
Какъ бы къ сѣдлу пригвождены;
Ихъ члены злобой сведены;
Переплелись и костенѣють;
По жиламъ быстрый огонь бѣжитъ;
На вражьей груди грудь дрожитъ—
И вотъ колеблются, слабѣютъ—
Кому-то пастъ.... Вдругъ витязь мой,
Вскинѣвъ, желѣзною рукой
Съ сѣдла наѣздника срываетъ,
Подъемлетъ, держитъ надъ собой—
И въ волны съ берега бросаетъ.
«Погибни!» грозно восклицаетъ,
«Умри, завистникъ злобный мой!»

Ты догадался, мой читатель,
Съ кѣмъ бился доблестный Русланъ:
То былъ кровавыхъ битвъ искатель,
Рогдай, надежда кіевлянъ,
Людмилы мрачный обожатель.
Онъ вдоль днѣпровскихъ береговъ
Искалъ соперника слѣдовъ;
Нашелъ, настигъ—но прежняя сила
Питомцу битвы измѣнила,
И Руси древній удалецъ
Въ пустынь свой нашелъ конецъ.
И слышно было, что Рогдая
Тѣхъ водъ русалка молодая
На хладны перси приняла,
И жадно витязя лобзая,
На дно со смѣхомъ увлекла;
И долго послѣ, ночью темной,
Бродя близъ тихихъ береговъ,
Богатыря призракъ огромной
Пугалъ пустынныхъ рыбаковъ.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Напрасно вы въ тѣни таились
 Для мирныхъ, счастливыхъ друзей,
 Стихи мои! вы не сокрылись
 Отъ гнѣвныхъ зависти очей.
 Ужъ бѣдный критикъ, ей въ услугу,
 Вопросъ мнѣ сдѣлалъ роковой:
 Зачѣмъ Русланову подругу,
 Какъ бы на смѣхъ ея супругу,
 Зову и дѣвой и княжной?
 Ты видишь, добрый мой читатель,
 Тутъ злобы черную печать!
 Скажи, зоишь, скажи, предатель,
 Ну какъ и что мнѣ отвѣчать?
 Краснѣй, несчастный, Богъ съ тобою!
 Краснѣй, я спорить не хочу;
 Довольный тѣмъ, что правъ душою,
 Въ смиренной кротости молчу.
 Но ты поймешь меня, Климена,
 Потупишь томные глаза,
 Ты, жертва скучнаго Гимена....
 Я вижу: тайная слеза
 Падетъ на стихъ мой, сердцу внятнѣй;
 Ты покраснѣла, взоръ погасъ;
 Вздохнула молча.... вздохъ понятнѣй!
 Ревнивецъ, бойся—близокъ часъ!
 Амуръ съ Досадой своенравной
 Вступили въ смѣлый заговоръ,
 И для главы твоей безславной
 Готовъ ужъ мстительный уборъ.

Ужъ утро хладное сіяло
 На темени полнощныхъ горъ;
 Но въ дивномъ замкѣ все молчало.
 Въ досадѣ скрытой Черноморъ,
 Безъ шапки, въ утреннемъ халатѣ,
 Зѣвалъ сердито на кровати;
 Вокругъ брады его сѣдой
 Рабы толпились молчаливы,
 И нѣжно гребень костяной
 Расчесывалъ ея извивы.
 Межъ тѣмъ, для пользы и красоты,
 На безконечные усы
 Лились восточны ароматы,

И кудри хитрые вились;
 Какъ вдругъ, откуда ни возьмись,
 Въ окно влетаетъ змій крылатый:
 Гремя желѣзной чешуей,
 Онъ въ кольца быстрыя согнулся
 И вдругъ Наиной обернулся
 Предъ изумленною толпой.
 «Привѣтствую тебя, сказала,
 Собрать, издавна чтимый мной!
 Досель я Черномора знала
 Одною громкою молвой;
 Но тайный рокъ соединяетъ
 Теперь насъ общемою враждой;
 Тебѣ опасность угрожаетъ,
 Нависла туча надъ тобой;
 И голосъ оскорбленной чести
 Меня къ отмщенію зоветъ.»

Со взоромъ, полнымъ хитрой лести,
 Ей карла руку подаетъ,
 Вѣщая: «дивная Наина!
 Мнѣ драгоцѣненъ твой союзъ.
 Мы посраимъ коварство Фина;
 Но мрачныхъ козней не боюсь:
 Противникъ слабый мнѣ не страшень;
 Узнай чудесный жребій мой:
 Сей благодатной бородой
 Недаромъ Черноморъ украшень.
 Доколь власовъ ея сѣдыхъ
 Враждебный мечъ не перерубить,
 Никто изъ витязей лихихъ,
 Никто изъ смертныхъ не погубить.
 Малѣйшихъ замысловъ моихъ;
 Моею будетъ вѣкъ Людмила,
 Русланъ же гробу обреченъ!»
 И мрачно вѣдьма повторила:
 «Погибнетъ онъ! погибнетъ онъ!»
 Потомъ три раза прошипѣла,
 Три раза топнула ногой,
 И чернымъ змиемъ улетѣла.

Блистая въ ризѣ парчевой,
 Колдунъ, колдуньей ободренной,
 Развеселясь, рѣшилсѣ вновь
 Нести къ ногамъ дѣвицы плѣнной
 Усы, покорность и любовь.
 Разряженъ карликъ бородатый,
 Опять идетъ въ ея палаты;

Проходить длинный комнатъ рядъ:
Княжны въ нихъ нѣтъ. Онъ далѣ въ садъ,
Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшоткѣ сада,
Вдоль озера, вокругъ водопада,
Подъ мостики, въ бесѣдки... нѣтъ!
Княжна ушла, пропала и слѣдъ!
Кто выразить его смущенье,
И ревъ, и трепетъ изступленья!
Съ досады дня не взвидѣлъ онъ.
Раздался карлы дикій стонъ:
«Сюда, невольники, бѣгите!
Сюда! надѣюсь я на васъ!
Сейчасъ Людмилу мнѣ сыщите!
Скорѣе, слышите ль? сейчасъ!
Не то—шутите вы со мною—
Всѣхъ удавлю васъ бородою!»

Читатель, расскажу ль тебѣ,
Куда красавица дѣвалась?
Всю ночь она своей судьбѣ
Въ слезахъ дивилась и—смѣялась.
Ее пугала борода;
Но Черноморъ ужъ былъ извѣстенъ,
И былъ смѣшонъ, а никогда
Со смѣхомъ ужасъ несовмѣстенъ.
На встрѣчу утреннимъ лучамъ
Постель оставила Людмила,
И взоръ невольный обратила
Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
Невольно кудри золотые
Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашніе наряды
Нечаянно въ углу нашла;
Вздохнувъ, одѣлась и съ досады
Тихонько плакать начала;
Однако съ вѣрнаго стекла,
Вдыхая, не сводила взора,
И дѣвицѣ пришло на умъ,
Въ волненьи своенравныхъ думъ,
Примѣрить шапку Черномора.
Все тихо, никого здѣсь нѣтъ,
Никто на дѣвушку не взглянетъ...
А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не пристанетъ!
Рядиться никогда не лѣнь!
Людмила шапкой завертѣла;

На брови; прямо; на бекрень,
И задомъ напередъ надѣла.
И что жъ? О чудо старыхъ дней!
Людмила въ зеркалѣ пропала;
Перевернула—передъ ней
Людмила прежняя предстала;
Назадъ надѣла—снова нѣтъ;
Сняла—и въ зеркалѣ! «Прекрасно!
Добро, колдунъ! добро, мой свѣтъ!
Теперь мнѣ здѣсь ужъ безопасно;
Теперь избавлюсь отъ хлопотъ!»
И шапку старого злодѣя
Княжна, отъ радости краснѣя,
Надѣла задомъ напередъ.

Но возвратимся же къ герою.
Не стыдно ль заниматься намъ
Такъ долго шапкой, бороною,
Руслана поруча судьбамъ?
Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокий,
Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ;
Предъ нимъ открылся долъ широкій
При блескѣ утреннихъ небесъ.
Трепещетъ витязь поневолѣ:
Онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
Желтѣютъ кости; по холмамъ
Разбросаны колчаны, латы;
Гдѣ збруя, гдѣ заржавый щитъ;
Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ;
Травой обросъ тамъ племъ косматый
И старый черепъ тлѣетъ въ немъ;
Богатыря тамъ остовъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежитъ недвижный; копыя, стрѣлы
Въ сырую землю вонзены,
И мирный плющъ ихъ обвиваетъ...
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущаетъ,
И солнце съ ясной вышины
Долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ витязь вокругъ себя
Взираетъ грустными очами.
«О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?

Кто на тебѣ со славой палъ?
Чѣмъ небо слышало молитвы?
Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?...
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
И струны громкія Баяновъ.
Не будутъ говорить о немъ!»

Но вскорѣ вспомнилъ витязь мой,
Что добрый мечъ герою нуженъ
И даже панцырь; а герой
Съ послѣдней битвы безоруженъ.
Обходить поле онъ вокругъ;
Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,
Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
Себѣ доспѣховъ ищетъ онъ.
Проснулись гуль и степь нѣмая,
Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ;
Онъ поднималъ щитъ, не выбирая,
Нашелъ и шлемъ, и звонкій рогъ,
Но лишь меча сыскать не могъ.
Долину брани объѣзжая
Онъ видитъ множество мечей,
Но всѣ легки, да слишкомъ малы,
А князь красавецъ былъ не вялый,
Не то, что витязь нашихъ дней.
Чтобъ чѣмъ нибудь играть отъ скуки,
Копье стальное взялъ онъ въ руки,
Кольчугу онъ надѣлъ на грудь,
И далѣе пустился въ путь.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
Надъ усыпленную землей;
Дымятся синіе туманы
И всходитъ мѣсяцъ золотой;
Померкла степь. Тропою темной
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромной,
И что-то страшное хранить.
Онъ ближе къ холму, ближе—слышитъ:
Чудесный холмъ какъ будто дышетъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ;

Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожить,
Трясется упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманѣ быстро озарясь,
Яснѣетъ. Смотритъ храбрый князь—
И чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ объаты;
Храпитъ, качая племъ пернатый;
И перья въ темной высотѣ
Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь,
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безымянной,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Обѣхалъ голову кругомъ,
И ставъ предъ носомъ молчаливо,
Щекотить ноздри копьемъ,
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихоръ, степь дрогнула,
Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слетѣла стая совъ;
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо—конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязь усидѣлъ;
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
«Куда ты, витязь неразумный!
Ступай назадъ; я не шучу!
Какъ разъ нахала проглотчу!»
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
Браздами удержалъ коня,
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
«Чего ты хочешь отъ меня?»
Нахмурясь, голова вскричала;
«Вотъ гостя мнѣ судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
Прощай!» Но витязь знаменитой,

Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важною сердитой:
«Молчи, пустая голова!
Слыхалъ я истину бывало:
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!»

Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
Стѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова; какъ жаръ,
Кровавы очи засверкали;
Напѣнясь, губы задрожали;
Изъ усть, ушей поднялся паръ.
И вдругъ она, что было мочи,
На встрѣчу, князю стала дуть;
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихоръ, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ путь;
Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь изнеможенный
Далече въ полѣ отдохнуть.
Вновь обратится витязь хочетъ—
Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
А голова ему вослѣдъ,
Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
Гремитъ: «ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? Тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даромъ;
Не трусь, наѣздникъ, и меня
Порадуй хоть однимъ ударомъ,
Пока не заморилъ коня.»
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,
Грозить ей молча копіемъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодной
Вонзился въ дерзостный языкъ.
И кровь изъ бѣшенago зѣва
Рѣкою побѣжала вмигъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости лишась,
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла.—
Въ спокойномъ духѣ горячася,
Такъ иногда средь нашей сцены

Плохой питомецъ Мельпомены,
Внезапнымъ свистомъ оглушонтъ,
Ужъ ничего не видитъ онъ,
Блѣднѣетъ, ролю забываетъ,
Дрожитъ, поникнувъ головой,
И заикаясь умолкаетъ
Передъ насмѣшливой толпой.—
Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
Къ объятой головѣ смущеньемъ,
Какъ ястребъ, богатырь летитъ
Съ поднятой, грозною десницей,
И въ щеку тяжелой рукавицей
Съ размаха голову разить.
И степь ударомъ огласилась;
Кругомъ росистая трава
Кровавой пѣной обагрилась,
И, запатавшись, голова
Перевернулась, покатилась.
И племъ чугунный застучалъ.
Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
Мечъ богатырскій засверкалъ.
Нашъ витязъ въ трепетѣ веселомъ
Его схватилъ, и къ головѣ
По окровавленной травѣ
Бѣжить съ намѣреньемъ жестокимъ—
Ей носъ и уши обрубить;
Уже Русланъ готовъ разить,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ—
Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ.
Главы молящей жалкій стонъ...
И тихо мечъ онъ опускаетъ;
Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
И мщенье бурное падетъ
Въ душѣ, моленьемъ усмиренной;
Такъ на долинѣ таетъ ледъ,
Лучемъ полудня пораженной.

«Ты вразумилъ меня, герой!»
Со вздохомъ голова сказала;
«Твоя десница доказала,
Что я виновенъ предъ тобой.
Отнынѣ я тебѣ послушенъ;
Но, витязъ, будь великодушенъ!
Достоинъ плача жребій мой.
И я былъ витязъ удалой!
Въ кровавыхъ битвахъ супостата
Себѣ я равнаго не зрѣлъ;
Счастливъ, когда бы не имѣлъ

Соперникомъ меньшаго брата!
Коварный, злобный Черноморъ,
Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною!
Семейства нашего позоръ,
Рожденный карлой, съ бородою,
Мой дивный ростъ отъ юныхъ дней
Не могъ онъ безъ досады видѣть,
И сталъ за то въ душѣ своей
• Меня, жестокой, ненавидѣть.
Я былъ всегда немного простъ,
Хотя высокъ; а сей несчастной,
Имѣя самый глупый ростъ,
Умень какъ бѣсъ—и золь ужасно.
Притомъ же, знай, къ моей бѣдѣ,
Въ его чудесной бородѣ
Таится сила роковая,
И все на свѣтѣ презирая—
Доколѣ борода цѣла—
Измѣнникъ не страпится зла.
Вотъ онъ однажды съ видомъ дружбы,
—Послушай, хитро мнѣ сказалъ,
Не откажись отъ важной службы:
Я въ черныхъ книгахъ отыскалъ,
Что за восточными горами,
На тихихъ моря берегахъ,
Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками
Хранится мечъ—и что же? страхъ!
Я разобралъ во тьмѣ волшебной,
Что волею судьбы враждебной
Сей мечъ извѣстенъ будетъ намъ;
Что насъ обоихъ онъ погубить:
Мнѣ бороду мою отрубить,
Тебѣ главу; суди же самъ,
Сколь важно намъ пріобрѣтеніе
Сего созданья злыхъ духовъ!
—Ну, что же? гдѣ тутъ затрудненіе?
Сказалъ я карлѣ, я готовъ;
Иду, хоть за предѣлы свѣта.—
И сосну на плечо взвалилъ,
А на другое для совѣта
Злодѣя брата посадилъ;
Пустился въ дальнюю дорогу,
Шагалъ, шагаль и, славу Богу,
Какъ бы пророчеству на зло,
Все счастливо сначала шло.
За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвалъ;
Я разметалъ его руками

И потаенный мечъ досталъ.
Но нѣтъ! судьба того хотѣла:
Межъ нами ссора закипѣла—
И было, признаюсь, о чемъ!
Вопросъ: кому владѣть мечемъ?
Я спорилъ, карла горячился:
Бранились долго; наконецъ
Уловку выдумалъ хитрецъ,
Притихъ и будто бы смягчился.

— Оставимъ бесполезный споръ,
Сказалъ мнѣ важно Черноморъ:
Мы тѣмъ союзъ нашъ обезславимъ;
Разсудокъ въ мирѣ жить велить;
Судьбѣ рѣшить мы предоставимъ,
Кому сей мечъ принадлежить.
Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба
(Чего не выдумаетъ злоба!),
И кто услышитъ первый звонъ,
Тотъ и владѣй мечемъ до гроба.—
Сказалъ и легъ на землю онъ.
Я съ-дуру также растянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смекая: обману его!
Но самъ жестоко обманулся.
Злодѣй въ глубокой тишинѣ,
Привставъ, на цыпочкахъ ко мнѣ
Подкрался сзади, размахнулся.
Какъ вихорь свистнулъ острый мечъ,
И прежде, чѣмъ я оглянулся,
Ужъ голова слетѣла съ плечъ—
И сверхъестественная сила
Въ ней жизни духъ остановила.
Мой остовъ терніемъ обросъ;
Вдали, въ странѣ, людьми забвенной,
Истлѣлъ мой прахъ непогребенной;
Но злобный карла перенесъ
Меня въ сей край уединенной,
Гдѣ вѣчно долженъ былъ стеречь
Тобой сегодня взятый мечъ.
О витязь, ты хранимъ судьбою!
Возьми его, и Богъ съ тобою!
Быть можетъ, на своемъ пути
Ты карлу-чародѣя встрѣтишь—
Ахъ, если ты его замѣтишь,
Коварству, злобѣ отомсти!
И наконецъ я счастливъ буду,
Спокойно міръ оставлю сей,

И въ благодарности моей
Твою пощечину забуду.»

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Я каждый день, возставъ отъ сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что въ наши времена
Волшебниковъ не такъ ужъ много.
Къ тому же—честь и слава имъ!—
Женитьбы наши безопасны....
Ихъ замыслы не такъ ужасны
Мужьямъ, дѣвицамъ молодымъ.
Но есть волшебники другіе,
Которыхъ ненавижу я:
Улыбка, очи голубыя
И голосъ милый—о друзья!
Не вѣрьте имъ, они лукавы!
Страшитесь, подражая мнѣ,
Ихъ упоительной отравы,
И почивайте въ тишинѣ.

Познѣ чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,
Могилъ и рая вѣрный житель;
И музы вѣтренной моей
Наперсникъ, пестунъ и хранитель!
Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
Что въ повѣсти моей забавной
Теперь вослѣдъ тебѣ лечу
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу

Друзья мои, вы всѣ слыхали,
Какъ бѣсу въ древни дни злодѣй
Предалъ сперва себя съ печали,
А тамъ и души дочерей;
Какъ послѣ щедрымъ подаяньемъ,
Молитвой, вѣрой и постомъ,
И непритворнымъ покаяньемъ
Снискалъ заступника въ святомъ;
Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
Его двѣнадцать дочерей—
И насъ плѣнили, ужаснули
Картины тайныхъ сихъ ночей,

Сіи чудесныя видѣнья,
Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
Живыя грѣшника мученья
И прелесть непорочныхъ дѣвъ.
Мы съ ними плакали, бродили
Вокругъ зубчатыхъ замка стѣнъ,
И сердцемъ тронутымъ любили
Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣнъ;
Душой Вадима призывали,
И пробужденіе зрѣли ихъ,
И часто инокинъ святыхъ
На гробъ отцовскій провожали...
И что жъ, возможно ль?... намъ солгали!
Но правду возвѣщу ли я?...

Младой Ратмиръ, направля къ югу
Нетерпѣливый бѣгъ коня,
Ужъ думалъ предъ закатомъ дня
Нагнать Русланову супругу.
Но день багряный вечерѣлъ;
Напрасно витязь предъ собою
Въ туманы дальніе смотрѣлъ:
Все было пусто надъ рѣкою.
Зари послѣдній лучъ горѣлъ
Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ.
Нашъ витязь мимо черныхъ скалъ
Тихонько проѣзжалъ, и взоромъ
Ночлега межъ деревъ искалъ.
Онъ на долину выѣзжаетъ
И видитъ: замокъ на скалахъ
Зубчаты стѣны возвышаетъ;
Чернѣютъ башни на углахъ;
И дѣва по стѣнѣ высокой,
Какъ въ морѣ лебедь одинокой,
Идетъ, зарей освѣщена;
И дѣвы пѣснь едва слышна
Долины въ тишинѣ глубокой.

«Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ холодный.
Ужъ поздно, путникъ молодой!
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!

«Здѣсь ночью нѣга и покой,
А днемъ и шумъ и пированье.
Приди на дружное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

«У насъ найдешь красавицъ рой;
Ихъ вѣжны рѣчи и лобзанье.
Приди на тайное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

«Тебѣ мы съ утренней зарей
Наполнимъ кубокъ на прощанье.
Приди на мирное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

«Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой!
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!»

Она манить, она поетъ—
И юный ханъ ужъ подѣ стѣною;
Его встрѣчаютъ у воротъ
Дѣвицы красныя толпою;
При шумѣ ласковыхъ рѣчей
Онъ окруженъ; съ него не сводятъ
Онѣ плѣнительныхъ очей;
Двѣ дѣвицы коня уводятъ.
Въ чертоги входитъ ханъ молодой.
За нимъ отшельницъ милыхъ рой:
Одна снимаетъ шлемъ крылатый.
Другая кованыя латы,
Та мечъ беретъ, та пыльный щитъ;
Одежда нѣги замѣнитъ
Желѣзные доспѣхи брани.
Но прежде юношу ведутъ
Къ великолѣпной русской банн.
Ужъ волны дымныя текутъ
Въ ея серебряные чаны,
И брызжутъ хладныя фонтаны;
Разостланъ роскошью коверъ—
На немъ усталый ханъ ложится;
Прозрачный дымъ надъ нимъ клубится.
Потупя нѣги полный взоръ,
Прелестныя, полунагія,
Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
Вкругъ хана дѣвы молодыя
Тѣсняются рѣзвою толпой.
Надъ рыцаремъ иная машетъ
Вѣтвями молодыхъ березъ,
И жаръ отъ нихъ душистый пашетъ;
Другая сокомъ вешнихъ розъ
Усталы члены прохлаждаетъ,
И въ ароматахъ потопляетъ

Темнокудрявые власы.
Восторгомъ витязь упоенной
Уже забылъ Людмилы плѣнной
Недавно милыя красы;
Томится сладостнымъ желаньемъ;
Бродящій взоръ его блеститъ,
И полный страстнымъ ожиданьемъ,
Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ.

Но вотъ выходитъ онъ изъ бапи.
Одѣтый въ бархатныя ткани,
Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Ратмиръ
Садится за богатый пиръ.
Я не Омеръ: въ стихахъ высокихъ
Онъ можетъ воспѣвать одинъ
Обѣды греческихъ дружинъ,
И звонъ, и пѣну чашъ глубокихъ.
Милѣе по слѣдамъ Парни
Мнѣ славить лирою небрежной
И наготу въ ночной тѣни,
И поцѣлуй любви нѣжной!
Луною замокъ озаренъ;
Я вижу теремъ отдаленный,
Гдѣ витязь томный, воспаленный
Вкушаетъ одинокій сонъ;
Его чело, его ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ горять;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манять;
Онъ страстно, медленно вздыхаетъ.
Онъ видитъ ихъ—и въ пылкомъ снѣ
Покровы къ сердцу прижимаетъ.
Но вотъ въ глубокой тишинѣ
Дверь отворилась; полъ ревливой
Скрипитъ подъ ножкой торопливой,
И при серебряной лунѣ
Мелькнула дѣва. Сны крылаты,
Сокройтесь, отлетите прочь!
Проснись—твоя настала ночь!
Проснись—дорогъ мигъ утраты!..
Она подходитъ, онъ лежитъ
И въ сладострастной нѣгѣ дремлетъ;
Покровъ его съ одра скользитъ
И жаркій пухъ чело объемлетъ.
Въ молчаньи дѣва передъ нимъ
Стоитъ недвижно, бездыханна,
Какъ лицемѣрная Діана
Предъ милымъ пастыремъ своимъ;

И вотъ она, на ложе хана
Колѣномъ опершись однимъ.
Вздохнувъ, лицо къ нему склоняеть
Съ томленьемъ, съ трепетомъ живымъ,
И сонъ счастливца прерываетъ
Лобзаньемъ страстнымъ и нѣмымъ...

Но други, дѣвственная лира
Умолкла подъ моей рукой,
Слабѣтъ робкій голосъ мой—
Оставимъ юнаго Ратмира;
Не смѣю пѣсней продолжать:
Русланъ насъ долженъ занимать.
Русланъ, сей витязь безпримѣрный,
Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный.

Упорнымъ боемъ утомленъ,
Подъ богатырской головою
Онъ сладостный вкушаетъ сонъ.
Но вотъ ужъ раннюю зарю
Сіяетъ тихій небосклонъ;
Все ясно; утра лучъ игривый
Главы косматый лобъ златить.
Русланъ встаетъ и конь ретивый
Ужъ витязя стрѣлою мчитъ.

И дни бѣгутъ; желтѣютъ нивы;
Съ деревъ спадаетъ дряхлый листъ;
Въ лѣсахъ осенній вѣтра свистъ
Пѣвицъ пернатыхъ заглушаетъ;
Тяжелый, пасмурный туманъ
Нагіе холмы обвиваетъ;
Зима приблизилась—Русланъ
Свой путь отважно продолжаетъ
На дальный сѣверъ; съ каждымъ днемъ
Преграды новыя встрѣчаетъ;
То бѣется онъ съ богатыремъ,
То съ лѣдьмою, то съ великаномъ,
То лунной ночью видитъ онъ,
Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
Окружены сѣдымъ туманомъ,
Русалки, тихо на вѣтвяхъ
Качаясь, витязя млада
Съ улыбкой хитрой на устахъ
Манять, не говоря ни слова...
Но тайнымъ промысломъ хранимъ.
Безстрашный витязь невредимъ;
Въ его душѣ желанье дремлетъ;

Онъ ихъ не видитъ, имъ не внемлетъ—
Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между тѣмъ, ни кѣмъ незрима,
Отъ нападеній колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Что дѣлаетъ моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляетъ по садамъ,
О другѣ мыслить и вздыхаетъ,
Иль, волю давъ своимъ мечтамъ,
Къ родимымъ кievскимъ полямъ
Въ забвенны сердца улетаетъ;
Отца и братьевъ обнимаетъ,
Подружекъ видитъ молодыхъ
И старыхъ мамушекъ своихъ—
Забыты плѣны и разлученье!
Но вскорѣ бѣдная княжна
Свое теряетъ заблужденье,
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленного злодѣя,
И день и ночь, сидѣть не смѣя,
Межъ тѣмъ по замку, по садамъ
Прелестной плѣнницы искали,
Метались, громко призывали,
Однако все по пустякамъ.
Людмила ими забавлялась:
Въ волшебныхъ рощахъ иногда
Безъ шапки вдругъ она являлась
И кликала: сюда, сюда!
И всѣ бросались къ ней толпою,
Но въ сторону—незрима вдругъ—
Она неслышною стопою
Отъ хищныхъ убѣгала рукъ.
Вездѣ всечасно замѣчали
Ея минутные слѣды:
То позлащенные плоды
На шумныхъ вѣтвяхъ исчезали,
То капли ключевой воды
На лугъ измятый упали:
Тогда навѣрно въ замкѣ знали,
Что пьетъ иль кушаетъ княжна.
На вѣтвяхъ кедра иль березы
Скрываясь по ночамъ, она
Минутнаго искала сна—
Но только проливала слезы,
Звала супруга и покой,

Томилась грустью и зѣвотой,
И рѣдко-рѣдко предъ зарей,
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой.
Едва рѣдѣла ночи мгла,
Людмила къ водопаду шла
Умыться хладною струею:
Самъ карла утренней порою
Однажды видѣлъ изъ палатъ,
Какъ подъ невидимой рукою
Плескалъ и брызгалъ водопадъ.
Съ своей обыкновенною тоскою
До новой ночи, здѣсь и тамъ,
Она бродила по садамъ;
Нерѣдко подъ вечеръ слышали
Ея пріятный голосокъ;
Нерѣдко въ рощахъ поднимали
Иль ею брошенный вѣнокъ,
Или клочки персидской шали,
Или заплаканный платокъ.

Жестокой страстью уязвленный,
Досадою, злобой омраченный,
Колдунъ рѣшился наконецъ
Поймать Людмилу непременно.
Такъ Лемноса хромой кузнецъ,
Пріявъ супружескій вѣнецъ
Изъ рукъ прелестной Цитереи,
Раскинулъ съѣтъ ея красамъ,
Открывъ насмѣшливымъ богамъ
Киприды нѣжныя затѣи...

Скучая, бѣдная княжна
Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
Сидѣла тихо близъ окна,
И сквозь колеблемыя вѣтки
Смотрѣла на цвѣтущій лугъ.
Вдругъ слышитъ—кличутъ: «милый другъ!»
И видитъ вѣрнаго Руслана.
Его черты, походка, станъ;
Но блѣденъ онъ, въ очахъ туманъ,
И на бедрѣ живая рана—
Въ ней сердце дрогнуло. «Русланъ!»
«Русланъ!.. онъ точно!» И стрѣлою
Къ супругу плѣнница летитъ,
Въ слезахъ, трепеща, говорить:
«Ты здѣсь... ты раненъ... что съ тобою?»
Уже достигла, обняла...
О ужасъ... призракъ исчезаетъ!

Княжна въ сѣтяхъ; съ ея чела
На землю шалка упадаетъ.
Хладѣя, слышитъ грозный крикъ:
«Она моя!» и въ тотъ же мигъ
Зритъ колдуна передъ очами.
Раздался дѣвы жалкій стонъ,
Падеть безъ чувствъ—и дивный сонъ
Объялъ несчастную крылами.

Что будетъ съ бѣдною княжной!
О страшный видъ: волшебникъ хилый
Ласкаетъ дерзостной рукой
Младая прелести Людмилы!
Ужели счастливъ будетъ онъ?
Чу... вдругъ раздался рога звонъ,
И кто-то карлу вызываетъ;
Въ смятенъи, блѣдный чародѣй
На дѣву шалку надѣваетъ;
Трубятъ опять; звучнѣй. звучнѣй!
И онъ летитъ къ безвѣстной встрѣчѣ
Закинувъ бороду за плечи.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Ахъ, какъ мила моя княжна!
Мнѣ нравъ ея всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской вѣрна,
Немножко вѣтрена... такъ что же?
Еще милѣе тѣмъ она.
Всечасно прелестію новой
Умѣетъ насъ она плѣнить;
Скажите, можно ли сравнить
Ее съ Дельфиною суровой?
Одной—судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви рождаютъ жаръ.
А та—подъ юшкою гусаръ,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назоветъ!
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ.
Да впрочемъ дѣло не о томъ!

Но кто трубилъ? Кто чародѣя
На сѣчу грозну вызывалъ?
Кто колдуна перепугалъ?
Русланъ. Онъ, местию пламенѣя,
Достигъ обители злодѣя.
Ужъ витязь подъ горой стоитъ,
Призывный рогъ какъ буря воесть,
Нетерпѣливый конь кипитъ
И снѣгъ копытомъ мощнымъ роетъ.
Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому, стальному
Рукой незримой пораженъ;
Ударъ упалъ подобно грому;
Русланъ подьѣмлетъ смутный взоръ
И видитъ—прямо надъ главою—
Съ подъятой, страшной булавою
Летаетъ карла Черноморъ.
Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся,
Мечемъ потрясъ и замахнулся;
Но тотъ взвился подъ облака,
На мигъ исчезъ—и свысока
Шумя летитъ на князя снова.
Проворный витязь отлетѣлъ,
И въ снѣгъ съ размаха роковаго
Колдунъ упалъ—да тамъ и сѣлъ;
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшитъ,
Поймалъ, за бороду хватаетъ;
Волшебникъ силится, кричитъ,
И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ...
Ретивый конь вослѣдъ глядитъ;
Уже колдунъ подъ облаками;
На бородѣ герой виситъ;
Летятъ надъ мрачными лѣсами,
Летятъ надъ дикими горами,
Летятъ надъ бездною морской;
Отъ напряженья костенѣя,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держится рукой.
Межъ тѣмъ, на воздухъ слабѣя
И силъ русской изумясь
Волшебникъ гордому Руслану
Коварно молвить: слушай, князь!
Тебѣ вредить я перестану:
Младое мужество любя,
Забуду все, прошу тебя,
Спускаюсь—но только съ уговоромъ...
«Молчи коварный чародѣй!»

Прервалъ нашъ витязь: «съ Черноморемъ,
Съ мучителемъ жены своей.
Русланъ не знаетъ договора!
Сей грозный мечъ накажетъ вора,
Лети хоть до ночной звѣзды,
А быть тебѣ безъ бороды!»
Боязнъ объемлетъ Черномора;
Въ досадѣ, въ горести нѣмой,
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясаетъ:
Русланъ ея не выпускаетъ
И щиплетъ волосы порой.
Два дня колдунъ героя носить.
На третій онъ пощады просить:
О рыцарь, сжался надо мной;
Едва дышущъ; нѣтъ мочи болѣ;
Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ;
Скажи—спущусь, куда велишь...
«Теперь ты нашъ; ага, дрожишь!»
Смирись, покорствуй русской силѣ!
Песи меня къ моей Людмилѣ.»

Смиренно внемлетъ Черноморь;
Домой онъ съ витяземъ пустился;
Летить—и мигомъ очутился
Среди своихъ ужасныхъ горъ.
Тогда Русланъ одной рукою
Взялъ мечъ сраженной головы,
И, бороду схвативъ другою,
Отсѣкъ ее, какъ горсть травы.
«Знай нашихъ!» молвилъ онъ жестоко;
«Что, хищникъ, гдѣ твоя краса?
Гдѣ сила?» и на шлемъ высокой
Сѣдые вяжетъ волоса;
Свистя, зоветъ коня лихаго;
Веселый конь летитъ и ржетъ;
Нашъ витязь карлу чуть живаго
Въ котомку за сѣдло кладетъ,
А самъ, боясь мгновенья траты,
Спѣшитъ на верхъ горы крутой,
Достигъ, и съ радостной душой
Летитъ въ волшебныя палаты.
Вдали завидя шлемъ брадатый,
Залогъ побѣды роковой,
Предъ нимъ араповъ чудный рой,
Толпы невольницъ боязливыхъ.
Какъ призраки со всѣхъ сторонъ
Вбѣгутъ—и скрылись. Ходитъ онъ

Одинъ средь храминъ горделивыхъ,
Супругу милую зоветъ—
Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
Руслану голосъ подаетъ;
Въ волненьи чувствъ нетерпѣливыхъ
Онъ отворяетъ двери въ садъ—
Идетъ, идетъ—и не находитъ;
Кругомъ смущенный взоръ обводитъ—
Все мертво: рощицы молчатъ,
Бесѣдки пусты; на стремнинахъ,
Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ,
Нигдѣ Людмилы слѣду нѣтъ,
И ухо ничего не внеметъ.
Внезапный князя хладъ объемлетъ.
Въ очахъ его темнѣетъ свѣтъ,
Въ умѣ возникли мрачны думы...
«Быть можетъ, горестъ... плѣнь угрюмый...
Минута... волны...» Въ сихъ мечтахъ
Онъ погруженъ. Съ нѣмой тоскою
Поникнулъ витязь головою;
Его томить невольный страхъ;
Недвижимъ онъ, какъ мертвый камень;
Мрачится разумъ; дикій пламень
И ядъ отчаянной любви
Уже текутъ въ его крови.
Казалось, тѣнь княжны прекрасной
Коснулась трепетнымъ устамъ...
И вдругъ, неистовый, ужасной,
Стремится витязь по садамъ;
Людмилу съ воплемъ призываетъ,
Съ холмовъ утесы отрываетъ,
Все рушить, все крушить мечемъ—
Бесѣдки, рощи упадаютъ,
Древа, мосты въ волнахъ ныряютъ.
Степь обнажается крутомъ!
Далеко гулы повторяютъ
И ревъ, и трескъ, и шумъ, и громъ;
Повсюду мечъ звенить и свищать.
Прелестный край опустошонъ—
Безумный витязь жертвы ищетъ,
Съ размаха вправо, влѣво онъ
Пустынный воздухъ разсѣкаетъ...
И вдругъ—нечаянный ударъ
Съ княжны невидимой сбиваетъ
Прощальный Черногора даръ...
Волшебства вмигъ исчезла сила:
Въ сѣтяхъ открылася Людмила!
Не вѣря самъ своимъ очамъ,

Нежданнѣмъ счастьемъ упоенной,
Нашъ витязь падаетъ къ ногамъ
Подруги вѣрной, незабвенной,
Цѣлуетъ руки, сѣти рветъ,
Любви, восторга слезы льетъ.
Зоветь ее—но дѣва дремлетъ,
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ея подѣмлетъ.
Русланъ съ нея не сводитъ глазъ,
Его терзаетъ вновь кручина...
Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,
Гласъ добродѣтельнаго Финна:

«Мужайся, князь! Въ обратный путь
Ступай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой.
Любви и чести вѣренъ будь;
Небесный громъ на злобу грянетъ,
И воцарится тишина—
И въ свѣтломъ Кіевѣ княжна
Передъ Владиміромъ возстанетъ
Отъ очарованнаго сна.»

Русланъ, симъ гласомъ оживленной,
Беретъ въ объятія жену,
И тихо съ ношей драгоцѣнной
Онъ оставляетъ вышину,
И сходитъ въ доль уединенной.

Въ молчаньи, съ карлой за сѣдломъ,
Поѣхалъ онъ своимъ путемъ;
Въ его рукахъ лежитъ Людмила,
Свѣжа какъ вѣшняя заря,
И на плечо богатыря
Лицо спокойное склонила.
Власами, свитыми въ кольцо,
Пустыннѣй вѣтерокъ играетъ;
Какъ часто грудь ее вздыхаетъ!
Какъ часто тихое лицо
Мгновенной розою пылаетъ!
Любовь и тайная мечта
Руслановъ образъ ей приносятъ,
И съ томнымъ шопотомъ уста
Супруга имя произносятъ...
Въ забвеніи сладкомъ ловить онъ
Ея волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нѣжный стонъ
И сонныхъ персей волнованье...

Межъ тѣмъ по доламъ, по горамъ
И въ бѣлый день, и по ночамъ,
Нашъ витязь ѣдетъ непрестанно.
Еще далекъ предѣлъ желанной,
А дѣва спитъ. Но юной князь,
Бесплоднымъ пламенемъ томясь,
Ужель, страдалецъ постоянной,
Супругу только сторожилъ,
И въ цѣломудренномъ мечтаньи,
Смиривъ нескромное желанье,
Свое блаженства находилъ?
Монахъ, который сохранилъ
Потомству вѣрное преданье
О славномъ витязѣ моемъ,
Насъ увѣряетъ смѣло въ томъ.
И вѣрю я! безъ раздѣленья
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоемъ.
Пастушки, сонъ княжны прелестной
Не походилъ на ваши сны,
Порой томительной весны,
На муравѣ, въ тѣни древесной.
Я помню маленькій лужокъ
Среди березовой дубравы,
Я помню темный вечерокъ,
Я помню Лиды сонъ лукавый...
Ахъ! первый поцѣлуй любви
Дрожащій, легкій, торопливой
Не разогналъ, друзья мои,
Ея дремоты терпѣливой...
Но полно, я болтаю вздоръ!
Къ чему любви воспоминанье?
Ея утѣха и страданье
Забыты мною съ давнихъ поръ;
Теперь влекутъ мое вниманье
Княжна, Русланъ и Черноморъ.

Предъ ними стелется равнина,
Гдѣ ели изрѣдка взошли;
И грознаго холма вдали
Чернѣетъ круглая вершина
Небесъ на яркой синевѣ.
Русланъ глядитъ—и догадался,
Что подъѣзжаетъ къ головѣ.
Быстрѣе борзый конь помчался;
Ужъ видно чудо изъ чудесъ;
Она глядитъ недвижнымъ окомъ;
Власы ея какъ черный лѣсъ.

Поросшій на челѣ высокомъ;
Ланиты жизни лишены;
Свинцовой блѣдностью покрыты,
Уста огромныя открыты,
Огромны зубы стѣснены...
Надъ полумертвой головою
Послѣдній день ужъ тяготѣлъ.
Къ ней храбрый витязъ прилетѣлъ
Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
Онъ крикнулъ: «здравствуй, голова!
Я здѣсь! наказанъ твой измѣнникъ!
Гляди: вотъ онъ, злодѣй нашъ плѣнникъ!»
И князя гордыя слова
Ее внезапно оживили,
На мигъ въ ней чувство разбудили,
Очнулась будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала...
Узнала витязя она,
И брата съ ужасомъ узнала.
Надулись ноздри; на щекахъ
Багровый огонь еще родился,
И въ умирающихъ глазахъ
Послѣдній гнѣвъ изобразился.
Въ смятеньи, въ бѣшенствѣ нѣмомъ
Она зубами скрежетала,
И брату хладнымъ языкомъ
Укоръ невнятный лепетала...
Уже ея въ тотъ самый часъ
Кончалось долгое страданье:
Чела мгновенный пламень гасъ,
Слабѣло тяжкое дыханье,
Огромный закатился взоръ,
И вскорѣ князь и Черноморъ
Узрѣли смерти содроганье...
Она почила вѣчнымъ сномъ.
Въ молчаньи витязъ удалился;
Дрожащій карликъ за сѣдломъ
Не смѣлъ дышать, не шевелился,
И чернокнужнымъ языкомъ
Усердно демонамъ молился.

На склонѣ темныхъ береговъ
Какой-то рѣчки безымянной,
Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,
Стоялъ поникшей хаты кровъ,
Густыми соснами вѣнчанной.
Въ теченьи медленномъ рѣка
Вблизи плетень изъ тростника

Волною сонной омывала,
И вокругъ него едва журчала
При легкомъ шумѣ вѣтерка.
Долина въ сихъ мѣстахъ таилась,
Уединенна и темна;
И тамъ, казалось, тишина
Съ начала міра воцарилась.
Русланъ остановилъ коня.
Все было тихо, безмятежно;
Отъ разсвѣтающаго дня
Долина съ рощею прибрежной
Сквозь утренній сіяла дымъ.
Русланъ на лугъ жену слагаетъ,
Садится близъ нея, вздыхаетъ
Съ уныньемъ сладкимъ и нѣмымъ;
И вдругъ онъ видитъ предъ собою
Смиранный парусъ челнока,
И слышитъ пѣсню рыбака
Надъ тихоструйною рѣкою.
Раскинувъ неводъ по волнамъ,
Рыбакъ, на весла наклоненной,
Плыветъ къ лѣсистымъ берегамъ,
Къ порогу хижины смиренной.
И видитъ добрый князь Русланъ:
Челнокъ ко берегу приплываетъ;
Изъ темной хаты выбѣгаетъ
Младая дѣва; стройный станъ,
Власы небрежно распущенны,
Улыбка, тихій взоръ очей,
И грудь, и плечи обнаженны,
Все мило, все плѣняетъ въ ней.
И вотъ они, обнявъ другъ друга,
Садятся у прохладныхъ водъ,
И часъ безпечнаго досуга
Для нихъ съ любовью настаетъ.
Но въ изумленьи молчаливомъ
Кого же въ рыбацкѣ счастливомъ
Нашъ юный витязь узнаетъ?
Хазарскій ханъ, избранный славой,
Ратмиръ, въ любви, въ войнѣ кровавой
Его соперникъ молодой,
Ратмиръ, въ пустынь безмятежной
Людмилу, славу позабылъ,
И имъ навѣки измѣнилъ
Въ объятіяхъ подруги нѣжной.

Герой приблизился, и вмигъ
Отшельникъ узнаетъ Руслана,

Встаетъ, летитъ. Раздался крикъ...
И обнялъ князь младаго хана,
Что вижу я? спросилъ герой
Зачѣмъ ты здѣсь? зачѣмъ оставилъ
Тревоги жизни боевой,
И мечъ, который ты прославилъ?
«Мой другъ», отвѣтствовалъ рыбакъ,
«Душѣ наскучилъ бранной славы
Пустой и гибельной призракъ.
Повѣрь, невинныя забавы,
Любовь и мирныя дубравы
Милѣ сердцу во сто кратъ.
Теперь, утративъ жажду брани,
Престалъ платить безумству дани,
И, вѣрнымъ счастьемъ богатъ,
Я все забылъ, товарищъ милый.
Все, даже прелести Людмилы.»
— Любезный ханъ, я очень радъ!
Сказалъ Русланъ: она со мною.
«Возможно ли, какой судьбою?
Что слышу? Русская княжна....
Она съ тобою, гдѣ жъ она?
Позволь.... но нѣтъ, боюсь измѣны;
Моя подруга мнѣ мила;
Моей счастливой перемѣны
Она виновницей была;
Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!
Она мнѣ возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И миръ, и чистую любовь.
Напрасно счастье мнѣ сулили
Уста волшебницъ молодыхъ;
Двѣнадцать дѣвъ меня любили:
Я для нея покинулъ ихъ;
Оставилъ теремъ ихъ веселый,
Въ тѣни хранительныхъ дубровъ;
Сложилъ и мечъ, и племъ тяжелый,
Забылъ и славу, и враговъ.
Отшельникъ мирный и безвѣстный,
Остался въ счастливой глуши,
Съ тобой, другъ милый, другъ прелестный,
Съ тобою, свѣтъ моей души!»

Пастушка милая внимала
Друзей открытый разговоръ,
И устремивъ на хана взоръ,
И улыбалась, и вздыхала.

Рыбакъ и витязь на берегахъ
До темной ночи просидѣли
Съ душой и сердцемъ на устахъ.
Часы невидимо летѣли.
Чернѣть лѣсъ, темна гора;
Встаетъ луна—все тихо стало;
Герою въ путь давно пора.
Накинувъ тихо покрывало
На дѣву спящую, Русланъ
Идетъ и на коня садится;
Задумчиво безмолвный ханъ
Душой вослѣдъ ему стремится,
Руслану счастья, побѣдъ,
И славы и любви желаетъ...
И думы гордыхъ, юныхъ лѣтъ
Невольной грустью оживляетъ...

Зачѣмъ судьбой не суждено
Моей непостоянной лирѣ
Геройство воспѣвать одно,
И съ нимъ (незнаемая въ мирѣ)
Любовь и дружбу старыхъ лѣтъ?
Печальной истины поэтъ,
Зачѣмъ я долженъ для потомства
Порокъ и злобу обнажать,
И тайны козни вѣроломства
Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличать?

Княжны искатель недостойный,
Охоту къ славѣ потерявъ,
Никѣмъ незнаемый, Фарлафъ
Въ пустынь дальной и спокойной
Скрывался и Наины ждалъ.
И часъ торжественный насталъ.
Къ нему волшебница явилась,
Вѣщая: «знаешь ли меня?
Ступай за мной; сѣдлай коня!»
И вѣдьма кошкой обратилась.
Осѣдланъ конь; она пустилась;
Тропами мрачными дубравъ
За нею слѣдуетъ Фарлафъ.

Долина тихая дремала,
Въ ночной одѣтая туманъ,
Луна во мглѣ перебѣгала
Изъ тучи въ тучу, и курганъ
Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
Сидѣлъ съ обычною тоскою

Предъ усыпленною княжною;
Глубоку думу думалъ онъ,
Мечты летѣли за мечтами,
И непримѣтно вѣялъ сонъ
Надъ нимъ холодными крылами.
На дѣву смутными очами
Въ дремотѣ томной онъ взглянулъ,
И, утомленною главою
Склонясь къ ногамъ ея, заснулъ.

И снится вѣщій сонъ герою:
Онъ видитъ, будто бы княжна
Надъ страшной бездною глубиною
Стоитъ недвижна и блѣдна....
И вдругъ Людмила исчезаетъ,
Стоитъ одинъ надъ бездною онъ....
Знакомый гласъ, призывный стопъ
Изъ тихой бездны вылетаетъ...
Русланъ стремится за женой;
Стремглавъ летитъ во тѣмѣ глубокой....
И видитъ вдругъ передъ собой:
Владиміръ въ гридницѣ высокой,
Въ кругу сѣдыхъ богатырей,
Между двѣнадцатю сынами,
Съ толпою названнхъ гостей,
Сидитъ за бранными столами.
И также гнѣвенъ старый князь,
Какъ въ день ужасный разставанья;
И всѣ сидятъ не шевелясь,
Не смѣя перервать молчанья.
Утихъ веселый шумъ гостей,
Не ходитъ чаша круговая....
И видитъ онъ, среди гостей,
Въ бою сраженного Рогдая;
Убитый, какъ живой, сидитъ;
Изъ опѣннаго стакана
Онъ, весель, пьетъ и не глядитъ
На изумленнаго Руслана.
Князь видитъ и младаго хана,
Друзей и недруговъ... и вдругъ
Раздался гуслей бѣглый звукъ
И голосъ вѣщаго Баяна,
Пѣвца героевъ и забавъ.
Вступаетъ въ гридницу Фарлафъ,
Ведетъ онъ за руку Людмилу;
Но старецъ, съ мѣста не привставъ,
Молчитъ, склонивъ главу унылу;
Князья, бояре—всѣ молчатъ,

Душевные движенья кроя.
И все исчезло—смертный хладъ
Объемлетъ спящаго героя.
Въ дремоту тяжко погружень,
Онъ льетъ мучительныя слезы,
Въ волненьи мыслить: «это сонъ!»
Томится, но зловѣщей грезы,
Увы, прервать не въ силахъ онъ.

Луна чуть свѣтитъ надъ горою;
Объяты роци темнотою;
Долина въ мертвой тишинѣ....
Измѣнникъ ѣдетъ на конѣ.

Предъ нимъ открылася поляна;
Онъ видитъ сумрачный курганъ;
У ногъ Людмилы спитъ Русланъ,
И ходитъ конь кругомъ кургана.
Фарлафъ съ боязнію глядитъ;
Въ туманѣ вѣдьма исчезаетъ;
Въ немъ сердце замерло, дрожитъ;
Изъ хладныхъ рукъ узду роняетъ,
Тихонько обнажаетъ мечъ,
Готовясь витязя безъ боя
Съ размаха на двое разсѣчь....
Къ нему подъѣхалъ. Конь героя,
Врага, почуя, закипѣлъ,
Заржалъ и топнулъ. Знакъ напрасный!
Русланъ не внемлетъ—сонъ ужасный,
Какъ грузъ, надъ нимъ отяготѣлъ!....
Измѣнникъ, вѣдьмой ободренный,
Герою въ грудь рукой презрѣнной
Вонзаетъ трижды хладну сталь...
И мчится боязливо въ даль
Съ своей добычей драгоцѣнной.

Всю ночь¹ безчувственный Русланъ
Лежалъ во мракѣ подъ горою.
Часы летѣли. Кровь рѣкою
Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
Поутру взоръ открылъ туманной,
Пуская тяжкій, слабый стонъ,
Съ усильемъ приподнялся онъ,
Взглянулъ, поникъ главою бранной—
И палъ недвижный, бездыханный.

П Ъ С Н Ъ Ш Е С Т А Я .

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжной,
На лирѣ легкой и небрежной
Старинны были напѣвать,
И музѣ вѣрной посвящать
Часы безцѣннаго досуга...
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь съ вѣтреной молвой,
Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
Забылъ и трудъ уединенный,
И звуки лиры дорогой.
Отъ гармонической забавы
Я, нѣгой упоенъ, отвыкъ...
Дышу тобой—и гордой славы
Невнятенъ мнѣ призывный кликъ!
Меня покинулъ тайный геній
И вымысловъ и сладкихъ думъ;
Любовь и жажда наслажденій
Однѣ преслѣдуютъ мой умъ.
Но ты велишь, но ты любила
Разказы прежніе мои.
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владиміръ, вѣдьма, Черноморъ,
И Финна вѣрныя печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая мой легкій вздоръ.
Съ улыбкой иногда дремала.
Но иногда свой нѣжный взоръ
Нѣжнѣе на пѣвца бросала...
Рѣшусь; влюбленный говорунъ,
Касаюсь вновь лѣнивыхъ струнъ;
Сажусь у ногъ твоихъ. и снова
Бренчу про витязя младава.

Но что сказалъ я? Гдѣ Русланъ?
Лежить онъ мертвый въ чистомъ полѣ;
Ужъ кровь его не льется болѣ,
Надъ нимъ летаетъ жадный вранъ;
Безгласенъ рогъ, недвижны латы,
Не шевелится шлемъ косматый.

Вокругъ Руслана ходить конь,
Поникнувъ гордой головою,
Въ его глазахъ исчезъ огонь.
Не мапеть гривой золотою,
Не тѣшится, не скачетъ онъ
И ждетъ, когда Русланъ воспрянетъ...

Но князя крѣпокъ хладный сонъ,
И долго щить его не грянетъ.

А Черноморъ? Онъ за сѣдломъ,
Въ котомкѣ, вѣдьмою забытый,
Еще не знаетъ ни о чемъ.
Усталый, сонный и сердитый,
Княжну, героя моего
Бранилъ отъ скуки молчаливо.
Не слыша долго ничего,
Волшебникъ выглянулъ—о диво!
Онъ видитъ: богатырь убитъ,
Въ крови потопленный лежитъ;
Людмилы нѣтъ, все пусто въ полѣ;
Злодѣй отъ радости дрожитъ
И мнитъ: свершилось, я на волѣ!
Но старый карла былъ не правъ.

Межъ тѣмъ, Наиной осѣненный,
Съ Людмилой, тихо усыпленной,
Стремится къ Кіеву Фарлафъ;
Летитъ, надежды, страха полный;
Предъ нимъ уже днѣпровски волны
Въ знакомыхъ пажитяхъ шумятъ;
Ужъ видитъ златоверхій градъ;
Уже Фарлафъ по граду мчится,
И шумъ на стогнахъ возстаетъ;
Въ волненіи радостномъ народъ
Валитъ за всадникомъ, тѣснится:
Бѣгутъ обрадовать отца—
И вотъ измѣнникъ у крыльца.

Влача въ душѣ печали бремя,
Владиміръ-солнышко въ то время
Въ высокомъ теремѣ своемъ
Сидѣлъ, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругомъ
Сидѣли съ важностью утрумой.
Вдругъ внемлетъ онъ, передъ крыльцомъ
Волненье, крики, шумъ чудесный;
Дверь отворилась; передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣстный;
Все встали съ шопотомъ глухимъ,
И вдругъ смутились, зашумѣли.
«Людмила здѣсь! Фарлафъ... ужели?»
Въ лицѣ печальномъ измѣнясь,
Встаетъ со стула старый князь,
Слѣпшишь тяжелыми шагами
Къ несчастной дочери своей,
Подходить, отчими руками

Онъ хочетъ прикоснуться къ ней;
Но дѣва милая не внемлетъ,
И очарованная дремлетъ
Въ рукахъ убійцы. Всѣ глядятъ
На князя въ смутномъ ожиданьи;
И старецъ безпокойный взглядъ
Вперилъ на витязя въ молчаньи.
Но хитро перстъ къ устамъ прижавъ,
«Людмила спитъ!» сказалъ Фарлафъ;
«Я такъ напелъ ее недавно
Въ пустынныхъ муромскихъ лѣсахъ
У злаго лѣшаго въ рукахъ;
Тамъ совершилось дѣло славно,
Три дня мы билися; луна
Надъ боемъ трижды подымалась;
Онъ палъ, а юная княжна
Мнѣ въ руки сонною досталась;
И кто прерветъ сей дивный сонъ?
Когда настанетъ пробужденье?
Не знаю—скрыть судьбы законъ!
А намъ надежда и терпѣнье
Одни остались въ утѣшенье.»

И вскорѣ съ вѣстью роковой
Молва по граду полетѣла;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипѣла;
Печальный теремъ всѣмъ открыть;
Толпа волнуется, валить
Туда, гдѣ на одрѣ високомъ,
На одѣялѣ парчевомъ
Княжна лежитъ во снѣ глубокомъ;
Князья и витязи кругомъ
Стоять унылы; гласы трубны,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремятъ надъ нею. Старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь,
Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
Приникъ съ безмолвными слезами;
И блѣдный близъ него Фарлафъ
Въ нѣмомъ раскаяньи, въ досадѣ,
Трепещетъ, дерзость потерявъ.

Настала ночь. Никто во градѣ
Очей безсонныхъ не смыкалъ;
Шума, тѣснились всѣ другъ къ другу;
О чудѣ всякій толковалъ;
Младой супругъ свою супругу

Въ свѣтлицѣ скромной забывалъ.
Но только свѣтъ луны двурогой
Исчезъ предъ утренней зарей,
Весь Кіевъ новою тревогой
Смутился. Клики, шумъ и вой
Возникли всюду. Кіевляне
Толпятся на стѣнѣ градской...
И видятъ: въ утреннемъ туманѣ
Шатры бѣлѣютъ за рѣкой,
Щиты какъ зарево блистаютъ.
Въ поляхъ наѣзники мелькаютъ,
Бдали подъема черныя прахъ;
Идутъ походныя телеги,
Костры пылаютъ на холмахъ.
Бѣда: возстали печенѣги!

Но въ это время вѣщій Финнъ,
Духовъ могучій властелинъ,
Въ своей пустынѣ безмятежной,
Съ спокойнымъ сердцемъ ожидалъ
Чтобъ день судьбины неизбѣжной,
Давно предвидѣнный, возсталъ.
Въ нѣмой глуши степей горячихъ,
За дальней цѣпью дикихъ горъ,
Жилища вѣтровъ, бурь гремучихъ,
Куда и вѣдъмы смѣлый взоръ
Проникнуть въ поздній часъ боится,
Долина чудная таится,
И въ той долині двѣ ключа:
Одинъ течетъ волной живою,
По камнямъ весело журча;
Тотъ лется мертвою водою.
Кругомъ все тихо, вѣтры спятъ,
Прохлада вѣшняя не вѣетъ,
Столѣтні сосны не шумятъ,
Не выются птицы, лань не смѣетъ
Въ жаръ лѣтній пить изъ тайныхъ водъ;
Чета духовъ съ начала міра,
Безмолвная на лонѣ міра,
Дремучій берегъ стережетъ...
Съ двумя кувшинами пустыми
Предсталъ отшельникъ передъ ними;
Прервали духи дивный сонъ
И удалились страха полны.
Склонившись, погружаетъ онъ
Сосуды въ дѣвственныя волны;
Наполнилъ, въ воздухъ пропаль,
И очутился въ два мгновенья

Въ долинь, гдѣ Русланъ лежалъ
Въ крови, безгласный, безъ движенья;
И сталъ надъ рыцаремъ старикъ,
И вспрыснулъ мертвою водою—
И раны засіяли вмигъ,
И трупъ чудесной красотою
Процвѣлъ; тогда водой живою
Героя старецъ окропилъ,
И бодрый, полный новыхъ силъ,
Трепеща жизнью молодою,
Встаетъ Русланъ, на ясный день
Очами жадными взираетъ;
Какъ безобразный сонъ, какъ тѣнь,
Предъ нимъ минувшее мелькаетъ.
Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ!
Въ немъ сердце вспыхнувъ замираетъ.
Вдругъ витязъ вспрыгнулъ. Вѣщій Финнъ.
Его зоветъ и обнимаетъ:
«Судьба свершилась, о мой сынъ!
Тебя блаженство ожидаетъ;
Тебя зоветъ кровавый пиръ,
Твой грозный мечъ бѣдою грянетъ;
На Кіевъ сидеть кроткій миръ,
И тамъ она тебѣ предстанетъ.
Возьми завѣтное кольцо,
Коснися имъ чела Людмилы,
И тайныхъ чаръ исчезнуть силы;
Враговъ смутить твое лицо;
Настанетъ миръ, погибнетъ злоба.
Достойны счастья будьте оба.
Прости надолго, витязъ мой!
Дай руку... тамъ, за дверью гроба—
Не прежде—свидимся съ тобой!»
Сказалъ, исчезнулъ. Упоенный
Восторгомъ пылкимъ и нѣмымъ,
Русланъ, для жизни пробужденный,
Подъемлетъ руки вслѣдъ за нимъ...
Но ничего не слышно болѣ!
Русланъ одинъ въ пустынномъ полѣ;
Запрыгавъ, съ карлой за сѣдломъ,
Руслановъ конь нетерпѣливой
Бѣжитъ и ржетъ, махая гривой;
Ужъ князь готовъ, ужъ онъ верхомъ,
Ужъ онъ летитъ, живой и здравый,
Черезъ поля, черезъ дубравы.

Но между тѣмъ какой позоръ
Являетъ Кіевъ осажденный!

Тамъ, устремивъ на нивы взоръ,
Народъ, унынѣмъ пораженный,
Стоить на башняхъ и стѣнахъ
И въ страхѣ ждетъ небесной казни;
Стенанья робкія въ домахъ,
На стогнахъ тишина боязни.
Одинъ, близъ дочери своей,
Владиміръ въ горестной молитвѣ;
И храбрый сонмъ богатырей
Съ дружиной вѣрною князей
Готовится къ кровавой битвѣ.

И день насталъ. Толпы враговъ
Съ зарею двинулись съ холмовъ;
Неукротимыя дружины,
Волнуясь, хлынули съ равнины
И потекли къ стѣнѣ градской:
Во градѣ трубы загремѣли,
Бойцы сомкнулись, полетѣли
На встрѣчу рати удалой,
Сошлись—и заварился бой.
Почуя смерть, разыграли кони,
Пошли стучать мечи о брони.
Со свистомъ туча стрѣлъ взвилась;
Равнина кровью залилась;
Стремглавъ наѣздники помчались;
Дружины конныя смѣшались;
Сомкнутой, дружною стѣной
Тамъ рубится со строемъ строй;
Со всадникомъ тамъ пѣшій бьется;
Тамъ конь испуганный несется;
Тамъ русскій палъ, тамъ печенѣгъ,
Тамъ клики битвы, тамъ побѣгъ;
Тотъ опрокинуть булавою,
Тотъ легкой пораженъ стрѣлою;
Другой, придавленный щитомъ,
Растоптанъ бѣшеннымъ конемъ...
И длился бой до темной ночи,
Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ.
За грудями кровавыхъ тѣлъ
Бойцы сомкнули томны очи,
И крѣпокъ былъ ихъ бранный сонъ;
Лишь изрѣдка на полѣ битвы
Былъ слышенъ падшихъ скорбный стонъ
И русскихъ витязей молитвы.

Блѣднѣла утренная тѣнь,
Волна сребрилася въ потокахъ,

Сомнительный рождался день
На отуманенномъ востокѣ.
Яснѣли холмы и лѣса,
И просыпались небеса.
Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
Дремало поле боевое;
Вдругъ сонъ прервался: вражій станъ
Съ тревогой шумною воспрянулъ,
Внезапный крикъ сраженій грянулъ;
Смутилось сердце кievлянъ;
Бѣгутъ нестройными толпами
И видятъ: въ полѣ, межъ врагами,
Блестая въ латахъ какъ въ огнѣ,
Чудесный воинъ на конѣ
Грозой несется, колетъ, рубитъ,
Въ ревущій рогъ, летая, трубитъ...
То былъ Русланъ. Какъ Божій громъ
Нашъ витязь палъ на басурмана;
Онъ рыщетъ съ карлой за сѣдломъ
Среди испуганнаго стана.
Гдѣ ни просвищетъ грозный мечъ,
Гдѣ конь сердитый ни промчится,
Вездѣ главы слетаютъ съ плечъ,
И съ воплемъ строй на строй валится;
Въ одно мгновеніе бранный лугъ
Покрытъ холмами тѣлъ кровавыхъ,
Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
Громадой копій, стрѣлъ, кольчугъ.
На трубный звукъ, на голосъ боя
Дружины конныя славянъ
Помчались по слѣдамъ героя,
Сразились... гибли, басурманъ!
Объемлетъ ужасъ печенѣговъ;
Питомцы бурные набѣговъ
Зовутъ разсѣянныхъ коней;
Противиться не смѣютъ болѣ,
И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
Бѣгутъ отъ кievскихъ мечей,
Обречены на жертву аду;
Ихъ сонмы русскій мечъ казнить;
Ликуетъ Кіевъ... Но по граду
Могучій богатырь летитъ;
Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдной;
Копье сіяетъ какъ звѣзда;
Струится кровь съ кольчуги мѣдной;
На шлемѣ вьется борода:
Летитъ, надеждой окрыленный,
По стогнамъ шумнымъ въ княжій домъ.

Народъ восторгомъ упоенный,
Толпился съ криками кругомъ,
И князя радость оживила.
Въ безмолвный теремъ входитъ онъ,
Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила;
Владиміръ, въ думу погружонъ,
У ногъ ея стоялъ унылый.
Онъ былъ одинъ. Его друзей
Война влекла въ поля кровавы;
Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
Вдали отъ вражескихъ мечей,
Въ душѣ презрѣвъ тревоги стана,
Стоялъ на стражѣ у дверей.
Едва злодѣй узналъ Руслана,
Въ немъ кровь остыла, взоръ погасъ,
Въ устахъ открытыхъ замеръ гласъ,
И палъ безъ чувствъ онъ на колѣна...
Достойной казни ждетъ измѣна!
Но, помня тайный даръ кольца,
Русланъ летитъ къ Людмилѣ спящей;
Ея спокойнаго лица
Касается рукой дрожащей...
И чудо—юная княжна,
Вздохнувъ, открыла свѣтлы очи!
Казалось, будто бы она
Дивилася столь долгой ночи;
Казалось, что какой-то сонъ
Ее томилъ мечтой неясной;
И вдругъ узнала—это онъ!
И князь въ объятіяхъ прекрасной.
Воскреснувъ пламенной душой,
Русланъ не видитъ, не внимаетъ,
И старецъ въ радости нѣмой,
Рыдая, милыхъ обнимаетъ.

Чѣмъ кончу длинный мой рассказъ?
Ты угадаешь, другъ мой милой!
Неправый старца гнѣвъ погасъ;
Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой
У ногъ Руслана объявилъ
Свой стыдъ и мрачное злодѣйство;
Счастливый князь ему простилъ;
Лишенный силы чародѣйства,
Былъ принять карла во дворецъ;
И бѣдствій празднуя конецъ,
Владиміръ въ гриднищѣ высокой
Запировалъ въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

ЭПИЛОГЪ.

Такъ міра житель равнодушной,
На лонѣ праздной тишины,
Я славилъ лирою послушной
Преданья темной старины.
Я пѣлъ—и забывалъ обиды
Слѣпаго счастья и враговъ,
Измѣны вѣтреной Дориды,
И сплетни шумныя глупцовъ.
На крыльяхъ вымысла носимой,
Ужъ улеталъ за край земной;
И между тѣмъ грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!...
Я погибалъ.... Святой хранитель
Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
О дружба, вѣжнѣй утѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила миръ;
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ!
Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ береговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами вѣчными
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой;
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой—
Но огонь поэзіи погасъ;
Ищу напрасно впечатлѣній!
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!
Восторговъ краткій день протекъ—
И скрылась отъ меня навѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній...

26 іюня 1820. Кавказъ.

1820.

ДОРИДЪ.

(ПОДРАЖАНІЕ А. ШЕНЬЕ.)

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣрить.
 Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
 Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,
 Стыдливость робкая—харить безцѣнный даръ,
 Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность,
 И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

ОЛИНЬКЪ МАССОНЪ.

—Ольга, крестница Киприды,
 Ольга, чудо красоты,
 Какъ же ласки и обиды
 Расточать привыкла ты!
 Поцѣлуемъ сладострастья—
 Соблазнительнаго счастья
 Назначаешь тайный часъ;
 Мы съ горячкою любовной
 Прибѣгаемъ въ часъ условной—
 Въ дверь стучимъ; но въ сотый разъ
 Слышимъ твой коварный шопоть,
 И служанки сонный ропоть,
 И насмѣшливый отказъ.
 Ради рѣзваго разврата,
 Пріапическихъ затѣй,
 Ради нѣги, ради злата,
 Ради прелести твоей,
 Ольга, жрица наслажденья,
 Внемли нашъ влюбленный плачъ—
 День восторговъ, день забвенья
 Намъ навѣрное назначъ.

ПЛАТОНИЗМЪ.

Я знаю, Лидинька, мой другъ,
 Кому въ задумчивости сладкой

Ты посвящаешь свой досугъ,
Кому ты жертвуешь украдкой
Отъ подозрительныхъ подругъ.
Тебя страшитъ проказникъ милый,
Очарователь легкокрылый;
И хладной важностью своей
Тебѣ несносенъ Гименей;
Ты молишься другому богу—
Своей покорствуя судьбѣ,
Восторги пылкіе къ тебѣ
Нашли пустынную дорогу.
Я понялъ слабый жаръ очей,
Я понялъ взоръ полуоткрытый,
И поблѣднѣвшія ланиты,
И томность поступи твоей,
Твой богъ не полною отрадой
Своихъ поклонниковъ дарить,
Его таинственной наградой
Младая скромность дорожить.
Онъ любить сны воображенья.
Онъ терпитъ на дверяхъ замокъ,
Онъ другъ стыдливый наслажденья,
Онъ братъ любви—но одинокъ.
Когда безсонницей унылой
Во тьмѣ ночной томишься ты,
Онъ оживляетъ тайной силой
Твои неясныя мечты,
Вздыхаетъ нѣжно съ блѣдной Лидой
И гонитъ тихою рукой
И сны, внушенные Кипридой.
И сладкій, дѣвственный покой.
Въ уединенномъ упоеньи
Ты мыслишь обмануть любовь!
Напрасно—въ самомъ наслажденьи
Томишься и вздыхаешь вновь!
Амуръ ужели не заглянетъ
Въ неосвященный твой пріютъ?
Твоя краса какъ роза вянетъ,
Минуты юности бѣгутъ...
Ужель мольба моя напрасна?
Забудь преступныя мечты—
Не вѣчно будешь ты прекрасна,
Не для себя прекрасна ты!

О Д А В О Л Ь Н О С Т Ь .

(ОТРЫВКИ).

Бѣги, сокройся отъ очей,
 Питеры слабая царица!
 Гдѣ ты, гдѣ ты—
 Свободы грозная пѣвица?
 Сорви съ главы моей вѣнокъ,
 Разбей изнѣженную лиру,
 Хочу воспѣть я вольность міру,
 — — — поразить порокъ.

Открой мнѣ благородный слѣдъ
 Того возвышеннаго галла,
 Кому сама средь грозныхъ бѣдъ
 Ты гимны смѣлые внушала.⁴
 Любимцы вѣтреной судьбы,
 Тираны міра, трепещите!
 А вы—мужайтесь и внемлите,
 Возстаньте, падшіе рабы.

Увы, куда ни брошу взоръ,
 Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
 Законовъ гибельный позоръ,
 Невольи немощныя слезы.
 Вездѣ неправедная власть
 Въ стущенной мглѣ предразсужденій,
 Повсюду рабства грозный геній
 И къ славѣ роковая страсть.

Лишь тамъ, надъ — главой
 Неслышимо людей стенанье,
 Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
 Законовъ мощныхъ сочетанье,
 Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ,
 Гдѣ, сжатый вѣрными руками,
 Гражданинъ надъ равными главами
 Ихъ мечъ безъ выбора скользнуть,

И преступленіе съ высока
 Сражаетъ праведнымъ размахомъ;
 Гдѣ неподкупна ихъ рука
 Ни алчной скупостью, ни страхомъ.

⁴ А. Шенье.

Тебя въ свидѣтели зову,
О мученикъ ошибокъ славныхъ,
За предковъ, въ шумѣ бурь недавнихъ,
Сложившій царскую главу!

Восходить къ смерти Людовикъ,
Въ виду безмолвнаго потомства,
Челомъ развѣнчаннымъ приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства.
Молчитъ законъ, народъ молчитъ,
Падеть преступная сѣкира—
И самовластная порфира
На галлахъ скованныхъ лежитъ...

*
* *

Когда на мрачную Неву
Звѣзда полуночи сіяетъ
И беззаботную главу
Спокойный сонъ отягощаетъ,
Глядитъ задумчиво пѣвецъ
На грозный, спящій средь тумана,
Пустынный памятникъ—
Забвенью брошенный дворецъ.

НА АРАКЧЕЕВА.

I.

Всей Россіи притѣснитель,
Губернаторовъ мучитель,
И Совѣта онъ учитель,
А Царю—онъ другъ и братъ.
Полонъ злобы, полонъ мести,
Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести—
Кто жъ онъ, «преданный безъ лести»?¹
Просто фрунтовой солдатъ.

II.

Холопъ!... Благодарю свою судьбу:
Ты стоишь лавровъ Герострата,
Иль смерти нѣмца Коцебу..

¹ Девизъ Аракчеева: «Безъ лести преданъ».

* * *

Мнѣ бой знакомъ—люблю языкъ мечей;
Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной славы,
Люблю войны кровавыя забавы,
И смерти мысль мила душѣ моей.
Во цвѣтѣ лѣтъ, свободы вѣрный воинъ,
Передъ собой кто смерти не видалъ,
Тотъ полнаго веселья не вкушалъ
И милыхъ женъ лобзаній не достоинъ.

* * *

Погасло дневное свѣтило;
На море синее вечерній палъ туманъ.
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминая упоенный...
И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
Душа кипитъ и замираетъ;
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обманъ...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгорались,
Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались
Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отечески края,
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,

Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
 Покоемъ, славою, свободой и душой,
 И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
 Подруги тайныя моей весны златыя,
 И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
 Глубокихъ ранъ любви, ничто не излечило...

Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!...

Черное Море. 1820. Сентябрь.

Э Л Е Г И Я.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
 Минутной, нѣжной красотой!
 Она примѣтно увядаетъ
 Во цвѣтѣ юности живой...
 Увянетъ! Жизнью молодою
 Недолго наслаждаться ей,
 Недолго радовать собою
 Счастливый кругъ семьи своей,
 Безпечной, милой острою
 Весѣды наши оживлять,
 И тихой, ясною душою
 Страдальца душу улаживать.
 Спѣшу въ волненьи думъ тяжелыхъ,
 Сокрывъ уныніе мое,
 Наслушаться рѣчей веселыхъ
 И наглядѣться на нее.
 Смотрю на всѣ ея движенья,
 Внимаю каждый звукъ рѣчей,
 И мигъ единый разлученья
 Ужасенъ для души моей.

(Юрзуфъ).

* *
 *

О дѣва-роза, я въ оковахъ;
 Но не стыжусь твоихъ оковъ:
 Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
 Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
 Близъ розы гордой и прекрасной,
 Въ неволѣ сладостной живетъ,
 И нѣжно пѣсни ей поетъ
 Во мракѣ ночи сладострастной.

Ч А А Д А Е В У.

Къ чему холодныя сомнѣнья?
 Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
 Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
 Дымились жертвоприношенья;
 Здѣсь успокоена была
 Вражда свирѣпой Эвмениды:
 Здѣсь провозвѣстница Тавриды
 На брата руку занесла!
 На сихъ развалинахъ свершилось
 Святое дружбы торжество,
 И душъ великихъ божество
 Своимъ созданьемъ возгордилось...

Чадаевъ, помнишь ли бывшее?
 Давно ль съ восторгомъ молодымъ
 Я мыслилъ имя роковое
 Предать развалинамъ инымъ?
 Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
 Теперь и лѣнь, и тишина,
 И въ умиленіи вдохновенномъ,
 На камнѣ, дружбой освященномъ,
 Пишу я наши имена.

(Съ морскаго берега Тавриды).

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
 Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.
 Люблю немолчный говоръ твой
 И поэтическія слезы.

Твоя серебряная пыль
 Меня кропитъ росой холодной:
 Ахъ, лейся, лейся; ключъ отрадной!
 Журчи, журчи свою мнѣ боль...

Фонтанъ любви, фонтанъ печальной!
 И я твой мраморъ вопрошалъ:
 Хвалу странъ прочелъ я дальной,
 Но о Маріи ты молчалъ...

Свѣтило блѣдное гарема!
 И здѣсь ужель забвенно ты?

Стих. А. С. Пушкина. Т. I.

Или Марія и Зарема
Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья
Въ пустынной мглѣ нарисоваль
Свои минутныя видѣнья,
Души неясный идеаль?

Н Е Р Е И Д А .

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межъ оливъ, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

Каменка.

* *
*

Рѣдвѣть облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ;
Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ таврическія волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую ночь,
Когда на хижины сходила ночи тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И именемъ своимъ—подругамъ называла.

Каменка.

В І Н О Г Р А Д Ъ .

Не стану я жалѣть о розахъ,
Увядшихъ съ легкою весной;
Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,

Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачной,
Какъ персты дѣвы молодой.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

МОЛДАВСКАЯ ПѢСНЯ.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую гречанку я страстно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня:
Но скоро я дожилъ до черного дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей;
Ко мнѣ постучался презрѣнный еврей.

Съ тобою пируютъ (шепнулъ онъ) друзья;
Тебѣ жъ измѣнила гречанка твоя.

Я далъ ему злата и проклялъ его,
И вѣрнаго позвалъ раба моего.

Мы вышли: я мчался на быстромъ конѣ,
И кроткая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидѣлъ гречанки порогъ,
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ...

Въ покой отдаленный вхожу я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзалъ армянинъ.

Не взвидѣлъ я свѣта: булатъ загремѣлъ...
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.

Безглавое тѣло я долго топталъ,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.

Я помню моленья, текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.

Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей, и славы былъ достоинъ.
Тебя младенца онъ ласкалъ
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой былъ кинжалъ,
Братоубійствомъ изощренной.
Какъ часто, возбудивъ свирѣпой мести жаръ,
Онъ молча, надъ твоей невинной колыбелью,
Убійства новаго обдумывалъ ударъ,
И лепетъ твой внималъ, и не былъ чуждъ веселью!
Таковъ былъ: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
Смиреной жизнію предъ небомъ искупила:
Съ могилы грозной къ небесамъ
Она, какъ сладкій еиміамъ,
Какъ чистая любви молитва восходила.

Э П И Г Р А М М Ы.

1. (на каченовскаго).

Хавроніось! ругатель закоснѣлый,
Во тѣмѣ, въ пыли, въ презрѣнны поспѣлый,
Уймись, дружокъ! къ чему журнальный шумъ
И пасквилей томительная тупость?
«Затѣйникъ золь!» съ улыбкой скажетъ глупость;
«Невѣжда глупъ!» зѣвая, скажетъ умъ.

2.

Когда бъ писать ты началъ съ-дуру,
Тогда бъ навѣрно ты пролѣзъ
Сквозь нашу тѣсную цензуру,
Какъ внидешь въ царствіе небесъ.

3 (на е. и. толстого).

Въ жизни мрачной и презрѣнной
 Былъ онъ долго погруженъ;
 Долго всѣ концы вселенной
 Осквернялъ развратомъ онъ.
 Но исправясь понемногу,
 Онъ загладилъ свой позоръ,
 И теперь онъ, слава Богу,
 Только что картежный воръ.

1821.

—

ЗЕМЛЯ И МОРЕ.

ИДИЛЛИЯ МОСКВ.

Когда по синевѣ морей
 Зефиръ скользить и тихо вѣетъ
 Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
 И челны на волнахъ лелѣетъ;
 Заботъ и думъ слагая грузъ,
 Тогда лѣнюсь я веселѣе
 И забываю пѣсни музъ:
 Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.
 Когда же волны по брегамъ,
 Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
 И громъ гремитъ по небесамъ,
 И молніи во мракѣ блещутъ,
 Я удаляюсь отъ морей
 Въ гостепріимныя дубровы:
 Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
 И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый—
 Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
 Игралище слѣпой пучины,
 А я въ надежной тишинѣ
 Внимаю шумъ ручья долины.

8 февраля 1821. Кіевъ.

—

Ж Е Л А Н И Е.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубровы и луга,
Гдѣ весело синѣють, блещутъ воды
И пышные ласкаютъ берега,
Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды,
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

Златой предѣлъ, любимый край Эльвины!
Туда летятъ желанія мои.
Я помню горъ высокія вершины,
Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,
Гдѣ бѣдныя простыхъ татаръ семьи,
Среди заботъ и съ дружбою взаимной,
Подъ кровлею живутъ гостепримной.

Все мило тамъ красною безмятежной.
Все путника плѣняетъ и манить,
Какъ въ ясный день дорогою прибрежной,
Привычный конь по склону горъ бѣжитъ.
Повсюду трудъ веселый и прилежный
Сады татаръ и нивы богатить,
Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ винограда
Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.

Все живо тамъ: и тополей прохлада.
Въ тѣни оливъ уснувшія стада,
Вокругъ домовъ рѣшотки винограда,
Монастыри, селенья, города,
И моря шумъ, и говоръ водопада,
И средь валовъ бѣгущія суда,
И яркіе лучи златаго Феба,
И синій сводъ полуденнаго неба.

Приду ли вновь, поклонникъ музъ и мира,
Забывъ молву и свѣта суеты,
На берегахъ веселаго Салгира
Воспомянуть души моей мечты?
Въ моихъ рукахъ Овидіева лира,
Счастливая пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки,
Найдетъ ли вновь свои живые звуки?

И тамъ, гдѣ мѣрть шумитъ надъ тихой урной,
 Увижу ль вновь, сквозь темныя лѣса,
 И своды скалъ, и моря блескъ лазурной,
 И ясныя, какъ радость, небеса?
 Утихнутъ ли волненія жизни бурной?
 Минувшихъ лѣтъ воскреснетъ ли краса?
 Приду ли вновь подъ сладостныя тѣни
 Душой заснуть на лонѣ мирной лѣни?...

Д І О Н Е Я.

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ, и не разъ
 Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ;
 Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя;
 Твой взоръ потушенный желаніемъ горитъ,
 И долго послѣ, Діоней,
 Улыбку нѣжную лицо твое хранить.

КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Взгляни на милую, когда свое чело
 Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
 Играетъ локономъ, и вѣрное стекло
 Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.

Д Ъ В А.

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!
 Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой.
 Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
 Иную замѣчать, иныхъ искать очей.
 Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
 Пылаетъ близъ нея задумчивая младость;
 Любимцы счастья, наперсники судьбы
 Смиренно ей несутъ влюбленные мольбы:
 Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ
 И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ.

МУЗ А.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
 И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
 Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
 По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
 Уже наигрывалъ я слабыми перстами
 И гимны важные, внушенные богами,
 И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
 Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
 Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной
 И радуя меня наградою случайной,
 Откинувъ локоны отъ милаго чела,
 Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
 Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
 И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

1821 г. февраля 14.

—
 *
 * *

Я пережилъ свои желанья,
 Я разлюбилъ свои мечты!
 Остались мнѣ одни страданья,
 Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
 Увяль цвѣтущій мой вѣнецъ!
 Живу печальный, одинокой.
 И жду: придетъ ли мой конецъ?

Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
 Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
 Одинъ на вѣткѣ обнаженной
 Трепещетъ запоздалый листъ.

Каменка, 22 февраля.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

Подъ бурей рона — твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти — легкій листъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

(НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ РАВЬСКОМУ).

Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной музы приношенье:
Тебѣ я посвятилъ изгнанной лиры пѣнье
И вдохновенный свой досугъ.
Когда я погибалъ безвинный, безотрадный,
И шопотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны хладный,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили—
Я близъ тебя еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И бури надо мной свирѣпость утомили—
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ...
Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ,
Гдѣ пасмурный Бешту,¹ пустынный величавый,
Ауловъ² и полей властитель пятиглавый,
Быль новый для меня Парнасъ.
Забуду ли кремнистыя вершины,
Гремучіе ключи, увядшія равнины,
Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной
Дѣлили души младыя впечатлѣнья;
Гдѣ рыскаетъ въ горахъ воинственный разбой,
И дикій геній вдохновенья
Таится въ тишинѣ глухой!
Ты здѣсь найдешь воспоминанья,
Быть можетъ, милыхъ сердцу дней,
Противорѣчія страстей,

¹ Бешту, или правильнѣе Бештау, кавказская гора, въ 40 верстахъ отъ Георгіевска. Извѣстна въ нашей исторіи.

² Ауль. Такъ называются деревни кавказскихъ народовъ.

Мечты знакомыя, знакомыя страданья
И тайный гласъ души моей.
Мы въ жизни разны шли: въ объятіяхъ покоя
Едва-едва расцвѣлъ, и вслѣдъ отца-героя,
Въ поля кровавыя, подъ тучи вражьи стрѣль,
Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ;
Отечество тебя ласкало съ умиленіемъ,
Какъ жертву милую, надежды вѣрный цвѣтъ.
Я рано скорбь узналъ, постигнуть былъ гоненіемъ,
Я жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ;
Но сердце укрѣпивъ свободой и терпѣніемъ,
Я ждалъ безпечно лучшихъ дней,
И счастье моихъ друзей
Мнѣ было сладкимъ утѣшеніемъ.

Ч А С Т Ъ П Е Р В А Я.

Въ аулѣ, на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ, гибельныхъ тревогахъ.
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденіяхъ дикой нѣги;
Вспоминаютъ прежнихъ дней
Неотразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ узденей, *
Удары шашекъ * ихъ жестокихъ,
И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣль,
И пепелъ разоренныхъ селъ,
И ласки плѣнницъ черноокихъ.

Текутъ бесѣды въ тишинѣ;
Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ:
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесь. Онъ быстро на арканѣ
Младаго плѣнника влачилъ.
«Вотъ русскій!» хищникъ возопилъ.
Аулъ на крикъ его сбѣжался
Ожесточенною толпой;
Но плѣнникъ хладный и нѣмой,
Съ обезображенной главой,
Какъ трупъ недвижимъ оставался.
Лица враговъ не видитъ онъ,

* Узденъ, начальникъ или князь. — * Шашка, черкесская сабля.

Угрозы и криковъ онъ не слышитъ;
Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
И холодомъ тлетворнымъ дышетъ.

И долго плѣнникъ молодой
Лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.
Ужъ полдень надъ его главою
Пылалъ въ сіяніи веселомъ;
И жизни духъ проснулся въ немъ,
Невнятный стонъ въ устахъ раздался;
Согрѣтый солнечнымъ лучемъ,
Несчастный тихо приподнялся;
Кругомъ обводитъ слабый взоръ...
И видитъ: неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,
Гнѣздо разбойничьихъ племенъ,
Черкеской вольности ограда.
Вспомнилъ юноша свой плѣнъ
Какъ сна ужаснаго тревоги,
И слышитъ, загремѣли вдругъ
Его закованныя ноги...
Все, все сказалъ ужасный звукъ!
Затмилась передъ нимъ природа.
Прости, священная свобода!
Онъ рабъ.

За саклями ⁵ лежитъ
Онъ у колючаго забора.
Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора,
Въ пустомъ аулѣ все молчитъ.
Предъ нимъ пустынные равнины
Лежатъ зеленой пеленой;
Тамъ холмовъ тянутся грядой
Однообразныя вершины;
Межъ нихъ уединенный путь
Вдали теряется угрюмой...
И плѣнника младаго грудь
Тяжелой взволновалась думой...

Въ Россію дальній путь ведетъ,
Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ;
Гдѣ первую позналъ онъ радость.
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ

⁵ Сакля, хижина.

Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.*

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей напедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ,
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ,
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленные тобою;
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ.

Свершилось... Цѣлью упованья
Не зрить онъ въ мірѣ ничего,
И вы, послѣднія мечтанья,
И вы сокрылись отъ него. .
Онъ рабъ. Склонясь головой на камень,
Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
Погасъ печальной жизни пламень,
И жаждетъ сѣни гробовой.

Ужъ меркнетъ солнце за горами;
Вдали раздался шумный гулъ;
Съ полей народъ идетъ въ аулъ,
Сверкая свѣтлыми косами.
Пришли; въ домахъ зажглись огни,
И постепенно шумъ нестройной
Умолкнулъ; все въ ночной тѣни
Объято нѣгою спокойной;
Вдали сверкаетъ горный ключъ,

* Въ рукописи было еще добавлено:

Когда роскошныхъ дѣвъ веселья
Младыми розами вѣнчалъ,
И жаръ безумнаго похмѣлья
Минутной страсти посвящалъ.

Сбѣгая съ каменной стремнины;
Одѣлись пеленою тучъ
Кавказа спящія вершины.
Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины
Идетъ, украдкою ступая?..
Очнулся русскій. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоитъ черкешенка младая.
На дѣву молча смотритъ онъ
И мыслить: это лживый сонъ,
Усталыхъ чувствъ игра пустая...
Луною чуть озарена,
Съ улыбкой жалости отрадной,
Колѣна преклонивъ, она
Къ его устамъ кумысь⁶ прохладной
Подноситъ тихою рукой.
Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный,
Онъ ловитъ жадною душой
Пріятной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.
Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ...
Но взоръ умильный, жаръ ланитъ,
Но голосъ нѣжный говоритъ:
Живи! и плѣнникъ оживаетъ.
И онъ, собравъ остатокъ силъ,
Велѣнью милому покорной,
Привсталъ и чашей благотворной
Томленье жажды утолилъ.
Потомъ на камень вновь склонился
Отягощенною главой,
Но все къ черкешенкѣ молодой
Угасшій взоръ его стремился.
И долго, долго передъ нимъ
Она, задумчива, сидѣла,
Какъ бы участіемъ нѣмымъ
Утѣшить плѣнника хотѣла;
Уста невольно каждый часъ
Съ начатой рѣчью открывались,
Она вздыхала и не разъ
Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли какъ тѣнь.

⁶) Кумысь дѣлается изъ кобыльаго молока; напитокъ сей въ большомъ употребленіи между всѣми горскими и кочующими народами Азіи. Онъ довольно пріятенъ и почитается весьма здоровымъ.

Въ горахъ, окованный, у стада
Проводить плѣнникъ каждый день.
Пещеры влажная прохлада
Его скрываетъ въ лѣтній зной.
Когда же рогъ луны серебристой
Блеснетъ за мрачною горой,
Черкешенка, тропой тѣнистой
Приноситъ плѣннику вино,
Кумысъ и ульевъ сотъ душистой,
И бѣлоснѣжное пшено;
Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляетъ,
На немъ покоить нѣжный взоръ,
Съ неясной рѣчию сливается
Очей и знаковъ разговоръ;
Поетъ ему и пѣсни горъ,
И пѣсни Грузіи счастливой
И памяти нетерпѣливой
Передаетъ языкъ чужой.⁷
Впервые дѣвственной душой
Она любила, знала счастье;
Но русскій жизни молодой
Давно утратилъ сладострастье:
Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
Любви младенческой, открытой—
Быть можетъ, сонъ любви забытой
Боялся онъ вспоминать.

Не вдругъ увянетъ наша младость.
Не вдругъ восторги бросятъ насъ,
И неожиданную радость
Еще обнимемъ мы не разъ;
Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О, первый пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь.

Казалось, плѣнникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкать.
Тоску неволи, жаръ мятежный,
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
Влачась межъ угрюмыхъ скалъ,

⁷ Счастливый климатъ Грузіи не вознаграждаетъ сей прекрасной страны за всѣ бѣдствія вѣчно ею претерпѣваемыя. Пѣсни грузинскія пріятны и по большой части заунывны. Онѣ славятъ минутные успѣхи кавкасскаго оружія, смерть нашихъ героев Бакунина и Цицѣанова, измѣны, убійства, иногда любовь . наслажденія.

Въ часъ ранней утренней прохлады,
 Вперяль онъ неподвижный взоръ
 На отдаленныя громады
 Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
 Великолѣпныя картины!
 Престолы вѣчные снѣговъ,
 Очамъ казались ихъ вершины
 Недвижной цѣпью облаковъ,
 И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
 Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
 Эльбрусъ огромный, величавый,
 Вѣлѣлъ на небѣ голубомъ. ⁸

Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
 Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
 Какъ часто плѣнникъ предъ ауломъ
 Недвижимъ на горѣ сидѣлъ.
 У ногъ его дымились тучи,
 Въ степи взвивался паръ летучій;
 Уже пріюта между скалъ
 Елень испуганный искалъ;
 Орлы съ утесовъ подымались
 И въ небесахъ перекликались;
 Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
 Ужъ гласомъ бури заглушались...
 И вдругъ на доли—дождь и градъ
 Изъ тучъ сквозь молній извергались;
 Волнами роя крутизны,
 Сдвигая камни вѣковые,
 Текли потоки дождевые—
 А плѣнникъ, съ горной вышины,
 Одинъ, за тучей громовою,
 Возврата солнечнаго ждалъ,
 Недосыгаемый грозою,
 И бури немощному вою
 Съ какой-то радостью внималъ.

Но европейца все вниманье
 Народъ сей чудный привлекалъ.
 Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ

⁸ Въ 1-хъ изданіяхъ, въ примѣчаніи, находились двѣ обширныя выписки стиховъ, относящихся къ Кавказу, изъ Державина и Жуковского, съ замѣткою Пушкина: «Державинъ въ превосходной своей одѣ графу, Zubovu первый изобразилъ въ слѣдующихъ строфахъ дикія картины Кавказа: О юный вождь и пр.—Жуковскій въ своемъ посланіи къ г. Взейкову также посвящаетъ нѣсколько прелестныхъ стиховъ описанію Кавказа: Ты зрѣлъ, какъ Терекъ и пр.»

Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани;
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ
Какъ иногда черкесь проворной,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукъ склонясь, на стремяна
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ приучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесь оружіемъ обвѣшенъ,
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шапка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный—
Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный.
Гроза безпечныхъ казаковъ,
Его богатство—конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ или въ травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ, внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится;
Въ одно мгновеніе вѣрный бой
Рѣшить ударъ его могучій,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги,
Все путь ему—болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ—
Онъ въ глубь кипящую несется.
И путникъ, брошенный ко дву,
Глотаетъ мутную волну,
Изнемогая смерти просить

И зрить ее передъ собой...
Но мощный конь—его стрѣлой
На берегъ пѣнистый выносить.

Иль ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежить безлунной ночи тѣнь,
Черкесть на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые,
Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ—и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ,
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки—
И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ; *
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину?... Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана,
Взвилась—и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.

Когда же съ мирною семьей
Черкесть въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня—
Тогда хозяинъ благосклонной

* Вар. У стѣнъ Париза напѣ бивакъ.

Съ привѣтомъ, ласково, встаетъ
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь⁹ отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровь гостепріимной.¹⁰

Бывало въ свѣтлый Баиранъ¹¹
Сберутся юноши толпою;
Игра смѣняется игрою:
То полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ,
Нетерпѣливыми рядами,
При данномъ знакѣ вдругъ падутъ;
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.

Но скученъ миръ однообразной
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко пашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ.*

Но русскій равнодушно зрѣлъ
Сіи кровавыя забавы.
Любилъ онъ прежде игры славы
И жаждой гибели горѣлъ.
Невольникъ чести безпощадной,
Вблизи видалъ онъ свой конецъ,
На поединкахъ твердый, хладной,

⁹ Чихирь—красное грузинское вино.

¹⁰ Черкесы, какъ и всѣ дикіе народы, отличаются предъ нами гостепріимствомъ. Гость становится для нихъ священною особою. Предать его или не защищать почитается межъ ними за величайшее безчестіе. Кунакъ (т. е. пріятель, знакомецъ) отвѣчаетъ жизни за вашу безопасность, и съ нимъ вы можете углубиться въ самую средину кабардинскихъ горъ.

¹¹ Байранъ или Байрамъ—праздникъ розговнія. — Рамазанъ—мусульманскій постъ.

* Вар. И жены робкія трепещутъ.

Встрѣчая гибельный свинецъ.
Быть можетъ, въ думу погруженный,
Онъ время то воспоминалъ,
Когда, друзьями окруженный,
Онъ съ ними шумно пировалъ...
Жалѣлъ ли онъ о дняхъ минувшихъ,
О дняхъ надежду обманувшихъ,
Иль, любопытный, созерцалъ,
Суровой простоты забавы,
И дикаго народа нравы
Въ семь вѣрномъ зеркалѣ читалъ—
Таилъ въ молчаньи онъ глубоко
Движенія сердца своего,
И на челѣ его высоко
Не измѣнялось ничего.
Безпечной смѣлости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили вѣкъ его молодой,
И шопотомъ между собой
Своей добычею гордились.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ты ихъ узнала, дѣва горь,
Восторги сердца, жизни сладость;
Твой огненный, невинный взоръ
Высказывалъ любовь и радость.
Когда твой другъ во тьмѣ ночной
Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ,
Сгорая нѣгой и желаньемъ,
Ты забывала міръ земной,
Ты говорила: «плѣнникъ милый,
Развесели свой взоръ унылый,
Склонись главою ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я въ пустынь.
Съ тобою, царь души моей!
Люби меня; никто донинѣ
Не цѣловалъ моихъ очей;
Къ моей постелѣ одинокой
Черкесъ молодой и черноокой
Не крался въ тишинѣ ночной;
Слыву я дѣвою жестокой,
Неумолимой красотой.
Я знаю жребій мнѣ готовый:
Меня отецъ и братъ суровый

Немилому продать хотятъ
Въ чужой аулъ цѣною злата:
Но умолю отца и брата,
Не то—найду кинжалъ иль ядъ!...
Непостижимой, чудной силой
Къ тебѣ я вся привлечена,
Люблю тебя, невольникъ милой,
Душа тобой упоена...»

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
На дѣву страстную взиралъ,
И полный тяжкимъ размышленьемъ
Словамъ любви ея внималъ.
Онъ забывался: въ немъ тѣснились
Воспоминанья прошлыхъ дней,
И даже слезы изъ очей
Однажды градомъ покатались.
Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ
Тоска любви безъ упованья.
Предъ юной дѣвой наконецъ
Онъ изліялъ свои страданья.

«Забудь меня: твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не стою;
Безцѣнныхъ дней не трать со мною;
Другаго юношу зови.
Его любовь тебѣ замѣнить
Моей души печальный хладъ;
Онъ будетъ вѣренъ, онъ оцѣнитъ
Гвою красу, твой милый взглядъ,
И жаръ младенческихъ лобзаній,
И нѣжность пламенныхъ рѣчей;
Безъ упованья, безъ желаній
Я вяну жертвою страстей.
Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасной;
Оставь меня, но пожалѣй
О скорбной участи моей!
Несчастный другъ, зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ,
Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждъ
И упоительнымъ мечтамъ! *

* Въ рукописи было прибавлено:

Въ тѣ дни, когда луна, дубравы,
Морей и бури вольный шумъ,
Дѣвичій голосъ, гимны славы
Еще плѣняли жадный умъ.

Но поздно! умеръ я для счастья,
 Надежды призракъ улетѣлъ;
 Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья
 Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ...

«Какъ тяжело мертвыми устами
 Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
 И очи, полныя слезами,
 Улыбкой холодно встрѣчать!
 Измучася ревностью напрасной,
 Уснувъ безчувственной душой,
 Въ объятіяхъ подруги страстной,
 Какъ тяжело мыслить о другой!...

«Когда такъ медленно, такъ нѣжно,
 Ты пьешь лобзанія мои,
 И для тебя часы любви
 Проходятъ быстро, безмятежно:
 Снѣдая слезы въ тишинѣ,
 Тогда, разсѣянный, унылый,
 Передъ собою, какъ во снѣ,
 Я вижу образъ вѣчно милый;
 Его зову, къ нему стремлюсь,
 Молчу, не вижу, не внимаю;
 Тебѣ въ забвеніи предаюсь
 И тайный призракъ обнимаю;
 О немъ въ пустынѣ слезы лью;
 Повсюду онъ со мною бродить,
 И мрачную тоску наводитъ
 На душу сирую мою.

«Оставь же мнѣ мои желѣзы,
 Уединенныя мечты,
 Воспоминанья, грусть и слезы—
 Ихъ раздѣлить не можешь ты.
 Ты сердца слышала признанье:
 Прости!.. дай руку на прощанье.
 Недолго женскую любовь
 Печалить холодная разлука—
 Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
 Красавица полюбитъ вновь.»

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
 Сидѣла дѣва молодая.
 Туманный, неподвижный взоръ
 Безмолвный выражалъ укоръ.
 Блѣдна какъ тѣнь, она дрожала;
 Въ рукахъ любовника лежала

Ея холодная рука,
И наконецъ любви тоска
Въ печальной рѣчи излилася.

«Ахъ, русскій, русскій, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебѣ навѣкъ я предалася!
Недолго на груди твоей
Въ забвеньи дѣва отдыхала,
Немного радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала!
Придутъ ли вновь когда нибудь?
Ужель навѣкъ погибла радость?
Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя бъ изъ жалости одной,
Молчаньемъ, ласкою притворной;
Я улаждала бъ жребій твой
Заботой нѣжной и покорной;
Я стерегла бъ минуты сна,
Покой тоскующаго друга;
Ты не хотѣлъ... Но кто жъ она,
Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, русскій? ты любишь?—
Понятны мнѣ твои страданья...
Прости жъ и ты мои рыданья,
Не смѣйся горестямъ моимъ.»

Умолкла. Слезы и стenanья
Стѣснили бѣдной дѣвы грудь.
Уста безъ словъ роптали пени;
Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
Она едва могладохнуть.
И плѣнникъ, тихою рукою
Поднявъ несчастную, сказалъ:
«Не плачь! и я гонимъ судьбою,
И муки сердца испыталъ.
Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной,
Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымной,
Забытый средъ пустыхъ долинъ.
Умру вдали береговъ желанныхъ;
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь;
Здѣсь, на костяхъ моихъ изгнанныхъ,
Заржавитъ тягостная цѣпь...»

Свѣтила ночи затмевались;
Въ дали прозрачной означались
Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ;

Главу склонивъ, потупя взоръ,
Они въ безмолвіи разстались.

Унылый плѣнникъ съ этихъ поръ
Одинъ окрестъ аула бродить.
Заря на знойный небосклонъ
За днями новы дни возводить;
За ночью ночь вослѣдъ уходитъ;
Вотще свободы жаждетъ онъ.
Мелькнетъ ли серна межъ кустами,
Проскачетъ ли во мглѣ сайгакъ,
Онъ, вспыхнувъ, загремѣтъ цѣпями,
Онъ ждетъ, не крадется ль казакъ,
Ночной ауловъ разоритель,
Рабовъ отважный избавитель,
Зоветь..... но все кругомъ молчить;
Лишь волны плещутся, бушуютъ,
И человѣка звѣрь почуя
Въ пустыню темную бѣжитъ.

Однажды слышитъ русскій плѣнный,
Въ горахъ раздался кликъ военный:
«Въ табунъ, въ табунъ!» Бѣгутъ, шумятъ;
Уздечки мѣдныя гремятъ,
Чернѣютъ бурки, блещутъ брони,
Кипятъ осѣдланные кони;
Къ набѣгу весь аулъ готовъ,
И дикіе питомцы брани
Рѣкою хлынули съ холмовъ,
И скачутъ по берегамъ Кубани
Сбирать насильственные дани.

Утихъ аулъ; на солнцѣ спать
У саклей псы сторожевые.
Младенцы смуглые, нагѣ,
Въ свободной рѣзвости шумятъ;
Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ;
Изъ трубокъ дымъ, вѣясь, синѣетъ.
Они безмолвно юныхъ дѣвъ
Знакомый слушаютъ пригѣвъ—
И старцевъ сердце молодѣетъ.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

1.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валь;
Въ горахъ безмолвіе ночное;

Казакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копье стальное.
Не спи, казакъ: во тѣмъ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

2.

Казакъ плыветъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣти;
Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ.
Какъ тонуть маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

3.

На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтутъ богатая станицы;
Веселый пляшетъ хороводъ;
Бѣгите, русскія пѣвицы,
Слѣшите, красныя, домой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,
Мечтаетъ русскій о побѣгѣ;
Но цѣпь невольника тяжка,
Быстра глубокая рѣка...
Межъ тѣмъ, померкнувъ, степь уснула,
Вершины скалъ омрачены.
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
Елени дремлютъ надъ водами.
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.

Тогда кого-то слышно стало...
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вотъ—печальна и блѣдна,
Къ нему приблизилась она.
Уста прекрасной ищутъ рѣчи,
Глаза исполнены тоской,
И черной падаютъ волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блеститъ пила,
Въ другой кинжалъ ея булатный:
Казалось, будто дѣва шла
На тайный бой, на подвигъ ратный.

На плѣнника возведши взоръ,
«Бѣги!—сказала дѣва горь:
Нигдѣ черкесь тебя не встрѣтитъ.
Спѣши, не трать ночныхъ часовъ;
Возьми кинжалъ—твоихъ слѣдовъ
Никто во мракѣ не замѣтитъ».

Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась:
Визжитъ желѣзо подъ пилой,
Слеза невольная скатилась—
И цѣпь распалась и гремитъ.
«Ты воленъ! дѣва говоритъ,
Бѣги!» Но взглядъ ея безумный
Любви порывъ изобразилъ.
Она страдала. Вѣтеръ шумный,
Свистя покровъ ея клубилъ.
«О другъ мой! русскій возопилъ:
Я твой на вѣкъ, я твой до гроба.
Ужасный край оставимъ оба,
Бѣги со мной...» Нѣтъ, русскій, нѣтъ!
Она исчезла, жизни сладость—
Я знала все, я знала радость,
И все прошло, пропалъ и слѣдъ.
Возможно ль? Ты любилъ другую!..
Найди ее, люби ее!
О чемъ же я еще тоскую,
О чемъ уныніе мое?..
Прости! любви благословенья
Съ тобою будутъ каждый часъ.
Прости—забудь мои мученья,
Дай руку мнѣ... въ послѣдній разъ.—

Къ черкешенкѣ простеръ онъ руки,
Воскресшимъ сердцемъ къ ней летѣлъ,
И долгій поцѣлуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.
Рука съ рукой, унынья полны,
Сошли ко берегу въ тишинѣ—
И русской въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнитъ волны,
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ...
Вдругъ волны глухо зашумѣли,
И слышенъ отдаленный стонъ...
На дикій берегъ выходитъ онъ,
Глядитъ назадъ... берега ясніли
И опѣненные бѣлѣли,

Но нѣтъ черкешенки молодой
 Ни у береговъ ни подъ горой...
 Все мертво... на берегахъ уснувшихъ
 Нишъ вѣтра слышенъ легкій звукъ,
 И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
 Струистый исчезаетъ кругъ...

Все понялъ онъ... Прощальнымъ взоромъ
 Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ
 Пустой аулъ съ его заборомъ,
 Поля, гдѣ плѣнный стадо пасъ,
 Стремнины, гдѣ влачилъ оковы,
 Ручей, гдѣ въ полдень отдыхалъ,
 Когда въ горахъ черкесть суровый
 Свободы пѣсню запѣвалъ.

Рѣдѣлъ на небѣ мракъ глубокой,
 Жожился день на темный долъ.
 Взошла заря. Тропой далекой
 Освобожденный плѣнникъ шелъ,
 И передъ нимъ уже въ туманахъ
 Сверкали русскіе штыки,
 И откликались на курганахъ
 Сторожевые казаки.

20 февраля 1821. Каменка.

Э П И Л О Г Ъ.

Такъ муза, легкій другъ мечты,
 Къ предѣламъ Азіи летала
 И для вѣнка себѣ срывала
 Кавказа дикіе цвѣты.
 Ее плѣнялъ нарядъ суровой
 Племень, возросшихъ на войнѣ,
 И часто въ сей одеждѣ новой
 Волшебница являлась мнѣ;
 Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
 Одна бродила по скаламъ,
 И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
 Она прислушивалась тамъ;
 Любила бранныя станицы,
 Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
 Курганы, тихія гробницы,
 И шумъ, и ржанье табуновъ.
 Богиня пѣсенъ и разсказа,
 Воспоминанія полна,

Быть можетъ, повторить она
 Преданья грознаго Кавказа;
 Расскажетъ повѣсть дальнихъ странъ,
 Мстислава древній поединокъ,¹²
 Измѣны, гибель россиянь
 На лонѣ мстительныхъ грузинокъ,
 И воспою тотъ славный часъ,
 Когда, почуя бой кровавый,
 На негодующій Кавказъ
 Подъялся нашъ орелъ двуглавый;
 Когда на Терекъ сѣдомъ
 Впервые грянулъ битвы громъ
 И грохотъ русскихъ барабановъ,
 И въ сѣчѣ, съ дерзостнымъ челомъ,
 Явился пылкій Циціановъ.
 Тебя я воспою, герой,
 О Котляревскій, бичъ Кавказа!
 Куда ни мчался ты грозой—
 Твой ходъ, какъ черная зараза,
 Губилъ, ничтожилъ племена...
 Ты днесъ покинулъ саблю мести,
 Тебя не радуешь война;
 Скучая миромъ, въ язвахъ чести,
 Вкушаешь праздный ты покой
 И тишину домашнихъ доловъ...
 Но се—Востокъ подъемлетъ вой!...
 Поникни снѣжною главою,
 Смирись, Кавказъ—идетъ Ермоловъ!

И смолкнулъ ярый крикъ войны:
 Все русскому мечу подвластно.
 Кавказа гордые сыны,
 Сражались, гибли вы ужасно;
 Но не спасла васъ ваша кровь,
 Ни очарованные брони,
 Ни горы, ни лихіе кони,
 Ни дикой вольности любовь!
 Подобно племени Батыя,
 Измѣнить прадѣдамъ Кавказъ,
 Забудетъ алчной брани гласъ,
 Оставить стрѣлы боевыя.

¹² Мстиславъ, сынъ св. Владиміра, прозванный Удалимъ, удѣльнымъ князь Тмутаракани (островъ Тамань). Онъ воевалъ съ кочевниками (по всей вѣроятности, нынѣшними черкесами) и въ единоборствѣ одолѣлъ князя ихъ Редехю.—Ист. Гос. Росс. томъ II.

Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подъѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы.

Одесса 1821. 15 мая.

КЪ АГЛАЪ.

И вы повѣрить мнѣ могли,
Какъ семилѣтняя Агнеса?
Въ какомъ романѣ вы нашли,
Чтобъ умеръ отъ любви повѣса?
Послушайте. Вамъ тридцать лѣтъ:
Да, тридцать лѣтъ—не многимъ болѣ;
Мнѣ за двадцать. Я видѣлъ свѣтъ,
Кружился долго въ немъ на волѣ:
Ужъ клятвы, слезы мнѣ смѣшны,
Проказы утомить успѣли;
Вамъ также съ вашей стороны
Тревоги сердца надѣли.
Умы давно въ насъ охладѣли,
Не кстати намъ учиться вновь!
Мы знаемъ: вѣчная любовь
Живетъ едва ли три недѣли!
Я вами точно былъ плѣненъ
Къ тому же скука... мужъ ревнивый..
Я притворился, что влюбленъ,
Вы притворились, что стыдливы..
Мы поклялись... потомъ... увы!
Потомъ забыли клятву нашу:
Себѣ гусара взяли вы,
А я наперсницу Наташу.
Мы разошлись. До этихъ поръ
Все хорошо, благопристойно:
Могли бы мы безъ глупыхъ ссоръ
Жить мирно, дружно и спокойно;
Но нѣтъ! въ трагическомъ жару
Вы мнѣ сегодня по утру
Сѣдую воскресили древность:
Вы проповѣдуете вновь
Покойныхъ рыцарей любовь,
Учтивый жаръ, и грусть, и ревность..
Оставимъ юный пылъ страстей,
Когда мы клонимся къ закату,
Вы—старшей дочери своей,
Я—своему меньшому брату.
Имъ можно съ жизнію шалить
И слезы впредь себѣ готовить;
Еще пристало имъ любить,
А намъ уже пора злословить!

ПАВЛУ АЛЕКСАНДР. КАТЕНИНУ.

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ,*
 Черты волшебницы прекрасной?
 Талантовъ обожатель страстной,
 Я прежде былъ ея поэтъ.
 Съ досады, можетъ быть, неправой,
 Когда одна въ дыму кадилъ
 Красавица блистала славой,
 Я свистомъ гимны заглушилъ.
 Погибни, злобы мигъ единой.
 Погибни, лиры ложный звукъ:
 Она виновна, милый другъ,
 Предъ Селименой и Моиной.
 Такъ легкомысленной душой,
 О боги, смертный васъ поносить;
 Но вскорѣ трепетной рукой
 Вамъ жертвы новыя приносить.

5 апрѣля.

*
* *

Наперсница волшебной старины,
 Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ—
 Тебя я зналъ во дни моей весны
 Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
 Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
 Являлась ты веселою старушкой,
 И надо мной сидѣла въ шущунѣ,
 Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
 Ты, дѣтскую качая колыбель,
 Мой юный слухъ напѣвами плѣнила;
 И межъ пеленъ оставила свирѣль,
 Которую сама заворожила!
 Младенчество прошло какъ легкій сонъ;
 Ты отрока безпечнаго любила—
 Средь важныхъ музъ тебя лишь помнилъ онъ,
 И ты его тихонько посѣтила.
 Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?
 Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!
 Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
 Какимъ огнемъ блеснулъ привѣтный взоръ!
 Покровъ, клѣбясь волною непослушной,

* А. М. Колосовой, впоследствии Каратыгиной

Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушной;
 Вся въ локонахъ, обвитая вѣнкомъ,
 Прелестная глава благоухала;
 Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ
 Румянилась и тихо трепетала.!

СЪТОВАНИЕ.

(Д. В. ДАВЫДОВУ.)

Недавно я, въ часы свободы,
 Уставъ Наѣздника читалъ,
 И даже ясно понималъ
 Его искусные доводы;
 Узналъ я рѣзкія черты
 Неподражаемаго слога,
 И перевертывалъ листы,

И думалъ: вѣтренный пѣвецъ!
 Перебѣсилась наконецъ
 Твоя проказливая лира;
 И сердцемъ охладѣвъ навѣкъ,
 Ты видно сталъ въ угоду міра
 Благоразумный человѣкъ!
 О, горе! молвилъ я сквозь слезы,
 Кто далъ Давыдову совѣтъ
 Оставить лавръ, оставить розы?
 Какъ могъ унизиться до прозы
 Вѣнчаннѣй музою поэтъ,
 Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ,
 И тѣни Бурцова угрозы?

КИНЖАЛЬ.

Лемносскій богъ тебя сковалъ
 Для рукъ безсмертной Немезиды,
 Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
 Послѣдній судія позора и обиды!

Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
 Свершитель ты проклятій и надеждъ;
 Ты кроешься подъ сѣнью трона,
 Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.

Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
Нѣмое лезвіе злодѣю въ очи блещеть,
И, озираясь, онъ трепещеть
Среди своихъ пировъ.

Вездѣ найдетъ его ударъ надежный твой:
На сушѣ, на моряхъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной.

Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Ты Кесаря сразилъ—и мертвъ объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.

Исчадье мятежа подъемлетъ злобный крикъ.
Презрѣнный, мрачный и кровавый
Надъ трупомъ вольности безглавой
Палачъ уродливый возникъ.¹

Апостоль гибели, усталому аиду
Перстомъ онъ жертвы назначалъ;
Но высшій судъ ему послалъ
Тебя и дѣву-Эвмениду....²

О юный праведникъ, избранникъ роковой,
О Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казенномъ прахѣ.

Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталъ,
Грозя бѣдой преступной силѣ—
И на торжественной могилѣ
Горитъ безъ надписи кинжалъ.

Ч А А Д А Е В У.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,
Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
Тебя недостаетъ душѣ моей усталой.
Врагу стѣснительныхъ условий и оковъ,

¹ Маратъ.—² Шарлотта Кордэ.

Нетрудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блескитъ, тогда какъ сердце дремлетъ
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставля шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденія,
Враговъ моихъ предаль проклятію забвенья,
И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышлений.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ дружень умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыгнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ—и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣнемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И царскосельскія хранительныя сѣни.
Но дружбы нѣтъ со мной; печальный вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ничто не замѣнитъ единственнаго друга:
Ни музы, ни труды, ни радости досуга.
Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленной;
Въ минуту гибели надъ бездной потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.
Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ

Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ,
 Или философа, который въ прежни лѣта
 Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
 Но просвѣтивъ себя, загладилъ свой позоръ,
 Отвыкнулъ отъ вина и сталъ картежный воръ?
 Ораторъ Лужниковъ, ни кѣмъ не замѣчаемъ,
 Мнѣ мало досаждалъ своимъ невиннымъ лаемъ.

Мнѣ ль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
 О лепетаньи дамъ, зоиловъ и глупцовъ,
 И сплетней разбирать игривую затѣю,
 Когда гордиться могъ я дружбою твоею?
 Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь;
 Печали раннія мою тѣснили грудь:
 Къ печалямъ я привыкъ, разсчелся я съ судьбою,
 И жизнь перенесу стоической душою.
 Одно желаніе: останься ты со мной!
 Небесъ я не томилъ молитвою другою.
 О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
 Когда соединимъ слова любви и руки?
 Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
 Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
 Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель,
 И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель;
 Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
 Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
 Младые вечера, пророческіе споры,
 Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
 Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
 Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
 И счастливъ буду я; но только, ради Бога,
 Гони ты Шёппинга отъ нашего порога.

Бишиневъ 6 апрѣля 1821 г.

—
 *
 * *

Всегда такъ будетъ и бывало,
 Таковъ издревле бѣлый свѣтъ:
 Ученыхъ много, умныхъ мало,
 Знакомыхъ тѣма, а друга нѣтъ.

КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦЪ.

Подруга думы праздною,
 Чернильница моя!
 Мой вѣкъ однообразной
 Тобой украсилъ я.

Какъ часто другъ веселья
 Съ тобою забывалъ
 Условный часъ похмѣлья
 И праздничный бокалъ!
 Подъ сѣнью хаты скромной,
 Въ часы печали томной,
 Была ты предо мной
 Съ лампадой и мечтой.
 Въ минуты вдохновенья
 Къ тебѣ я прибѣгалъ,
 И музу призывалъ
 На пиръ воображенья.
 Прозрачный, легкій дымъ
 Носился надъ тобою,
 И съ трепетомъ живымъ
 Въ немъ быстрой чередою

Сокровища мои
 На днѣ твоємъ таятся,
 Тебя я посвятилъ
 Занятіямъ досуга,
 И съ лѣнью примирилъ:
 Она твоя подруга!
 Съ тобой успѣхъ узналъ
 Отшельникъ неизвѣстной...
 Завѣтный твой кристалъ
 Хранить огонь небесной;
 И подъ вечеръ, когда
 Перо по книжкѣ бродить,
 Безъ всякаго труда
 Оно въ тебѣ находитъ
 Концы моихъ стиховъ
 И вѣрность выраженья,
 То звуковъ или словъ
 Нежданное стеченье,
 То ѣдкой шутки соль,
 То (тутъ же) слогъ суровой,
 То странность приемы новой,
 Неслыханной дотоль.
 Любовница свободы,
 Ты съ нею заодно
 Прославила вино
 И прелести природы;
 Ты смѣху обрела
 Пустыхъ любимцевъ моды
 И рѣчи и дѣла.

Съ глупцовъ сорвавъ одежду,
Я весело клеймилъ
Зоила и невѣжду
Пятномъ твоихъ чернилъ....
Но ихъ не разводилъ
Ни тайной злости пѣной,
Ни ядомъ клеветы—
И сердца простоты
Ни лестью, ни измѣной
Не замарала ты.

Безпечный сынъ природы,
Пока златые годы
Въ забвеньи трачу я,
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя!
Но здѣсь, на лонѣ лѣни
Я слышу нѣжны пени
Заботливыхъ друзей....
Ужели ихъ забуду,
Друзей души моей,
И имъ невѣренъ буду?
Оставь, оставь порой
Привычныя затѣи,
И дактиль, и хореи,
Для прозы почтовой.
Минуты холодной скуки,
Сердечной пустоты,
Уныніе разлуки,
Всегдашнія мечты,
Мои надежды, чувства
Безъ лести, безъ искусства,
Бумагъ передай...
Болтливостью небрежной
И вѣтренной, и нѣжной
Ихъ сердце утѣшай...

Когда же берегъ ада
Навѣкъ меня возьметъ,
Когда со мной заснетъ
Перо, моя отрада,
И ты, въ углу пустомъ
Осиротѣвъ, остынешь
И навсегда покинешь
Поэта тихій домъ—
Чадаевъ другъ мой милой
Тѣбя возьметъ, унылой.

Послѣдній будь привѣтъ
Любимцу праздныхъ лѣтъ.
Иссохшая, пустая,
Межъ двухъ его картинъ
Останься вѣкъ нѣмая,
Укрась его каминъ.
Взыскательнаго свѣта
Очей не привлекай,
Но вѣрнаго поэта
Друзьямъ напоминай.

Эпшиневъ, 11 апрѣля 1821.

НИКОЛАЮ СТЕП. АЛЕКСѢВУ.

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечты:
Я позабылъ любви призывы
И плѣнь опасной красоты;
Свободы другъ миролюбивый,
Въ толпѣ красавицъ молодыхъ,
Я, равнодушный и лѣнивый,
Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ томный взоръ, привѣтливый лепетъ
Уже не властны надо мной.
Забыло сердце нѣжный трепетъ
И пламя юности живой.
Теперь ужъ мнѣ влюбиться трудно,
Вдыхать неловко и смѣшно,
Надеждѣ вѣрить безразсудно,
Мужей обманывать грѣшно.
Прошелъ веселой жизни праздникъ.
Какъ мой задумчивый проказникъ,
Какъ Баратынскій, я твержу:
«Нельзя ль найти подруги нѣжной?
Нельзя ль найти любви надежной?»
И ничего не нахожу.
Оставя счастья призракъ ложный,
Безъ упоительныхъ страстей,
Я сталъ наперсникъ осторожный
Моихъ неопытныхъ друзей.
Когда любовникъ изступленной,
Тоскуя, плачетъ предо мной,
И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой;
Когда въ жару своихъ желаній
Съ восторгомъ изъясняетъ онъ

Неясныхъ, темныхъ ожиданій
 Обманчивый, но сладкій сонъ
 И крѣпко руку сжавъ у друга;
 Клянетъ ревниваго супруга,
 Или докучливую мать:
 Его безумнымъ увѣреньямъ
 И поминутнымъ повтореньямъ,
 Люблю съ участіемъ внимать,
 Я льщу слѣпой его надеждѣ,
 Я молодѣ юностью чужой,
 И говорю: такъ было прежде
 Во время оно и со мной.¹

Г Р О Б Ъ Ю Н О Ш И.

. Сокрылся онъ,
 Любви, забавъ питомецъ нѣжной;
 Крутомъ него глубокій сонъ
 И хладъ могилы безмятежной...

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
 Когда весной въ тѣни деревъ
 Онѣ кружились на свободѣ;
 Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
 Не слышенъ ужъ его припѣвъ.

Давно ли старцы любовались
 Его веселостью живой.
 Полупечально улыбались
 И говорили межъ собой:
 «И мы любили хороводы,
 Блистали также въ насъ умы;
 Но погоди, приспѣютъ годы,
 И будешь то, что нынѣ мы;
 Какъ намъ, о міра гость игривый,
 Тебѣ постынетъ бѣлый свѣтъ;

¹ Въ первый разъ стихотвореніе это было напечатано съ такимъ окончаніемъ:

И что жъ? Измѣной хладнокровной
 Я ль стану дружеству вредить,
 И снова тактики любовной
 Уроки хитрые твердить?
 Люби, ласкай твои желанья,
 Надеждѣ, сердцу слѣпо вѣрь.
 Увы! пройдутъ любви мечтанья
 И будешь то, чѣмъ я теперь.

Теперь играй...» Но старцы живы,
 А онъ увялъ во цвѣтѣхъ лѣтъ.
 И безъ него друзья пируютъ;
 Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
 Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ
 Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
 Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
 Одна, быть можетъ слезы льсть,
 И память радостей почившихъ
 Привычной думою зоветъ...
 Къ чему?

Надъ ясными водами
 Гробницы мирною семьей,
 Подъ наклоненными крестами,
 Таятся въ рошѣ вѣковой.
 Тамъ, на краю большой дороги,
 Гдѣ липа старая шумитъ,
 Забывъ сердечныя тревоги,
 Нашъ бѣдный юноша лежитъ.

Напрасно блещетъ лучъ денницы,
 Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
 И вокругъ безчувственной гробницы
 Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ;
 Напрасно утромъ за малиной
 Къ ручью красавица съ корзиной
 Идетъ и въ холодъ ключевой
 Пугливо ногу опускаетъ:
 Ничто его не вызываетъ
 Изъ мирной сѣни гробовой...

Э Л Е Г И Я.

(кн. м. а. голицыной).

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
 Задумчивой игрой мнѣ пѣсни отвѣчали;
 Но если юноши, внимая молча мнѣ,
 Дивились долготу любви моей мученью;
 Но если ты сама, предавшись умиленью,
 Печальные стихи твердила въ тишинѣ
 И сердца моего языкъ любила страстной;
 Но если я любимъ: позволъ, о милый другъ.
 Позволъ одушевить прощальный лиры звукъ

Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной.¹
 Когда меня навѣкъ обymeтъ смертный сонъ,
 Надъ урною моею промолви съ умилениемъ:
 «Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одолженъ
 И пѣсенъ, и любви послѣднимъ вдохновеньемъ.»

21 августа 1821.

КЪ ***.

(къ ней же).

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
 И младости моей мятежное теченье.
 Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
 Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
 Что я любилъ, что измѣнило мнѣ.
 Пускай я радости вкушаю невольнѣ;
 Но ты, невинная, ты рождена для счастья,
 Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ лови:
 Душа твоя жива для дружбы, для любви,
 Для поцѣлуевъ сладострастья;
 Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
 Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.
 Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
 Незанимательную повѣсть?
 Она твой тихій умъ невольно возмутитъ;
 Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;
 Довѣрчивой души безпечность улетитъ,
 И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.
 Быть можетъ, навсегда... Нѣтъ, милая моя.
 Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій.
 Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
 Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я!

24—25 августа, въ ночь.

КЪ ПЛЕЩЕЕВУ.

Зачѣмъ безвременную скуку
 Зловѣщей думою питать
 И неизбежную разлуку
 Въ уныньи робкомъ ожидать?

¹ Послѣ этого стиха было написано и потомъ зачеркнуто:

Не бойся вѣтрныхъ невѣждъ,
 Не бойся клеветы ревнивой,
 Не обмани моихъ надеждъ
 Своєю скромностью пугливой.

И такъ ужъ близокъ день страданья!
Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянныхъ тобою дней:
Тогда изгнаньемъ и могилой,
Несчастный, будешь ты готовъ
Купить хоть слово дѣвы милой,
Хоть легкій шумъ ея шаговъ.

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаеъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Миръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почилъ,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Вѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державной
Ты на земныя племена.

Когда, надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился миръ,
И галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахъ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный
Свободы яркій день вставалъ;

Тогда, въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой;
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченъ,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

Сбылось! Въ величїи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзить—при звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ россъ—
Тильзить надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливица душу волновалъ.

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно русскихъ разгадалъ...

Россія, бранная царица,
Вспомни древнія права!
Померкни, солнце Австерлица!

Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни, краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война: по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣжать Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Вослѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклетіе племенъ.
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнитъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ, о миломъ сынѣ
Въ уныныи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!

Хвала!.. Онъ русскому народу
Высокій жребій указаль,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщаль.

В О Й Н А.

Война!.. Подъяты наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ мести;
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинець!
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурныхъ ополченій,
Тревоги стана, звукъ мечей,
И въ роковомъ огнѣ сраженій
Паденье ратныхъ и вождей!
Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Равбудятъ мой уснувшій геній.
Все ново будетъ мнѣ: простая сѣнь шатра,
Огни враговъ, ихъ чуждое званье,
Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть;
Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умереть со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
Воспоминаніе и брата и друзей,
И мыслей творческихъ напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь?... Ужель ни бранный шумъ,
Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы—
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бѣжитъ меня; нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою овладѣла...
Что жъ медлитъ ужасъ боевой?
Что жъ битва первая еще не закипѣла?..

29 ноября 1821.

КЪ ОВИДІЮ.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
 Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
 Ты нѣкогда принесъ и пепель свой оставилъ.
 Твой безотраднѣйшій плачъ мѣста сіи прославилъ:
 И лиры нѣжнѣйшій гласъ еще не онѣмѣлъ;
 Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
 Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеніи
 Пустыню мрачную, поэта заточенье,
 Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
 И краткой теплотой согрѣтые луга.
 Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
 Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
 Я видѣлъ твой корабль игрищемъ валовъ,
 И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,
 Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокая награда.
 Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда;
 Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
 Тамъ хладной Скиіи свирѣпыя сыны,
 За Истромъ утаясь, добычи ожидаютъ,
 И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
 Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ,
 И по льду звучному безтрепетно идутъ.
 Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!),
 Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненіе жизни ратной,
 Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
 И въ нѣгѣ провождать безпечные часы,
 Ты будешь принужденъ вложить и шлемъ тяжелой,
 И грозный мечъ хранить близъ лиры оробѣлой.
 Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
 Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
 Изгнаннаго пѣвца не уладятъ печали.
 Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
 Напрасно юноши ихъ помнѣть наизусть:
 Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть.
 Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ;
 Дни старости твоей въ забвеніи потонутъ.
 Златой Италіи роскошный гражданинъ,
 Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
 Ты звукою родины вокругъ себя не слышишь;
 Ты въ тяжелой горести далекой дружбѣ пинешь:
 «О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
 И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
 О други, Августу мольбы мои несите!
 Къ ающую длань слезами отклоните!

Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
 И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ—
 Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасной,
 Приблизьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!»
 Чье сердце хладное, презрѣвшее харить,
 Твое уныніе и слезы укорить?
 Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
 Сіи элегіи—послѣднія творенья,
 Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?

Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ,
 Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
 И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
 Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
 Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
 Здѣсь, ожививъ тобою мечты воображенья,
 Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
 И ихъ печальныя картины повѣрять;
 Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
 Изгнаніе твое плѣняло втайнѣ очи,
 Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
 Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь;
 Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
 На скиѣскихъ берегахъ переселенецъ новый,
 Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
 Ужъ пасмурный декабрь на русскіе луга
 Слоями разстилалъ пушистые снѣга;
 Зима дышала тамъ; а съ внешней теплою
 Здѣсь солнце ясное катилось надо мною;
 Младою зеленью пестрѣлъ увядшій лугъ;
 Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
 Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя;
 Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
 Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
 Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
 Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ,
 Когда ты въ первый разъ ввѣрять съ недоумѣньемъ
 Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
 И по льду новому, казалось, предо мной
 Скользила тѣнь твоя, и жалобныя звуки
 Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.

Утѣшься: не увялъ Овидіевъ вѣнецъ!
 Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
 Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній,
 И, жертва темная, умереть мой слабый геній
 Съ печальной жизнію, съ минутною молвой!...
 Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой

Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
 Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной—
 Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
 Къ нему слетить моя признательная тѣнь,
 И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
 Да сохранится же завѣтное преданье:
 Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
 Не славой, участю я равенъ былъ тебѣ.
 Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
 Скитался я въ тѣ дни, какъ на берега Дуная
 Великодушный грекъ свободу вызывалъ:
 И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
 Но не унижилъ вѣкъ измѣнной беззаконной
 Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной. *

1821, декабря 26.

КЪ ПОРТРЕТУ КН. П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
 Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
 Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ,
 И простодушіе съ язвительной улыбкой.

НА КАЧЕНОВСКАГО.

Клеветникъ безъ дарованья,
 Палокъ ищетъ онъ чутьемъ.
 А дневнаго пропитанья
 Ежемѣсячнымъ враньемъ.

* * *

Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой
 За ланью быстрой и пугливой
 Стремится дикій Актеонъ.
 Уже на чистый небосклонъ
 Восходитъ блѣдная Діана—
 И въ сумракъ пускаетъ онъ
 Стрѣлу послѣднюю колчана...

* Прежде оба заключительные стиха печатались такъ:
 Но чуждые холмы, поля, и рощи сонны,
 И музы мирныя мнѣ были благосклонны.

* *
*

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати;
Съ счастьемъ у васъ разладъ:
И прекрасны вы не кстати,
И умны вы не впопадъ.

* *
*

Лизѣ страшно полюбить—
Полно, нѣтъ ли тутъ обмана?
Берегитесь: можетъ быть,
Эта новая Діана
Притаила нѣжную страсть
И стыдливými глазами
Ищетъ робко между вамн:
Кто бы ей помогъ упасть.

* *
*

У Кларисы денегъ мало,
Ты богатъ; иди къ вѣнцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебѣ къ лицу.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ.

Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей,
За Волгой, ночью, вокругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась.
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній!
Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Они стеклися для стяжаній!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердець—
Живуть безъ власти, безъ закона.
Межъ ними зрится и бѣглець
Съ береговъ воинственнаго Дона,
И въ черныхъ локонахъ еврей,
И дикіе сыны степей,
Калмыкъ, башкирецъ безобразной.
И рыжій финнъ, и съ лѣнью праздной
Вездѣ кочующій цыганъ.
Опасность, кровь, развратъ, обманъ
Суть узы страшнаго семейства;
Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
Кто рѣжетъ холодною рукою
Вдовицу съ бѣдной сиротой,
Кому смѣшно дѣтей стenanье,
Кто не прощаетъ, не падить,
Кого убійство веселить,
Какъ юношу любви свиданьс.

Затихло все; теперь луна
Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ,
И чарка пѣннаго вина
Изъ рукъ въ другія переходить.
Простерты на землѣ сырой
Иные чутко засыпаютъ:
И сны зловѣщіе летаютъ
Надъ ихъ преступной головой.
Другимъ рассказы сокращаютъ
Угрюмой ночи праздный часъ;

Умолкли всѣ—ихъ занимаетъ
Пришельца новаго разсказъ,
И все вокругъ его внимаетъ.

«Насъ было двое: братъ и я,
Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
Вскормила чуждая семья.
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость;
Уже мы знали нужды гласъ,
Сносили горькое презрѣнье,
И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ,
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ, да темну ночь;
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь.

«Ахъ, юность, юность удалая!
Житѣ въ то время было намъ,
Когда погибель презирая,
Мы все дѣлили пополамъ.
Бывало, только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подземелія мы въ лѣсъ
Идемъ на промыселъ опасный.
За деревомъ сидимъ и ждемъ:
Идетъ ли позднею дорогой
Богатый жидъ иль пошъ убогой—
Все наше, все себѣ беремъ!
Зимой, бывало, въ ночь глухую
Заложимъ тройку удалую,
Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной.
Кто не боялся нашей встрѣчи?
Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи—
Туда! къ воротамъ! и стучимъ,
Хозяйку громко вызываемъ,
Вошли—все даромъ: пьемъ, ѣдимъ,
И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ!

«И что жъ? попались молодцы;
Недолго братья пировали:

Поймали насъ—и кузнецы
Насъ другъ ко другу приковали,
И стража отвела въ острогъ.
Я старше былъ пятью годами
И вынести больше брата могъ.
Въ цѣпяхъ, за душными стѣнами
Я уцѣлѣлъ—онъ изнемогъ.
Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,
Въ забвеньи, жаркой головою
Склоняясь къ моему плечу,
Онъ умиралъ, твердя всечасно:
«Мнѣ душно здѣсь... я въ лѣсу хочу...
Воды, воды!...» Но я напрасно
Страдальцу воду подавалъ:
Онъ снова жаждою томился,
И градомъ потъ по немъ катился.
Въ немъ кровь и мысли волновалъ
Жаръ ядовитого недуга:
Ужъ онъ меня не узнавалъ,
И поминутно призывалъ
Къ себѣ товарища и друга.
Онъ говорилъ: «гдѣ скрылся ты?
Куда свой тайный путь направилъ?
Зачѣмъ мой братъ меня оставилъ
Средь этой смрадной темноты?
Не онъ ли самъ отъ мирныхъ пашень
Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ,
И ночью тамъ, могущъ и страшень,
Убийству первый научилъ?
Теперь онъ безъ меня на волѣ
Одинъ гуляетъ въ чистомъ полѣ,
Тяжелымъ машетъ кистенемъ
И позабылъ въ завидной долѣ
Онъ о товарищѣ своемъ!...»
То снова разгорались въ немъ
Докучной совѣсти мученья:
Предъ нимъ толпились привидѣнья,
Грозя перстомъ издалика.
Всѣхъ чаще образъ старика,
Давно зарѣзаннаго нами;
Ему на мысли приходилъ;
Больной, зажавъ глаза руками,
За старца такъ меня моилъ:
«Братъ! ежалься надъ его слезами!
Не рѣжь его на старость лѣтъ...
Мнѣ дряхлый крикъ его ужасенъ...
Пусти его—онъ не опасенъ;
Въ немъ крови капли теплой нѣтъ...

Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами,
Не мучь его... авось мольбами
Смягчитъ за насъ онъ Божій гнѣвъ!....»
Я слухалъ, ужасъ одолѣвъ,
Хотѣлъ унять больного слезы
И удалить пустыя грезы.
Онъ видѣлъ пляску мертвецовъ.
Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ;
То слышалъ ихъ ужасный шопоть,
То вдругъ погони близкій топоть,
И дико взгляды его сверкаль,
Стояли волосы горою,
И весь какъ листъ онъ трепетадъ.
То мнилъ ужъ видѣть предъ собою
На площадяхъ толпы людей,
И страшный ходъ до мѣста казни,
И кнутъ, и грозныхъ палачей...
Безъ чувствъ, исполненный боязни,
Братъ упадаль ко мнѣ на грудь.
Такъ проводилъ я дни и ночи,
Не могъ минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

«Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились;
Болѣзнь ужасная прошла,
И съ нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильнѣй
Взяла тоска по прежней долѣ;
Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей.
Намъ тошенъ былъ и мракъ темницы,
И сквозь рѣшотки свѣтъ денницы,
И стражи кликъ, и звонъ цѣпей,
И легкій шумъ заметной птицы.

«По улицамъ однажды мы,
Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы
Сбирали вмѣстѣ подаенье,
И согласились въ тишинѣ
Исполнить давнее желанье.
Рѣка шумѣла въ сторонѣ,
Мы къ ней—и съ береговъ высокихъ
Бухъ!—поплыли въ водахъ глубокихъ.
Цѣпами общими гремимъ,
Бьемъ волны дружными ногами,
Песчаный видимъ островокъ,
И разѣкая быстрый токъ,

Туда стремимся. Вслѣдъ за нами
Кричать: «лови! лови! уйдутъ!»
Два стража издали плывутъ,
Но ужъ на островъ мы вступаемъ,
Оковы камнемъ разбиваемъ,
Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ,
Отягощенные водою...
Погоню видимъ за собою,
Но смѣло, полные надеждъ,
Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ тонетъ,
То захлебнется, то застонетъ—
И какъ свинецъ пошелъ ко дну.
Другой проплылъ ужъ глубину,
Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо,
Не внемля крику моему,
Идетъ, но въ голову ему
Два камня полетѣли прямо—
И хлынула на волны кровь;
Онъ утонулъ—мы въ воду вновъ.
За нами гнаться не посмѣли,
Мы береговъ достичь успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдный братъ...
И трудъ, и волнъ осенній хладъ
Недавнихъ силъ его лишили:
Опять недугъ его сломилъ
И злыя грезы посѣтили.
Три дня больной не говорилъ
И не смыкалъ очей дремотой;
Въ четвертый грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ;
Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,
Потухшій взоръ изобразилъ
Одолѣвающую муку;
Рука задрогла, онъ вздохнулъ—
И на груди моей уснулъ.

«Надъ хладнымъ тѣломъ я остался,
Три ночи съ нимъ не разставался,
Все ждалъ, очнется ли мертвецъ?
И горько плакалъ. Наконецъ
Взялъ заступъ; грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ,
И тѣло въ землю схоронилъ....
Потомъ на прежнюю ловитву
Пошелъ одинъ... Но прежнихъ лѣтъ
Ужъ не дождусь—ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
Пиры, веселые ночлеги
И наши буйные набѣги—

Могила брата все взяла.
Влачусь угрюмый, одинокой;
Окаменѣлъ мой духъ жестокой
И въ сердцѣ жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мнѣ страшно рѣзать старика;
На беззащитныя сѣдины
Не подымается рука.
Я помню, какъ въ тюрьмѣ жестокой
Больной, въ цѣпяхъ, лишенный силъ,
Безъ памяти, въ тоскѣ глубокой
За старца братъ меня молилъ.»

Умолкъ и буйной головою
Разбойникъ въ горести поникъ,
И слезъ горючею рѣкою
Свирѣпый оросился ликъ.
Смѣясь, товарищи сказали:
«Ты плачешь! полно, брось печали;
Зачѣмъ о мертвыхъ вспоминать?
Мы живы: станемъ пировать;
Ну, подчивай сосѣдъ сосѣда!»
И кружка вновь пошла кругомъ;
На мигъ утихшая бесѣда
Вновь оживляется виномъ;
У всякаго своя есть повѣсть;
Всякъ хвалить мѣткій свой кистень.
Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть:
Она проснется въ черный день.

1822.

В А Д И М Ъ.

(отрывки).

I.

В а д и м ъ.

Ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа;
Скажи, Рогдай, жива ль славянская свобода?
Иль князя чуждаго покорные рабы
Рѣшились оправдать гоненіе судьбы?

Р о г д а й.

Вадимъ! надежда есть. Народъ нетерпѣливый,
Старинной вольности питомецъ горделивый,
Досадуя, влачить позорный свой яремъ.
Какъ иноземный гость, невѣдомый никѣмъ,
Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на вѣтѣхъ:
Вражду къ правительству я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ.
Уныніе вездѣ: торговли шумъ утихъ,
Встревожены умы—и пламя тлѣетъ въ нихъ.
Младые граждане кипятъ и негодуютъ.
Вадимъ! они тебя съ надеждой именуютъ....

В а д и м ъ.

Безумные! давно ль они въ глазахъ моихъ
Встрѣчали торжествомъ властителей чужихъ
И вольныя главы подъ иго преклоняли?
Изгнанью моему давно ль рукоплескали?
Теперь зовутъ меня, а завтра, можетъ, вновь....
Невѣрна ихъ вражда! невѣрна ихъ любовь....
Но я не измѣню....

II.

Сводъ неба мракомъ обложился;
Въ волнахъ Варяжскихъ лунный лучъ,
Сверкая межъ вечернихъ тучъ,
Столпомъ неровнымъ отразился.
Качаясь, лебедь на волнѣ

Заснуль, и все кругомъ почило....
Но вотъ по темной глубинѣ
Стремится бѣлое вѣтрило,
И блещетъ пѣна при лунѣ;
Летитъ испуганная птица,
Услыша близкій плескъ весла.
Чей это парусъ? Чья десница
Его во мракѣ напрягла?

Ихъ двое. На весло нагбенный,
Одинъ, смиренный житель волнъ,
Гребетъ и къ югу править челнъ;
Другой, какъ вѣлхвомъ пораженный,
Стоитъ недвижимъ; на брега
Глаза вперивъ, не молвить слова.
И черезъ челнъ его нога
Перешагнуть уже готова.
Плывутъ....

«Причаливай, старикъ!
Къ утесу правь!»—и въ волны вмигъ
Прыгнувъ пловецъ нетерпѣливой,
И береговъ уже достигъ.
Межъ тѣмъ, рукой неторопливой
Другой вѣтрило опустивъ,
Свой челнъ къ утесу пригоняетъ,
Къ подошвамъ двухъ союзныхъ ивъ
Узломъ надежнымъ укрѣпляетъ,
И всходитъ медленной стопой
На берегъ дикій и крутой.
Кремень звучить, и пламя вскорѣ
Далеко освѣтило море.
Суровый край! громады скалъ
На берегу стоять угрюмомъ;
Объ нихъ мятежный бьется валъ
И пѣна плещетъ; сосны съ шумомъ
Качаютъ старыя главы
Надъ зыбкой пеленой пучины;
Кругомъ ни цвѣта, ни травы,
Песокъ да мохъ; скалы, стремнины
Вездѣ хранятъ клеймо громовъ
И слѣдъ потоковъ истощенныхъ,
И тлѣютъ кости—пиръ волковъ
Въ разсѣлинахъ окровавленныхъ.
Къ огню заботливый старикъ
Простеръ нѣмѣющія руки.
Примѣты долголѣтней муки:
Согбенны кости, топкій ликъ,

На коемъ время углубляло
 Свои послѣдніе слѣды,
 Одежда, обувь— все являло
 Въ немъ дикость, нужду и труды.
 Но кто же тотъ? Блится младость
 Въ его лицѣ; какъ вѣшній цвѣтъ
 Прекрасенъ онъ; но, мнится, радость
 Его не знала съ дѣтскихъ лѣтъ;
 Въ глазахъ потупленныхъ кручина;
 На немъ одежда славянина,
 И на бедрѣхъ славянскій мечъ.
 Славянъ вотъ очи голубыя,
 Вотъ ихъ и волосы золотые,
 Волнами падшіе до плечъ — — —

Косматымъ рубищемъ одѣтый,
 Огнемъ живительнымъ согрѣтый,
 Старикъ забылся крѣпкимъ сномъ.
 Но юноша, на перси руки
 Задумчиво сложивъ крестомъ,
 Сидитъ съ нахмуреннымъ челемъ....

Проходитъ ночь; огонь погасъ,
 Остылъ и пепель; водъ пучина
 Бѣлѣетъ; близокъ утра часъ;
 Нисходитъ сонъ на славянина.

Видалъ онъ дальныя страны,
 По сушѣ, по морю носился,
 Во дни былые, дни войны,
 На западѣ, на югѣ бидся,
 Дѣля добычу и труды
 Съ суровымъ племенемъ Одена,
 И передъ нимъ враговъ ряды
 Бѣжали, какъ морская пѣна
 Въ часъ бури къ чернымъ берегамъ.
 Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
 И арфамъ скальдовъ изступленныхъ.
 Въ жилищѣхъ сильныхъ пировалъ,
 И очи дѣвъ иноплеменныхъ
 Красою чуждой привлекалъ.
 Но сладкій сонъ не переноситъ
 Теперь героя въ край чужой,
 Въ поля, гдѣ мчится бурный бой.
 Гдѣ мечъ главы героевъ коситъ;
 Не видитъ онъ знакомыхъ скалъ
 Киріаландіи печальной.
 Ни Альбіона, гдѣ искалъ

Кровавыхъ сѣчь и славы дальнѣй
 Ему не снится шумъ валовъ;
 Онъ позабылъ морскія битвы,
 И пламя яркое костровъ,
 И трубный звукъ, и лай ловитвы;
 Другія грезы и мечты
 Волнуютъ сердце славянина:
 Предъ нимъ славянская дружина;
 Онъ узнаетъ ея щиты,
 Онъ снова простираетъ руки
 Товарищамъ минувшихъ лѣтъ,
 Забытымъ въ долги дни разлуки,
 Которыхъ ужъ и въ мѣръ нѣтъ....¹

Межъ тѣмъ привычныя заботы
 Средь усладительной дремоты
 Тревожатъ душу старика:
 Во снѣ онъ парусъ развиваетъ,
 Плыветъ по волѣ вѣтерка;
 Его тихонько увлекаетъ
 Къ заливу свѣтлая рѣка.
 И рыба сонная впадаетъ
 Въ тяжелый неводъ старика;
 Все тихо: море почиваетъ,
 Но туча виснетъ; дальнѣй громъ
 Надъ звучной бездною грохочетъ,

¹ Въ изданіи 1829 г. послѣ этого опущены стихи:

Онъ видитъ Новгородъ великой,
 Знакомый теремъ съ давнихъ поръ;
 Но тынъ обросъ крапивою дикою,
 Обвиты окна повилякой,
 Въ травѣ загложъ широкій дворъ.
 Онъ быстро храминъ опустѣлыхъ
 Проходитъ молчаливый рядъ:
 Все мертво... нѣтъ гостей веселыхъ,
 Застольны чаши не гремятъ...
 И вотъ веселая свѣтлица.
 Въ немъ сердце бьется: здѣсь или нѣтъ
 Любовь очей, душа-дѣвица?
 Цвѣтетъ ли здѣсь мой милый цвѣтъ?
 Найду ль ее?... И съ этимъ словомъ
 Онъ входитъ... Что же? Страшный видъ—
 Въ постелѣ холодной, подъ покровомъ
 Дѣвица мертвая лежитъ!...
 Въ немъ замеръ духъ и взволновался.
 Покровъ приподнимаетъ онъ,
 Глядитъ, глядитъ—и слабый стонъ
 Сквозь тяжкій сонъ его раздался.
 Она, она! ея черты!...
 На персяхъ рану обнажаетъ,
 Она погибла! восклицаетъ;
 Кто могъ?... И слышитъ голосъ: ты!...

И вотъ пучина надъ челномъ,
 Кипитъ, подъемлется, клокочетъ;
 Напрасно къ вѣрнымъ берегамъ
 Несчастный возвратиться хочетъ,
 Челнокъ трещить—и пополамъ!
 Рыбакъ идетъ на дно морское....
 И пробудясь, трепещетъ онъ,
 Глядитъ окрестъ—брега въ покоѣ,
 На полусвѣтлый небосклонъ
 Восходитъ утро золотое;
 Съ деревъ, съ утесистыхъ вершинъ
 На встрѣчу радостной денницы
 Щебеча, полетѣли птицы,
 И разсвѣло....

УЗНИКЪ.

Сижу за рѣшоткой въ темницѣ сырой.
 Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой,
 Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
 Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ,

Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
 Какъ будто со мною задумалъ одно.
 Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
 И вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!

«Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
 Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
 Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
 Туда, гдѣ гуляемъ.... лишь вѣтеръ да я!...

Кипишевъ, 1822.

ПѢСНЬ О ВЪЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ
 Отмстить неразумнымъ хозарамъ:
 Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
 Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
 Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
 Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ

Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
 Идетъ вдохновенный кудесникъ,

Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведеншій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня.

«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

«Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

«И синяго моря обманчивый валь
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Шадятъ побѣдителя годы....
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
Незримый хранитель могущему данъ.

«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего.»

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладить, и треплеть по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время;

Теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ;
Въ мой лугъ подъ устцы отведите;
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите.»
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана....
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвить Олегъ;
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также ль лежеть его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня.»
И хочеть увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ, на холмѣ, у берега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступитъ
И молвить: «спи другъ одинокой!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!...

«Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»

Изъ мертвой главы гробовая змія,
 Шиша, между тѣмъ выползала;
 Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась:
 И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые залѣнясь шишатъ
 На тризнѣ плачевной Олега;
 Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
 Дружина пируетъ у берега;
 Бойцы поминаютъ минувшіе дни
 И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

1 марта 1822.

П Т И Ч К А.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
 Родной обычай старины:
 На волю птичку выпускаю
 При свѣтломъ праздникѣ весны.
 Я сталъ доступенъ утѣшенью;
 За что на Бога мнѣ роптать,
 Когда хотъ одному творенью
 Я могъ свободу даровать?

(13 мая 1822).

* *
 *

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной
 И ваши тайные цвѣты,
 О вы, поэзіи прелестной
 Благословенныя мечты!
 Вы насъ увѣрили, поэты,
 Что тѣни легкою толпой,
 Отъ береговъ холодной Леты
 Слетаются на брегъ земной
 И невидимо навѣщаютъ
 Мѣста, гдѣ было все милѣй,
 И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
 Сердца покинутыхъ друзей;
 Онѣ, безсмертіе вкушая,
 Ихъ поджидаютъ въ Элизей,
 Какъ ждетъ на пиръ семья родная
 Своихъ замедлившихъ гостей...
 Но, можетъ быть, мечты пустыя—

Быть можетъ, съ ризой гробовой
 Всѣ чувства брошу я земныя,
 И чуждѣ мнѣ будетъ міръ земной;
 Быть можетъ, тамъ, гдѣ все блистаетъ
 Нетлѣнной славой и красой,
 Гдѣ чистый пламень пожираетъ
 Несовершенство бытія,
 Минутныхъ жизни впечатлѣній
 Не сохранить душа моя:
 Не буду вѣдать сожалѣній,
 Тоску любви забуду я...

(27 мая 1822).

Д Р У З Ъ Я М Ъ.

Вчера былъ день разлуки шумной,
 Вчера былъ Вакха буйный пиръ,
 При кликахъ юности безумной,
 При громѣ чашъ, при звукѣ лиръ.

Такъ, музы васъ благословили,
 Вѣнками свѣже осыня,
 Когда вы, други, отличили
 Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
 Не ослѣпляя нашихъ глазъ,
 Она не суетной работой,
 Не рѣзбою плѣняла насъ;

Но тѣмъ однимъ лишь отличалась.
 Что, жажду скиескую поя,
 Бутылка полная вливалась
 Въ ея широкіе края.

Я пилъ, и дуемою сердечной
 Во дни минувшіе леталъ,
 И горе жизни скоротечной,
 И сны любви воспоминалъ.

Меня смѣшила ихъ измѣна:
 И скорбь исчезла предо мной,
 Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
 Подъ зашипѣвшею струей.

ЦАРЬ НИКИТА.

(НАЧАЛО СКАЗКИ).

Царь Никита жилъ когда-то,
Славно, мирно и богато;
Не творя добра, ни зла:
И земля его цвѣла.

Царь трудился понемногу,
Кушалъ, пилъ, молился Богу,
И отъ разныхъ матерей
Прижилъ сорокъ дочерей—
Сорокъ дѣвушекъ прелестныхъ,
Сорокъ ангеловъ небесныхъ,
Милыхъ видомъ и душой,
Что за глазки—Боже мой!
Ротикъ алый, темный волосъ;
Ножки чудо! Нѣжный голосъ
Васъ съ ума свести бы могъ.
Словомъ, съ головы до ногъ
Чувство, душу все плѣняло;
Одного не доставало...

Да чего же одного?
Такъ бездѣлки, ничего;
Ничего иль очень мало,
Все равно, не доставало...
Какъ бы это изъяснить,
Чтобы намъ не прогнѣвить
Богомольной важной дуры
Или чопорной цензуры...
Какъ быть, помощи мнѣ Богъ!..

.
.

Ихъ чудесное рожденье
Привело въ недоумѣнье
Всѣ придворныя сердца;
Грустно было для отца
И для матерей печальныхъ;
А отъ бабокъ повинныхъ
Какъ узналъ о томъ народъ,
Съ ужасомъ разнѣла ротъ,
Охаль, ахаль, ди овался,
А иной хотъ и смѣялся,
Да тихонько, чтобы въ путь
Отдаленный не махнуть.
Царь собралъ своихъ придворныхъ,

Нянекъ, мамушекъ покорныхъ,
 Издасть имъ такой приказъ:
 «Если кто нибудь изъ васъ!...»
 Царь былъ строгъ, но справедливъ;
 А приказъ краснорѣчивъ.
 Всякъ со страхомъ поклонился,
 Остеречься всякъ рѣшился,
 Ухо всякъ держалъ востро
 И берегъ свое добро.
 Жены бѣдныя боялись,
 Чтобъ мужья не проболтались,
 Втайнѣ думали мужья:
 Провинись жена моя!...

П Р І Я Т Е Л Ю.

Не притворяйся, милый другъ,
 Соперникъ мой широкоплечій:
 Тебѣ не страшенъ лиры звукъ,
 Ни элегическія рѣчи.
 Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ,
 Я слишкомъ вѣтренъ и лѣнивъ,
 Твоя красавица не дура;
 Я вижу все и не сержусь:
 Она прелестная Лаура,
 Да я въ Петrarки не гожусь.

БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАБІИ.

Сія пустынная страна.
 Священна для души поэта:
 Она Державинымъ воспитана
 И славой русскою полна.
 Еще донинѣ тѣнь Назона
 Дунайскіе ищетъ берегоръ;
 Она летитъ на сладкій зовъ
 Питомцевъ музъ и Аполлона,
 И съ нею часто при лунѣ
 Брожу вдоль берега крутаго;
 Но, другъ, обнять милѣе мнѣ
 Въ тебѣ Овидія живаго.

Е М У Ж Е.

Я жду обѣщанной тетради:
 Что жъ медлишь, милый турбадуръ!
 Пришли ее мнѣ, Феба ради,
 И награди тебя Амуръ.

П Р И М Ѣ Т Ы.

Старайся наблюдать различныя примѣты.
 Пастухъ и земледѣль въ младенческія лѣты,
 Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
 Умѣютъ ужъ предречь и вѣтръ, и ясный день,
 И майскіе дожди, молодыхъ полей отраду,
 И мразовъ ранній холодъ, опасный винограду.
 Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
 Плещаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
 Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,
 Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
 Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
 Готовясь ужъ косить высокій злакъ долинъ,
 Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
 И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту.

1822

Г Р Е Ч А Н К Ъ.

(каллипсо).

Ты рождена воспламенять
 Воображеніе поэтовъ,
 Его тревожить и плѣнять
 Любезной живостью привѣтовъ,
 Восточной странностью рѣчей,
 Блистаньемъ зеркальныхъ очей
 И этой ножкою нескромной;
 Ты рождена для нѣги томной,
 Для упоенія страстей.
 Скажи: когда пѣвецъ Леилы
 Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ
 Свой неизмѣнный идеалъ,
 Ужъ не тебя ль изображалъ
 Поэтъ мучительный и милый?

Быть можетъ, въ дальней сторонѣ.
 Подъ небомъ Греціи священной,
 Тебя страдалецъ вдохновенной
 Узналъ иль видѣлъ какъ во снѣ,
 И скрылся образъ незабвенной
 Въ его сердечной глубинѣ.
 Быть можетъ, лирою счастливой
 Тебя волшебникъ искушалъ;
 Невольный трепетъ возникалъ
 Въ твоей груди самолюбивой:
 И ты, склоняся къ его плечу...
 Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревнивой
 Питать я пламя не хочу:
 Мнѣ долго счастье чуждо было,
 Мнѣ ново наслаждаться имъ,
 И, тайной грустію томимъ,
 Боюсь: невѣрно все, что мило.

А Д Е Л И.

(А. А. ДАВЫДОВОЙ).

Играй, Адель.
 Не знай печали.
 Хариты, Лель
 Тебя вѣнчали
 И колыбель
 Твою качали.
 Твоя весна
 Тиха, ясна:
 Для наслажденья
 Ты рождена.
 Часъ упоенья
 Лови, лови!
 Младья лѣта
 Отдай любви,
 И въ шумѣ свѣта
 Люби, Адель,
 Мою свирѣль.

(Ноябрь 1822. Каменка).

КЪ ОЕД. НИКОЛ. ГЛИНКѢ.

Когда средь оргій жизни шумной
 Меня постигнулъ остракизмъ,
 Увидѣлъ я толпы безумной
 Презрѣнный, робкій эгоизмъ;

Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
 Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
 Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
 Великодушный гражданинъ!
 Пускай судьба опредѣлила
 Гоненья грозныя мнѣ вновь,
 Пускай мнѣ дружба измѣнила,
 Какъ измѣнила мнѣ любовь,
 Въ моемъ изгнаньи позабуду
 Несправедливость ихъ обидъ:
 Онѣ ничтожны, если буду
 Тобой оправданъ, Аристидъ!

(Кисилевъ, 1822).

ЖАЛОБА.

Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ,
 А вы, вы знатный господинъ:
 Таковъ объ васъ народный говоръ,
 Высокородный Сѣверинъ.
 Потомокъ предковъ благородныхъ,
 Увы, никто въ моей роднѣ
 Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
 И не варить обѣда мнѣ.

РУССКОМУ ГЕСПЕРУ.

(В. П. ПАНАЕВУ).

Куда ты холоденъ и сухъ!
 Какъ слогъ твой чопоренъ и блѣденъ!
 Какъ въ изобрѣтеняхъ ты бѣденъ
 Какъ утомляешь ты мой слухъ!
 Твоя пастушка, твой пастухъ
 Должны ходить въ овчинной шубѣ:
 Ты ихъ морозишь на легкѣ!
 Гдѣ ты нашелъ ихъ? Въ шустерь-клубѣ
 Или на Красномъ-кабакѣ?

* *
 *

Невѣдомскій поэтъ, невѣдомый ни кѣмъ,
 Печатаетъ стихи, невѣдомо зачѣмъ.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

Многіе, также какъ и я, посѣщ лч сей
фонтанъ, но нѣмъ уже нѣтъ, другиіа страд
ствують далече.

С а д и.

Гирей сидѣлъ, потуша взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.
Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивой
Махнулъ рукой нетерпѣливой—
И всѣ, склонившись, идутъ вонъ.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ;
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ;
Живѣе строгое чело
Волненье сердца выражаетъ:
Такъ бурны тучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло.

Что движеть гордою душою?
Какою мыслью занять онъ?
На Русь ли вновь идетъ войною,
Несетъ ли Польшѣ свой законъ,
Горить ли мѣстю кровавой,
Открылъ ли въ войскѣ заговоръ.
Страшится ли народовъ горь,
Иль козней Генуи лукавой?

Нѣтъ, онъ сѣдуетъ бранной славой,
Устала грозная рука;
Война отъ мыслей далека.

Ужель въ его гаремъ измѣна
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нѣтъ и плѣна
Гяуру сердце отдала?

Нѣтъ, жены робкія Гирея,
Ни думать, ни желать не смѣя,
Цвѣтутъ въ унылой тишинѣ;
Подъ стражей бдительной и хладной,
На лонѣ скуки безотрадной
Измѣнъ не вѣдаютъ онѣ;
Въ тѣни хранительной темницы
Утаены ихъ красоты:
Такъ аравійскіе цвѣты
Живутъ за стеклами теплицы.
Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣта проходятъ,
И непримѣтно за собой
И младость, и любовь уводятъ.
Однообразенъ каждый день,
И медленно часовъ теченье.
Въ гаремѣ жизнью править лѣнь;
Мелькаетъ рѣдко наслажденье.
Младяя жены, какъ-нибудь
Желая сердце обмануть,
Мѣняютъ пышные уборы,
Заводятъ игры, разговоры,
Или при шумѣ водъ живыхъ,
Надъ ихъ прозрачными струями,
Въ прохладѣ яворовъ густыхъ
Гуляютъ легкими роями.
Межъ ними ходитъ злой евнухъ,
И убѣгать его напрасно:
Его ревнивый взоръ и слухъ
За всѣми слѣдуетъ всечасно.
Его стараньемъ заведенъ
Порядокъ вѣчный. Воля хана,
Ему единственный законъ:
Святуя заповѣдь Корана
Не строже наблюдаетъ онъ.
Его душа любви не проситъ;
Какъ истуканъ, онъ переноситъ
Насмѣшки, ненависть, укоръ,
Обиды шалости нескромной,
Презрѣнныя просьбы, робкій взоръ,
И тихій вздохъ, и ропотъ томной.
Ему извѣстенъ женскій нравъ;
Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ
И на свободѣ и въ неволѣ:
Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой
Невластны надъ его душой:
Онъ имъ уже не вѣрить болѣ.

Раскинувъ легкіе власы,
Какъ идутъ плѣнницы младыя
Купаться въ жаркіе часы,
И лѣются волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы,
Забавъ ихъ сторожъ неотлучный,
Онъ тутъ; онъ видитъ, равнодушный,
Прелестницъ обнаженный рой;
Онъ по гарему въ тѣмѣ ночной
Неслышными шагами бродить:
Ступая тихо по коврамъ,
Къ послушнымъ крадется дверямъ,
Отъ ложа къ ложу переходить;
Въ заботѣ вѣчной, ханскихъ женъ
Роскошный наблюдаетъ сонъ,
Ночной подслушиваетъ лепетъ;
Дыханье, вздохъ, малѣйшій трепетъ,
Все жадно примѣчаетъ онъ:
И горе той, чей шопотъ сонный
Чужое имя призывалъ,
Или подруги благосклонной
Порочны мысли довѣрять!

Что жъ полонъ грусти умъ Гирея?
Чубукъ въ рукахъ его потухъ;
Недвижимъ идохнуть не смѣя,
У двери знака ждетъ евнухъ.
Встаетъ задумчивый властитель;
Предъ нимъ дверь настезъ. Молча, онъ
Идетъ въ завѣтную обитель
Еще недавно милыхъ женъ.

Безпечно ожидая хана,
Вокругъ игриваго фонтана
На шолковыхъ коврахъ онѣ
Толпою рѣзвою сидѣли
И съ дѣтской радостью глядѣли,
Какъ рыба въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно инья
Роняли серьги золотыя.
Кругомъ невольницы, межъ тѣмъ,
Шербетъ носили ароматной,
И пѣсню звонкой и пріятной
Вдругъ огласили весь гаремъ.

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

«Даруетъ небо человѣку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
На старости печальныхъ лѣтъ.

2.

«Блаженъ, кто славный берегъ Дуная
Своею смертью освятить:
Къ нему на встрѣчу дѣва рая
Съ улыбкой страстной полетить.

3.

«Но тотъ блаженный, о Зарема,
Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
Какъ розу, въ тишинѣ гарема
Лелѣетъ, милая, тебя.»

Онъ поютъ. Но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса гарема?
Увы, печальна и блѣдна,
Похвалъ не слушаетъ она;
Какъ пальма, смятая грозою,
Поникла юной головою;
Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбилъ Гирей.

Онъ измѣнилъ!.. Но кто съ тобою,
Грузинка, равенъ красотою?
Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.
Чей голосъ выразить сильнѣй
Порывы пламенныхъ желаній?
Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ язвительныхъ лобзаній?
Какъ сердце, полное тобой.
Забьется для красоты чужой?
Но, равнодушный и жестокий,
Гирей презрѣлъ твои красы,
И ночи хладные часы
Проводить мрачный, одинокий,

Съ тѣхъ поръ, какъ польская княжна
Въ его гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
Узрѣла небеса чужія;
Недавно милою красой
Она цвѣла въ странѣ родной;
Сѣдой отецъ гордился ею
И звалъ отрадою своею.
Для старика была законъ
Ея младенческая воля.
Одну заботу вѣдалъ онъ,
Чтобъ дочери любимой доля
Была, какъ вѣснній день, ясна,
Чтобъ и минутныя печали
Ея души не помрачали;
Чтобъ даже замужемъ она
Воспоминала съ умиленьемъ
Дѣвичье время, дни забавъ,
Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
Все въ ней плѣняло: тихій нравъ,
Движенія стройныя, живыя,
И очи томно-голубыя.
Природы милые дары
Она искусствомъ украшала;
Она домашніе пиры
Волшебной арфой оживляла;
Толпы вельможъ и богачей
Руки Маріиной искали,
И много юношей по ней
Въ страданіяхъ тайномъ изнывали.
Но въ тишинѣ души своей
Она любви еще не знала,
И независимый досугъ
Въ отцовскомъ замкѣ межъ подругъ
Однѣмъ забавамъ посвящала.

Давно ль? И что же! Тѣмы татаръ
На Польшу хлынули рѣкою:
Не съ столь ужасной быстротою
По жатвѣ стелется пожаръ.
Обезображенный войною,
Цвѣтущій край осиротѣлъ;
Исчезли мирныя забавы;
Уныли села и дубравы,
И пышный замокъ опустѣлъ.
Тиха Маріина свѣтлица...
Въ домовоѣ церкви, гдѣ кругомъ

Почіють мощи хладнымъ сномъ,
Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
Воздвиглась новая гробница...
Отецъ въ могилѣ, дочь въ плѣну.
Скупой наслѣдникъ въ замкѣ править,
И тягостнымъ ярмомъ безславить
Опустошенную страну.

Увы! дворецъ Бахчисарая
Скрываетъ юную княжну:
Въ неволѣ тихой увядая,
Марія плачетъ и груститъ.
Гирей несчастную щадить:
Ея унынье, слезы, стоны
Тревожатъ хана краткій сонъ,
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы.
Угрюмый сторожъ ханскихъ женъ
Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ;
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ее возводитъ;
Не смѣетъ устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей:
Она въ купальнѣ потаенной
Одна съ невольницей своей,
Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальный возмущать покой;
Гарема въ дальнемъ отдѣленѣ
Позволено ей жить одной:
И, мнится, въ томъ уединенѣ
Сокрылся нѣкто неземной.
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной вѣрой обитаетъ,
И сердцу все напоминаетъ
О близкой, лучшей сторонѣ...
Тамъ дѣва слезы проливаетъ
Вдали завистливыхъ подругъ;
И между тѣмъ, какъ все вокругъ
Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
Святыню строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ.
Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній,
Хранить одинъ святой залогъ,

Одно божественное чувство . . .

Настала ночь; покрылись тѣнью
 Тавриды сладостной поля;
 Вдали подъ тихой лавровъ сѣнью
 Я слышу пѣнье соловья;
 За хоромъ звѣздъ луна восходитъ;
 Она съ безоблачныхъ небесъ
 На доли, на холмы, на лѣсъ
 Сіянье томное наводитъ.
 Покрыты бѣлой пеленой,
 Какъ тѣни легкія мелькая,
 По улицамъ Бахчисарая,
 Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
 Простыхъ татаръ спѣшать супруги
 Дѣлать вечерніе досуги.
 Дворецъ утихъ; уснулъ гаремъ,
 Объятый нѣгой безмятежной;
 Не прерывается ни чѣмъ
 Спокойство ночи. Стражъ надежной,
 Доворомъ обошелъ евнухъ.
 Теперь онъ спитъ; но страхъ прилежной
 Тревожить въ немъ и спящій духъ.
 Измѣнъ всечасныхъ ожиданье
 Покоя не даетъ уму.
 То чей-то шорохъ, то шептанье,
 То крики чудятся ему;
 Обманутый невѣрнымъ слухомъ,
 Онъ пробуждается, дрожитъ,
 Напуганнымъ прикинувъ ухомъ...
 Но все кругомъ его молчитъ;
 Одни фонтаны сладкозвучны
 Изъ мраморной темницы бьютъ,
 И съ милой розой неразлучны
 Во мракѣ соловья поютъ;
 Евнухъ еще имъ долго внемлетъ,
 И снова сонъ его объемлетъ.

Какъ милы темныя красы
 Ночей роскошнаго востока!
 Какъ сладко лѣются ихъ часы
 Для обожателей пророка!
 Какая нѣга въ ихъ домахъ,
 Въ очаровательныхъ садахъ,
 Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
 Гдѣ подъ вліяніемъ луны
 Все полно тайнъ и тишины

И вдохновеній сладострастныхъ!

.

Всѣ жены спятъ. Не спитъ одна.
Едва дыша, встаетъ она;
Идетъ; рукою торопливой
Открыла дверь; во тьмѣ ночной
Ступаетъ легкою ногой...
Въ дремотѣ чуткой и пугливой
Предъ ней лежитъ евнухъ сѣдой.
Ахъ, сердце въ немъ неумолимо;
Обманчивъ сна его покой!..
Какъ духъ, она проходитъ мимо.

.

Предъ нею дверь; съ недоумѣньемъ
Ея дрожащая рука
Коснулась вѣрнаго замка...
Вошла, взираетъ съ изумленьемъ...
И тайный страхъ въ нее проникъ.
Лампады свѣтъ уединенный,
Кивотъ, печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ,
И крестъ, любви символъ священный...
Грузинка, все въ душѣ твоей
Родное что-то пробудило,
Все звуками забытыхъ дней
Невнятно вдругъ заговорило.
Предъ ней покоилась княжна,
И жаромъ дѣвственнаго сна
Ея ланиты оживлялись,
И слезъ являя свѣжій слѣдъ,
Улыбкой томной озарились:
Такъ озаряетъ лунный свѣтъ
Дождемъ отягощенный цвѣтъ;
Спорхнувшій съ неба, сынъ эдема.
Казалось, ангелъ почивалъ,
И сонный слезы проливалъ
О бѣдной плѣнницѣ гарема...
Увы, Зарема, что съ тобой?
Стѣснилась грудь ея тоской,
Невольно клонятся колѣни,
И молить: «сжался надо мной,
Не отвергай моихъ моленій!..»
Ея слова, движенье, стонъ
Прервали дѣвы тихій сонъ.
Княжна со страхомъ предъ собою
Младую незнакомку зрить;

Въ смятенѣхъ, трепетной рукою
Ее подъемя, говорить:
—Кто ты?.. Одна порой ночью,
Зачѣмъ ты здѣсь?»—Я шла къ тебѣ:
Спаси меня, въ моей судьбѣ
Одна надежда мнѣ осталась...
Я долго счастьемъ наслаждалась,
Была безпечнѣй день отъ дня...
И тѣнь блаженства миновалась;
Я гибну. Выслушай меня.

«Родилась я не здѣсь, далеко,
Далеко... но минувшихъ днѣй
Предметы въ памяти моей
Донынѣ вѣзаны глубоко.
Я помню горы въ небесахъ,
Потоки жаркіе въ горахъ,
Непроходимыя дубравы,
Другой законъ, другіе нравы;
Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной,
Не знаю; помню только море,
И человѣка въ вышинѣхъ
Надъ парусами...

Страхъ и горе
Донынѣ чужды были мнѣ;
Я въ безмятежной тишинѣ,
Въ тѣни гарема разцвѣтала,
И первыхъ опытовъ любви
Послушнымъ сердцемъ ожидала.
Желанья тайныя мои
Сбылись. Гирей для мирной нѣги
Войну кровавую презрѣлъ,
Пресѣкъ ужасные набѣги
И свой гаремъ опять узрѣлъ.
Предъ хана въ смутномъ ожиданѣхъ
Предстали мы. Онъ свѣтлый взоръ
Остановилъ на мнѣ въ молчанѣхъ,
Позвалъ меня... и съ этихъ поръ
Мы въ непрерывномъ упоенѣхъ
Дышали счастьемъ; и ни разъ
Ни клевета, ни подозрѣнье,
Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущали насъ.
Марія, ты предъ нимъ явилась...
Увы, съ тѣхъ поръ его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, измѣною дыша,

Моихъ не слушаетъ укоровъ;
Ему докученъ сердца стонъ;
Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоровъ
Со мною не находятъ онъ.
Ты преступленью не причастна;
Я знаю, не твоя вина...
Итакъ послушай: я прекрасна;
Во всемъ гаремѣ ты одна
Могла бъ еще мнѣ быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, какъ я, не можешь;
Зачѣмъ же холодной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мнѣ: онъ мой;
На мнѣ горять его лобзанья;
Онъ клятвы страшныя мнѣ далъ;
Давно всѣ думы, всѣ желанья
Гирей съ моими сочеталъ;
Меня убьетъ его измѣна...
Я плачу! видишь, я колѣна
Теперь склоняю предъ тобой,
Молю, винить тебя не смѣя,
Отдай мнѣ радость и покой,
Отдай мнѣ прежняго Гирея...
Не возражай мнѣ ничего;
Онъ мой; онъ ослѣпленъ тобою.
Презрѣнъемъ, просьбою, тоскою,
Чѣмъ хочешь, отврати его;
Клянись... (хоть я для Алькорана,
Между невольницами хана,
Забыла вѣру прежнихъ дней;
Но вѣра матери моей
Была твоя) клянись мнѣ ею
Зарему возвратитъ Гирею...
Но слушай; если я должна
Тебѣ... кинжаломъ я владѣю,
Я близъ Кавказа рождена!»

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
Не смѣетъ слѣдовать княжна.
Невинной дѣвѣ непонятенъ
Языкъ мучительныхъ страстей;
Но голосъ ихъ ей смутно внятенъ,
Онъ страненъ, онъ ужасенъ ей.
Какія слезы и моленья
Ее спасутъ отъ посрамленья?
Что ждетъ ее? Ужели ей
Остатокъ горькихъ, юныхъ дней

Провести наложницей презрѣнной?
 О Боже! если бы Гирей
 Въ ея темницѣ отдаленной
 Забылъ несчастную навѣкъ,
 Или кончиной ускоренной
 Унылы дни ея пресѣкъ,
 Съ какою бъ радостью Марія
 Оставила печальный свѣтъ!
 Мгновенья жизни дорогія
 Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
 Что дѣлать ей въ пустынѣ міра?
 Ужъ ей пора, Марию ждуть,
 И въ небеса на лоно мира
 Родной улыбкою зовуть.

.
 Промчались дни; Маріи нѣтъ.
 Мгновенно сирота почила,
 Она давно-желанный свѣтъ
 Какъ новый ангелъ озарила,
 Но что же въ гробъ ее свело?
 Тоска ль неволи безнадежной,
 Болѣзнь, или другое зло.
 Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи нѣжной!..
 Дворецъ угрюмый опустѣлъ;
 Его Гирей опять оставилъ;
 Съ толпой татаръ въ чужой предѣлъ
 Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
 Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
 Несется мрачный, кровавадный;
 Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
 Таится пламень безотрадный.
 Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
 Подъемлетъ саблю и съ розмаха
 Недвижимъ остается вдругъ,
 Глядитъ съ безуміемъ вокругъ
 Блѣднѣетъ, будто полный страха,
 И что-то шепчетъ и порой
 Горючи слезы льетъ рѣкой.

Забытый, преданный презрѣнью,
 Гаремъ не зритъ его лица;
 Тамъ, обреченныя мученью,
 Подъ стражей хладнаго скопца
 Старѣютъ жены. Между ними
 Давно грузинки нѣтъ; она
 Гарема стражами нѣмыми
 Въ пучину водъ опущена.

Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
Свершилось и ея страданье.
Какая бъ ни была вина,
Ужасно было наказанье!...

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ,
И въ память горестной Маріи
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ,
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ крестомъ осѣнена
Магометанская луна
(Символь, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись: ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчить во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
Младья дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именovali.

Покинувъ сѣверъ наконецъ,
Пиры надолго забывая,
Я посѣтилъ Бахчисарая
Въ забвеньи дремлющій дворецъ;
Среди безмолвныхъ переходовъ
Бродилъ я тамъ, гдѣ бичъ народовъ,
Татаринъ буйный пировалъ,
И послѣ ужасовъ набѣга
Въ роскошной лѣни утопалъ.
Еще понынѣ дышетъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
Играютъ воды, рдѣютъ розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещетъ на стѣнахъ.
Я видѣлъ ветхія рѣшотки,
За коими, въ своей веснѣ,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены въ тишинѣ.
Я видѣлъ ханское кладбище,

Владыкъ послѣднее жилище.
 Сии надгробные столбы,
 Вѣнчанны мраморной чалмою,
 Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
 Гласили внятною молвою.
 Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
 Кругомъ все тихо, все уныло,
 Все измѣнилось!.. Но не тѣмъ
 Въ то время сердце полно было:
 Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
 Влекли къ невольному забвенью;
 Невольно предавался умъ
 Неизъяснимому волненью,
 И по дворцу летучей тѣнью
 Мелькала дѣва предо мной!...

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
 Скажите мнѣ, чей образъ нѣжный
 Тогда преслѣдовалъ меня
 Неотразимый, неизбѣжный?
 Маріи ль чистая душа
 Являлась мнѣ, или Зарема
 Носилась, ревностью дыша,
 Средь опустѣлаго гарема?

Я помню столь же милый взглядъ
 И красоту еще земную;
 Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
 Объ ней въ изгнаніи тоскую...
 Безумецъ! полно, перестань,
 Не растравляй тоски напрасной!
 Мятѣжнымъ снамъ любви несчастной
 Заплачена тобою дань—
 Опомнись! долго ль, узникъ томной,
 Тебѣ оковы лобызать,
 И въ свѣтѣ лирою нескромной
 Свое безумство разглашать?

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
 Забывъ и славу, и любовь,
 О, скоро васъ увижу вновь,
 Брега веселые Салгира!
 Приду на склонъ приморскихъ горъ,
 Воспоминаній тайныхъ полный,
 И вновь таврическія волны
 Обрадуютъ мой жадный взоръ.
 Волшебный край, очей отрада!

Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй, и тополей прохлада—
Все чувство путника манить,
Когда, въ часъ утра безмятежной
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага....

.

1823.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ.

Хоть тяжело подѣ часъ въ ней бремя,
 Телега на ходу легка;
 Ямщикъ лихой, сѣдое время
 Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.

Съ утра садимся мы въ телегу;
 Мы рады голову сломать,
 И, презирая лѣнь и нѣгу,
 Кричимъ: пошолъ!...

Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги—
 Порастрясло насъ, намъ страшнѣй
 И косогоры и овраги;
 Кричимъ: полегче, дуралей!

Катить по прежнему телега.
 Подѣ вечеръ мы привыкли къ ней,
 И дремля ѣдемъ до нощлега,
 А время гонить лошадей.

ЭПИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ.

1.

Поговоримъ о странностяхъ любви:
 Нѣ смыслу я другаго разговора!
 Въ тѣ дни, когда отъ огненного взора
 Мы чувствуемъ волненіе въ крови,
 Когда тоска обманчивыхъ желаній
 Объемлетъ насъ и душу тяготитъ,
 И, всюду насъ преслѣдуя, томитъ
 Предметъ одинъ и думы и страданій
 Не правда ли—въ толпѣ молодыхъ друзей
 Наперсника мы ищемъ и находимъ;
 Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ страстей
 Нарѣчемъ восторговъ переводимъ.
 Когда же мы принимали на-лету
 Крылатый мигъ небесныхъ упоеній

И къ радостямъ на ложе наслажденій
 Стыдливую склонили красоту,
 Когда любви забыли мы страданье
 И нечего намъ болѣе желать—
 Чтобъ оживить о ней воспоминанье,
 Съ наперсникомъ мы любимъ поболтать...

2.

О милый другъ! кому я посвятилъ
 Мой первый сонъ, надежды и желанья,
 Красавица, которой я былъ милъ,
 Простишь ли мнѣ мои воспоминанья,
 Мои грѣхи, забавы юныхъ дней?
 Тѣ вечера, когда въ семьѣ твоей,
 При матери докучливой и строгой,
 Тебя томилъ я тайною тревогой
 И просвѣтилъ невинныя красы?
 И научилъ послушливую руку
 Обманывать печальную разлуку
 И улаживать безмолвные часы
 Бессонницы, дѣвическую муку.
 Но молодость утрачена твоя:
 Отъ блѣдныхъ устъ улыбка отлетѣла,
 Твоя краса во цвѣтѣ помертвѣла...
 Простишь ли ты, о милая моя?..

3.

Не сѣтуйте, красавицы мои,
 О женщины, наперсницы любви!
 Умѣете вы хитростью счастливой
 Обманывать вниманье жениха
 И знатокѣвъ внимательные взоры,
 И на слѣды прекраснаго грѣха
 Невинности набрасывать уборы.
 Отъ матери проказливая дочь
 Беретъ урокъ стыдливости покорной,
 И мнимыхъ слезъ, и съ робостью притворной
 Играетъ роль
 Но поутру, оправясь понемногу,
 Встаетъ блѣдна, чуть ходить—такъ томна;
 Въ восторгѣ мужъ, мать шепчетъ: слава Богу!
 А старый другъ стучится у окна...

4.

Не правда ли, вы помните поле,
 Друзья мои, гдѣ въ прежни дни весной,

Оставляя классъ, мы бѣжали на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?...
...Сплетенные, кружась, идутъ по дугу,
На вражью грудь опершись бородой,
Соединивъ крестъ-на-крестъ ноги, руки.
То силою, то хитростью науки
Хотятъ увлечь другъ друга за собой...

5.

И вдругъ предъ нимъ открылся небосклонъ.
Во глубинѣ небесъ необозримой,
Въ сіяніи и въ славѣ нестерпимой,
Тамъ ангелы волнуются, кипятъ,
Безчисленны летаютъ серафимы,
Струнами арфъ бряцаютъ херувимы,
Архангелы задумчиво сидятъ,
Главы закрывъ лазурными крылами,¹

6.

Смирненныхъ струнъ тебѣ я посвятилъ
Усердное, внимательное пѣнье!
Храни меня, внемли мое моленье:
Досель я былъ еретикомъ въ любви,
Младыхъ богинь безумный обожатель,
Другъ демона, повѣса и предатель...
Раскаянье мое благослови:
Приемлю я намѣренья благія—
Перемѣнюсь—Елену видѣлъ я...
Подвластна ей навѣкъ душа моя.
Моимъ рѣчамъ придай очарованье,
Понравится повѣдай тайну мнѣ,
Въ ея груди зажеги любви желанье—
Не то пойду молиться сатанѣ.
Но дни бѣгутъ, и время сѣдиною
Мою главу типкомъ посеребритъ,
И важный бракъ съ любезною женою
Предъ алтаремъ меня соединить...
Даруй ты мнѣ блаженное терпѣнье,
Молю тебя, пошли мнѣ вновь и вновь
Спокойный сонъ, въ супругѣ увѣренъ,
Въ семействѣ миръ и къ ближнему любовь.

¹ Этотъ отрывокъ помѣщенъ въ Р. Архивѣ 1881 кн. 3 (с. 471) между стихотвореніями 1830—1836 г., но онъ несомнѣнно относится къ 1283 г.

ЭЛЕГИЯ.

(г-жъ ризницъ).

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье.
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ дарить надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылой?
Мной овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда въ толпѣ ихъ страстной,
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,
Терзаюсь я досадою одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
Заводить ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговоръ:
Спокойна ты; веселый твой укоръ
Меня мертвитъ, любви не выражая.
Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заставъ меня съ тобой,
Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?..
Что жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
Имѣетъ онъ блѣднѣть и ревновать?..
Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ его должна ты принимать?
Но я любимъ!.. Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!
Тебѣ смѣшны мученія мои;
Но я любимъ, тебя я понимаю.
Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, какъ сильно я люблю;
Не знаешь ты, какъ тяжело я страдаю!

* *
*

Ненастный день потухъ, ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Какъ привидѣнїе, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...

Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ.
Далеко, тамъ, луна въ сїяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной целеной;

Подъ голубыми небесами...

Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;

Тамъ, подъ завѣтными скалами,
Теперь она сидитъ печальна и одна...
Одна... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;
Никто ея колѣнъ въ забвенїи не цѣлуетъ;
Одна... ни чьимъ устамъ она не передаетъ
Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.

.
.
.

Никто ея любви небесной не достоинъ.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь.. я спокоенъ;

.
Но если.

Н О Ч Ъ.

Мой голосъ для тебя, и ласковый и томной,
Тревожить позднее молчанье ночи темной.
Близъ ложа моего печальная свѣча
Горитъ; мои стихи, сливаясь и журча,
Текутъ, ручьи любви, текутъ колыны тобою.
Во тмѣ твои глаза блистають предо мною,
Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:
Мой другъ, мой нѣжный другъ... люблю... твоя... твоя.

26 октября. 1823. Одесса.

Д Е М О Н Ъ.

(АЛ. НИК. РАЕВСКОМУ).

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
 Всѣ впечатлѣнья бытія—
 И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
 И ночью пѣнье соловья;
 Когда возвышенныя чувства,
 Свобода, слава и любовь,
 И вдохновенныя искусства
 Такъ сильно волновали кровь:
 Часы надеждъ и наслажденій
 Тоской внезапной осыня,
 Тогда какой-то злобный геній
 Сталъ тайно навѣщать меня.
 Печальны были наши встрѣчи:
 Его улыбка, чудный взглядъ,
 Его язвительныя рѣчи
 Вливали въ душу хладный ядъ.
 Неистощимой клеветой
 Онъ провидѣнье искушалъ;
 Онъ звалъ прекрасное мечтою,
 Онъ вдохновенье презиралъ;
 Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
 На жизнь насмѣшливо глядѣлъ.—
 И ничего во всей природѣ
 Благословить онъ не хотѣлъ.

ИЗЫДЕ СВЯТЕЛЬ СВЯТИ СЪМЕНА СВОЯ.

Свободы съятель пустынный,
 Я вышелъ рано, до звѣзды;
 Рукою чистой и безвинной
 Въ порабощенныя бразды
 Бросалъ живительное сѣмя;
 Но потерялъ я только время,
 Благіе мысли и труды..
 Паситесь, мирные народы,
 Васъ не пробудитъ чести кличъ!
 Къ чему стадамъ дары свободы?
 Ихъ должно рѣзать или стричь;
 Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
 Ярмо съ гремушками да бичъ.

(1 декабря 1823).

КЪ М. А. Г.

(кн. голицыной).

Давно объ ней воспоминанье
 Ношу въ сердечной глубинѣ;
 Ея минутное вниманье
 Отрадой долго было мнѣ.
 Твердилъ я стихъ обвороженный,
 Мой стихъ, унынья звукъ живой,
 Такъ мило ею повторенный,
 Замѣченный ея душой.
 Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
 Она съ участіемъ вняла—
 И нынѣ ей передала
 Свои плѣнительные звуки...
 Довольно! Въ гордости моей
 Я мыслить буду съ умиленьемъ:
 Я славой былъ обязанъ ей,
 А, можетъ быть, и вдохновеньемъ.

1823. Одесса.

О Т Р Ы В О К Ъ.

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ;
 Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
 Безмолвно бодрствовалъ—и жребіи земли
 Въ увѣнчанной главѣ стѣсненные лежали,
 Чредою выпадали
 И міру тихую неволю въ даръ несли.

И дѣлу своему владыка самъ дивился.
 «Се благо!» думалъ онъ—и взоръ его носился
 Отъ Тибровыхъ валовъ до Вислы и Невы,
 Отъ Царскосельскихъ липъ до башенъ Гибралтара:
 Все молча ждетъ удара—
 Все пало, подъ ярмомъ склонились всѣ главы.

«Свершилось!» молвилъ онъ. «Давно ль народы міра
 Паденье славили великаго кумира?»

.

«Давно ли ветхая Европа свирѣѣла,
 Надеждой новою Германія кипѣла,

Шаталась Австрія, Неаполь возставалъ?
За Пиринеемъ давно ль судьбой народа
Ужъ правила свобода,
И самовластіе лишь Сѣверъ укрывалъ?

«Давно ль?—И гдѣ же вы, зиждители свободы?
Ну, что жъ? Витійствуйте, ищите правъ природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу!
Вотъ Кесарь—гдѣ же Брутъ? О, грозные витіи,
Цѣлуйте жезлъ Россіи
И васъ поправшую желѣзную стопу!»

Онъ рекъ—и нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ и затихъ, и вновь повѣялъ мимо.
Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ.
На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи....
Раздался бой полночи—
И се, внезапный гость въ чертогъ царя предсталъ.

То былъ сей чудный мужъ, посланникъ провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,
Сей хладный кровопійца,
Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари.

Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ очей—
Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго, по манію царей.

Нѣтъ, чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;
Во цвѣтъъ здравія, и мужества, и мощи,
Владыкъ Полунощи
Владыка Запада грозящій предстоялъ.

Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Австерлица
Дружины Сѣвера гнала его десница,
И русскій въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ;
Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ
И съ миромъ иль позоромъ
Предъ юношей-царемъ въ Тильзитѣ предстоялъ...

* *
*

Возстань, о Греція, возстань!
Не даромъ напрягаешь силы,
Не даромъ потрясаетъ брань
Олимпъ, и Пиндъ, и Ѡермопилы.

Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ
Свобода древняя возникла,
Святые мраморы Аѳинъ,
Гроба Тезея и Перикла.

Страна героевъ и боговъ,
Расторгни рабскія вериги,
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги!

* *
*

Сказали разъ царю, что наконецъ'
Мятежный вождь Ріэго былъ удавленъ.
«Я очень радъ», сказалъ усердный льстецъ;
«Отъ одного мерзавца міръ избавленъ.»
Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ—
Всѣхъ удивилъ неожиданный приговоръ.
Ріэго былъ, конечно, очень грѣшенъ,
Согласенъ я—но онъ за то повѣшенъ.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться эдакъ намъ надъ жертвой палача?
Самъ государь такого доброхотства
Не захотѣлъ своей улыбкой ободрить.
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И въ самой подлости отгѣнокъ благородства.

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ КН. А. П. ГОЛИЦЫНУ.¹

Отраднымъ ангеломъ ты съ неба къ намъ явился,
И радость райскую принесъ съ собою къ намъ;
Но житель горнихъ мѣстъ, ты міромъ не прельстился,
И снова отлетѣлъ въ отчизну къ небесамъ.

¹ Сынъ кн. Никол. Борис. и кн. Елены Александровны (рожденной кн. Салтыковой), родился 1822 апр. 22, умеръ 1823 мая 18.

1824.

АЛЕКСАНДРУ ЛЬВОВИЧУ ДАВЫДОВУ.

(НА ПРИГЛАШЕНИЕ ѢХАТЬ СЪ НИМЪ МОРЕМЪ НА ПОЛУДЕННЫЙ БЕРЕГЪ КРЫМА).

Нельзя, мой толстый Аристиппъ:
 Хотя я люблю твои бесѣды,
 Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
 Твой вкусъ и жирные обѣды;
 Но не могу съ тобою плыть
 Къ брегамъ полуденной Тавриды.
 Прошу меня не позабыть,
 Любимецъ Вакха и Киприды!
 Когда чахоточный отецъ
 Немного тощей Энеиды
 Пускался въ море наконецъ,
 Ему Горацій, умный льстецъ,
 Прислалъ торжественную оду,
 Гдѣ другу Августовъ пѣвецъ
 Сулилъ хорошую погоду:
 Но льстивыхъ одъ я не пишу;
 Ты не въ чахоткѣ, слава Богу:
 У неба я тебѣ прошу
 Лишь аппетита на дорогу.

И Н О С Т Р А Н К Ъ.

(ВЪ АЛЬБОМЪ).

На языкѣ, тебѣ невнятномъ,
 Стихи прощальные пишу;
 Но въ заблужденіи пріятномъ
 Вниманья твоего прошу:
 Мой другъ, доколѣ не увяну
 Въ разлукѣ, чувство погубя,
 Боготворить не перестану
 Тебя, мой другъ, одну тебя!
 На чуждыя черты взирая,
 Вѣрь только сердцу моему,
 Какъ прежде вѣрила ему.
 Его страстей не понимая.

Veux-tu m'aimer! 18, 19 mai 1824. Pl. de Deguilly.

ПА КН. М. С. ВОРОНЦОВА.

Полумилордъ, полукупецъ,
Полумудрецъ, полуневѣжда,
Полуподлецъ, но есть надежда,
Что будетъ полнымъ наконецъ.

Июнь, 1824.

ИСПАНСКИЙ РОМАНСЪ.

Ночной зефиръ
Струить эфиръ.
Шумить,
Бѣжить
Гвадалквивиръ.

Вотъ взшла луна золотая,
Тише... чу... гитары звонъ...
Вотъ испанка молодая
Оперлася на балконъ.

Ночной зефиръ
Струить эфиръ.
Шумить,
Бѣжить
Гвадалквивиръ.

Скинъ мантилью, ангелъ милый,
И явился какъ яркій день!
Сквозь чугунныя перилы
Ножку дивную продѣнь!

Ночной зефиръ
Струить эфиръ.
Шумить,
Бѣжить
Гвадалквивиръ.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ.

Какъ я любилъ твои отзвѣвы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы.

Смиранный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользить отважно средь зыбей:
Но ты разыгралъ, неодолимый—
И стая тонетъ кораблей!

Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный берегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтический побѣдъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.

Одна скала, гробница славы....
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.

Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Миръ опустѣлъ... Теперь куда же
Меня бъ ты вынесъ, океанъ?
Судьба людей повсюду та же:
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Иль самовласть, иль тиранъ.

Прощай же, море! не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.
(Одесса).

А К В И Л О Н Ъ.

Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальній небосклонъ
Ты облако столь гнѣвно гонишь?

Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облекался;
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.

Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой—
И бурны тучи разогналъ,
И дубъ низвергнулъ величавой.

Пускай же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостью блистаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо зыблется тростникъ.

1824 г. Михайловское.

ПРОЗЕРПИНА.

ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ.

Плещутъ волны Флегетона,
Своды тартара дрожать:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро къ нимфамъ Пеліона
Изъ аида бога мчатъ.
Вдоль пустыннаго залива
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путемъ однимъ.
Предъ богинею колѣна
Робко юноша склонилъ.
И богинямъ льститъ измѣна:
Прозерпинѣ смертный миль.
Ада гордая царица
Взоромъ юношу зоветъ,
Обняла, и колесница
Ужъ къ аиду ихъ несетъ.
Мчатся, облакомъ одѣты;
Видятъ вѣчные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Тамъ безсмертье, тамъ забвенье,
Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца.
Прозерпина въ упоеньѣ,
Безъ порфиры и вѣнца,
Повинуется желаньямъ,
Предаетъ его лобзаньямъ
Сокровенныя красы,
Въ сладострастной нѣгѣ тонетъ,
И молчить и томно стонетъ...
Но бѣгутъ любви часы...
Плещутъ волны Флегетона,
Своды тартара дрожать:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро мчатъ его назадъ,
И Кереры дочь уходитъ,
И счастливца за собой
Изъ элизія выводитъ
Потаенною тропой;
И счастливецъ отпираетъ
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетаетъ
Сновидѣнній ложный рой.

26 августа 1824.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ—
Они жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью:
Языковъ, близокъ я тебѣ!
Давно бѣ на дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой,
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возвратился бѣ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ самовластье:
Уснувъ, не знаю гдѣ проснусь.
Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньѣ,
Влачу закованные дни.
Услышь, поэтъ, мое призванье.
Моихъ надеждъ не обмани:
Въ деревнѣ, гдѣ Цѣтра питомецъ,
Царей, парицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,
Скрывался прадѣдъ мой, арабъ,
Гдѣ, позабывъ Елизаветы
И дворъ, и пышные обѣты,
Подъ сѣнью липовыхъ аллей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей,
Я жду тебя. Тебя со мною
Обниметъ въ сельскомъ шалашѣ
Мой братъ по крови, по душѣ,
Шалунъ, замѣченный тобою;
И музъ возвышенный пророкъ,
Нашъ Дельвигъ все для насъ оставить,
И наша троица прославить
Изгнанья темный уголокъ.
Надзоръ обманемъ караульной,
Восхвалимъ вольности дары
И нашей юности разгульной

Пробудимъ шумные пиры,
Вниманье дружное преклонимъ
Ко звону рюмокъ и стиховъ,
И скуку зимнихъ вечеровъ,
Виномъ и пѣснями прогонимъ.

Михайловское, 20 сентября 1824.

РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Стишки для васъ одна забава,
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.
Ужъ разгласить успѣла слава
Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
Поэма, говорятъ, готова,
Плодъ новыхъ умственныхъ затѣй.
Итакъ рѣшите, жду я слова:
Назначьте сами цѣну ей.
Стишки любимца музъ и грацій
Мы вмигъ рублями замѣнимъ,
И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши обратимъ.
О чемъ вздохнули такъ глубоко,
Нельзя ль узнать?

ПОЭТЪ

Я былъ далеко:

Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы.
И видѣлъ вновь пріюты скалъ,
И темный кровъ уединенья,
Гдѣ я на пиръ воображенья,
Бывало, музу призывалъ.
Тамъ слаще голосъ мой звучалъ;
Тамъ долѣ яркія видѣнья,
Съ неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
Въ часы ночнаго вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтушій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.

Какой-то демонъ обладалъ
 Моими играми, досугомъ;
 За мной повсюду онъ леталъ,
 Мнѣ звуки дивныя шепталъ,
 И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
 Была полна моя глава;
 Въ ней грезы чудныя рождались;
 Въ размѣры стройные стекались
 Мои послушныя слова
 И звонкой риемой замыкались.
 Въ гармоніи соперникъ мой
 Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихоръ буйной,
 Иль иволги напѣвъ живой,
 Иль ночью моря гудъ глухой,
 Иль шопоть рѣчки тихоструйной.
 Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
 Дѣлиться не былъ я готовъ
 Съ толпою пламеннымъ восторгомъ,
 И музы сладостныхъ даровъ
 Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
 Я былъ хранитель ихъ скупой:
 Такъ точно, въ гордости нѣмой,
 Отъ взоровъ черни лицемѣрной
 Дары любовницы младой
 Хранить любовникъ суетвѣрной.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Но слава замѣнила вамъ
 Мечтанья тайнаго отрады;
 Вы разошлись по рукамъ,
 Межъ тѣмъ, какъ пыльныя громады
 Лежалой прозы и стиховъ
 Напрасно ждуть себѣ чтецовъ
 И вѣтреной ея награды.

ПОЭТЪ.

Блаженъ, кто про себя тайлъ
 Души высокія созданья!
 И отъ людей, какъ отъ могилъ,
 Не ждалъ за чувство воздаянья!
 Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
 И, терномъ славы неувитый,
 Презрѣнной чернью забытый,
 Безъ имени покинулъ свѣтъ!
 Обманчивѣй и сновъ надежды,
 Что слава? Шопоть ли чтеца?

Гоненье ль низкаго невѣжды?
Иль восхищенье глупца?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Лордъ Байронъ былъ того же мнѣнья;
Жуковский тоже говорилъ:
Но свѣтъ узналъ и раскупилъ
Ихъ сладкозвучныя творенья.
И впрямъ, завиденъ вамъ удѣлъ:
Поэтъ казнить, поэтъ вѣнчаетъ;
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ;
Героевъ утѣшаетъ онъ;
Съ Коринной на киѳерскій тронъ
Свою любовницу возносить.
Хвала для васъ докучный звонъ;
Но сердце женщинъ славы просить:
Для нихъ пишите; ихъ ушамъ
Пріятна лестъ Анакреона:
Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

ПОЭТЪ.

Самолюбивыя мечты,
Утѣхи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искалъ вниманья красоты.
Мои слова, мои напѣвы,
Коварной силой иногда
Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
Волненье страха и стыда;
Глаза прелестныя читали
Меня съ улыбкою любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои!
Но полно; въ жертву имъ свободы
Мечтатель ужъ не принесетъ;
Пускай ихъ коноша поетъ,
Любезный баловень природы.
Что мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стонъ лиры вѣрной не коснется
Ихъ легкой, вѣтреной души;
Нечисто въ нихъ воображенье,
Не понимаетъ насъ оно,
И, признавъ Бога, вдохновенье

Для нихъ и чуждо, и смѣшно.
 Когда на память мнѣ невольно
 Придетъ внушенный ими стихъ,
 Я содрогаюсь, сердцу больно,
 Мнѣ стыдно идиоловъ моихъ.
 Къ чему несчастный я стремился?
 Предъ кѣмъ унижилъ гордый умъ?
 Кого восторгомъ чистыхъ думъ
 Боготворить не устыдился?
 Ахъ, лира, лира! что же ты
 Мое безумство разгласила?
 Ахъ, если бъ Лета поглотила
 Мои летучія мечты!

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Люблю вашъ гнѣвъ. Таковъ поэтъ!
 Причины вашихъ огорченій
 Мнѣ знать нельзя; но исключеній
 Для милыхъ дамъ ужели нѣтъ?
 Ужели ни одна не стоитъ
 Ни вдохновенья, ни страстей,
 И вашихъ пѣсень не присвоить
 Всесильной красотѣ своей?
 Молчите вы?

ПОЭТЪ.

Зачѣмъ поэту
 Тревожить сердца тяжкій сонъ?
 Бесплодно память мучить онъ.
 И что жъ, какое дѣло свѣту?
 Я всѣмъ чужой. Душа моя
 Хранить ли образъ незабвенный?
 Любви блаженство зналъ ли я?
 Тоскою ль долгой изнуренный,
 Таилъ я слезы въ тишинѣ?
 Гдѣ та была, которой очи,
 Какъ небо, улыбались мнѣ?
 Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи?

 И что жъ? Докучный стонъ любви,
 Слова покажутся мои
 Безумца дикимъ лепетаньемъ.
 Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,
 И то съ печальнымъ содроганьемъ.
 Судьбою такъ ужъ рѣшено.
 Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?

Одна была—предъ ней одной
Дышала я чистымъ упоеньемъ
Любви поэзіи святой.
Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,
Гдѣ льются вѣчныя струи,
Я находилъ огонь небесный,
Сгорая жаждою любви.
Ахъ, мысль о той душѣ завялой
Могла бы юность оживить,
И сны поэзіи бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумѣла
Стихи неясные мои;
Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасныя желанья!
Она отвергла заклинанья.
Мольбы, тоску души моей:
Земныхъ восторговъ изліянья,
Какъ божеству, не нужно ей.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Итакъ, любовью утомленный,
Наскуча лепетомъ молвы,
Заранѣ отказались вы
Отъ вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свѣтъ,
И музъ, и вѣтреную моду,
Что жъ изберете вы?

ПОЭТЪ.

Свободу.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совѣтъ;
Внемлите истинѣ полезной:
Нашъ вѣкъ торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзной
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
Намъ нужно злата, злата, злата;
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но васъ я знаю, господа:
Вамъ ваше дорого творенье,

Пока на пламени труда
 Кипить, бурлить воображенье;
 Оно застынетъ, и тогда
 Постыло вамъ и сочиненье.
 Позвольте просто вамъ сказать:
 Не продается вдохновенье,
 Но можно рукопись продать.
 Что жъ медлить? Ужъ ко мнѣ заходить
 Нетерпѣливые чтецы;
 Вкругъ лавки журналисты бродятъ,
 За ними тощіе пѣвцы:
 Кто просить пищи для сатиры,
 Кто для души, кто для пера,
 И, признаюсь, отъ вашей лиры
 Предвижу много я добра.

поэтъ.

Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись. Условимся.

26 сентября, въ Михайловскомъ.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ.

Угрюмый сторожъ музъ, гонитель давній мой,
 Сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой.
 Не бойся, не хочу прельщенный мыслью ложной
 Цензуру поносить хулой неосторожной—
 Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
 У насъ писатели я знаю каковы;
 Ихъ мыслей не тѣснить цензурная расправа,
 И чистая душа передъ тобою права.
 Впервыхъ, искренно я признаюсь тебѣ,
 Нерѣдко о твоей жалѣю я судьбѣ:
 Людской безсмыслицы присяжный толкователь,
 Хвостова, Буниной единственный читатель,
 Ты вѣчно разбирать обязанъ за грѣхи
 То прозу глупую, то глупые стихи.
 Россійскихъ авторовъ нелегкое встревожить:
 Тотъ англійскій романъ съ французскаго преложить,
 Тотъ оду сочинить, потѣя да крехтя,
 Иной трагедію напишетъ намъ шутя—
 До нихъ намъ дѣла нѣтъ, а ты читай, бѣсися,
 Зѣвай, сто разъ засни, а послѣ подпишися.
 Такъ! цензоръ мученикъ! Порой захочетъ онъ

Умъ чтенъемъ освѣжить: Руссо, Вольтеръ, Бюффонъ,
 Державинъ, Карамзинъ манять его желанье—
 А долженъ посвятить бесплодное вниманье
 На бредни новыя какого-то враля,
 Которому досугъ пѣть рощи, да поля...
 Да связь утрата въ нихъ ищи ее сначала,
 Или вымарывай изъ тощаго журнала
 Насмѣшки грубыя и площадную брань:
 Учтивыхъ остряковъ затѣйливую дань.

Но цензоръ гражданинъ, и санъ его священный!
 Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный;
 Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ;
 Но мнѣнья не тѣснить и разумъ терпѣть онъ.
 Блжститель тишины, приличія и нравовъ
 Не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ;
 Закону преданный, отечество любя,
 Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
 Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
 Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ;
 Онъ другъ писателю, предъ знатію не трусливъ,
 Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.
 А ты, глупецъ и трусъ! что дѣлаешь ты съ нами?
 Гдѣ должно бѣ умствовать, ты хлопаешь глазами,
 Не понимая насъ, мараешь и дерешь;
 Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь.
 Сатиру—пасквилемъ, поэзію—развратомъ,
 Глазъ правды—мятежемъ, Куницына—Маратомъ,
 Рѣшилъ—а тамъ поди, хоть на тебя проси!
 Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
 Благодаря тебя, не видимъ книгъ доселѣ?
 И если говорить задумаешь о дѣлѣ,
 То, славу русскую и здравый умъ любя,
 Самъ государь велитъ печатать безъ тебя.
 Остались намъ стихи, поэмы, тріолеты,
 Баллады, басенки, элегіи, куплеты,
 Досуговъ и любви невинныя мечты,
 Воображенія минутныя цвѣты...
 О, варваръ! кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры,
 Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?
 Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ:
 Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
 Ни слогъ пѣвца «Пировъ», столь чистый, благородный—
 Ничто не трогаетъ души твоей холодной!
 На все кидаешь ты косою, невѣрный взглядъ.
 Подозрѣвая всѣхъ—во всемъ ты видишь ядъ.
 Оставь, пожалуй, трудъ нимало не похвальный:
 Парнасъ не монастырь и не гаремъ печальный,

И право никогда искусный коноваль
Излишней пылкости Пегаса не липаль.
Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ, чьи забавы —
Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
Тотъ не подвергнется взысканью твоему,
Тотъ не знавалъ тебя—мы знаемъ почему—
И рукопись его, не погибая въ Лѣтѣ,
Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ.
Барковъ шутливыхъ одъ къ тебѣ не посылалъ,
Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ,
И Пушкина стихи въ печати не бывали—
Что нужды? ихъ и такъ иные прочитали.
Но ты свое несешь—и въ нашъ премудрый вѣкъ
Едва ли Шаликовъ не вредный человекъ.
Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
Скажи, читалъ ли ты «Наказъ» Екатерины?
Прочти. пойми его, увидишь ясно въ немъ
Свой долгъ, свои права; пойдешь инымъ путемъ;
Въ глазахъ монархини сатирикъ превосходный
Невѣжество казнилъ въ комедіи народной,
Хоть въ узкой головѣ придворнаго глупца.
Кутейкинъ и Христовъ два равныя лица.
Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ грозной лиры
Ихъ горделивые разоблачилъ кумиры.
Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ.
Наперсникъ Душеньки двусмысленно шутилъ,
Киприду иногда являлъ безъ покрывала—
И никому изъ нихъ цензура не мѣшала.
Ты что же хмуришься? Признайся, въ наши дни
Съ тобой не такъ легко бѣ раздѣлялись они.
Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобой зеркало—
Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать...
Старинной глупости мы праведно стыдимся.
Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
Когда никто не смѣлъ отечества назвать,
И въ рабствѣ ползали и люди, и печать!
Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло, губительное время,
Когда невѣжества несла Россія бремя;
Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ.
Исправься жъ, будь умнѣй и примирился съ нами.
«Все правда, скажешь ты, не стану спорить съ вами;
Но можно ль цензору по совѣсти судить?
Я долженъ то того, то этого щадить.
Конечно, вамъ смѣшно, а я нерѣдко плачу,
Читаю, да крещусь—мараю наудачу...

На все есть мода, вкусъ. Бывало, ~~напримѣръ,~~
 У насъ въ большой чести ~~Бентамъ~~, Руссо, Вольтеръ,
 А нынче и ~~Миллотъ~~ ~~попался~~ въ наши сѣти.
 Я бѣдный ~~человѣкъ~~; къ тому жъ жена и дѣти...
 Жена и дѣти, другъ, повѣрь—большое зло:
 Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!
 Но дѣлать нечего! такъ если невозможно
 Домой тебѣ скорѣй убраться осторожно
 И службою своей ты нуженъ для царя,
 Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗУРУ.

На скользкомъ поприщѣ Тимковского наслѣдникъ,¹
 Позволь обнять себя, мой прежній собесѣдникъ!
 Недавно, тяжкою цензурой угнетенъ,
 Послѣднихъ, жалкихъ правъ безъ милости лишенъ,
 Со всею братіей гонимый совокупно,
 Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно;
 Потѣшилъ языка бранчивую свербѣжъ;
 Но извини меня, мнѣ было невтерпѣжъ.
 Теперь въ моей глуши журналы раздирая,
 И бѣдной братіи стишонки разбирая
 (Теперь же мнѣ читать охота и досугъ),
 Обрадовался я, по нимъ замѣтя вдругъ
 Въ тебѣ и правила, и мыслей образъ новый.
 Ура! ты заслужилъ вѣнокъ себѣ лавровый
 И твердостью души, и смѣлостью ума.
 Какъ изумилася поэзія сама,
 Когда ты разрѣшилъ, по милости чудесной,
 Завѣтныя слова: божественный, небесный—
 И ими назвалась (для рѣимы) красота,
 Не оскорбляя тѣмъ ужъ Господа-Христа.
 Но что же вдругъ тебя, скажи, перемѣнило
 И права твоего кичливость умирило?
 Свои посланія хотъ очень я люблю,
 Хоть знаю, что прочелъ ты жалобу мою;
 Но подразнивъ тебя, я перемѣной сею
 Пріятно изумлень, гордиться не посмѣю.

¹ Еще въ Одессѣ, въ іюнѣ 1824 г., Пушкинъ по поводу смерти Тимковского писалъ:

Тимковский царствовалъ—и всѣ твердили вслухъ,
 Что врядъ ли гдѣ ословъ найдешь подобныхъ двухъ.
 Явился Вируковъ, за нимъ востѣлъ Красовскій:
 Ну, право, ихъ умный покойный былъ Тимковский.

Отнесся я къ тебѣ по долгу своему;
Но мнѣ ль исправить васъ? Нѣтъ, вѣдаю, кому
Сей важной новостью обязана Россія:
Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ.
Пишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года;
Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ русскихъ музъ любить:
Ихъ, незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ;
Отъ хлада нашихъ дней укрылъ онъ лавръ единый
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины.
Онъ съ нами сѣтовалъ, когда святой отецъ,
Омара да Гали пріявъ за образецъ,
Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенъе,
Усердно заглушить старался просвѣщенъе.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистыхъ музъ, спасая Бантыша,
И помогалъ ему Магницкій благородный,
Мужъ твердый въ правилахъ, съ душою превосходной,
И даже бѣдный мой Кавелинъ-дурачекъ,
Креститель Галича, Магницкаго дьячекъ.
И вотъ, за всѣ грѣхи, въ чьи пакостныя руки
Вы были преданы, печальныя науки!
Цензура, вотъ кому подвластна ты была!
Но полно! мрачная година протекла,
И ярче ужъ горитъ свѣтильникъ просвѣщенъя.
Я, съ переменною несчастнаго правленъя,
Отставки цензоровъ, признаться, ожидалъ;
Но, самъ не знаю какъ, ты, видно, устоялъ.
И такъ я поспѣшилъ пріятелей поздравить,
А между тѣмъ совѣтъ на память имъ оставить:
Будь строгъ, но будь уменъ. Не просятъ у тебя,
Чтобъ всѣ законныя преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно.
Права свои храни по долгу своему;
Но скромной истинѣ, по мирному уму,
И даже глупости, невинной и довольной,
Не заграждай пути заставой своевольной,
И если ты въ плодахъ досужнаго пера
Порою не найдешь великаго добра,
Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата,
Престоловъ, алтарей и нравовъ супостата,
То славы автору желая отъ души,
Махни, мой другъ, рукой и смѣло подпиши.

КОВАРНOSTЬ.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ;
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змѣи, отдернетъ съ содроганьемъ;
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою;
Не говори: «онъ боленъ, онъ дитя,
Онъ мучится безумною тоскою;»
Не говори: «неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золь, онъ дружбы недостоинъ;
Вся жизнь его какой-то тяжкій сонъ...»
Ужель ты правъ? Ужели ты спокоенъ?
Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть,
Чтобъ вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблялъ на злобное гоненье;
Но если ты затѣйливо язвилъ
Пугливое его воображенье,
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ;
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ;
Но если цѣпь ему накинута ты
И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ,
И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей—
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

18 октября 1824. Михайловское.

ЦЫГАНЫ.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность весель ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телегъ,
Полузавѣшенныхъ коврами, „
Горитъ огонь; семья крутомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недалеій,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;
Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ полѣ дальное глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.
Его молодежькая дочь
Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
Она привыкла къ рѣзвой волѣ,
Она придетъ; но вотъ ужъ ночь,
И скоро мѣсяцъ ужъ покинетъ
Небесъ далекихъ облака;
Земфиры нѣтъ какъ нѣтъ, и стынетъ
Убогій ужинъ старика

Но вотъ она. За нею слѣдомъ
 По степи юноша спѣшитъ;
 Цыгану вовсе онъ невѣдомъ.
 «Отецъ мой, дѣва говоритъ,
 Веду я гостя: за курганомъ
 Его въ пустынь я нашла
 И въ таборъ на ночь зазвала.
 Онъ хочетъ быть какъ мы цыганомъ;
 Его преслѣдуетъ законъ,
 Но я ему подругой буду.
 Его зовутъ Алеко; онъ
 Готовъ идти за мною всюду.»

СТАРИКЪ.

Я радъ. Останься до утра
 Подъ сѣнью нашего шатра,
 Или пробудь у насъ и долѣ,
 Какъ ты захочешь. Я готовъ
 Съ тобой дѣлить и хлѣбъ и кровь
 Будь нашъ, привыкни къ нашей долѣ,
 Бродящей бѣдности и волѣ;
 А завтра съ утренней зарей
 Въ одной телегѣ мы поѣдемъ;
 Примись за промыселъ любой:
 Желѣзо куй, иль пѣсни пой
 И села обходи съ медвѣдемъ.

АЛЕКО.

Я остаюсь.

ЗЕМФИРА.

Онъ будетъ мой:
 Кто жъ отъ меня его отгонитъ?
 Но поздно... мѣсяцъ молодой
 Зашелъ, поля покрыты мглой,
 И сонъ меня невольно клонитъ...

Свѣтло. Старикъ тихонько бродитъ
 Вокругъ безмолвнаго шатра.
 «Вставай, Земфира, солнце всходитъ;
 Проснись, мой гость, пора, пора!
 Оставьте, дѣти, ложе нѣги.»
 И съ шумомъ высыпалъ народъ;

Шатры разобраны; телеги
 Готовы двинуться въ походъ;
 Все вмѣстѣ тронулось—и вотъ
 Толпа валить въ пустыхъ равнинахъ.
 Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
 Дѣтей играющихъ несутъ;
 Мужья и братья, жены, дѣвы,
 И старъ и младъ вослѣдъ идутъ;
 Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,
 Медвѣдя ревъ, его цѣпей
 Нетерпѣливое бряцанье,
 Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
 Дѣтей и старцевъ нагота,
 Собакъ и лай и завыванье,
 Волюнки говоръ, скрипъ телегъ,
 Все скудно, дико, все нестройно,
 Но все такъ живо-непокойно,
 Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣтъ,
 Такъ чуждо этой жизни праздною,
 Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

Уныло юноша глядѣлъ
 На опустѣлую равнину,
 И грусти тайную причину
 Истолковать себѣ не смѣлъ.
 Съ нимъ черноокая Земфира,
 Теперь онъ вольный житель міра,
 И солнце весело надъ нимъ
 Полуденной красою блещетъ;
 Что жъ сердце юноши трепещетъ,
 Какой заботой онъ томимъ?

Птичка Божія не знаетъ
 Ни заботы, ни труда;
 хлопотливо не свиваетъ
 Долговѣчнаго гнѣзда;
 Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
 Солнце красное взойдетъ—
 Птичка гласу Бога внемлетъ,
 Встрепенется и поетъ.
 За весной, красой природы,
 Лѣто знойное пройдетъ—
 И туманъ, и непогоды
 Осень поздняя несетъ:
 Людямъ скучно, людямъ горе;
 Птичка въ дальнія страны,
 Въ теплый край, за сине море
 Улетаетъ до весны.

Подобно птичкѣ беззаботной,
И онъ изгнанникъ перелетной,
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ.
Ему вездѣ была дорога,
Вездѣ была почлега сѣнь;
Проснувшись поутру, свой день
Онъ отдавалъ на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лѣнь.
Его, порой, волшебной славы
Манила дальняя звѣзда,
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда;
Надъ одинокой головою
И громъ нерѣдко грохоталъ;
Но онъ безпечно подъ грозою
И въ вѣдро ясное дремалъ,
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой;
Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!
Давно ль, на долго ль усмирѣли?
Онѣ проснутся: погоди.

ЗЕМФИРА.

Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
О томъ, что бросилъ навсегда?

АЛЕКО.

Что жъ бросилъ я?

ЗЕМФИРА.

Ты разумѣешь:
Людей отчизны, города.

АЛЕКО.

О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышать утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ;

Любви стыдятся, мысли гонять,
 Торгуютъ волею своею,
 Главы предъ идолами клонять
 И просить денегъ да цѣпей.
 Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
 Предразсужденій приговоръ,
 Толпы безумное гоненье
 Или блистательный позоръ.

ЗЕМФИРА.

Но тамъ огромныя палаты,
 Тамъ разноцвѣтные ковры,
 Тамъ игры, шумные пиры,
 Уборы дѣвъ тамъ такъ богаты!

АЛЕКО.

Что шумъ веселій городскихъ?
 Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій;
 А дѣвы... Какъ ты лучше ихъ
 И безъ нарядовъ дорогихъ,
 Безъ жемчуговъ, безъ ожерелій!
 Не измѣнись, мой нѣжный другъ!
 А я... одно мое желанье—
 Съ тобой дѣлить любовь, досугъ
 И добровольное изгнанье.

СТАРИКЪ.

Ты любишь насъ, хоть и рождень
 Среди богатаго народа;
 Но не всегда мила свобода
 Тому, кто къ нѣгѣ приученъ.
 Межъ нами есть одно преданье:
 Царемъ когда-то сосланъ былъ
 Полудня житель къ намъ въ изгнанье
 (Я прежде зналъ, но позабылъ
 Его мудреное прозванье).
 Онъ былъ уже лѣтами старъ,
 Но младъ и живъ душой незлобной;
 Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
 И голосъ, шуму водъ подобной.
 И полюбили всѣ его,
 И жилъ онъ на берегахъ Дуная,
 Не обижая никого,
 Людей разсказами плѣняя.
 Не разумѣлъ онъ ничего,

И слабъ и робокъ былъ какъ дѣти;
 Чужіе люди за него
 Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти;
 Какъ мерзла быстрая рѣка
 И зимни вихри бушевали,
 Пушистой кожей покрывали
 Они святаго старика;
 Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
 Привыкнуть никогда не могъ;
 Скитался онъ изсохшій, блѣдной,
 Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
 Его караль за преступленье,
 Онъ ждалъ: придетъ ли избавленье.
 И все несчастный тосковалъ,
 Бродя по берегамъ Дуная,
 Да горьки слезы проливалъ,
 Свой дальній градъ воспоминая,
 И завѣщалъ онъ, умирая,
 Чтобы на югъ перенесли
 Его тоскующія кости,
 И смертью—чуждой сей земли
 Неуспокоенные гости.

АЛЕКО.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
 О Римъ, о громкая держава!
 Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
 Скажи мнѣ, что такое слава?
 Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
 Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
 Или подъ сѣнью дымной кущи
 Цыгана дикаго разсказъ?

Прошло два лѣта. Также бродятъ
 Цыганы мирною толпой;
 Вездѣ, по-прежнему, находятъ
 Гостепріимство и покой.
 Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
 Алеко воленъ, какъ они;
 Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
 Ведетъ кочующіе дни.
 Все тотъ же онъ, семья все та же;
 Онъ прежнихъ лѣтъ не помня даже,
 Къ бытью цыганскому привыкъ;
 Онъ любитъ ихъ ночлеговъ сѣни,
 И упоенье вѣчной лѣни,

И бѣдный, звучный ихъ языкъ.
Медвѣдь, бѣглець родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
Въ селеньяхъ, вдоль степной дороги,
Близъ молдованскаго двора
Передъ толпою осторожной
И тяжело пляшетъ и реветъ,
И цѣпь докучную грызетъ.
На посохъ опершись дорожной,
Старикъ лѣниво въ бубны бьетъ,
Алеко съ пѣньемъ звѣря водить,
Земфира поселянъ обходить
И дань ихъ вольную беретъ;
Настанетъ ночь; они всѣ трое
Варятъ нежатое пшено;
Старикъ уснулъ—и все въ покоѣ...
Въ шатрѣ и тихо, и темно.

Старикъ на вѣшнемъ солнцѣ грѣетъ
Ужъ остывающую кровь;
У люльки дочь поетъ любовь.
Алеко внемлетъ и блѣднѣетъ.

ЗЕМФИРА.

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другаго люблю,
Умираю любя.

АЛЕКО.

Молчи. Мнѣ пѣнье надоѣло,
Я дикихъ пѣсень не люблю.

ЗЕМФИРА.

Не любишь? мнѣ какое дѣло!
Я пѣсню для себя пою

Рѣжь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый мужъ, грозный мужъ,
Не узнаешь его.

Онъ свѣжѣ весны,
Жарче лѣтняго дня;
Какъ онъ молодъ и смѣлъ!
Какъ онъ любить меня!

Какъ ласкала его
Я въ ночной тишинѣ!
Какъ смѣялись тогда
Мы твоей сѣдинѣ!

АЛЕКО.

Молчи, Земфира, я доволенъ...

ЗЕМФИРА.

Такъ понялъ пѣсню ты мою?

АЛЕКО.

Земфира!...

ЗЕМФИРА.

Ты сердиться воленъ,
Я пѣсню про тебя пою.
(Уходитъ и поетъ: Старый мужъ и проч.)

СТАРИКЪ.

Такъ, помню, помню: пѣсня эта.
Во время наше сложена;
Уже давно въ забаву свѣта
Поется межъ людей она.
Кочуя на степяхъ Кагула,
Ее, бывало, въ зимню ночь
Моя пѣвала Мариула,
Передъ огнемъ качая дочь.
Въ умѣ моемъ минувши лѣта
Часъ отъ часу темнѣй, темнѣй;
Но заронила пѣсня эта
Глубоко въ памяти моей.

Все тихо; ночь; луной украшенъ.
Лазурный юга небосклонъ.
Старикъ Земфирой пробужденъ:
«О, мой отецъ! Алеко страшенъ,
Послушай; сквозь тяжелый сонъ.
И стонетъ и рыдаетъ онъ.»

СТАРИКЪ.

Не тронь его, храни молчанье.
Слыхалъ я русское преданье:
Теперь, полуночной порой,
У спящаго тѣснить дыханье
Домашній духъ: передъ зарей
Уходитъ онъ. Сиди со мной.

ЗЕМФИРА.

Отецъ мой, шепчетъ онъ: Земфира!

СТАРИКЪ.

Тебя онъ ищетъ и во снѣ—
Ты для него дорожке міра.

ЗЕМФИРА.

Его любовь постыла мнѣ;
Мнѣ скучно, сердце воли просить,
Ужъ я... Но тише! слышишь? онъ
Другое имя произносить.

СТАРИКЪ.

Чье имя?

ЗЕМФИРА.

Слышишь? хриплый стонъ
И скрежетъ ярый!.. Какъ ужасно!
Я разбуджу его.

СТАРИКЪ.

Напрасно,
Ночнаго духа не гони;
Уйдеть и самъ.

ЗЕМФИРА.

Онъ повернулся;
Привсталъ; зоветъ меня; проснулся.
Иду къ нему. — Прощай, усни.

АЛЕКО.

Гдѣ ты была?

ЗЕМФИРА.

Съ отцомъ сидѣла.

Какой-то духъ тебя томилъ,
 Во снѣ душа твоя терпѣла
 Мученья. Ты меня страшилъ:
 Ты сонный скрежеталъ зубами
 И звалъ меня.

А Л Е К О.

Мнѣ снилась ты.
 Я видѣлъ, будто между нами...
 Я видѣлъ страшныя мечты.

ЗЕМФИРА.

Не вѣрь лукавымъ сновидѣньямъ.

А Л Е К О.

Ахъ, я не вѣрю ничему:
 Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ,
 Ни даже сердцу твоему.

СТАРИКЪ.

О чемъ, безумецъ молодой,
 О чемъ вздыхаешь ты всечасно?
 Здѣсь люди вольны, небо ясно,
 И жены славятся красой.
 Не плачь, тоска тебя погубить.

А Л Е К О.

Отецъ! она меня не любить.

СТАРИКЪ.

Утѣшься, другъ; она дитя;
 Твое унынье безразсудно:
 Ты любишь горестно и трудно,
 А сердце женское шутя.
 Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
 Гуляетъ вольная луна;
 На всю природу мимоходомъ
 Равно сіянье льетъ она;
 Заглянетъ въ облако любое,
 Его такъ пышно озарить,
 И вотъ ужъ перешла въ другое,
 И то недолго посѣтитъ.
 Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
 Примолвя: тамъ остановись!

Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнись!
Утѣшься!...

АЛЕКО.

Какъ она любила!
Какъ нѣжно преклонясь ко мнѣ,
Она въ пустынной тишинѣ
Часы ночные проводила!
Веселья дѣтскаго полна,
Какъ часто милымъ лепетаньемъ,
Иль упоительнымъ лобзаньемъ
Мою задумчивость она
Въ минуту разогнать умѣла!
И что жъ? Земфира не вѣрна!
Моя Земфира охладѣла.

СТАРИКЪ.

Послушай, расскажу тебѣ
Я повѣсть о самомъ себѣ.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожалъ еще москаль—
(Вотъ видишь, я припоминаю,
Алеко, старую печаль),
Тогда боялись мы султана,
А правилъ Буджакомъ папа
Съ высокихъ башенъ Акермана—
Я молодъ былъ, моя душа
Въ то время радостно кипѣла.
И ни одна въ кудряхъ моихъ
Еще сѣдинка не бѣлѣла.
Между красавицъ молодыхъ
Одна была... и долго ею
Какъ солнцемъ любовался я,
И наконецъ назвалъ моею.

Ахъ, быстро молодость моя
Звѣздой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минута
Еще быстрее: только годъ
Меня любила Мариула.

Однажды, близъ кагульскихъ водъ
Мы чуждый таборъ повстрѣчали;
Цыганы тѣ, свои шатры
Разбивъ близъ нашихъ, у горы.
Двѣ ночи вмѣстѣ ночевали.

Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.
Я мирно спалъ; заря блеснула;
Проснулся я—подруги нѣтъ!
Ищу, зову—пропалъ и слѣдъ.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакалъ!... Съ этихъ поръ
Постылы мнѣ всѣ дѣвы міра;
Межъ ними никогда мой взоръ
Не выбиралъ себѣ подруги,
И одинокіе досуги
Уже ни съ кѣмъ я не дѣлилъ.

АЛЕКО.

Да какъ же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ воспѣдъ неблагодарной,
И хищнику и ей коварной
Кинжала въ сердце не вонзилъ?

СТАРИКЪ.

Къ чему? Вольнѣ птицы младость.
Кто въ силахъ удержатъ любовь?
Чредою всѣмъ дается радость;
Что было, то не будетъ вновь.

АЛЕКО.

Я не таковъ. Нѣтъ, я не споря
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хотъ мщеньемъ наслажусь.
О, нѣтъ! когда бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя:
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гуль.

МОЛОДОЙ ЦЫГАНЪ.

Еще одно, одно лобзанье!

ЗЕМФИРА.

Пора! мой мужъ ревнивъ и золъ.

ЦЫГАНЪ.

Одно... но долѣ—на прощанье!

ЗЕМФИРА.

Прощай, покамѣстъ не пришелъ.

ЦЫГАНЪ.

Скажи—когда жъ опять свиданье?

ЗЕМФИРА.

Сегодня, какъ зайдетъ луна,
Тамъ, за курганомъ надъ могилой...

ЦЫГАНЪ.

Обманеть! не придетъ она.

ЗЕМФИРА.

Бѣги—вотъ онъ! Приду, мой милый.

Алеко спитъ. Въ его умѣ
Видѣнье смутное играетъ;
Онъ съ крикомъ пробудясь во тьмѣ,
Ревниво руку простираетъ:
Но оробѣлая рука
Покровы хладные хватаетъ—
Его подруга далека...
Онъ съ трепетомъ привсталъ и внемлетъ...
Все тихо! страхъ его объемлетъ,
По немъ текутъ и жаръ и хладъ;
Встаетъ онъ, изъ шатра выходитъ,
Вокругъ телегъ ужасенъ бродить;
Спокойно все; поля молчатъ;
Темно; луна зашла въ туманы;
Чуть брежжетъ звѣздъ невѣрный свѣтъ;
Чуть по росѣ примѣтный слѣдъ
Ведетъ за дальные курганы:
Нетерпѣливо онъ идетъ,
Куда зловѣщій слѣдъ ведетъ.

Могила на краю дороги
Вдали бѣлѣтъ передъ нимъ,

Туда слабѣющія ноги
Влачить, предчувствіемъ томимъ;
Дрожать уста, дрожать колѣни...
Идетъ... и вдругъ... иль это сонъ?
Вдругъ видитъ близкія двѣ тѣни,
И близкій шопотъ слышитъ онъ
Надъ обезславленной могилой.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Пора!...

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Постой!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Пора, мой милый.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! постой дождемся дня.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Ужъ поздно.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Какъ ты робко любишь.

Минуту!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Ты меня погубишь.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Минуту!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Если безъ меня

Проснется мужъ...

АЛЕКО.

Проснулся я.

Куда вы? Не спѣшите оба—
Вамъ хорошо и здѣсь, у гроба.

ЗЕМФИРА.

Мой другъ, бѣги, бѣги!

АЛЕКО.

Постой!

Куда, красавецъ молодой?

Лежи!

(вонзаетъ въ него ножъ).

ЗЕМФИРА.

Алеко!

ЦЫГАНЪ.

Умираю!

ЗЕМФИРА.

Алеко, ты убьешь его!

Взгляни, ты весь обрызганъ кровью!

О, что ты сдѣлалъ?

АЛЕКО.

Ничего.

Теперь дыши его любовью...

ЗЕМФИРА.

Нѣтъ, полно, не боюсь тебя,

Твои угрозы презираю,

Твое убійство проклинаю.

АЛЕКО.

Умри жъ и ты! (Поражаетъ ее)

ЗЕМФИРА.

Умру любя!

Востокъ денницей озаренный
 Сіялъ. Алеко за холмомъ,
 Съ ножомъ въ рукахъ, окровавленный
 Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ.
 Два трупа передъ нимъ лежали;
 Убійца страшнѣе былъ лицомъ;
 Цыганы робко окружали
 Его встревоженной толпой;
 Могилу всторонѣ копали,
 Шли жены скорбной чередой
 И въ очи мертвыхъ цѣловали.

Старикъ отецъ одинъ сидѣлъ,
И на погибшую глядѣлъ
Въ нѣмомъ бездѣйстви печали;
Подняли трупы, понесли,
И въ лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрѣлъ
На все. Когда же ихъ зарыли
Послѣдней горстію земной,
Онъ молча, медленно склонился,
И съ камня на траву свалился.

Тогда старикъ, приближась, рекъ:
«Оставь насъ гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки, и добры душою,
Ты золь и смѣлъ—оставь же насъ;
Прости! да будетъ миръ съ тобою.»

Сказалъ—и шумною толпою
Поднялся таборъ кочевой
Съ долины страшнаго ночлега,
И скоро все въ дали степной
Сокрылось. Лишь одна телега,
Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ полѣ роковомъ.
Такъ иногда передъ зимою,
Туманной утренней порою
Когда подѣмлется съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется,
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ.
Настала ночь; въ телегѣ темной
Огня никто не разложилъ,
Никто подъ крышею подъемной
До утра сномъ не опочилъ.

— — —

ЭПИЛОГЪ.

Волшебной силой пѣснопѣнья
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу русскій указалъ,
Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавою
Еще шумить минувшей славой,
Встрѣчалъ я посреди степей,
Надъ рубежами древнихъ становъ,
Телеги мирныя цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей.

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями;
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.

Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны;
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

НЕВОШЕДШИЕ ВЪ ПОЭМУ СТИХИ.

(къ стр. 7, послѣ 17-го стиха).

Блѣдна, слаба—Земфира дремлетъ;
Алеко съ радостью въ очахъ
Младенца держитъ на рукахъ
И крику жизни жадно внемлетъ:

«Прими привѣтъ сердечный мой,
Дитя любви, дитя природы,
И съ даромъ жизни дорогой
Неоцѣненный даръ свободы.

«Останься посреди степей:
Безмолвны здѣсь предразсужденья—
И нѣтъ ихъ ранняго гоненья
Надъ дикой люлькою твоей.

«Рости на волѣ безъ уроковъ,
Не знай стѣснительныхъ палатъ,
И не мѣняй простыхъ пороковъ
На образованный развратъ.

«Подъ сѣнью мирнаго забвенья
Пускай цыгана бѣдный внукъ
Не знаетъ нѣтъ и пресыщенья
И пышной суеты наукъ...

«Нѣтъ, не преклонишь ты колѣнъ
Предъ идоломъ безумной чести,
Не будешь жертвой злыхъ измѣнъ,
Трепеща тайно жаждой мести.

«О Боже! если бъ мать моя
Меня родила въ чащѣ лѣса,
Или подъ юртой остяка
Въ глухой разсѣлинѣ утеса...»

ПОДРАЖАНІЕ А. ШЕНЬЕ.

(Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire....).

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снѣдаетъ;
 На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираетъ.
 Давно твоей иглою узоры и цвѣты
 Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
 Грустить. О, я знатокъ въ дѣвической печали;
 Давно глаза мои въ душѣ твоей читали.
 Любви не утайшь: мы любимъ, и какъ насъ,
 Дѣвицы нѣжныя, любовь волнуетъ васъ.
 Счастливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними,
 Красавецъ молодой съ очами голубыми,
 Съ кудрями черными?... Краснѣешь? Я молчу,
 Но знаю, знаю все; и если захочу,
 То назову его. Не онъ ли вѣчно бродитъ
 Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ?
 Ты въ тайнѣ ждешь его. Идетъ, и ты бѣжишь,
 И долго вслѣдъ за нимъ незримая глядишь.
 Никто на праздникъ блистательнаго мая,
 Межъ колесницами роскошными летая,
 Никто изъ юношей свободѣй и смѣлѣй
 Не властвуетъ конемъ по прихоти своей.

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ.¹

(посвящено ПРАСКОВЬѢ АЛЕКСАНДР. ОСИПОВОЙ).

Клянусь четой и нечетой,
 Клянусь мечемъ и правой битвой.
 Клянуся утренней звѣздой,
 Клянусь вечернею молитвой:²

¹ «Нечестивые, пишетъ Магометъ (глава Награды), думаютъ, что коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басенъ.» Мнѣніе сихъ нечестивыхъ конечно справедливо; но, не смотря на сіе, многія нравственныя истины изложены въ коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ подражаній. Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ отъ своего имени, а о Магометѣ упоминается только во второмъ или третьемъ лицѣ.—(Примѣчаніе Пушкина, какъ и всѣ прочія).

² Въ другихъ мѣстахъ корана, Алла клянется копытами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродѣтелью и порокомъ, ангелами и человѣкомъ, и проч. Странный сей реторическій оборотъ встрѣчается въ коранѣ поминутно.

Нѣтъ, не покинулъ я тебя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?

Не я ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?

Мужайся жъ, презирай обманъ,
Стезю правды бодро слѣдуй.
Люби сиротъ, и мой коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй.

II.

О, жепы чистыя пророка,
Отъ всѣхъ вы женъ отличены:
Страшна для васъ и тѣнь порока.
Подъ складкой сѣнью тишины
Живите скромно; вамъ пристало
Безбрачной дѣвы покрывало.
Храните вѣрныя сердца
Для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ,
Да взоръ лукавый нечестивыхъ
Не узритъ вашего лица.

А вы, о гости Магомета!
Стекаясь къ вечери его,
Брегитесь суетами свѣта
Смутить пророка моего.
Въ пареньи думъ благочестивыхъ,
Не любить онъ велеречивыхъ,
И словъ нескромныхъ и пустыхъ;
Почтите пиръ его смиреньемъ,
И цѣломудреннымъ склоненьемъ
Его невольницъ молодыхъ.³

III.

Смутясь, нахмурился пророкъ,
Слѣпца послушавъ приближенъе:⁴

³ «Мой пророкъ, прибавляетъ Алла, вамъ этого не скажетъ, ибо онъ весьма учтивъ и скромнень; но я не имѣю нужды съ вами чиниться.» и проч. Ревность араба такъ и дышетъ въ сихъ заповѣдяхъ.

⁴ Изъ книги: Слѣпецъ.

Бѣжить, да не дерзнетъ порокъ
Ему являть недоумѣнье.

Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ:
Спокойно возвѣщай коранъ,
Не понуждая нечестивыхъ!

Почто жъ кичится человѣкъ?
За то ль, что нагъ на свѣтъ явился,
Что дышетъ онъ недолгій вѣкъ,
Что слабъ умереть, какъ слабъ родился?

За то ль, что Богъ и умертвить,
И воскресить его по волѣ?
Что съ неба дни его хранить
И въ радостяхъ, и въ горькой долѣ?

За то ль, что далъ ему плоды,
И хлѣбъ, и финикъ, и оливу,
Благословивъ его труды
И вертоградъ, и холмъ, и ниву?

Но дважды ангель вострубитъ;
На землю громъ небесный грянетъ:
И братъ отъ брата побѣжитъ,
И сынъ отъ матери отпрянетъ.

И всѣ предъ Богомъ притекутъ,
Обезображенные страхомъ:
И нечестивые падутъ,
Покрыты пламенемъ и прахомъ.

IV.

Съ тобою древле, о всесильный,
Могучій состязаться мнилъ,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, Господь, его смирилъ.
Ты рекъ: я міру жизнь дарую,
Я смертию землю наказую,
На все подъята длань моя.
Я также, рекъ онъ, жизнь дарую,
И также смертию наказую,
Съ тобою, Боже, равенъ я.
Но смолкла похвальба порока
Отъ слова гнѣва твоего:
Подъемлю солнце я съ востока;
Съ заката: подыми его.

V.

Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны тобой,
Да не падутъ на сушь и воды
И не подавятъ насъ собой.⁵

Зажегъ ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ лень, елеемъ напоенный,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.

Творцу молитесь; онъ могучій:
Онъ править вѣтромъ; въ знойный день
На небо насылаетъ тучи;
Даетъ землѣ древесну сѣнь.

Онъ милосердъ: онъ Магомету
Открылъ сіяющій коранъ,
Да притечемъ и мы ко свѣту,
И да падетъ съ очей туманъ.

VI.

Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обрѣтыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

Внемлите радостному кличу,
О дѣти пламенныхъ пустынь!
Ведите въ плѣнъ молодыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!

Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекутъ: возьмите насъ съ собою;
Но вы скажите: не возьмемъ.

Блаженны падшіе въ сраженьи:
Теперь они вошли въ эдемъ,
И потонули въ наслажденьи
Неотравляемомъ ничѣмъ.

⁵ Плохая физика, но за то какая смѣлая поэзія.

VII.

Возстанъ, боязливый:
 Въ пещерѣ твоей
 Святая лампада
 До утра горитъ.
 Сердечной молитвой,
 Пророкъ, удали
 Печальныя мысли,
 Лукавыя сны!
 До утра молитву
 Смиренно твори;
 Небесную книгу
 До утра читай!

VIII.

Торгуй совѣстью предъ блѣдной ницетою,
 Не сыпь своихъ даровъ расчетливой рукою:
 Щедрота полная угодна небесамъ.
 Въ день грознаго суда, подобно нивѣ тучной,
 О сѣятель благополучной,
 Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ.

Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанья,
 Вручая нищему скупое подаенье,
 Сжимаешь ты свою завистливую длань,
 Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
 Что съ камня можетъ дождь обильной,
 Исчезнутъ—Господомъ отверженная дань.

IX.

И путникъ усталый на Бога ропталъ,
 Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ.
 Въ пустынь блуждая три дня и три ночи,
 И зноемъ и пылью тягчимыя очи
 Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ,
 И кладезь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ,
 И жадно холодной струей освѣжилъ
 Горѣвшіе тяжело языкъ и зѣницы,
 И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы:
 И многіе го-ты чадъ нимъ протекли,
 По волѣ вл дыла небесъ и земли.

Насталъ пробужденья для путника часъ;
 Встаётъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ:
 «Давно ли въ пустынѣ заснулъ ты глубоко?»
 И онъ отвѣчаетъ: ужъ солнце высоко
 На утреннемъ небѣ сіяло вчера;
 Съ утра я глубоко проспалъ до утра.»

Но голосъ: «О путникъ, ты долѣе спалъ;
 Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ;
 Ужъ пальма истлѣла, а кладезь холодной
 Изсякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной,
 Давно занесенной песками степей;
 И кости бѣлѣютъ ослицы твоей.»

И горемъ объятый мгновенный старикъ,
 Рыдая, дрожащей главою поникъ...
 И чудо въ пустынѣ тогда совершилось:
 Минувшее въ новой красѣ оживилось;
 Вновь зыблется пальма тѣнистой главой;
 Вновь кладезь наполненъ прохладою и мглой.

И ветхія кости ослицы встаютъ,
 И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ;
 И чувствуетъ путникъ и силу, и радость;
 Въ крови заиграла воскресшая младость;
 Святые восторги наполнили грудь;
 И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь.

П Р И З Н А Н И Е.

(АЛЕКСАНДРЪ ИВАН. ОСИПОВОЙ).

Я васъ люблю, хоть я бѣшусь,
 Хоть это трудъ и стыдъ напрасной:
 И въ этой глупости несчастной
 У вашихъ ногъ я признаюсь!
 Мнѣ не къ лицу и не по лѣтамъ....
 Пора, пора мнѣ быть умнѣй!
 Но узнаю по всѣмъ примѣтамъ
 Болѣзнь любви въ душѣ моей:
 Безъ васъ мнѣ скучно, я зѣваю;
 При васъ мнѣ грустно, я терплю;
 И мочи нѣтъ, сказать желаю,
 Мой ангелъ, какъ я васъ люблю!
 Когда я слышу изъ гостиной
 Вашъ легкій шагъ, иль платья шумъ,

Иль голосъ дѣвственный, невинной,
 Я вдругъ теряю весь свой умъ.
 Вы улыбнетесь—мнѣ отрада;
 Вы отвернетесь—мнѣ тоска.
 За день мученія—награда
 Мнѣ ваша блѣдная рука.
 Когда за пальцами прилежно
 Сидите вы, склонясь небрежно,
 Глаза и кудри опушта,
 Я въ умиленьи, молча, нѣжно,
 Любуюсь вами какъ дитя!...
 Сказать ли вамъ мое несчастье,
 Мою ревнивую печаль,
 Когда гулять, порой, въ ненастье,
 Вы собираетесь въ даль?
 И ваши слезы въ одиночку,
 И рѣчи въ уголку вдвоемъ,
 И путешествіе въ Опочку,
 И фортепьяно вечеромъ...
 Алина, сжальтесь надо мною!
 Не смѣю требовать любви:
 Быть можетъ, за грѣхи мои.
 Мой ангель, я любви не стою!
 Но притворитесь: этотъ взглядъ
 Все можетъ выразить такъ чудно!
 Ахъ, обмануть меня не трудно:
 Я самъ обманываться радъ!..

О Д А.

ЕГО СІЯТЕЛСТВУ ГРАФУ ДМ. ИВ. ХВОСТОВУ.

съ примѣчаніями автора.

Султанъ ярится. ¹ Кровь Эллады
 И рѣзво скачетъ, ² и кипитъ.
 Открылись грекамъ древни клады, ³
 Трепещетъ въ Стиксѣ лютый Питтъ. ⁴
 И се—летитъ продрезаю судно,
 И мечетъ громы обоюдно:

¹ Подражаніе г. Петрову, знаменитому нашему лирику.—² Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмомъ Бардовичемъ Бюхельбекеромъ въ стихотворномъ его письмѣ къ г. Грибоѣдову.—³ Подъ словомъ взгляды должно разумѣть правдивую ненависть нынѣшнихъ Леонидовъ, Ахиллесовъ и Милтиадовъ къ жестокимъ чалмоносцамъ.—⁴ Г. Питтъ, знаменитый англійскій министръ и извѣстный противникъ Свободы.

Се Бейронъ, Феба образецъ.
 Притекъ—но недугъ быстропарный,⁵
 Строптивый и неблагодарный,
 Внесъ смерти на него рѣзецъ.

Пѣвецъ безсмертный и маститый!
 Тебя Эллада днесъ зоветъ
 На мѣсто тѣни знаменитой,
 Предъ коей Церберъ днесъ реветъ!
 Какъ здѣсь ты будешь тамъ сенаторъ,
 Какъ здѣсь—почтенный литераторъ;
 Но новый лавръ тебя ждетъ тамъ,
 Гдѣ отъ крови земля промокла:
 Перикла лавръ, лавръ Ѳемистокла!
 Лети туда, Хвостовъ нашъ, самъ!

Вамъ съ Бейрономъ шипѣла злоба.
 Гремѣла и правдива лесть.
 Онъ лордъ—графъ ты! поэты оба!
 Се, мнится, явно сходство есть—
 Никакъ! Ты съ вѣрною супругой⁶
 Подъ бременемъ судьбы упругой
 Живешь въ любви—и наконецъ
 Глубокъ онъ, но единобразенъ!
 А ты глубокъ, игривъ и разенъ—
 И въ шалостяхъ ты выпрямъ пѣвецъ.

А я—невѣдомый пѣита—
 Въ восторгѣ новомъ воспою
 Вослѣдъ пѣита знаменита
 Правдиву похвалу свою,
 Моляся кораблю бѣгущу,
 Да Бейрона онъ узритъ кущу⁷
 И да блюдутъ твой мирный сонъ⁸

⁵ Горючка.—⁶ Графиня.... Хвостова, урожденная Княжна Горчакова, достойная супруга маститаго нашего пѣвца. Во многочисленныхъ своихъ стихотвореніяхъ вездѣ называетъ онъ ее Темирою. (См. последнее замѣч. къ одѣ: Заздравный кубокъ).

⁷ Подражаніе Его Высокопревосходительству Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Ивану Ивановичу Дмитріеву, знаменитому другу Графа Хвостова:

Къ тебѣ я руки простиралъ,
 Уже изъ отческія кущи
 Взирая на суда бѣгущи.

⁸ Здѣсь поэтъ, увлекаемый воображеніемъ, видитъ уже великаго нашего лирика, погруженнаго въ сладкій сонъ и приближающагося къ берегамъ благословенной Эллады. Нептунъ усмиряетъ предъ нимъ продерзкія волны; Плутонъ исходитъ изъ преисподней бездны, дабы удержать того, кто неопометъ ему въ непродолжительномъ времени богатую жатву тѣней но-

Нептунъ, Плутонъ, Зевсъ, Цитерея,
Гебея, Псиша, Кронъ, Астрея,
Фебъ, Игры, Смѣхи, Вакхъ, Харонъ.

Э П И Г Р А М М Ы.

* *
*

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный зоилъ
Разводить опиумъ чернилъ
Слюною бѣшеной собаки

* *
*

Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ,
Онъ другъ Венеры и пировъ,
Онъ на обѣдахъ—богъ обѣдовъ,
Въ своихъ садахъ—онъ богъ садовъ.

Э П И Г Р А М М А Н А Z**

Воспитанный подъ барабаномъ,
Нашъ Z** лихимъ былъ капитаномъ:
Подъ Австерлицемъ онъ бѣжалъ,
Въ двѣнадцатомъ году дрожалъ,
За то былъ фрунтовой профессоръ!
Но фрунтъ герою надобль—
Теперь коллежскій онъ ассесоръ
По части иностранныхъ дѣлъ.

клонниковъ же-пророка; Зевсъ улыбается ему съ небесъ; Цитерея (Венера) осыпаетъ цвѣтами своего любимаго пѣвца; Геба подымлетъ кубокъ за здравіе его; Псиша, во образѣ Ипполита Богдановича, ему завидуетъ; Кронъ удерживаетъ косу, готовую разить; Астрея предчувствуетъ возвратъ своего царствованія; Фебъ ликуетъ; Игры, Смѣхи, Вакхъ, Харонъ веселою толпою слѣдуютъ за судномъ нашего безсмертнаго пѣты.

КЪ ***

Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки;
Жестоки вы, Богъ вамъ судья!
Вы говорите: я въ горячкѣ,
Вы говорите: брежу я,
За что же гнѣвъ такой? Не знаю!
Вѣдь я въ бреду, въ горячкѣ злой—
И потому я повторяю
Вамъ безпрестанно, что страдаю,
Что я люблю васъ, ангелъ мой!

О Т Р Ы В О К Ъ .

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья,
Читалъ я сладостный коранъ,
Внезапно ангелъ утѣшенья,
Влетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ.
Его таинственная сила...
Слова святыя начертила
На немъ безвѣстная рука.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Неотдѣланные строфы и наброски.

1816.

ЭПИГРАММЫ.

1 на пучкову.

Пучкова, право, не смѣшна:
Перомъ содѣйствуетъ она
Благотворительнымъ газетъ недѣльныхъ видамъ
Хоть въ смѣхъ читателямъ, да въ пользу инвалидамъ

2 тоже.

Зачѣмъ объ инвалидной долѣ
Моя Пучкова такъ тужить?
Она сама въ прелестномъ полѣ
Вѣдь заслуженный инвалидъ!

2. Надпись на мой портретъ.

Не бойся, Глазуновъ, ты моего портрета,
Онъ скоро съ рукъ сойдетъ, хоть я не генералъ.
Къ чему лишь говорить, что онъ портретъ поэта?
Карикатурой ты давно бъ его продашь.

1817.

Съ позволенія скаатъ,
Я сердить на васъ ужасно;
Нѣтъ! вы просите напрасно,
Не хочу стиховъ писать:
Можно ль честному поэту

Ставить къ каждому куплету
Съ позволенія сказать?

Съ позволенія сказать,
Моськина,*по-мнѣ прекрасна,
Знаю, что она опасна;
Мужу хочется бодать;
Но гусары вѣдь невинны,
Что у мужа роги длинны,
Съ позволенія сказать.
Съ позволенія сказать,
Много въ свѣтѣ риємодѣвъ,
Все ученыхъ грамотеевъ,
Чтобы всякій вдоръ писать;
Но въ примѣръ и страхъ Европы,
Многихъ можно бъ высѣчь—
Съ позволенія сказать.

НА ВЫХОДЪ ИЗЪ ЛИЦЕЯ.

Гауэншильдъ и Энгельгардтъ,
Карцовъ и Кошанскій,
И танцмейстеръ Эбергардтъ,
И Эбергардтъ кавказскій,
Всѣ, какъ отставной солдатъ,
Тянуть пѣснь унылу...
Господи, помилуй!
Боже мой, охъ Боже мой,
Господи мой Боже!
Вотъ проходить годъ шестой,
И экзамень тоже.
Что жъ? Какой вамъ аттестатъ
Выдали насилу?..
Господи помилуй!

К***.

Счастливъ, кто близъ тебя, любовникъ упоенный,
Безъ томной робости твоей ловить свѣтлый взоръ,
Движенья милыя, игривый разговоръ,
И слѣдъ улыбки незабвенной,

* Жена одного изъ служившихъ въ Ц. Селѣ.

1818.

КЪ ЮРЬЕВУ.

Здорово, Юрьевъ именинникъ,
Здорово, Юрьевъ лейбъ-уланъ!
Сегодня, для тебя, пустынный
Осушить пѣнистый стаканъ,

Здорово, рыцари лихіе
Любви, свободы и вина!
Для насъ, союзники молодые,
Надежды лампа зажжена.

Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубокъ...
Гдѣ съ громкимъ смѣхомъ сладострастье
Ведетъ насъ пьяныхъ на постель.

КОНЕЦЪ ПОСЛАНІЯ КЪ ЖУКОВСКОМУ.

(стр. 158).

Смотри какъ пламенный поэтъ,
Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
На свистокъ генія склоненный,
Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ!
Онъ духомъ тамъ, въ дыму столѣтій:
Предъ нимъ волнуются толпой
Злодѣйства, мрачной славы дѣти,
Съ сынами доблести прямой;
Отъ сна воскресшимъ вѣками
Онъ бродитъ тайно окружонъ,
И благодарными слезами
Карамзину приносить онъ
Живой души благодаренье
За мигъ восторга золотой
За благотворное забвенье,
Безплодной суеты земной;
И въ немъ трепещетъ вдохновенье.

ТЫ И Я.

Ты богатъ, я очень бѣденъ,
Ты прозаикъ, я поэтъ;
Ты румянь, какъ маковъ цвѣтъ,
Я какъ смерть и тощъ и блѣденъ.
Ты не знаешь вѣкъ заботъ,
Ты живешь въ огромномъ домѣ,

Я жъ средь горя и хлопоть
Провожу дни на соломѣ
Бѣшь ты сладко цѣлый день
Тянешь вина на свободѣ
И тебѣ нерѣдко лѣнь...

ПРО СЕБЯ.

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь
Я много обѣщаю,
Исполню-ли—Богъ вѣсть.

НАДИНЬКЪ.

Съ тобой пріятно удѣлить
Часокъ-два-три уединенью:
Одинъ желаньямъ посвятить,
А два послѣднихъ наслажденью.

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

(Стихи изъ 1-го изданія).

1. Послѣ: «Герой! я не люблю тебя» (стр. 182).
 Русланъ, не знаешь ты мученья
Любви, отверженной на вѣкъ.
Увы! ты не сносилъ презрѣнья...
И что же, странный человѣкъ!
И ты жъ тоскою сердце губишь.
Счастливецъ! ты любимъ, какъ любишь!
2. Послѣ: «Быль рокъ—упорный мой гонитель» (стр. 183).
 Въ надеждѣ сладостныхъ отрадъ,
Въ восторгѣ пылкаго желанья,
Творю посѣбно заклинанья,
Зову духовъ—и, виновать!
Безумный, дерзостный губитель,
Достойный Черномора братъ,
Я сталъ Нainya похититель:
Лишь загадалъ, во тѣмъ лѣсной...
3. Послѣ: «Сердиться глупо и грѣшно» (стр. 186).
 Ужели Богъ намъ далъ одно
Въ подлунномъ мірѣ наслажденье?
Намъ остаются въ утѣшенье
Война, и музы, и вино.
4. Послѣ: «Когда не видимъ друга въ немъ» (стр. 190):
 Вы знаете, что наша дѣва

Была одѣта въ эту ночь,
По обстоятельствамъ, точь въ точь
Какъ наша прабабушка Ева.
Нарядъ невинный и простой,
Нарядъ Амура и природы!
Какъ жаль, что вышелъ онъ изъ моды!
Предъ изумленною княжной
Три дѣвы красоты чудесной
Въ одеждѣ легкой и прелестной
Явились, молча подошли...

5. **Послѣ:** «И далѣ продолжала путь» (стр. 193):
О люди, странныя созданья!
Межъ тѣмъ какъ тяжкія страданья
Тревожатъ, убиваютъ васъ,
Обѣда лишь наступить часъ —
И вмигъ вамъ жалобно доносить
Пустой желудокъ о себѣ,
И имъ заняться тайно просить.
Что скажемъ о такой судьбѣ?
6. **Послѣ:** «Мужьямъ, дѣвицамъ молодымъ» (стр. 207):
Не правъ Фернейскій злой крикунъ!
Все къ лучшему: теперь колдунъ
Иль магнетизмомъ лечитъ бѣдныхъ,
И дѣвушекъ худыхъ и блѣдныхъ,
Пророчить, издаетъ журналъ—
Дѣла достойныя похвалъ.
7. **Послѣ:** «И чтожь? возможно ль?.. намъ солгали!» (стр. 208):
Дерзну ли истинѣ вѣщать?
Дерзну ли яено описать
Не монастырь уединенный,
Не робкихъ инокинь соборъ,
Но... трепещу! въ душѣ смущенный
Дивлюсь и потупляю взоръ.
8. «Ужели счастливъ будетъ онъ!» (стр. 224):
О страшный видъ: волшебникъ хилый
Ласкаетъ сморщенной рукой
Младя прелести Людмилы, . . .
Къ ея плѣнительнымъ, устами, . . .
Прильнувъ увядшими устами,
Онъ, вопреки своимъ годамъ, . . .
Ужъ мыслить хладными трудами
Сорвать сей дѣжный тайный цвѣтъ,
Хранимый Ледемъ для другаго,
Уже... но бремя позднихъ лѣтъ
Тягчить, безстыдника сѣдаго —
Стоная, дряхлый чародѣй,

Въ безсильной дерзости своей,
 Предъ сонной дѣвой упадаетъ;
 Въ немъ сердце поетъ, плачетъ онъ,
 Но вдругъ раздался рога звонъ...

КАВКАЗСКИЙ ПЛѢННИКЪ.

1. Первая мысль поэмы.

Одинъ въ глуши кавказскихъ горъ,
 Покрытый буркой боевою,
 Черкесъ надъ шумною рѣкою
 Въ кустахъ тайлся. Жадный взоръ
 Онъ устремилъ на путь далекой,
 Булатной шашкою сверкаль,
 И грозно въ тишинѣ глубокой,
 Своей добычи ожидалъ.
 Товарищъ вѣрный, терпѣливый,
 Питомецъ горныхъ табуновъ,
 Стоялъ недвижно конь ретивый,
 Въ тѣни древесъ у береговъ.

Прохлада вѣетъ надъ водами;
 Одѣлся тѣнью небосклонъ...
 И вдругъ пустыни мертвый сонъ
 Прервался... Пыль взвилась клубами,
 Гремятъ колеса. Конь кипитъ,
 Черкесъ верхомъ, черкесъ летитъ.

Зачѣмъ, о юноша несчастной,
 Зачѣмъ на гибель ты спѣшишь?
 Порывомъ смѣлости напрасной
 Своей главы не защитишь.
 Его настигнулъ врагъ летучій;
 Несчастный палъ на чуждый берегъ —
 И слабого питомца нѣгъ
 Къ горамъ повлекъ арканъ могучій.
 Помчался конь межъ дикихъ горъ
 На крыльяхъ огненной отваги;
 Все путь ему — болота, боръ,
 Кусты, утесы и овраги.
 Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ
 И гулъ пустынный раздается;
 Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ —
 Онъ въ глубъ кипящую несется.

На темной синевѣ небесъ
 Луна вечерняя блеснула;
 Вотъ кущи дальняго аула
 (Уже) бѣлѣютъ межъ древесъ...

ПРИПИСКА КЪ ПОЭМЪ.

1.

Примите новую тетрадь;
 Вы, юноши, и вы, дѣвицы:
 Не веселѣе ль вамъ читать
 Игривой музы небылицы,
 Чѣмъ пиндарическихъ похвалъ
 Высокопарный страницы?
 Иль усыпительный журналъ,
 Который, вѣкъ не зная цѣли,
 Усердно такъ тяжелъ и грубъ—
 И ровно каждаго двѣ недѣли
 Быть хочеть золь, а только глушь.

2.

О вы, которыя любили
 Парнаса тайныя мечты,
 И вольной младости цвѣты
 Вниманьемъ сладкимъ наградили—
 Спасите трудъ небрежный мой
 Отъ рукъ невѣжества слѣпова,
 Отъ взоровъ зависти косой.
 Картины, вымыслы, рассказы
 Для васъ я вновь перемѣшалъ,
 Смѣшное съ важнымъ сочеталъ
 И бѣшеной любви проказы
 Въ архивахъ ада отыскалъ.

ИЗЪ КИШИНЕВСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

къ вас. лѣв. давыдову.

Межъ тѣмъ, какъ генералъ Орловъ,*
 Обритый рекрутъ Гименея,
 Священной страстью пламенѣя,
 Подъ мѣрку подойти готовъ;
 Межъ тѣмъ, какъ ты, проказникъ умной,
 Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной,
 За ужиномъ съ бутылкою Аи
 Сидятъ Раевскіе мои;
 Когда вездѣ весна молодая
 Съ улыбкой распустила грязь,
 И съ горя на берегахъ Дуная
 Бушуетъ нашъ безрукій князь,**

* Михаилъ Оехоровичъ, командовавшій дивизіею въ Кишиневѣ.

** Александръ Ипсиланти, глава этеристовъ.

Тебя, Раевскихъ и Орлова
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебѣ два слова
Про Кишиневъ и про себя....
На этихъ дняхъ сѣдой обжора
М—ъ среди собора,
Передъ обѣдомъ невзначай
Велѣлъ жить долго всей Россіи

.
Я сталъ уменъ и лицемѣрю,
Пощусь, молюсь и твердо вѣрю,
Что Богъ простить мои грѣхи.
Какъ государь мои стихи.
Говѣтъ Инзовъ и намедни
Я промѣнялъ Вольтера бредни
И лиру, грѣшный даръ судьбы,
На часословъ и на обѣдни
Да на сушеные грибы.

.
Но я молюсь и воздыхаю,
Крещусь, не внемлю сатанѣ,
А все невольно воспоминаю,
Давыдовъ, о твоёмъ винѣ.

.
Когда и ты и милый братъ
Передъ каминомъ надѣвая
Демократическій халатъ,
Спасенья чашу наполняли,
Безцѣнной мерзлою струей
И за здоровье тѣхъ и той
До дна до капли выпивали.

.
И я скажу. Христось воскресъ!
Но тѣ въ Неаполѣ шалать,
А та едва ли тамъ воскреснетъ,
Народы тишины хотятъ
И долго ихъ яремъ не треснетъ.

Апрѣль 1821.

2. ЕВРЕЙКЪ.

Христось воскресъ, моя Ревекка!
И нынѣ, слѣдуя душой
Закону Божечеловѣка,
Тебя цѣлую, ангель мой!
А завтра къ вѣрѣ Мойсея
За поцѣлуй твой, не робѣя,
Готовъ, еврейка, приступить

И то готовъ тебѣ вручить,
 Чѣмъ можно вѣрнаго еврея
 Отъ православныхъ отличить?
 (12 апрѣля 1821. Кашиневъ).

3. Павлу Серг. Пущину.

И скоро скоро, смолкнетъ брань.
 Средь рабскаго народа —
 Ты молотокъ возьмешь во длань
 И воззовешь: «свобода!»
 Хвалю тебя, о вѣрный братъ,
 О каменщикъ почтенный!
 О Кишиневъ, о темный градъ!
 Ликуй, имъ просвѣщенный.

4. НАБРОСКИ

ИЗЪ НЕОКОНЧЕННОЙ САТИРЫ.

*

Въ гееннѣ праздникъ...
 Въ тѣмъ кромѣшной,
 Откуда изгнаны навѣки
 Надежда, миръ, любовь и сонъ,
 Гдѣ свищутъ адскіе бичи,
 Гдѣ море адское клокочетъ,
 Гдѣ, грѣшника внимая стонъ,
 Ужасный Сатана хохочетъ...

*

«Что козырь?»—Черви. «Мнѣ ходить.»
 —Я бью. «Нельзя ли погодить?»
 —Беру. «Кругомъ насъ обыграла!
 Эй, смерть! ты право сплутовала.»
 —Молчи! ты глупъ и молоденецъ:
 Ужъ не тебѣ меня любить!
 Вѣдь мы играемъ не для денегъ,
 А только бѣ вѣчность проводить!

*

Я дамой... Крой.—Я бью тузомъ;
 —Позвольте, козырь.—Ну, пойдёмъ.

*

«Кто тамъ?»—Здорово, господа!
 «Зачѣмъ пожаловалъ сюда?»

—Привелъ я гостя. «Ахъ, Создатель!
Вотъ докторъ Фрикентъ, нашъ пріятель!
Живой!»—Онъ живъ, да нашъ давно:
Сегодня ль, завтра ль—все равно!
«Объ этомъ думаютъ двояко;
Обычай требовалъ однако
Соизволенья моего...
Но впрочемъ, это ничего
Вы знаете, всегда вѣдь другу
Я рада оказать услугу.

*

«Такъ вотъ дѣтей земныхъ изгнанье?
Какой порядокъ и молчанье!
Какой огромный сводовъ рядъ!
Но гдѣ же грѣшниковъ варять?
Все тихо.»—Тамъ, гораздо далѣ.
«Гдѣ мы теперь?»—Въ парадной затѣ.

*

«Сегодня балъ у Сатаны...
На именины всѣ званы...
Смотри, какъ эти два бѣсенка
На кухню тащутъ поросенка...
А этотъ бѣсъ—какъ важенъ онъ!
Какъ чинно выметаетъ вонъ
Опилки, сѣру, пыль и кости...
Скажи мнѣ, скоро ль будутъ гости?»

5.

Ты правъ, мой другъ! напрасно я презрѣлъ
Дары природы благосклонной;
Я зналъ досугъ—безпечныхъ музъ удѣлъ,
И наслажденье лѣнью сонной.
Я дружбу зналъ, и жизни молодой
Ей отдалъ вѣтренные годы,
И вѣрилъ ей за чашей круговой
Въ часы веелій и свободы.
Младыхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ,
Я зналъ и трудъ и вдохновенье,
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное волненье!
Свою печаль утратилъ рѣзвый нравъ...
Душа часъ отъ часу нѣмѣеть.
Въ ней чувства нѣтъ. Такъ легкій листъ дубравъ
Въ ключахъ кавказскихъ каменѣть.

6.

(Начало поэмы).

Въ Юрзуфѣ бѣдный мусульманъ
 Недавно жилъ съ дѣтьми, съ женою,
 Душевно почиталъ священный Алькоранъ,
 И счастливъ былъ своей судьбою.
 Мехметъ (такъ звался онъ) прилежно цѣлый день
 Смотрѣлъ за ульями и стадомъ
 И за домашнимъ виноградомъ,
 Не зная, что такое лѣнь;
 Жену свою любилъ; Фатима это знала
 И каждый годъ дѣтей она рожала;
 Но у татаръ ужъ такъ заведено
 По нашему, друзья, хоть это и смѣшно.
 Фатима разъ (она была тогда брюхата,
 А каждый вѣдаетъ, что въ эти времена
 И самая степенная жена
 Имѣетъ прихоти то эти, то другія
 И Боже упаси какія!),
 Фатима говорить умильно муженьку:
 Мой другъ, мнѣ хочется ужасно каймаку.
 Повѣрь, теряю я рассудокъ.
 Во мнѣ такъ и горитъ желудокъ.
 Я не спала всю ночь, и посмотри, душа,
 Сегодня вѣрно я совѣмъ нехороша!
 Всего мнѣ должно опасаться,
 Не смѣю даже почесаться,—
 А то родится дочь съ отміткой на носу,
 Такой я муки не снесу!
 Любезный, миленькій, красивый мой дружочекъ,
 Достань мнѣ каймаку хоть крохотный кусочекъ.
 Мехметъ разнѣжился, собрался..
 завязалъ,
 Поцѣловалъ жену
 И въ ближнюю деревню побѣжалъ,
 Чтобы порадовать больную..
 Не шель онъ, а летѣлъ. За то въ обратный путь.
 Пустился по горамъ, едва-едва шагая,
 И скоро сталъ искать, совѣмъ изнемогая,
 Мѣстечка, гдѣ бы отдохнуть.
 По счастью, на концѣ долины
 Онъ видитъ ручеекъ.....
 Добрелъ до береговъ и легъ въ тѣни вѣтвей;
 Журчанье водъ, деревъ вершины,
 Душистая трава, прохладный вѣтерокъ
 Все нѣжило.....

7.

ОПИСАНІЕ КИШИНЕВСКИХЪ ДАМЪ.

Раззѣвавшись отъ обѣдни,
 Къ Катакази ѣду въ домъ.
 Что за греческія бредни,
 Что за греческой содомъ.
 Подогнувъ подъ платье ноги,
 За вареньемъ, средь прохладъ,
 Какъ египетскіе боги,
 Дамы прѣютъ и молчать,

*

Признаюсь предъ всей Европой,
 Хромоногая кричить,
 М —
 Душу, сердце мнѣ томить!
 Мужъ! вотще карманы грузно
 Ты набилъ въ семьѣ моей,
 И вотще ты пятишь грузно,
 М — мнѣ милой.

*

Здравствуй, круглая сосѣдка!
 Ты бранчива, ты скупа,
 Ты неловкая кокетка,
 Ты плѣшива, ты глупа,
 Говорить съ тобой нѣтъ мочи,
 Все прощаю, Богъ съ тобой!
 Ты съ утра до темной ночи
 Рада въ банкъ играть со мной.

*

Вотъ Еврейка съ Тадарашкой.
 Пламя пышетъ въ подлѣцѣ,
 Лапу держать!....
 Пѣна на ея лицѣ.
 Весь отъ ужаса хладѣю,
 Ахъ, Еврейка, Богъ убьетъ!
 Если вѣрить Моисею
 Скот. умретъ.

*

Ты наказана сегодня,
 И тебя пронзилъ Амуръ.
 О, чувствительная сводня,
 О, краса молдавскихъ дуръ!..
 Смотришь, каждая дѣвица
 Предъ тобою съ молодцомъ,
 Ты жъ одна, моя вдовица,

*

Ты умна, велерѣчива,
 Кишиневская Жанлисъ,
 Ты бѣла, жирна, шутлива,
 Черноокая Гарсисъ;
 Не хочу судить я строго,
 Но къ тебѣ не льнетъ душа,
 Такъ послушай, ради Бога,
 Будь глупа, да хороша.

8.

Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю,
 Пировъ и радости блистательный пѣвецъ.
 Пѣвецъ-гусаръ, ты пѣлъ биваки,
 Раздолье ухарскихъ пировъ,
 И пылкую потѣху драки,
 И завитки своихъ усовъ.
 Походную сдувая пыль,
 Ты славилъ, лиру не настроя,
 Любовь и мирную бутылъ...
 Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю,
 Мнѣ сладокъ жаръ твоихъ рѣчей
 Повѣрь, я снова пламенѣю
 Воспоминаньемъ прежнихъ дней...

9.

Вотъ муза, рѣзвая болтуня,
 Которую ты такъ любилъ.
 Она раскаялась, шалунья:
 Придворный тонъ ее плѣнилъ.

10.

Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ.
 Ты боленъ: это не мечты.
 И то-то, братецъ, будешь съ носомъ,
 Когда безъ носу будешь ты.

11.

Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжный,
 Я прихожу въ послѣдній разъ,
 Любви, отрады безнадежной
 Дѣлю съ тобой послѣдній часъ.
 Впередъ одна въ надеждѣ томной
 Не жди меня средь ночи темной,
 До первыхъ утреннихъ лучей
 Не жги свѣчей...

12.

Тадарашка въ васъ влюбленъ
И для вашихъ ножекъ,
Говорятъ заводить онъ
Родъ какихъ-то дрожекъ.
Намъ приходитъ нелегко!
Какъ неосторожно!
Охъ! на дрожкахъ далеко
Вамъ уѣхать можно.

13.

Мой другъ, уже три дня
Сижу я подъ арестомъ
И не видался я
Давно съ моимъ Орестомъ.
Спаситель Молдаванъ,
Бахметьева намѣстникъ,
Законовъ провозвѣстникъ,
Смиренный Іоаннъ, (т. е. Инзовъ)
За то, что Ясскій панъ,
Извѣстный намъ болванъ
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою,
И трусь и грубіянь
Побить немножко мною,
И что бояръ пугнулъ
Я новою тревогой,
Къ моей каморкѣ—строгой
Приставилъ караулъ.
.
. . . Невинною игрою,
А именно мараю
Небрежныя черты,
Пишу карикатуры,
Знакомыхъ столько лицъ,
Восточныя фигуры
Е хъ куконицъ
И ихъ мужей рогатыхъ,
Обритыхъ и брадатыхъ.

—
* *
*

Добра чужаго не желать
Ты, Боже, мнѣ повелѣваешь;
Но мѣру силъ моихъ ты знаешь—
Мнѣ ль нѣжнымъ чувствомъ управлять?
Обидѣть друга не желаю

И не хочу его села,
 Не нужно мнѣ его вола;
 На все спокойно я взираю.
 Ни домъ его, ни скоть, ни рабъ—
 Не лестна мнѣ вся благостыня.....
 Но ежели его рабыня
 Прелестна... Господи, я слабъ!
 Но ежели его подруга
 Мила какъ ангелъ во-плоти—
 О Боже праведный, прости
 Мнѣ зависть ко блаженству друга!
 Кто сердце могъ повелѣвать,
 Кто рабъ усилій безполезныхъ?
 Какъ можно не любить прелестныхъ!
 Какъ райскихъ благъ не пожелать?
 Смотрю, томлюся и вздыхаю,
 Но строгій долгъ умѣю чтить:
 Страшусь желаньямъ сердца льстить,
 Молчу.... и втайнѣ я страдаю.

Г-ЖѢ ЭЙХФЕЛЬДТЪ.

Ни блескъ ума, ни стройность платья
 Не могутъ васъ обворожить;
 Одни двоюродные братья
 Узнали тайну васъ плѣнить.
 Лишили вы меня покоя,
 Но вы не любите меня;
 Одна моя надежда — Зоя:
 Женюсь — и буду вамъ родня.....

Н. Н.

Могу ль забыть то сладкое мнѣненье.
 Когда я вами жилъ и видѣлъ только васъ,
 И вальса въ бѣшеное круженье
 Завидовалъ свободѣ дерзкихъ глазъ?
 Я умолялъ: постой, чудесное мнѣненье!
 Вели, чтобъ быстрый вальсъ вертѣлся не вертясь,
 Чтوبъ я не опускалъ съ прелестной вѣчно глазъ
 И чтобъ забвеніе крыломъ одѣло насъ....

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАНЪ

(ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ НАБРОСКИ).

1.

Исполню я твое желанье
Начну обѣщанный разсказъ.
Давно, когда мнѣ въ первый разъ
Повѣдали сіе преданье,
Тогда я грустью омрачился,
Но не надолго юный умъ,
Забывъ веселыхъ оргій шумъ,
Въ унынье, въ думы углубился.
Какою быстрой чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья,
Восторги—тихою тоской,
Печаль—порывомъ упоенья...

2.

Печалень будетъ мой разсказъ!
Давно, когда мнѣ въ первый разъ
Любви повѣдали преданье.
Я въ шумъ радостномъ уныль—
И на минуту позабылъ
Роскошныхъ оргій ликованье.
Но быстрой, быстрой чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья!
Веселье—тихою тоской,
Печаль—восторгомъ упоенья....

3.

Блестить луна, недвижно море спить,
Молчать сады роскошные Гассана;
Но кто же тамъ во тѣмъ сидитъ
На мраморѣ печальнаго фонтана?
Арапъ-евнухъ, гарема стражъ сѣдой.
И съ нимъ его товарищъ молодой.
«Недугъ любви, недугъ тоски душевной
Не отъ меня сжироешь ты.
Твой мрачный взоръ, твой ропотъ гнѣвный,
Твои свирѣпыя мечты
Уже давно мнѣ все сказали...»

4.

(съ турецкаго).

Даруетъ небо человѣку
Часы отрады въ замѣну бѣды.
Блаженъ факирь, узрѣвшій Мекку
На старости суровыхъ лѣтъ

Блаженъ кто на берегу Дуная
Собой умножить падшихъ рядъ:
Къ нему на встрѣчу дѣвы рая,
Толпою страстной полетять.

Но всѣхъ блаженнѣй, о Зарема
Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
Въ прохладѣ тайнаго гарема
Обниметь радостно тебя.

— — —
* *
— — —

...Въ голубомъ зѣира полѣ.
Блещетъ мѣсяцъ золотой;
Старый дождь плыветъ въ гондолѣ
Съ догарессой молодой.

— — —
* *
— — —

На тихихъ берегахъ Москвы
Церквей вѣнчанныя крестами
Сіяютъ ветхія главы
Надъ монастырскими стѣнами;
Кругомъ простерлись по холмамъ
Во вѣкъ не рубленныя рощи,
Издавно почиваютъ тамъ
Угодниковъ святыя мощи...

— — —
1823.
— — —

* *
— — —

Все кончено и межъ нами связи нѣтъ.
Въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни,
Произносилъ я горестныя пѣни.
Все конечно, я слышу твой отвѣтъ.

— — —
1824.
— — —

княжнѣ хованской.

...Есть богъ другой, земнаго круга
Ему подвластна красота—
Онъ богъ Парни, Тибулла, Мура,
Имъ мучусь, имъ утѣшенъ я,
Онъ весь въ тебя, ты мать Амура,
Ты несравненная моя.

— — —
княгинѣ с. а. урусовой.

Не взрвалъ я граціямъ донинѣ,
Мнѣ видъ тройной казался все мудренѣ,

Но вижу васъ—и вѣрой укрѣплень,
Молюсь тремъ граціямъ въ одной богинѣ.

ГРАФУ О....

Пѣвецъ! издревлѣ межъ собою
Враждуютъ наши племена.
То наша стонетъ сторона,
То гибнетъ ваша подъ грозою.

.....
И тотъ не нашъ, кто съ дѣвой вашей
Кольцомъ завѣтнымъ сопряженъ,
Не выпьемъ мы завѣтной чашей
Здоровье вашихъ красныхъ женъ.
И наша дѣва молодая,
Привлекши сердце поляка,
Не приметъ.....
Любовь народнаго врага.
Но огонь поэзіи чудесной
Сердца враждебныя дружить..

О Т Р Ы В К И.

1.

Надо мной въ лазури ясной,
Свѣтитъ звѣздочка одна;
Справа западъ темнокрасный,
Слѣва блѣдная луна.

2.

Стою печально на кладбищѣ,
Гляжу—кругомъ обнажено.
Святое смерти пепелище
И степью лишь окружено.
И мимо вѣчнаго ночлега
Дорога сельская лежитъ...

3.

Два чувства дивно близки къ намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.

4.

Забывъ и рощу и свободу,
Невольникъ чижики надо мной
Зерно клюетъ и брызжетъ воду,
И пѣсню тѣшитъ живой.

КОНЕЦЪ 1-ГО ТОМА

Недавно вышли изъ печати слѣдующія стихотворенія, напечатанныя по рукописи, хранящейся въ Императорской публичной библіотекѣ.

* *
*

1820. Мнѣ васъ не жаль, года весны моей,
Протекшіе въ мечтахъ любви напрасной,
Мнѣ васъ не жаль, о тайнства ночей,
Воспѣтыя цѣвницей сладострастной;

Мнѣ васъ не жаль, невѣрные друзья
Вѣнки пироль и наши круговыя,
Мнѣ васъ не жаль, измѣнницы младыя,—
Задумчивый, забавъ чуждаюсь я.

Но гдѣ же вы, минуты умиленья,
Младыхъ надеждъ, сердечной тишины?
Гдѣ прежній жаръ и нѣга вдохновенья?
Придите вновь, года моей весны.

Юрзуфъ 20 Октября.

* *
*

1821. Составленъ онъ изъ подлой спеси;
Я не видалъ негоднѣй смѣси;
Въ сраженіи онъ трусь, въ трактирѣ онъ бурлакъ,
Въ передней онъ подлецъ, въ гостинной онъ дуракъ

* *
*

1821. Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ,
Что стихами,
Играю смѣхомъ и слезами;—

Не тѣмъ горжусь, что иногда
 Мои коварные напѣвы
 Смиряли въ мысляхъ юной дѣвы
 Порывы страха и стыда;
 Не тѣмъ, что у столба сатиры
 Развратъ и злобу я казнилъ,
 И что разящій голосъ лиры
 Виновныхъ въ ужасъ приводилъ;
 Не тѣмъ, что пламеннымъ волненьемъ
 И бурями души моей,
 И жаждой воли, и гоненьемъ
 Я сталъ извѣстенъ межъ людей;—
 Иная, высшая награда
 Была мнѣ рокомъ суждена,—
 Самолюбивыхъ думъ отрада,
 Мечтанья неземнаго сна!..

* *
 *

Г Р А Ф У О...

1824. Пѣвецъ! Издревле межъ собою
 Враждуютъ наши племена,
 То наша стонетъ сторона,
 То гибнетъ ваша подъ грозою,
 И вы, бывало, пировали
 Кремля плѣнъ,
 И мы о камень падшихъ стѣнъ
 Младенцевъ нашихъ разбивали,
 Когда топтали
 Красу Костюшкиныхъ знаменъ...
 И тотъ не нашъ, кто съ дѣвой вашей
 Кольцомъ завѣтнымъ сопряженъ;
 Не выпьемъ мы завѣтной чашей
 Здоровье вашихъ красныхъ женъ,
 И наша дѣва молодая,
 Привлекши сердце поляка,
 Отвергнетъ
 Любовь народного врага,
 Но огонь поэзіи чудесный
 Сердца враждебныя дружить....

1824. Мнѣ жалѣ великія жены,
Жены, которая любила
И дымъ (убійственной) войны,
И дымъ парижскаго кадила.
Въ аллеяхъ Царскаго Села
Она съ Потемкинымъ, съ Орловымъ
Бесѣды (мудрыя) веда....
.

1827. Въ рощахъ карійскихъ, любезныхъ ловцамъ, таится
пещера.
Стройныя сосны кругомъ склонились вѣтвями, и
тѣнью
Входъ въ нее заслоненъ, сквозь вѣтви блестящимъ
въ извивахъ
Плющемъ, любовникомъ скалъ и разсѣлинъ, звонкой
дугою.
Съ камня на камень сбѣгаетъ, пробивъ глубокое русло.
Рѣзвый ручей
Тихо по рощѣ густой, веселя ее онъ вѣтвя
Сладкимъ журчаніемъ.

1829. Еще одной высокой важной пѣснѣ
Внемли, о Фебъ, и смолкнувшую лиру
Въ разрушенномъ святилищѣ твоемъ
Повѣшу я—пускай, при шумѣ бурь,
Печальный звукъ
. Еще единый гимнъ—
Внемлите мнѣ, пенаты—вамъ пою
Отвѣтный гимнъ, совѣтники Зевеса,
Живете ль вы въ небесной глубинѣ,
Иль, божества всевышнія, всему,
По мнѣнію мудрецовъ, причина вы,
И слѣдуютъ торжественно за вами
Великій Зевсъ съ супругой волоокой
И мудрая богиня, дѣва силы,
Аѳинская Паллада,—вамъ хвата.
Примите гимнъ, таинственныя силы!

Хоть долго былъ изгнаньемъ удаленъ
Отъ вашихъ жертвъ и тихихъ возліаній,
Но васъ любить не преставаль, о боги,
И въ долгіе часы пустынной жизни
Томительно просилась отдохнуть
Близъ вашего святаго пепелища
Моя душа,—тамъ миръ (и тишина)...
Такъ я любилъ васъ долго! Васъ зову
Въ свидѣтели, съ какимъ святымъ волненьемъ
Оставилъ я людское стадо наше,
Дабы стеречь вашъ огонь уединенный,
Бесѣдуя одинъ съ самимъ собою
Часы неизъяснимыхъ наслажденій!
Они даютъ намъ знать сердечну глубь,
Въ могуществѣ и въ немощахъ сердечныхъ
Они любить, дѣлѣть научаютъ
Не смертныя, таинственныя чувства,
И насъ они наукѣ первой учатъ—
Чтить самого себя. О нѣтъ, во вѣкъ
Не преставаль молить благоговѣйно
Васъ, божества домашнія....

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Отъ Издателя.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ (біографія).

	Стран.
1812. Пѣсня «О Делія драгая»	1
Делія	—
Измѣны (къ Графинѣ Н. В. Кочубей).	2
1814. Къ сестрѣ	4
Къ другу стихотворцу	7
Кольна (подражаніе Оссіану)	9
Эвлега (изъ поэмы Парни: Isnel et Asléga)	12
Осгаръ (подражаніе Парни)	14
Леда. (Кантата, подражаніе Парни)	16
Венерѣ отъ Лаисы, (при посвященіи ей зеркала)	17
Красавицѣ, которая нюхала табакъ	18
Stances (княжнѣ Е. М. Горчаковой)	19
Къ Натальѣ. (Крѣпостной актрисѣ графа В. В. Толстаго).	—
Молодой актриссѣ (той же артисткѣ)	21
Опытность	22
Блаженство	23
Пирующие студенты	25
Къ Батюшкову (Философъ рѣзвый и пійть)	27
К. Н. Г. Ломоносову	30
Романсъ «Подъ-вечеръ осенью ненастной»	—
Mon portrait (Барону П. Θ. Гревеницу	32
Городокъ. (Къ ***)	33
Эпиграммы	
Аристѣ намъ обѣщаль	42
Супругою твоей я такъ плѣнился	—
Несчастье Клита (на Кюхельбекера)	—
На поэму Шихматова	43
На гр. А. К. Разумовскаго	—
1815. Воспоминанія въ Царскомъ селѣ	—
Казакъ	47
Вишня	49

1815.	Бова. (Отрывокъ)	51
	Наполеонъ на Эльбѣ	57
	* ЛИЦИНІЮ	59
	Къ А. И. Галичу. (Пускай угрюмый рнемотворъ)	60
	* СТАРИКЪ. (Изъ Марота)	62
	Къ И. И. Пущину. (Любезный имянный)	—
	Къ Батюшнову. (Въ пещерахъ Геликона)	63
	Вода и вино	64
	Погребъ	65
	Воспоминаніе. (Къ Пущину) «Помнишь ли, мой братъ»	—
	Мечтатель. (По небу крадется луна)	66
	Князю А. М. Горчакову. (Пускай не знаясь съ Аполлономъ)	68
	Посланіе къ Галичу. (Гдѣ ты, лѣнивѣцъ мой) . .	69
	Къ Дельвигу. (Послушай музъ невинныхъ)	72
	Разсудокъ и любовь	74
	Сраженный рыцарь	75
	Мое завѣщаніе (друзьямъ)	76
	Посланіе къ Ю*** (Ты хочешь, милый другъ, узнать)	78
	Моему Аристарху (Н. Ѳ. Кюшанскому)	83
	Надпись къ бесѣдкѣ	85
	Завѣщаніе	86
	Къ ней	—
	Слеза (К. П. Бакуниной)	—
	К. П. Бакуниной	87
	Къ живописцу (изъ Парни)	—
	* РОЗА	88
	* ГРОБЪ АНАКРЕОНА (изъ Парни)	—
	На возвращеніе Государя Императора изъ Пари- жа (въ 1815 г.)	89
	Къ баронессѣ М. А. Дельвигъ	91
	Моя эпитафія	92
	Эпиграммы:	
	Бывало прежнихъ лѣтъ герой	92
	Ахъ тошно, тошно! помогите	—
	На профессора Черняка	—
1816.	Фавнъ и Пастушка. Картины (подражаніе Парни)	93
	Къ МОРЕФЕЮ (изъ Парни)	98
	Къ Малшѣ (сестрѣ Дельвига)	99
	Пуншѣвая пѣсня (изъ Шиллера)	—
	Заздравный кубокъ	100
	Усы. (Философическая ода)	101
	Желаніе (В. Л. Пушкину). «Христосъ воскресъ» .	102
	Посланіе Лидѣ	103
	Слово милой. (Маріи Смитъ)	104
	* ЛИЛѢ (ей же)	105

	Стран.
1816. *АМУРЪ и ГИМЕНЕЙ	—
Истина ¹	106
*ФІАЛЪ АНАКРЕОНА	107
Наѣздникъ	107
Посланіе къ кн. А. М. Горчакову (встрѣчаюсь я)	109
Старица-пророчица (барону Дельвигу)	111
Сонъ (отрывокъ)	112
Къ принцу Оранскому.	117
Къ Наташѣ (горничной кн. Волконской)	118
Желаніе (Медлительно влекутся дни мои)	119
Элегія. (Я думалъ, что любовь погасла навсегда)	—
Осеннее утро	120
Разлука	121
Элегія (Счастливы кто въ страсти самъ себѣ)	122
Наслажденіе	—
Окно	123
Мѣсяцъ	124
«Опять я вашъ, о юные друзья»	—
Любовь одна веселье жизни хладной»	125
*ПОДРАЖЕНІЕ (Я видѣлъ смерть, она сидѣла)	126
*ДРУЗЬЯМЪ (Богами вамъ еще даны)	127
*ПРОБУЖДЕНІЕ	—
ПѢВЕЦЪ	128
А. А. ПИШКОВУ (Шалунъ, увѣнчанный Эратой).	—
Боже, царя храни	129
Письмо къ В. Л. Пушкину (Тебѣ, о Несторъ Арзамаса)	130
Эпиграммы:	
Скажи, что новаго?	131
Твой и мой	—
Экспромтъ на А. Въ молчаньи предъ тобою сiju)	132
Больны, вы дядюшка	—
На Пучкову	—
На Кюхельбекера (Вотъ Виля)	—
Она	—
Къ письму	133
Эпитафія (Покойникъ Клитъ)	—
Княжнѣ Волконской	—
На лицейскаго дядьку, оказавшагося убійцей.	—
1817. Къ Жуковскому (Благослови, поэтъ)	—
ДЕЛЬВИГУ (Любовью, дружествомъ и лѣнью)	136
Стансы изъ (Вольтера)	137
Сновидѣніе (изъ Вольтера)	138
Письмо къ Лидѣ (Подраженіе Парни)	—
*ИМЕНИНЫ	139
Безвѣріе	—

	Стран.
* П. П. КАВЕРИНУ (Забудь, любезный мой Каверинъ)	141
ПОСЛАНИЕ къ В. Л. Пушкину (Скажи, парнасскій мой отецъ)	—
Къ молодой вдовѣ (Маріи Смитъ)	143
Добрый совѣтъ (изъ Парни)	144
Товарищамъ передъ выпускомъ	145
Въ альбомъ А. А. Илличевскому	—
ВЪ АЛЬБОМЪ И. И. Пущину (Взглянувъ когда нибудь)	146
*РАЗЛУКА (В. К. Кюхельбекеру) «Въ послѣдній разъ»	—
Въ альбомъ А. Н. Зубову	147
Къ портрету П. Я. Чаадаева	—
Къ портрету Каверина	—
Къ П. Бакуниной (Что можемъ наскоро)	148
Къ ней (ей-же) «Въ печальной праздности я лиру забывалъ»	—
Торжество Вакха	—
Прощаніе съ Тригорскимъ	150
Къ Е. С. Огаревой (которой м. прислалъ плодовъ изъ своего сада).	151
Кн. Е. И. Голицыной (Краевъ чужихъ неопытный любитель)	—
Исторія стихотворца	152
Какъ брань тебѣ не надобла	—
Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный	—
1818. Къ Ѳ. Ф. Юрьеву	153
Въ альбомъ М. А. Щербинину	—
Н. И. Кривцову (при посылкѣ Вольтеровой поэмы)	154
Сказки	155
Къ П. Я. Чаадаеву (любви, надежды, гордой славы)	—
Прелестницѣ (Штейнгель)	156
Выздоровленіе	—
Мечтателю (В. К. Кюхельбекеру). »Ты въ страсти горестной»	157
Къ портрету Жуковского	158
Жуковскому (На изданіе книжекъ его «для многихъ»)	—
Эпиграммы:	—
На Карамзина (двѣ)	159
На кн. А. Н. Голицына (двѣ)	—
Въ Альбомъ И. Я. Сосницкой	—
1819. Эп. В. В. Эгельгардту (Я ускользнулъ отъ Эскулапа)	160
Н. Кривову (Не пугай насъ, милый другъ)	161
Стансы (Я. Н. Толстому). «Философъ ранній»	—

	Стран.
Уединеніе (Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни) .	162
Веселый пиръ (Я люблю вечерній пиръ)	—
Дорида (Въ Доридѣ нравятся и локоны золотые) .	—
КЪ *** (Уныніе). «Не спрашивай зачѣмъ унылой думой»	163
Къ кагульскому памятнику	—
Орлову (О ты, который сочеталъ)	—
Недоконченная картина	164
Возрожденіе	165
Русалка (Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ) .	—
Деревня (Привѣтствую тебя)	167
Домовому	168
Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь го- сударыни императрицы Елизаветы Алексѣевны	169
Н. В. Всеволодскому (Прости, счастливый сынъ)	—
Кн. А. Н. Горчакову (Питомецъ моды)	171
Къ нему же (отрывокъ). («Ужъ я не тотъ»)	172
На А. Колосову (въ послѣдствіи Каратыгина)	—
Добрый человѣкъ	—
1917—1820. РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА	173
1820. Доридѣ (подражаніе А. Шенье)	235
Олинкѣ Массонъ	—
Платонизмъ	—
Ода вольность (Отрывки)	237
На Аракчеева	238
« Мнѣ бой знакомъ »	239
«Погасло дневное свѣтило»	—
Элегія (Увы, зачѣмъ она блистаетъ)	240
«О дѣва-роза, я въ оковахъ»	—
Чаадаеву (Къ чему холодныя сомнѣнья)	241
Фонтану Бахчисарайскаго дворца	—
Нереида	242
«Рѣдѣть облаковъ летучая гряда»	—
Виноградъ	—
Черная палъ (молдавская пѣсня)	243
Дочери Карагеоргія	244
Эпиграммы:	
Хавроніосъ, ругатель (на Каченовскаго)	—
Когда бъ писать ты началъ съ-дурю	—
Въ жизни мрачной (на гр. Ѳ. Толстаго)	245
1821. Земля и море (идиллія Мосха)	—
Желаніе (Кто видѣлъ край)	246
Діоней	247
Красавица передъ зеркаломъ	—
Дѣва	—
Муза (Въ младенчествѣ моемъ она меня любила).	248
Я пережилъ свои желанья	—

«КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ»	249
Къ Аглаѣ (И вы повѣрять мнѣ могли)	269
П. А. Катенину	270
«Наперсница волшебной старины»	—
Сѣтованіе (Д. В. Давыдову). «Недавно я, въ часы свободы»	271
Кинжалъ	—
Чаадаеву. Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги)	272
«Всегда такъ будетъ»	274
Къ моей чернильницѣ	—
Н. С. Алексѣеву (Мой милый, какъ несправедливы)	277
Гробъ юноши	278
Элегія (Кн. М. А. Голицыной). «Умолкну скоро я»	279
Къ *** (къ ней же). Мой другъ, забыты мной слѣды»	280
Къ Плещееву (Зачѣмъ) безвременную скуку	—
Наполеонъ	281
Война	284
Къ Овидію	285
Къ портрету кн. П. А. Вяземскаго	287
Эпиграммы:	
На Каченовскаго (Клеветникъ безъ дарованья	—
Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой	—
Нѣтъ ни въ чемъ намъ благодати	288
Лизѣ страшно полюбить	—
У Кларисы денегъ мало	—
БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ	289
1822. Вадимъ (отрывки)	295
Узникъ	299
Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ	—
Птичка	302
«Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной»	—
Друзьямъ. (Вчера былъ день разлуки шумной)	303
Царь Никита (начало сказки)	304
Пріятелю. (Не притворяйся, милый другъ)	305
Баратынскому изъ Бессарабіи. (Сія пустынная страна)	—
Ему же. (Я жду обѣщанной тетради)	306
Примѣты.	—
Гречанкѣ. (Калипсо)	—
Адели. (А. А. Давыдовой)	307
Къ Ѳ. Н. Глинеѣ. (Когда средь оргій жизни шумной)	—
Жалоба	308
Русскому Геснеру (В. И. Панаеву)	—
«Невѣдомый поэтъ, невѣдомый никѣмъ»	—
БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ	306
1823. Телега жизни	323

	Стран.
Эпическіе отрывки	323
Элегія (г-жѣ Ризничъ). «Простишь ли мнѣ»	326
«Ненастный день потухъ» (ей же)	327
Ночь (ей же)	—
Демонъ (А. Н. Раевскому)	328
Изыде сѣятель сѣяти сѣмена своея	—
Къ М. А. Г. (кн: Голицыной)	329
Отрывокъ (Недвижный стражъ дремалъ)	—
«Возстанъ, о Греція, возстанъ»	331
«Сказали разъ царю»	—
Надгробная надпись А. Н. Голицыну	—
1824. А. Л. Давыдову (на приглашеніе ѣхать съ нимъ моремъ на полуденный берегъ Крыма)	332
Иностранкѣ. (Въ альбомѣ)	—
На кн. М. С. Воронцова	333
Испанскій романсъ (Ночной зефиръ)	—
Къ морю	—
Аквилонъ	335
Прозерпина (подражаніе Парни)	336
Къ Языкову. (Издревле сладостный союзъ)	337
Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ	338
Первое посланіе къ цензору	343
Второе посланіе цензору	346
Коварность.	348
ЦЫГАНЫ	349
Невошедшіе въ поэмѣ стихи (къ стр. 7, послѣ 17 стиха)	366
Подражаніе А. Шенъе (Jeune fille, ton couer avec nous veut se taire...)	367
Подражаніе корану (посвящено П. А. Осиповой)	—
Признаніе (А. И. Осиповой)	372
Ода его сіятельству графу Д. И. Хвостову. (Съ примѣчаніями автора)	373
Эпиграммы:	
Охотникъ до журнальной драки	375
Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ	—
Эпиграмма на Z*** (Воспитанный подъ барабаномъ)	—
Къ *** (Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки)	376
Отрывокъ (Въ пещерѣ тайной въ день гоненья)	—

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

НЕОТДѢЛАННЫЕ СТРОФЫ И НАВРОСКИ.

	Эпиграммы:	Стр.
1816	На Пучкову, 2	377
	Надпись на мой портретъ	—
1817	Съ позволенія сказать	—
	На выходъ изъ Лицея	378
1818	Къ Юрьеву	379
	Ты и я	—
	Про себя	380
	Надинькѣ	—
	Русланъ и Людмила (стихи изъ перваго изданія) .	—
	КАВКАЗСКИЙ ПЛѢННИКЪ.	
	Первая мысль поэмы	382
	Приписка къ поэмѣ	383
	ИЗЪ КИШИНЕВСКИХЪ СТИХОТВОРЕНИИ:	
	1. Къ Вас. Льв. Давыдову	—
	2. Еврейкѣ	384
	3. П. С. Пушкину	385
	4. Навроски изъ неоконченной сатиры	—
	5. Ты правъ мой другъ!	386
	6. Начало поэмы	387
	7. Описаніе кишеневскихъ дамъ	388
	8. Я слушаю тебя	389
	9. Вотъ муза, рѣзвая болтунья	—
	10. Повѣрь мнѣ	—
	11. Въ твою свѣтилицу	—
	12. Тадаранка въ васъ влюбленъ	390
	13. Мой другъ, уже три дня	—
	14. Добра чужаго не желать	—
	Г-жѣ Эйфельдтъ	391
	Н. Н. (Могу-ль забыть то сладкое мгновеніе) . .	—
	Бахчисарайскій фонтанъ (первоначальные на- броски)	392
1823	Все кончено и межъ нами связи нѣтъ	393
1824	Княжнѣ Хованской	—
	Княгинѣ С. А. Урусовой	—
	Графу О....	394
	Отрывки	—